

ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3>

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2025. Том 13, № 3

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2025, vol. 13, no. 3

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2025

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2025

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), ERIH PLUS, ResearchBib, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Berkeley Library, Белый список, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Национальная платформа периодических научных изданий (РЦНИ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Регистрация СМИ:	Номер свидетельства: ПИ № ФС 77-87864 Дата регистрации: 22.07.2024
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7, Республика Татарстан, Российская Федерация Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Типография:	Издательство Академии наук Республики Татарстан (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс:	(843) 292 84 82 (приемная), (843) 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“**Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review**” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), ERIH PLUS, ResearchBib, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Berkeley Library, Russian White List, Russian Science Citation Index Database, National Platform of Periodical Scientific Publications (RCSI), CyberLeninka.

The journal is a participant in partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Media registration:	Certificate Number: PI No. FS 77-87864 Date of registration: July 22, 2024
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Institution “Tatarstan Academy of Sciences” (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Editorial address:	7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Press:	Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./Fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), (843) 292 00 19
Subscription:	Subscription index II7934

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Минниханов Рифкат Нурғалиевич, д.тех.н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история), профессор Назарбаевского Университета (Астана, Республика Казахстан); профессор Висконсинского университета в Мадисоне (Мадисон, США)

Тасин Джемиль, доктор философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи – Клуж-Напока, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму, почетный член Академии ученых Румынии, иностранный член АН РТ (Румыния)

Мария Иванович, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Стивен Поу, Ph.D. (история), Университет Калгари (Калгари, Канада)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Ильяс Кемалоглу, д.и.н., профессор Исторического отделения Университета Мармара (Стамбул, Турция)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Измайлов Искандер Лерунович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор Гуманитарного института Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (Уфа, Российская Федерация)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Почкаев Роман Юлианович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Тимохин Дмитрий Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Аканов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Литературный редактор: Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: Байбулатова Лилия Фаритовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; **Хузеев Ильнур Иршатович**, аспирант (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: Гиниятуллина Люция Сулеймановна, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Uli Schamiloglu, Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Astana, Kazakhstan); Professor Emeritus, University of Wisconsin-Madison (Madison, USA)

Tasin Gemil, Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Turkology, Babeş-Bolyai University – Cluj-Napoca, Corresponding Member of the Türk Tarih Kurumu, honorary member of the Academy of Scientists in Romania, foreign member of the Tatarstan Academy of Sciences (Romania)

Mária Ivanics, Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Stephen Pow, Ph.D. (History), University of Calgary (Calgary, Canada)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

İlyas Kemaloğlu, Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Iskander L. Izmailov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

Dmitry M. Timokhin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

Literary editor: Elmira G. Sayfedinova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: Liliya F. Baybulatova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, **Ilnur I. Khuzeev**, Postgraduate Researcher (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: Lyutsiya S. Giniyatullina, Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

Моисеев М.В. О термине «татарин»/«татарь» в русских источниках XV–XVI вв.	488
Миргалеев И.М. Татары в османских исторических сочинениях: к постановке вопроса	499
Pow S. “Ye-Lie-ban, ruler of the Russian tribe”: An explanation for the Chinese term to designate a Rus’ ruler recorded in the Yuan Shi	509
Мустакимов И.А., Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Почакаев Р.Ю. Баскак, даруга, шихне: к проблеме соотношения должностей. Ч. 1: Институт шихне и его эволюция	523
Горский А.А. Цесарь-царевич-князь: о времени складывания русской титулатуры для ордынской аристократии	543
Аксанов А.В., Козлов С.А. Отражение тюркской эпической традиции в летописном образе князя Святослава Игоревич	552
Сабитов Ж.М. К вопросу о происхождении золотоордынских эмиров Нангудая и Кутлук-Тимура	563
Nasirov N.P. Some notes on the Golden Horde – Shirvanshahs relations during the Decline of Ilkhanate and Timurid rule in Azerbaijan	581
Tuyakbayev O.O., Shadkam Z., Kairanbayeva N.N. The Tradition of Steppe Healing of the Desht-i Qipchaq in Historical Medical Texts	598
Крадин Н.Н. Размышления о кембриджском взгляде на историю Монгольской империи	618
Габдрафиков И.М., Кучумов И.В. История монгольских завоеваний и Золотой Орды в работах Ж. де Гиня и П.-Ш. Левека	629
Зиливинская Э.Д. Два мавзолея в селении Маслов Кут: к вопросу о связях Крымского ханства и Северного Кавказа	640
Усеинов М.А. Сельджукские мотивы в мусульманской лапидарной традиции золотоордынского Крыма	656
Сень Д.В. «... в горские черкесы ушел крымской старой хан»: пребывание свергнутого хана Девлет-Гирея II на Северном Кавказе (1703 г.)	666
Garaev D.M. The image of the Golden Horde in (Post)Soviet historical memory: between the language of hostility and a shared site of memory	684

Хроника

Беляков А.В., Тимохин Д.М. Обзор деятельности Московского дискуссионного клуба международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» в 2023–2025 гг.	694
Давлетгильдеев Р.Ш., Гарифуллин А.Р. Обзор Международной научной конференции «Эволюция средневековых государств и права в государственных образованиях Чингиз-хана, Тамерлана и их наследников»	704
Гиниятуллина Л.С. Из плеяды историков казанского востоковедения – к юбилею Рафаэля и Рамиля Валеевых	718

CONTENTS

Publications

Moiseev M.V. On the term “Tatar”/ “Tatars” in Russian sources of the 15th–16th centuries	488
Mirgaleev I.M. Tatars in Ottoman historical writings: Formulating the question	499
Pow S. “Ye-Lie-ban, ruler of the Russian tribe”: An explanation for the Chinese term to designate a Rus’ ruler recorded in the Yuan Shi	509
Mustakimov I.A., Abzalov L.F., Gatin M.S., Pochekaev R.Yu. Basqaq, daruga, shihne: the problem of correlation. Pt. 1: The institution of shihne and its evolution	523
Gorsky A.A. Tsesar’-tsarevich-knyaz’: On the Period of Formation of Russian Titles for the Horde Aristocracy	543
Aksanov A.V., Kozlov S.A. Reflection of the Turkic epic tradition in the chronicle image of Prince Svyatoslav Igorevich	552
Sabitov Zh.M. On the question of the origin of the Golden Horde emirs Nanguday and Kutluk-Timur	563
Nasirov N.P. Some notes on the Golden Horde – Shirvanshahs relations during the Decline of Ilkhanate and Timurid rule in Azerbaijan	581
Tuyakbayev O.O., Shadkam Z., Kairanbayeva N.N. The Tradition of Steppe Healing of the Desht-i Qipchaq in Historical Medical Texts	598
Kradin N.N. Reflections on the Cambridge View of the Mongol Empire history	618
Gabdrafikov I.I.M., Kuchumov I.V. The history of the Mongol conquests and the Golden Horde in the works of J. de Guignes and P.-Ch. Levesque	629
Zilivinskaya E.D. Two mausoleums in the Maslov Kut village: on the question of the connections of the Crimean Khanate and the North Caucasus	640
Useinov M.A. Seljuk Motifs in the Muslim Lapidary Tradition of the Golden Horde Crimea	656
Sen’ D.V. “...The Old Crimean Khan Went to the Mountain Circassians”: The Residence of Dethroned Khan Devlet Giray II in the Northern Caucasus (1703)	666
Garaev D.M. The image of the Golden Horde in (Post)Soviet historical memory: between the language of hostility and a shared site of memory	684

Chronicle

Belyakov A.V., Timokhin D.M. An overview of the activities of the Moscow Discussion Club of the International Public Organization “Association of Golden Horde Researchers” in 2023–2025	694
Davletgildeev R.Sh., Garifullin A.R. Review of the International Scientific Conference “The Evolution of Medieval State and Law in the Political Entities of Chinggis Khan, Timur, and Their Successors”	704
Giniyatullina L.S. From the Pleiad of Historians of Kazan Oriental Studies – for the anniversary of Rafael and Ramil Valeevs	718

ПУБЛИКАЦИИ

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.488-498>

УДК 94(47).031

EDN: AVVEZL

О ТЕРМИНЕ «ТАТАРИН» / «ТАТАРЫ» В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ XV–XVI ВВ.

М.В. Моисеев

*Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
maks-moisee@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: изучение использования слова «татарин»/ «татары» в русских письменных источниках.

Материалы исследования. Работа построена на анализе посольских книг, летописей, церковных произведений, записок иностранцев. Так же в работе используются наблюдения А.О. Амелькина и В.Н. Рудакова о стратегиях описания монголо-татар русскими книжниками.

Результаты и научная новизна. В ходе исследования были выявлено несколько хронологических пластов в использовании термина «татары». Само появление его было вызвано осмыслением трагедии нашествия неизвестного народа и поражением русских княжеств. Осмысливались эти события в эсхатологическом ключе, а сами народы, пришедшие с Батыем и получившие название «татары», воспринимались как наказание за грехи. Затем эсхатологическая напряженность термина «татары» постепенно снижалась, а после принятия Золотой Ордой ислама, ее население стало определяться как «бесермены» и «агаряне». Последний термин имел четко выраженную негативную окраску. Термин «татары» приобрел более нейтральное значение и продолжал использоваться в канцелярской практике. После обретения полного государственного суверенитета русские интеллектуалы и служащие великокняжеской канцелярии стали его использовать скорее как термин позволяющий описывать народы, говорящие на близкородственных тюркских языках. В итоге, термин «татары» стал способом некоего классификационного обобщения. Примечательно, что «ногаи» поначалу несколько обескуражили московскую канцелярию. Им не сразу нашли место в этой классификации. Вызвано это было, по всей видимости, тем обстоятельством, что это был новый игрок на политической карте тогдашнего мира. Позднее же, выявив черты сближавшие «ногаев» с «татарами», приказные деятели стали и на «ногаев» распространять термин «татары».

Ключевые слова: татары, ногаи, бесермены, агаряне, Золотая Орда, Казанское ханство, Крымское ханство, Ногайская Орда

© Моисеев М.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Моисеев М.В. О термине «татарин» / «татары» в русских источниках XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 488–498. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.488-498> EDN: AVVEZL

ON THE TERM «TATAR» / «TATARS» IN RUSSIAN SOURCES OF THE 15th–16th CENTURIES

M.V. Moiseev

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
maks-moisee@yandex.ru*

Abstract. Research objectives: To study the use of the word “Tatar”/“Tatars” in Russian written sources of the 15th and 16th centuries.

Research materials: This work is based on an analysis of embassy books, chronicles, church writings, and notes recorded by foreigners. The work also uses the observations of A.O. Amelkin and V.N. Rudakov on the strategies employed in describing the Mongol-Tatars by Russian scribes.

Results and scientific novelty: The study revealed several chronological layers in the use of the term “Tatars”. Its very appearance was caused by understanding the tragedy of the invasion of an unknown people and the defeat of the Russian principalities. These events were interpreted in an eschatological way, and the peoples themselves, who came with Batu and were called “Tatars”, were perceived as punishment for the local people’s sins. Then the eschatological tension surrounding the term “Tatars” gradually decreased, and after the adoption of Islam by the Horde, its population began to be defined as “Besermen” and “Hagarites”. The latter term had a pronounced negative connotation. The term “Tatars” acquired a more neutral meaning and continued to be used in clerical practice. After gaining full state sovereignty, Russia’s intellectuals and employees of the Grand Ducal chancellery began to use it more as a term to describe peoples who spoke closely related Turkic languages. As a result, the term “Tatars” became a way of classifying with a generalization. It is noteworthy that the Nogai initially somewhat discouraged the Moscow chancellery in its usage. They did not immediately find a place in this classification. This was probably caused by the fact that they were a new player on the political map of the world at that time. Later, having identified the features that brought “Nogai” closer to “Tatars,” the officials began to extend the term “Tatars” to the “Nogai”.

Keywords: Tatars, Nogai, Besermen, Agarians, Golden Horde, Kazan Khanate, Crimean Khanate, Nogai Horde

For citation: Moiseev M.V. On the term “Tatar”/“Tatars” in Russian sources of the 15th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 488–498. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.488-498> (In Russian)

Впервые в русских текстах слово «татары» фигурирует при описании появления загадочного народа в летописной статье «лета 6731» Лаврентьевской летописи: «...явишася языци их же никтоже добрѣ ясно не вѣсть кто суть и ѿколѣ изидоша и что языкъ ихъ и которого племени суть и что вѣра ихъ; и зовуть я Татары а инии глаголють Таумены, а друзии Печенѣзи инии глаголють яко се суть о них же Мефодии Патомьскыи епископ свѣдѣтельствует

яко си суть ишли ис пустыни Етриевьскы суще межю востокоми сѣвером такобо Мефодии рече яко къ скончанью времянь явится тѣм...» [11, с. 189]¹. Уже при описании вторжения летописец определился с наименованием пришедшего народа – напали на русскую землю «татары»/«татарове» [11, с. 196–201]. Татары – это не только народ, но и земля, страна. Так, после нашествия русские князья едут «в Татары к Батыеви» или приезжают из «Татар от Канович» [11, с. 201–203, 207]. Но уже в статье 6792-го пишут при определении страны – «орда» («ехати в орду») [11, с. 207], впрочем, это не означало кардинальной смены описательной стратегии, так как летописцы использовали «орда» и «Татары» как полноправные синонимы при назывании этой новой для русских страны [11, с. 208].

Все это свидетельствовало о шокированности происходящим древнерусских книжников и о том, что они так и не сумели идентифицировать новый народ. Владимир Рудаков совершенно справедливо пишет, что «...необходимость ссылок на Мефодия Патарского ...объясняется полной неосведомленностью книжников относительно монголо-татар» [20, с. 27].

В дальнейшем в русской практике мы можем увидеть следующую закономерность. Население Золотой Орды всегда определяется как «*татары*», но служебная группа, обслуживающая эти отношения и в которой были татары, всегда определяют как «*ордынцы*». Стоит отметить, что эта служебная группа еще досконально не изучена. В историографии бытуют разные представления о ней, ее происхождении, составе и функционале. В.И. Сергеевич и С.Б. Веселовский полагали, что ордынцы обслуживали должностных лиц, приезжавших из Орды [23, с. 302–306; 3, с. 210]. С.Б. Веселовский полагал, что ордынцы, числяки и делюи были тяглыми людьми и размещались на юге Московского края [4, с. 13–14]. В.Е. Сыроечковский и Л.В. Черепнин утверждали, что они возили дань в Орду [25, с. 87; 28, с. 35–352]. В.А. Кучкин не сводил функционал ордынцев к чему-то одному и полагал, что они занимались обслуживанием поездок князей в Орду, отвечали за доставку дани в Орду, охраняли путешественников и пересельщиков и изготовливали подарки ханам и их окружению [9, с. 72]. А.А. Горский показал, что служебная категория ордынцев возникла в 1340-х гг. и отвечала за обслуживание ордынских послов, делюи же фигурировавшие в русских документах, имели тот же функционал, что и ордынцы, но подчинялись не московским, серпуховским князьям [7, с. 177]. Дальнейшая судьба этой служебной группы была проанализирована И.В. Зайцевым. Именно ему принадлежит приоритет в выделении географии размещения этой группы населения на территории Великого Московского княжества, персональный состав и изучения биографий наиболее выдающихся ее представителей [8, с. 36–72]².

В случае с *ордынцами* очень любопытна именно эта стратегия различения. Она существовала довольно долго, но с конца XV века происходит новое изменение. Теперь термин «ордынец» постепенно перестает употребляться, но появляется новый термин – великокняжеские татары. Изменения эти фиксируются в первую очередь в делопроизводственной практике. На-

¹ Сходное описание можно встретить и в Троицкой летописи см.: [19, с. 307].

² Приведу ряд работ, в которых анализируются служебные биографии некоторых ордынцев и их потомков в XVI – начале XVII вв.: [2, с. 886–901; 10, с. 89–96].

верное, самое раннее упоминание это сведения о посылке в Крымское ханство к Джанибеку гонца Темеша, который определен как «татарин» [22, с. 13], а под 1481 г. фиксируется, что грамота была написана «татарским писмом» [22, с. 28]. Под 1482 г. великокняжеские гонцы вновь названы в посольских книгах татарами [22, с. 34], в 1486 г. термин «татары» используется для описания подданных ханов Большой Орды («ординские татары») и великокняжеских гонцов [22, с. 53–54]. Под этим же годом в «крымской» посольской книге мы наконец встречаем полное определение: «великого князя татары» [22, с. 54]. С этого момента такое определение становится более-менее регулярным³, хотя чаще их просто называли «татарами». При беглом знакомстве с посольскими книгами рубежа XV–XVI вв. может сложиться впечатление, что «татары» – это термин, которым определяют великокняжеских гонцов, бывших ордынцев, но это не так. Татарами называют и выходцев из Большой Орды, а также и подданных крымского хана. Так, сообщая об ограблении русских купцов, великий князь пишет: «а гости наши шли из твоее Орды, Степан Васильев сын с товарищи; и пришед на них Татарове на Донце усть Оскола, да их перебили и переграбили. А слух наш таков, что деи тех наших гостей твои ж люди грабили» [22, с. 79].

Любопытно, что, описывая первое ногайское посольство и все события вокруг него, в «ногайской» посольской книге пишут о «ногайском после», а термин «татарин» используют для определения подданного казанского хана Мухаммед-Эмина, а хан Ибак называет себя «бесерменским государем» [22, с. 81, 87]. В 1490 г. в русско-ногайской посольской документации ногаи вновь не называются татарами, татарин – это великокняжеский гонец, но – грамоты написаны «татарским писмом» [22, 90]! Это исключение, сделанное для ногаев, представляется важным для нашего исследования, дело в том, что в посольских книгах этого периода «татарами» называют и жителей Казанского ханства, и Большой Орды, и Крымского ханства [22, с. 117–118], а письмо их всех, включая ногаев, называется «татарским». Проверим насколько оно было устойчивым для посольских книг рубежа XV–XVI вв. Сплошной просмотр позволил выявить, что впервые в этом виде документов ногаев называли «ногайскими татарами» в «крымской» посольской книге под 1503 г. [22, с. 477].

Таким образом, можно сделать следующий вывод, что для русской посольской документации термин «татарин» был привычным способом описания для всех постордынских обществ, хотя в случае с ногаями дьяки и подьячие великого князя и выдержали некоторую паузу. Любопытно, какие стратегии описания этнополитических реалий на пространствах распадавшейся Золотой Орды избирали авторы других источников?

В сборнике грамот митрополичьей канцелярии в формулярном изводе послания митрополита Московского и всея Руси Филиппа великому князю Ивану III, отправлявшему в поход на Казань население Казанского ханства определялось как «агаряне» [21, с. 189]. В послании архиепископа ростовского Вассиана Рыло великому князю Ивану III используются следующие эпитеты: «безсермены»/ «безсерменству», «окаянные сыроядцы», а вот «татары» упоминаются лишь единожды [12, с. 204–207, 210–211, 212]. Хотя, в це-

³ Например, в 1487, 1489, 1490, 1493, 1502, 1503 г. См.: [22, с. 61, 77, 100, 193, 444, 472].

лом, для официальной летописи характерно использовать именно «татары». Однако ногаи выступают как самостоятельное название для этого народа и в XVI веке [12, с. 217, 254]. При описании событий в Астрахани в 1523 г. в Типографской летописи «ногаи» отличаются от «татар»: «Того же мѣсяца прииде вѣсть великому князю, что царь Крымскый Ахмут Кирей з детми пошел на Астьтархансково царя, и тамо восташа на него его же князи Нагайские, Мамай с племянникади и с старыми Ординци⁴, и убиша его з дѣтми. И оттолѣ Мамай поидоша в Крым и Крым повоева и многих Татар плениша» [14, с. 221–222]. Определеннее это различие проводится в тексте Владимирского летописца об этих событиях: «Того же лѣта царь Ахмут Кирии Крымскы и Азторохань взял, и там на него стал князь Мамай и уби царя Ахмута Кириа и сына его Богатыря Салтана. А тот князь Мамай у того же царя служил, убил государя своего, а родом князь Нагайский. И поспѣ к нему брат его Агишь с Нагайскою силою и много князеи побил Татарских и шол в Крым Агиш и Мамай и поплени весь Крым, а городов ни единого не взял» [15, с. 146]. Такое же различие можно заметить и при анализе текстов Никонской летописи о событиях 1521 и 1523 гг. [13, с. 38, 43].

Любопытно, но в рамках дипломатической переписки иногда термин «татары» используется в смысле подчиненного населения. Именно такое понимание выражено в послании бия Исмаила в 1555 г.: «А взмолвишь же, что Астрахани без царя и без татар быти нелзѣ, и ты Каибуллу царевича, царем учинив, одново отпусти. А похочешь татар, ино татар мы добудем, татарове от нас буди» [17, с. 203]. Жалуясь на самоуправство Ивана Черемисинова, Исмаил в 1557 г. писал следующее: «И Иван Черемисинов не отдает, и наши улусы оголодали и озлыдали, и тѣх наших людей татар емлет же» [17, с. 259]. Или, например, вот так: «А которые попали в Астарахань наш татарской полон, и он их продавал многих во многие земли» [17, с. 326]. Между тем в переписке встречается и определение ногаев, как татар. Например, в одной из грамот царя Ивана IV Васильевича бию Урусу в 1579 г.: «и ваших нагайских татар с своими грамотами наскоро для воинских людей»⁵. Можно встретить и такое словупотребление: «челаирского роду пятнатцать душ татарского полону з улусов взяли моих людей»⁶, – писал Урус Ивану Грозному в 1581 г. Примечательно, что титул Уруса русские переводчики перевели следующим образом: «...мангытцково государя Уруса князя...»⁷. В грамоте царя Ивана IV Васильевича сентября 1581 г. встречаем довольно интересное определение одного из берегов реки Волги: «А которые мурзы и люди ваши кочюют на крымской стороне, и вы б их взяли к себе на Волгу, на татарскую сторону»⁸. Как правило восточная сторона Волги называлась Ногайской, а западная крымской, но в данном случае вместо привычного определения «ногайская сторона» используется «татарский». Здесь мы встречаем неожиданную оппозицию крымский/татарский. Сложно сказать, что в это различие вкладывали в русской

⁴ Упоминание «старых Ординцов» может служить свидетельством в пользу того, что русские книжки еще в первой трети XVI в. отождествляли астраханцев с населением Большой Орды.

⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 391 об.

⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 7об.

⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 86 об.

⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 164об.

канцелярии, но сам его факт примечателен. Не исключено, что «татарский» в этом случае был синонимом «ногайский», во всяком случае в это время все чаще мы встречаем использование такого определения: «ваших нагайских татар воинских»⁹. В 1580-х гг. заметны определенные новации в работе царской канцелярии и переводчиков. Теперь при переводах ногайских грамот мы можем встретить такое название их орды: «Нагайская Орда», но при этом «ваших татар»¹⁰ или «Ур-Магметмурзиных татар воинских»¹¹ или «нагайские татарове»¹². Это особенно заметно при сравнении с более ранними документами. Так, страну чаще называли в русских грамотах не Ногайская Орда, а «Нагаи» [16, с. 321; 17, с. 153], а ее жителей «нагайскими людьми» [16, с. 325; 17, с. 153, 260] или просто «нагаи» [17, с. 133, 328]. В посольской книге по связям с Ногайской Ордой 1576 г. мы встречаем название страны «Нагайскую Орду» [18, с. 32]¹³, населяют же ее «нагайские люди» или «нагаи»¹⁴. В целом, при сплошном анализе материалов русско-ногайской дипломатической переписки выясняется, что в русской канцелярской практике отождествление ногаев и татар в течение XVI века довольно редкая практика, но и при этом нельзя сказать, что был какой-то запрет на это. Нет, в документах мы встречаем и «ногайские татары» и просто «татары», когда принадлежность их к ногаям несомненна. Поэтому стоит предполагать, что все эти словоупотребления были связаны с избранными переводческими и риторическими стратегиями. В.В. Трепавлов в одной из своих работ показал, что в оригиналах ногайских посланий, сохранившихся в материалах Посольского приказа, этноним «татары» отсутствует. Появляется он в русских переводах, что можно считать результатом переводческой интерпретации [27, с. 638–639]. В рамках переводческих практик термин «татары» выходил за рамки просто этнонима. Так, в 1644 г. переводчик словом татары перевел тюркское «кулум» («мой слуга») [27, с. 639]. Очевидно, что и ряде случаев, приведенных выше, когда бий Исмаил в 1555 г. обещал заселить Астрахань татарами или когда он же в 1557 г. жаловался на Ивана Черемисинова, который сводил татар из его улусов, в оригинале грамот использовалось не «татарь», а «кулум».

Для высокой риторики церковных текстов характерно использование при описании постордынского пространства таких терминов как «агаряне» и «бесермене». Для посольского дискурса использование довольно редко, хотя и встречается. Используется оно всегда для обозначения конфессиональной принадлежности, классический пример, это в послании царя Ивана Грозного Исмаилу в 1563 г.: «А мы, господари крестьянские, а то люди бесерменские»¹⁵. Примечательно упоминание термина «бесермен» Сигизмундом Герберштейном: «если их называют турками, они бывают недовольны, почитая это за бесчестье. Название же «бесермены» их радует, а этим именем любят себя называть и турки» [5, с. 397]. То есть имперский посол фиксирует предпочтительность для татар идентификации, как «бесермен»/ «бусурма-

⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 268об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 275об.

¹¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 279, 279об., 280, 284.

¹² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 285.

¹³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 86, 86об., 89.

¹⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 45, 54, 92.

¹⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 184.

нин». Из памятников дипломатической переписки мы можем сделать заключение, что это было и предпочтительно и в случаях самоидентификации. В данном случае мы имеем дело с определением конфессиональной принадлежности: «бесермен»=«мусульманин» [24, стб. 71, 72; 26, с. 85]¹⁶. Термин «агаряне» характерен для высокой церковной риторики и не нес «конкретного национального признака». Это слово имело, в отличие от «бесермена», отрицательные коннотации и означало врага праведной веры [1, с. 77]. Естественно, в дипломатической переписке с Крымским ханством и Ногайской Ордой такое определение не использовалось, так как в отличие от «бесермена» имело ярко окрашенное негативное значение.

Наиболее распространенным для приказной практики стало слово «татарин». Именно оно активно использовалось и в дипломатическом делопроизводстве. В.В. Трепавлов отмечал, что «во многих случаях в оригиналах отсутствует этноним «татары» и в русских переводах он «является и представляет собой результат интерпретации содержания послания приказными переводчиками» [27, с. 638–639]. Исследователь объяснял это упрощенной этнополитической картиной мира, которая сложилась в головах русских чиновников XVI–XVII вв. Далее автор приходит к выводу, что в тюркской практике в это время произошел смысловой переход в рамках которого также стал использоваться этноним «татары» вместо этнонима «монголы». Аналогичное явление было свойственно и канцелярии Великого княжества Литовского [27, с. 640–641].

Итак, можно заметить, что в рамках русской книжной и делопроизводственной культуры характерны несколько описательных стратегий, которые использовались для определения населения Золотой Орды и постордынских сообществ. Сам термин «татары»/«татарин» появился в ходе осмысления событий сражения на Калке и монгольского вторжения и был напрямую связан с эсхатологическими переживаниями. Этот термин был усвоен русской культурой, прижился и стал основным для наименования народа Золотой Орды. Распад Орды стал своеобразным вызовом для русских с точки зрения анализа происшедших событий. Логика событий, казалось бы, должна привести к появлению новых политонимов. Однако это если и произошло, то произошло лишь частично. Теперь используются термины: «ординцы», «крымцы», «казанцы», но все-таки и в летописании, и в делопроизводственной практике эти политонимы не отменили использование термина «татары», а напротив, они использовались, во-первых, как «этническое»¹⁷ уточнение, а во-вторых, сохранялось самостоятельное употребление термина «татарин». В рамках этих наблюдений весьма примечательно, что «ногаи» довольно часто употреблялось без определяющего «татары». Это позволяет допустить, что ногаи воспринимались в русской культуре, как народ несколько отличный от «татар». Однако

¹⁶ М.А. Усманов при комментировании этого сообщения Герберштейна пишет, что «бусурмане» – «значит безбожники, антихристы» См.: [6, с. 443 прим. 702]. Однако такая трактовка вызывает возражение. Вряд ли бы такое слово пользовалось бы таким почтением в самой татарской среде. Очевидно, что эти негативные коннотации это слово приобрело позднее в народной культуре, когда в высокой культуре XVI в. оно скорее имело нейтральное значение, просто определявшее конфессиональную принадлежность.

¹⁷ Здесь этническое понимается как некая условность, так как сейчас нет однозначного понимания являлся ли термин «татарин» этнонимом или соционимом.

это разграничение не было жестким, так как тенденция к сближению ногаев с татарами наблюдается в русских текстах довольно часто. Отмеченное В.В. Трепавловым замещение этнонима «монголы» на «татары» и превращение его в главный термин для описания тюркоязычных народов бывшей Золотой Орды произошло во всей постордынской ойкумене и, следовательно, вряд ли могло быть связано только лишь с упрощенной картиной мира московских приказных деятелей. Можно полагать, что связано это было с тем, что восточноевропейские интеллектуалы с самого начала пришедшие с Батыем народы называли «татарами» и «монголы» для них не играли роль описательного термина. Если в то время это был в первую очередь не этноним реального народа, а название для сил пришедших покарать грешников и был связан с эсхатологическими переживаниями, то позднее он приобрел черты термина, с помощью которого описывались народы говорящих на близкородственных тюркских языках. Именно это последнее обстоятельство и позволило канцеляристам XVI–XVII вв. использовать термин «татары» как способ некоего классификационного обобщения. Примечательно, что «ногаи» поначалу несколько обескуражили московскую канцелярию. Им не сразу нашли место в этой классификации. Вызвано это было, по всей видимости, тем обстоятельством, что это был новый игрок на политической карте тогдашнего мира. Позднее же, выявив черты сближавшие «ногаев» с «татарами», приказные деятели стали и на «ногаев» распространять термин «татары».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелькин А. О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV–первой половины XVI вв. (по материалам памятников агиографии и фольклора). Воронеж: Научная книга, 2008. 250 с.
2. Беляков А.В. Служилые татары из рода Баймаковых-Резановых на дипломатической службе Московского государства // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021, № 3. С. 886–901.
3. Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. 496 с.
4. Веселовский С.Б. Подмосковье в древности // Веселовский С. Б. Московское государство XV–XVII вв. Из научного наследия. М.: АИРО–XXI, 2008. С. 11–73.
5. Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2018. Т. I. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко. 776 с.
6. Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. II: Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. 656 с.
7. Горский А.А. Московские «ордынцы» и «делюи» // Вертоград многоцветный: сб. к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 173–178.
8. Зайцев И.В. Великокняжеские татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. Историко-генеалогическое исследование // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации. Вып. 1. Челябинск, 2022. С. 36–72.
9. История Москвы с древнейших времен до наших дней в 3 томах. М: Издательство объединения Мосгорархив, 1997. Т. 1. 432 с.

10. Моисеев М.В. Семья гонцов Кадышевых: веки служебной биографии // *Studia historica Europae Orientalis*—Исследования по истории Восточной Европы. Минск: РИВШ, 2020. Вып. 13. С. 89–96.

11. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: в типографии Эдуарда Праца, 1846. 267 с.

12. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.

13. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

14. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Петроград: 2-я Государственная типография. Галерная, 1, 1921. 272 с.

15. Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская II (Архивская летопись). М.: Наука, 1965. 239 с.

16. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, Е.Е. Лыкова, М.П. Лукичев. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. 356 с.

17. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / сост.: Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татарское кн. изд-во, 2006. 391 с.

18. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). / Подготовка к печати, введение и комментарии В.В. Трепавлова. М. Институт российской истории, 2003. 93 с.

19. Присёлков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.

20. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.

21. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М.: Языки славянских культур, 2008. 552 с.

22. Сборники императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. 642 с.

23. Сергеевич В.И. Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1. 688 с.

24. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890–1912, 1893. Т. 1.

25. Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М.-Л.: ОГИЗ, 1935. 126 с.

26. Тихомиров М.Н. Бесермены в русских источниках // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973. С. 84–90.

27. Трепавлов В.В. Переводы этнонимов в российской коммуникативной практике // Трепавлов В. В. Неизданные работы. М.: Издательский дом «Медина», 2024. С. 638–641.

28. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.

REFERENCES

1. Amelkin A.O. The Tatar question in the public consciousness of Russia in the late 15th – first half of the 16th centuries. (based on the materials of the monuments of hagiography and folklore). Voronezh: Nauchnaya kniga, 2008. 250 p. (In Russian)

2. Belyakov A. Serving Tatars in the Diplomatic Service of the Muscovite State: The Baymakov-Rezanov Family. *Quaestio Rossica*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 886–901. (In Russian)

3. Veselovsky S.B. Feudal land ownership in Northeastern Russia. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1947. 496 p. (In Russian)
4. Veselovsky S.B. Moscow region in ancient times. In: Veselovsky S.B. The Moscow state of the 15th – 17th centuries. From the scientific heritage. Moscow: AIRO – XXI, 2008, pp. 11–73. (In Russian)
5. Herberstein C. Notes on Muscovy. In 2 volumes. Edited by A.L. Khoroshkevich. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2018. Vol. 1. Latin and German texts, Russian translations from Latin by A.I. Malein and A.V. Nazarenko, from Early New High German by A.V. Nazarenko. 776 p. (In Russian)
6. Herberstein C. Notes on Muscovy. In 2 volumes. Edited by A. L. Khoroshkevich. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2008. Vol. 2. Articles, commentary, appendices, indexes, maps. 656 p. (In Russian)
7. Gorsky A.A. The Moscow "ordyncy" and "delui". In: Polychrome Vertograd: collection for the 80th anniversary of Boris Nikolaevich Flori. Moscow: Indrik, 2018, pp. 173–178. (In Russian)
8. Zaitsev I.V. The Grand-Princely Tatars in the 15th – first half of the 16th century. and their land ownership in the Moscow region. Historical and genealogical research. In: Serving and yasak-paying people in Russia of the 15th–19th centuries: features of land ownership, class nominations. Iss. 1. Chelyabinsk, 2022, pp. 36–72. (In Russian)
9. The history of Moscow from ancient times to the present day. In 3 volumes. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo ob"edineniia Mosgorarhiv, 1997. 432 p. (In Russian)
10. Moiseev M.V. The Kadyshiev family of messengers: milestones of official biography. *Studia historica Europae Orientalis* = *Studies on the history of Eastern Europe*. Minsk: RIHE. 2020, Iss. 13, pp. 89–96. (In Russian)
11. The Complete collection of Russian chronicles. Vol. 1. Lavrentievskaya and Troitskaya chronicles. St. Petersburg: Tipografiia Eduarda Pratsa, 1846. 267 p. (In Russian)
12. The Complete collection of Russian chronicles. Vol. 12. The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle (Continued). Moscow: Iazyki russkoi kultury, 2000. 272 p. (In Russian)
13. The Complete collection of Russian chronicles. Vol. 13. The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle (Continued). Moscow: Iazyki russkoi kultury, 2000. 544 p. (In Russian)
14. The complete collection of Russian chronicles. Vol. 24. Typographic chronicle. St. Petersburg: 2-ia Gosudarstvennaia tipografiia. 1921. 272 p. (In Russian)
15. The Complete collection of Russian chronicles. Vol. 30. Vladimir Chronicler. Novgorodskaya 2 (Archivskaya chronicle). Moscow: Nauka, 1965. 239 p. (In Russian)
16. Embassy books on Russia's relations with the Nogai Horde. 1489–1549. B.A. Keldasov, N.M. Rogozhin, E.E. Lykova, M.P. Lukichev. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 356 p. (In Russian)
17. Embassy books on Russia's relations with the Nogai Horde. 1551-1561. Comp. by D. A. Mustafina, V. V. Trepavlov. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 391 p. (In Russian)
18. The Embassy book on Russia's relations with the Nogai Horde (1576). Preparation for publication, introduction and comments by V.V. Trepavlov. Moscow: Institute of Russian History, 2003. 93 p. (In Russian)
19. Priselkov M.D. Troitskaya chronicle. Reconstruction of the text. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 515 p. (In Russian)
20. Rudakov V.N. The Mongol-Tatars through the eyes of Ancient Russian scribes in the middle of the 13th – 15th centuries. Moscow: Kvadriha, 2009. 248 p. (In Russian)
21. Russian feudal archive of the 14th – first third of the 16th century. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur, 2008. 552 p. (In Russian)
22. Collections of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41. St. Petersburg, 1884. 642 p. (In Russian)

23. Sergeevich V.I. Antiquities of Russian law. Vol. 1. St. Petersburg, 1909. 688 p. (In Russian)
24. Sreznevsky I.I. Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk, 1890–1912, 1893. (In Russian)
25. Syroechkovsky V.E. Surozh Guests. Moscow-Leningrad: OGIZ, 1935. 126 p. (In Russian)
26. Tikhomirov M.N. The “besermen” in Russian sources. In: Tikhomirov M.N. The Russian State 15th–17th centuries. Moscow: Nauka, 1973, pp. 84–90. (In Russian)
27. Trepavlov V.V. Translations of ethnonyms in Russian communicative practice. In: Trepavlov V.V. Unpublished works. Moscow: Medina, 2024, pp. 638–641. (In Russian)
28. Cherepnin L.V. Formation of the Russian centralized state in the 14th–15th centuries. Moscow: Sotsekgiz, 1960. 899 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0421-8982, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksi-moisee@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0421-8982, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksi-moisee@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 01.04.25

Поступила после рецензирования / Revised 25.05.25

Принята к публикации / Accepted 26.06.25

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.499-508>
EDN: BDLBIJ

УДК 930.23

ТАТАРЫ В ОСМАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

И.М. Миргалеев

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
dilnur1976@mail.ru*

Резюме. Цель исследования – анализ сведений о татарах в османских исторических сочинениях.

Материалы исследования. Османские исторические сочинения содержат оригинальные данные о Золотой Орде и татарских ханствах. Их сведения позволяют раскрывать неизвестные до сих пор страницы истории периода Золотой Орды. Актуальность статьи объясняется необходимостью введения в научный оборот сведений о татарах в османских исторических сочинениях.

Результаты и научная новизна. Исследование является первым опытом системного анализа османских исторических сочинений на русском языке о термине «татар». Новизной исследования выступает постановка вопроса об употреблении термина «татар» в османских исторических сочинениях. Османские авторы создали обширные исторические труды по всеобщей истории и истории исламских держав, куда включали и историю чингизидских политий, выделяя отдельно историю Улуса Джучи и татарских ханств, прежде всего Крыма. Также османские авторы упоминают татар, проживающих в Анатолии со времен существования Ильханов, а также о татарах, проживающих на Балканах. Понятие татары было изначально известно османским авторам, которые эту дифиницию употребляли и как синоним названию монголы в период Чингиз-хана и его ближайших потомков. Также термин татары использовался и расширенном значении, которую они употребляли для обозначения тюркских племен. Кроме общемусульманской исторической традиции, которой они следовали, османы хорошо разбирались в этнических определениях своего времени и собственных татар они обозначали только термином «татар».

Ключевые слова: османские исторические сочинения, татары, Золотая Орда, татарские ханства, историография, Улус Джучи, история, этнополитическая история

Для цитирования: Миргалеев И.М. Татары в османских исторических сочинениях: к постановке вопроса // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 499–508. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.499-508> EDN: BDLBIJ

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования (проект ИРН BR24992878 «Изучение этнополитической и социально-экономической истории Улуса Джучи в XIII–XV веках»).

© Миргалеев И.М., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

TATARS IN OTTOMAN HISTORICAL WRITINGS: FORMULATING THE QUESTION

I.M. Mirgaleev

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
dilnur1976@mail.ru*

Abstract. Research Objectives: The purpose of the study is to analyze information about the Tatars in Ottoman historical writings.

Research materials: Ottoman historical writings contain quite original information about the Golden Horde and the Tatar khanates. Their information allows us to reveal previously unknown pages of the history of the Golden Horde period. The relevance of the article is explained by the need to introduce information about the Tatars in Ottoman historical writings into research circulation.

Results and scientific novelty: This study is the first example of a systematic analysis of Ottoman historical writings in Russian on the term Tatar. The novelty of the study is the formulation of the question of the use of the term Tatars in Ottoman historical writings. Ottoman authors created extensive historical works on general history and the history of Islamic powers, which included the history of the Chinggisid polities, highlighting separately the history of the Ulus of Jochi and the Tatar khanates, primarily Crimea. Also, Ottoman authors mention Tatars living in Anatolia since the time of the Ilkhans, as well as Tatars living in the Balkans. The concept of Tatars was familiar from the outset to Ottoman authors, who used this definition as a synonym for the name Mongols during the period of Genghis Khan and his immediate descendants. Also, the term Tatars was used in an expanded sense which they used to designate Turkic tribes. In addition to the general Muslim historical tradition that they followed, the Ottomans were well versed in the ethnic definitions of their time and they designated their own subject Tatars only with the term Tatars.

Keywords: Ottoman historical writings, Tatars, Golden Horde, Tatar khanates, historiography, Ulus of Jochi, history, ethnopolitical history

For citation: Mirgaleev I.M. Tatars in Ottoman historical writings: Formulating the question. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 2, pp. 499–508. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.499-508> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out with the support of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of program-targeted funding (project IRN BR24992878 “Study of ethno-political and socio-economic history of Ulus Jochi in 13th–15th centuries”).

Происхождение термина «татар» уходит корнями в древнетюркский период и в течении огромного времени данное название распространилось по всей Евразии, при этом использовался не только как эндоэтноним для определенных этнических групп, но и на протяжении веков применялся и в расширенном значении. Причем совершенно в разных историографических традициях он имел близкую по значению трактовку. К началу XIII века термин «татар» имел устоявшееся обозначение для большей части центральноазиатского населения и был известен за пределами этого обширного региона. Но совершенно на ином уровне это определение стал звучать вместе с завоеваниями Чингиз-хана и его ближайших потомков. Термином «татар»

обозначали население чингизидских политий, по крайней мере, Улуса Джучи, Хубилая и Хулагу. Иногда к дефиниции татар добавляли уточняющие добавления, например, северные татары, указывающие на то, что это определение одновременно несет несколько смысловых нагрузок.

Похоже, там, где уже до домонгольского периода были сильны традиции, где татары воспринимались жителями Центральной Азии, это Китай и мусульманский мир, так и продолжали называть их татарами. Жители Улуса Джучи и Улуса Хулагу не отказывались от этих терминов и, в дальнейшем, мы не видим, чтобы они отвергали это название. Более того, мы можем наблюдать, что название «татар» использовалось и самими жителями этих государств.

Безусловно, в XIV веке данный термин активно применялся, хотя ситуация уже изменилась, но это определение оказалось устойчивым. Значит, он не был чужд и для самих жителей чингизидских политий. Только в виде экзоэтнонима он бы не устоял и на первое место вышло бы свое обозначение. Например, в коренном юрте и в Улусе Хубилая, термин «татар» остался в виде экзоэтнонима и к концу XIV века центральноазиатскими кочевниками он не использовался, оставаясь только в китайской историографии в виде расширительного термина для обозначения северных и западных от Китая народов. Тоже самое можем сказать и для территории Чагатайского улуса, который в начальный период своего существования развивался в тесной связке с коренным юртом. Отсюда здесь и распространение дефиниции могол, Моголистан.

В XV–XVI веках термин «татар» осознанно использовался в качестве эндоэтнонима жителями постордынских политий, которых в историографии принято называть тюрко-татарскими. Это Казанское, Крымское, Астраханское, Сибирское, Касимовское ханства и политические образования на территории Польско-Литовской унии. А также остатками населения Улуса Хулагуидов в восточной Анатолии. Термин «мэн-да» (монголо-татары) использовавшийся для обозначения жителей чингизидского мира распался по отдельности. На востоке укрепился термин моголы-монголы, а на западе – татары. Между ними интересным образом на основе соционимов, названия династий и прозвищ образовались новые обозначения населения, связанного с Левым крылом Улуса Джучи, это – узбеки, казахи, ногайцы и каракалпаки. Безусловно, в обиходе, прежде всего у кочевого населения, использовались названия племен, более-менее устойчивые этнические определения групп населения, хотя перемещения этих обозначений тоже было. Общие названия, которые в дальнейшем стали обозначать более крупную этническую группу оформились и стали использоваться в рамках политий: узбекские и казахские ханства и мангытско-ногайское вождество.

Этнонимика постчингизидского мира еще ждет своего детального анализа. И одним из основных этнических определений, безусловно, это – термин «татары». В этой работе мы хотели бы проанализировать ее употребление в османской историографии. Прежде всего нас интересует ее использование в исторических сочинениях, созданных османскими авторами. Эти труды пока еще остаются малодоступными широкому кругу специалистов.

Анализируя данный корпус источников, мы видим, что в них много новой и уникальной информации по средневековым татарам, которая требует не

только введения их в научный оборот, но и всестороннего анализа. Безусловно, османские источники крайне важны для изучения средневековой тюрко-татарской истории периода Золотой Орды и татарских ханств и, прежде всего, по истории Крымского ханства.

Изучение трудов османских авторов в русскоязычной историографии. Интерес к ним был проявлен уже первыми исследователями золотоордынской истории XIX века. В.Г. Тизенгаузен планировал собрать в отдельный том турецких авторов. В его архиве есть небольшие черновые переводы османских авторов¹. В 1884 году был издан перевод анонимного османского автора в издании А. Негри [7]. Но, к сожалению, обширных переводов османских исторических сочинений не было, пожалуй, кроме перевода В.Д. Смирновым труда Бадр ад-Дина Мухаммеда б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди, известного как Реммаль-ходжа. Но данный перевод долгое время лежал в архиве и был опубликован только в 2023 году [2]. Так же и «Эс-себу'с-сейяр фи ахбар-и мулюк-и татар» Сейида Мухаммед Риза. Этот источник хотя и привлек внимание классиков, таких как М.А. Казембек и В.Д. Смирнов, но браться за перевод они не стали. Только в 2023 году нам удалось ввести в научный оборот этот труд в переводе на русский язык [9].

В советский период османские исторические сочинения оставались вне поля зрения отечественных востоковедов. Переводились небольшие отрывки из османских авторов по истории, прежде всего, кавказских народов [4; 8]. Здесь же можно назвать и перевод некоторых частей из обширного «Книга путешествия» Эвлия Челеби [10; 11; 12].

С 90-х годов XX века по сегодняшний день в научный оборот на русском языке в основном введены труды крымских авторов. Особняком стоит обширный труд Абдулгаффара Кырыми, специально рассматривающий историю Золотой Орды, который можно назвать источником внутреннего круга [1].

Османские исторические сочинения. Османы начали писать исторические сочинения примерно через 150 лет после того, как вышли на историческую арену как независимая полития, примерно с середины XIV века. Для золотоордынской истории османские исторические сочинения, кроме работ первых немногочисленных авторов, не являются аутентичными. Их сведения уже осмысленные, подаются в контексте прошедшего времени, с некоторым налетом части всеобщей истории и с дидактической подачей многих сюжетов. Османские авторы достаточно серьезно представляли себе историю чингизидских политий и пытались подвести некий итог их правлению, в том числе и с назидательными выводами, адресованными прежде всего для османского политического истеблишмента и для правящей османской династии.

Османские историки начали с истории «Дома Османов», а в дальнейшем перешли к созданию всеобщей исламской истории, куда включали историю пророков, плавно перейдя к истории мусульманских династий, уделяя в конце большой раздел и османской империи. Как правило, в них свое место занимали Гирейды, как представители Чингизидов.

Из обширной историографии по османским историческим сочинениям не так много работ посвящены раннему периоду. Из европейских авторов стоит

¹ Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. Фонд 52. Описание 1. Дело 14. Лл. 115–126.

выделить труд Франца Бабингера [14], который не утратил свою актуальность до сегодняшнего дня, хотя в научный оборот с тех пор уже введено большое количество академических изданий османских авторов. Большая заслуга во введении в научный оборот османских исторических сочинений, безусловно, принадлежит турецким исследователям, среди которых необходимо назвать Фоада Копрюлю, Мехмеда Тахира Бурсалы, Шихабетдина Текиндага, Халиля Инальджика [15; 19; 20; 22] и других.

Эти исторические сочинения являются официальными источниками, написанными дворцовыми историками-хронистами, а это, прежде всего, профессиональная история, использование не только капитальных мусульманских трудов по истории, но и документов канцелярий, донесений посольств и т.д.

Говоря об османских источниках нужно подразумевать сложную языковую ситуацию. Османский язык является своеобразным смешением тюрко-арабско-персидских языков. Безусловно, заимствования подчинялись основам турецкого языка и имели свою логику. Для понимания османского языка нужно знать логику этого языка, эпохи и предпочтений интеллектуалов того времени. Некоторые сложны настолько, что без основательного знания арабского или персидского невозможно изучить эти источники, некоторые же написаны сложнейшим стилем. Иные авторы предпочитали излагать простым и понятным языком, другие писали прозой, а некоторые могли писать целые предложения на несколько страниц, использовать аллюзию и аллегория, «прятать» мысли в бесчисленных поговорках, намеках и т.п.

У осман на государственной службе были греки, персы, арабы и, соответственно, на этих языках также создавалась и документация. По сложности в языковом отношении османские источники, написанные на османско-турецком, разные. Некоторые относительно легки, скажем как Ашикпашазаде, Печеви, Оруч Бей, Нешри, Рухи Челеби и Абдулгаффар Кырыми [Более подробно см.: 6]. Или, например, труд Сейида Мухаммеда Ризы, один из сложнейших сочинений, как в языковом плане, так и по стилистике [3].

Татары в османских исторических сочинениях. Безусловно, османы писали о своих современниках – татарах, прежде всего большордынских, крымских, астраханских и казанских и для XV и XVI века они являются аутентичными.

И если рассмотреть через призму нашей тематики, а именно через этническое определение, то здесь нужно учитывать, что уже в период ранних османских авторов татары были известны именно в качестве народа. Т.е. под казанскими татарами они подразумевали именно татар Казанского ханства, а только под татарами практически всегда крымских татар, так как с последними они имели тесные связи. Вообще крымские татары в Анатолии были представлены достаточно хорошо, и османские авторы их знали близко. Крымские авторы также писали на османском языке и их сочинения являются частью османской историографии [4]. Свои труды они писали в рамках османских исторических традиций и на османском языке.

Также необходимо учесть, что татары проживали на Балканах и были вовлечены в разные геополитические события в этом регионе и были опорой османской власти в центральной Европе. В вилает Эдирне переселилась и осела большая группа татар после нашествия Тимура на Золотую Орду в 1395

году [16]. Были еще татары, которые проживали в восточной Анатолии, это татары, или по-другому «кара татары» или «мугал татары» – остатки основного населения хулагуидов, к которым османские правители относились с недоверием и некоторым пренебрежением, что вошло даже в язык турков в виде разных нелицеприятных поговорок по отношению именно к этим татарам. Поговорку о неприхотливости буджакских татар также приводит и Эвлия Челеби [10, с. 41]. Известно, что их ограничивали в правах по прямому указанию некоторых османских султанов, таких как Фатих Султан Мехмед и переселили из Анатолии в Румели (в европейскую часть) [18, с. 419]. После гибели державы ильханов, хулагуидские татары в Анатолии создали княжество Эретна [23, с. 126-131] с центром в городе Кайсери и позже были завоеваны османами. В период войны с Тамерланом эти татары вместе со многими восточноанатолийскими беками перешли на сторону Тимура и им были переселены в Среднюю Азию. После смерти Тимура они воспользовались смутой в его державе и вернулись в Анатолию. Анатолийские татары и далее не раз упоминаются в источниках, однако в дальнейшем влились в состав современных турков.

Конечно, османские авторы знают и название монгол, хоть и не часто, но термин «мугал» мы встречаем в их работах. Однако в обиходе все же был термин «татар» [13]. Здесь необходимо отметить, что термин «мугал» выступал как синоним татар, например, хулагуидские татары названы «мугал-татар».

Кемаль, автор «Селатин-наме», который служил Баязиду II, в своем сочинении описывает период Чингиз-хана и пишет в русле трудов арабских авторов. Для него Чингиз-хан и его войско – татары. Он практически не использует термин «монгол» [24].

Основные же османские авторы, такие как Мевлана Мехмед Нешри, Оруч Бег, Сарыжа Кемал, Энвери, описывая хулагуидов, называют их исключительно татарами.

Также были другие группы татар, возможно переселившиеся из Золотой Орды, которые кочевали вместе с юрюками по юго-западной Анатолии около современного города Денизли и вошли в разные реестры. Но в количественном отношении эта группа не была многочисленной и в дальнейшем растворилась среди тюркского населения Анатолии. Но по какой-то причине их некоторое время записывали отдельно от юрюков, вполне возможно, только из-за их этнического отличия, в социальном же плане они не отличались от остальных анатолийских кочевников [17, с. 13–18].

Большая прослойка татар стали городскими жителями в анатолийских городах. Скорее всего, именно городские жители из Золотой Орды также и селились в городах. Эта группа в Анатолии быстро заняла свою нишу и влилась в состав анатолийских турков, некоторое время сохраняя память о своем золотоордынском происхождении, которую мы видим по их тахаллусям, типа Кафави или же Татари и т.п.

Эти оговорки крайне важны для анализа данных османских авторов, кого же они имеют в виду под татарами, восточноанатолийских, балканских или же крымских. Поволжских они уже сами выделяли как казанских и астраханских.

Безусловно, османские авторы упоминают термин «татар» и в широком смысле, как название тюрков и центральноазиатских народов. В их квалификации, в отличие от мусульманских описаний иклимов – климатов, арабов и аджамов, добавляются еще франки для обозначения всех европейцев и татары, для обозначения азиатских народов. В пример можем привести широкоизвестный труд одного из главных путешественников средневековья – Эвлия Челеби, который относил род османов к татарам. По его мнению, многие народы произошли от татар [12, с. 48]. Но в некоторых трудах этот постулат повторяется и немного в другом смысле, а именно как указание, что род *каи* имел древнетюркское, центральноазиатское происхождение. Т.е. появившееся в позднем средневековье разделение народов по расовым качествам от сыновей пророка Ноя, где как раз тюркские народы называются татарами, хотя в разных версиях они могли называться и просто тюрками, османские авторы здесь определяли правящий род *кайы бою* от татар именно с центральноазиатским и самое главное тюркским происхождением.

Сведения османского хрониста Ашыкпашазаде, первого официального историографа османской истории, указывают, что среди воинов первых Османов были кочевые туркмены и татары [21, с. 92–93]. Ашыкпашазаде (Ашыкпашаоглу) называет и их количество в 50 тысяч [21, с. 92]. Эти его сведения указывают на то, что после гибели Ногай часть его войска на Балканах перешла на службу к османам. Учитывая, что племя *каи* была связана с государством Хорезмшахов и с кыпчаками, их знакомство с татарами происходила еще в доанатолийский период их истории. В дальнейшем это вполне могла стать причиной перехода части татар на службу к османам.

Османы хорошо разбирались и тем более видели и общались с разными группами татар, в крови турков Анатолии татарская кровь присутствовала четко и в немалом количестве. Поэтому в этническом аспекте о термине «татар» в османских исторических сочинениях акценты немного другие.

Итак, труды османских авторов для тюрко-татарской истории являются весьма ценными источниками. Татары для них были хорошо знакомым народом, связанными прежде всего с чингизидским миром, но квалифицированными уже по более поздним лекалам. В тоже время османские авторы продолжали использовать термин «татары» в традиционных обозначениях географического и расового отличия жителей известной им ойкумены. Здесь они следовали арабским авторам в своих трудах по разделу общей истории. Когда же дело доходило до описания конкретных групп татар, то здесь османские авторы обнаруживали полное знание истории о происхождении этих групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырмы. Умдет ал-Ахбар. Книга 2. Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева / Общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. Бадр ад-Дин Мухаммед б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди (Реммаль-ходжа). История хана Сахиб-Гирея / И.В. Зайцев; Р.Р. Абдужемилев; В.Д. Смирнов. М.: Квадрига, 2023. 464 с.

3. Гибадуллин И.Р., Миргалеев И.М. Сейид Мухаммед Риза и его сочинение «Семь планет в известиях о царях татарских» // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 24–34. DOI: 10.22378/kiu.2024.1.24-34

4. `Джихан-Нюма` и `Фезлеке` Кятиба Челеби как источник по истории Армении (XVII в.). Предисловие, перевод и комментарии А.А. Папазяна. Публикация двух первоисточников XVII века. Ереван, 1973. 190 с., илл.

5. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009. 304 с., илл.

6. Миргалеев И.М. Изучение новых источников по истории Золотой Орды (на примере османско-турецких средневековых сочинений) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 5. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 31–37.

7. Негри А. Извлечение из Турецкой рукописи Общества, содержащей историю Крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1844. С. 379–392.

8. Печеви Ибрахим Эфенди. История. Извлечения по истории Азербайджана и сопредельных стран и областей периода 1520–1640 гг. / Пер. с турецкого З.М. Буниязова. Баку: Элм, 1988. 100 с.

9. Сейид Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 2: Перевод / перевод с османского И.Р. Гибадуллина; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 528 с.

10. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века). Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 339 с.

11. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 288 с.

12. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М.: Наука, 1983. 376 с.

13. Anonym Tevarih-i Al-I Osman. F. Giese nesri. Hazirlayan Nihat Azamat. Istanbul: Edebiyat Fakultesi Basimevi, 1992. XLI+171 s.

14. Babinger F. Osmanlı Tarih Yazarları ve Eserleri. Ceviren: Prof. Dr. Coşkun Uçok. Ankara: Kultur Bakanlığı, 1992. 502 s.

15. Bursalı Mehmed Tahir Bey. Osmanlı Müellifleri, Haz. İsmail Özen, C. III. İstanbul, 1975. 256 s.

16. Decei A. Etablissement de Aktav de la Horde d'Or dans l'Empire Ottoman, au temps de Yıldırım Bayezid // 60. Doğum Yılı Münasebetiyle Z.V. Toğan'a Armağan. İstanbul, 1950. S. 77–92.

17. Gokbilgin M.T. RumelideYurukler, Tatarlar ve Evlad-I Fatihan. Istanbul: Isaret yayinlari, 2008. 348 s.

18. Hammer. Baron Joseph Von Hammer Purgstall. Buyuk Osmanli Tarihi. Birinci cilt. Istanbul: Sabah, 1990. 644 s.

19. İnalçık H., Arı B. Osmanli Turk Tarihçiligi // Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi, Cilt 3, Sayı 6, 2005. S. 27–56.

20. Koprulu F. Turk Edebiyatı Tarihi. Istanbul: Otuken, 1980. 437 s.

21. Osmanli tarihleri. Cild I. Kitap 3. Istanbul: Turkiye Yayınevi, 1947. 403 s.

22. Tekindag S. Osmanli Tarih Yazıcılığı // “Belleten”. Ankara, 1971. XXXV/140. S. 655–663.

23. Tellioglu I. Osmanli Hakimiyetine Kadar Dogu Karadenizde Turkler. Ankara: Turk Tarih Kurumu, 2022. 213 s.

24. XV. Yüzyıl Tarihçilerinden Kemal Selâtin-Nâme (1299–1490), haz. Necdet Öztürk. Ankara: TTK Yayınları, 2001. 269 s.

REFERENCES

1. Abdulghaffar Kyrymi. Umdet al-Ahbar. Book 2. Translated from Ottoman by Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleev. General and scientific edition, preface and comments by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)
2. Badr ad-Din Muhammad b. Muhammad Kaysuni-zade Nidai-effendi (Remmal-khoja). History of Khan Sahib-Girey. I.V. Zaitsev; R.R. Abduzhemilev; V.D. Smirnov. Moscow: Kvadriha, 2023. 464 p. (In Russian)
3. Gibadullin I.R., Mirgaleev I.M. Seyyid Muhammad Riza and his essay “Seven Planets in the News of the Tatar kings”. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 1, pp. 24–34. DOI: 10.22378/kio.2024.1.24-34 (In Russian)
4. `Jihan-Nyuma` and `Fezleke` by Katib Celebi as a Source on the History of Armenia (17th Century). Preface, Translation and Commentary by A.A. Papazyan. Publication of Two Primary Sources of the 17th Century. Yerevan, 1973. 190 p. with illustrations. (In Russian)
5. Zaitsev I.V. Crimean Historiographic Tradition of the 15th–19th Centuries. Paths of Development. Manuscripts, Texts and Sources. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2009. 304 p. with illustrations. (In Russian)
6. Mirgaleev I.M. Study of new sources on the history of the Golden Horde (on the example of Ottoman-Turkish medieval works). *Golden Horde civilization*. Collection of articles. Iss. 5. Kazan: OOO “Foliant”, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 31–37. (In Russian)
7. Negri A. Extract from the Turkish manuscript of The Society containing the history of the Crimean khans. In: Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. Vol. 1. Odessa, 1844, pp. 379–392. (In Russian)
8. Pechevi Ibrahim Efendi. History. Extracts on the history of Azerbaijan and adjacent countries and regions of the period 1520–1640. Translated from Turkish by Z.M. Bunyatov. Baku: Elm, 1988. 100 p. (In Russian)
9. Seyid Muhammad Riza. Seven Planets in the News of the Tatar Tsars. Book 2. Translation. Translation from Ottoman by I.R. Gibadullin; under scientific ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023. 528 p. (In Russian)
10. Evliya Celebi. Book of Travel (Extracts from the works of the Turkish traveler of the 17th century). Iss. 1. Lands of Moldova and Ukraine. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 1961. 339 p. (In Russian)
11. Evliya Celebi. Book of Travel. Iss. 2. Lands of the North Caucasus, Volga Region and Don Region. Moscow: Nauka, 1979. 288 p. (In Russian)
12. Evliya Celebi. Book of Travel. Iss. 3. Lands of Transcaucasia and adjacent regions of Asia Minor and Iran. Moscow: Nauka, 1983. 376 p. (In Russian)
13. Anonym Tevarih-i Al-I Osman. F. Giese nesri. Hazirlayan Nihat Azamat. Istanbul: Edebiyat Fakultesi Basimevi, 1992. XLI+171 p. (In Turkish)
14. Babinger F. Osmanlı Tarih Yazarları ve Eserleri. Ceviren: Prof. Dr. Coşkun Uçok. – Ankara: Kultur Bakanlığı, 1992. 502 p. (In Turkish)
15. Bursalı Mehmed Tahir Bey. Osmanlı Müellifleri, Haz. İsmail Özen, Vol. 3. İstanbul, 1975. 256 p. (In Turkish)
16. Decei A. Etablissement de Aktav de la Horde d'Or dans l'Empire Ottoman, au temps de Yıldırım Bayezid. 60. Doğum Yılı Münasebetiyle Z.V. Toğan'a Armağan. İstanbul, 1950, pp. 77–92. (In French)
17. Gokbilgin M.T. Rumelide Yurukler, Tatarlar ve Evlad-I Fatihan. Istanbul: Isaret yayinlari, 2008. 348 p. (In Turkish)

18. Hammer. Baron Joseph Von Hammer Purgstall. *Buyuk Osmanli Tarihi. Birinci cilt.* Istanbul: Sabah, 1990. 644 p. (In Turkish)
19. İnalçık H., Arı B. *Osmanli Turk Tarihçiligi. Türkiye Arasmalari Literatür Dergisi.* Vol. 3, no. 6, 2005, pp. 27–56. (In Turkish)
20. Koprulu F. *Turk Edebiyati Tarihi.* Istanbul: Otuken, 1980. 437 p. (In Turkish)
21. *Osmanli tarihleri.* Vol. 1. Book 3. Istanbul: Turkiye Yayınevi, 1947. 403 p. (In Turkish)
22. Tekindag S. *Osmanli Tarih Yazıcılığı. Belleten.* Ankara, 1971. 35(140), pp. 655–663. (In Turkish)
23. Tellioglu I. *Osmanli Hakimiyetine Kadar Dogu Karadenizde Turkler.* Ankara: Turk Tarih Kurumu, 2022. 213 p. (In Turkish)
24. XV. Yüzyıl Tarihçilerinden Kemal Selâtin-Nâme (1299–1490), haz. Necdet Öztürk. Ankara: TTK Yayınları, 2001. 269 p. (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus Author ID: 57201656376. E-mail: dilynur1976@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus Author ID: 57201656376. E-mail: dilynur1976@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 11.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 26.05.2025

Принята к публикации / Accepted 09.09.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.509-522>
EDN: BQASVW

УДК 930.23

“YE-LIE-BAN, RULER OF THE RUSSIAN TRIBE”: AN EXPLANATION FOR THE CHINESE TERM TO DESIGNATE A RUS’ RULER RECORDED IN THE YUAN SHI

Stephen Pow

*University of Calgary
Alberta, Calgary, Canada
Lstephenpow@gmail.com*

Abstract. Objective: An attempt is made to explain the identity of “The Rus’ tribe’s ruler, Ye-lie-ban,” described in the Chinese-language primary sources from the thirteenth and fourteenth centuries. Departing from past attempts to connect this figure to Yuri II of Vladimir or any individual at all, this article presents the argument that Ye-lie-ban originally referred to the city of Ryazan.

Research materials: Primary sources were used, foremost among them the biographies of Subutai in the Yuan Shi (chapters 121 and 122), other sections of the Yuan Shi, Su Tianjue’s Yuanchao mingchen shilüe, the Novgorod First and Galician-Volhynian Chronicles, the Secret History of the Mongols, and Rashid-al Din’s Compendium of Chronicles. Secondary literature by leading figures in the field of Mongol history and nineteenth and early twentieth-century Chinese and French literature were consulted.

Research results and novelty: It is argued here that Ye-lie-ban was an attempt to render the name of Ryazan in Mongolian, recorded by Rashid al-Din as “Irezan.” During the process of translation from Mongolian to Chinese or during copying that resulted in the creation of Sübe’etei’s biography in various recensions that have come down to our time, the East Asian author/scribe(s) were simply uncertain what the “Irezan” captured by Batu’s forces was. It appears that “Ye-lie-zan” (Irezan = Ryazan) was mistakenly altered to Ye-lie-ban at some early point in the creation of materials that resulted in Subutai’s biography, being described as an individual ruler rather than a city. Other unambiguous transcriptions of Ryazan in the Yuan Dynasty’s literature serve to corroborate this identification.

Keywords: Mongol invasion of Russia, Batu, Subutai, Ryazan, Yuan Shi, Ye-lie-ban, Rus’ Chronicles, Mongol Empire, Mongol invasion of Europe

For citation: Pow S. “Ye-Lie-ban, ruler of the Russian tribe”: An explanation for the Chinese term to designate a Rus’ ruler recorded in the Yuan Shi. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 509–522. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.509-522>

© Pow S., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

The Question of Yeliban's Identity

There has been some scholarly discussion and much uncertainty surrounding a mysterious Rus' figure whose defeat and capture by the Mongols during the Great Western Campaign of Batu (1236–1242) is detailed in the two largely duplicate biographies of Subutai [Sübe'etei] found in the *Yuan Shi* and in a third version of the biography recorded in Su Tianjue's *Yuanchao mingchen shilüe* 元朝名臣事略 (*Lives of Eminent Ministers of the Yuan*). That third version originates from a temple stele biography composed by Wang Yun (王惲, 1228–1304). The biography in all its versions briefly describes Batu's successful campaign of conquest against the Rus' which in fact took place in a flurry of destruction in 1237–38 and resumed in 1239–40, culminating with the sack of Kiev. Few of those details are recognizable in the Chinese biography accounts which are obscure and succinct. Evidently all surviving versions of Subutai's biography originate from the same basic source material. It names a Rus' ruler who was defeated: "The Rus' tribe's ruler, **Ye-lie-ban**" [兀魯思部主也烈班]. There is some variation in how this name is rendered between texts, perhaps reflecting the usage of original Mongolian material as the source earliest created in the compositional history of the biography. For comparison, see the table below:

<p><i>Yuan Shi</i> juan 121 (Biography of Subutai 速不台) [17, p. 62–64]</p>	<p><i>Yuan Shi</i> juan 122 (Biography of Xuebutai 雪不台) [17, p. 72]</p>	<p><i>Yuanchao mingchen shilüe</i> (Biography of Subutai 速不台) [20, p. 25]</p>
<p>辛丑，太宗命諸王拔都等討兀魯思部主也烈班，為其所敗，圍禿里思哥城，不克。拔都奏遣速不台督戰，[...]一戰獲也烈班。進攻禿里思哥城，三日克之，盡取兀魯思所部而還。</p>	<p>是年詔宗王拔都西征，雪不台為先鋒，戰大捷。十三年，討兀魯思部主野力班，禽之。</p>	<p>辛丑，諸王拔都征兀魯思，為所敗，奏遣公督戰，遂擒兀魯思王也烈班。</p>
<p>In the xinchou Year (1241), Ögödei commanded Batu and the various princes to attack Yeliban who was ruler of the Orus [Rus'] tribe. They [the Mongol forces] tried besieging the city of Turiske but could not conquer it. Batu sent a request to the emperor that Sübe'etei take over command of the battle. [...] After a single battle, Yeliban was captured. Sübe'etei then attacked Turiske and conquered it after three days. They completely took over the whole territory of the Orus people and returned.</p>	<p>In this year (1234), Ögödei commanded Batu, who was one of the imperial princes, to advance to the west. Sübe'etei was in the vanguard, and they won a great victory. In Ögödei's thirteenth regnal year (1241), Sübe'etei attacked Yeliban who was ruler of the Orus [Rus'] tribe and captured him.</p>	<p>In the xinchou Year (1241), Ögödei commanded Batu and the various princes to attack the Orus [Rus'] tribe. They were defeated by the Orus. They sent a request to the emperor that they needed Subutai to direct the battles. Then, Yeliban who was the king of Orus tribe was captured.</p>

This episode is peculiar to scholars because it is not immediately obvious to expert historians of both medieval Rus' and the Mongol Empire who "Yelieban" is intended to represent. In the longest version of the biography found in the *Yuan Shi juan* 121, the name of the besieged city, "Turiske" [秃里思哥城] "city" is not able to be identified either and is a subject of additional speculation. Efforts to compare it with Rus' chronicle sources like the *Novgorod First Chronicle*, *Galician-Volhynian Chronicle*, and *Laurentian Chronicle* do not result in any clear explanation. Comparison with these more detailed Rus' Chronicles' accounts of Batu's invasion and the sack of named Rus' cities and warfare with named Rus' nobles does not solve the mystery. In the Rus' chronicles for the years 1237–1238, we can see that Batu's armies defeated Yuri II of Vladimir at the Sit River and made notable sieges of Ryazan, Vladimir, Suzdal, Moscow, Torzhok, and Kozelsk. The latter two saw longer resistance than most; in 1239–1240, the Mongol attacks in southern Rus' culminated in the sack of Kiev [11, p. 81–84; 14, p. 45–48; 15, p. 59–63]. Yet none of the details found in Rus' materials on the fall of Rus' territories to Batu quite clearly matches with the toponym, Turiske, or the name of a chief leader, Yelieban, of the Rus' in the surviving Chinese source material.

Early Mongol-Rus' Contacts and East Asian Source Material on Rus'

The biography of Subutai was evidently originally composed in Mongolian in the decades of the mid-thirteenth century and was translated into Chinese already in the 1260s; the second biography of Subutai in the *Yuan Shi, juan* 122, can be dated to 1264 [3, p. 14–15]. The biography of Subutai only survives in the Chinese-language citations of various length included in fourteenth-century compiled works, with that found in *juan* 121 of the *Yuan Shi* being the most complete and detailed. The evidence of the Chinese versions of the text stemming from a Mongolian-language original are evident throughout the text. The rendering of the name of the Rus' tribe (or tribes) is Wu-lu-si 兀魯思 (*Eluosi* in Yuan-era pronunciation) which undoubtably originates from Orus (*pl.* Orusut) which was the Mongolian name for the Rus' people with whom they had direct experience in war and negotiations. The Mongols had a well-known tendency to prefix a vowel before a foreign proper noun, and this is especially true with a word beginning with an r- sound. That is why the Rus' were called "Orusut" by the thirteenth-century Mongols, and this linguistic tendency will later be used in this paper to explain the origins of the name Yelieban – as a word taken into Mongolian from a Rus' word that also began with an r- sound, namely Ryazan, and which was rendered in Chinese, via Mongolian original source material, as Ye-lie-zan.

Rus'-Mongolian interactions of course began with the campaign of Jebe and Subutai which unfolded against the Qipchaqs in 1222 after the two Mongol tumen commanders successfully broke out of the Caucasus Mountains and overran the Dasht-i-Qipchaq. The Rus' decided to side with the recently defeated Qipchaqs who came to them seeking an alliance and the result was the catastrophic defeat of the Rus' and their Qipchaq allies at the Battle of the River Kalka in May 1223. Interestingly, the biographies of Subutai describe this earliest campaign against the Rus' in a way that is entirely recognizable to historians, including crucially the names of the supreme Rus' leaders, Mstislav III of Kiev and Mstislav of Chernigov (or Mstislav the Bold of Galicia), in the 1223 events. The longest version of the

biography in *juan* 121 of the *Yuan Shi* describes it as follows: "Subutai subjugated the territory of the Qipchaq. Then he led the army to the Aligi [Aliji? Argi?] River. They encountered the old and the young Mstislav, rulers of the Rus' tribe. The enemy surrendered after one battle" [遂收其境。又至阿里吉河，與鞞羅思部大、小密赤思老遇，一戰降之] [17, p. 56–58].

This is a concise but accurate description; the main leaders of the Russian confederated army were Mstislav the Great of Kiev, evidently the older or greater of the two, and Mstislav of Chernigov. Both died in the struggle. Mstislav the Bold of Galicia escaped and so probably was not mentioned as a third Mstislav of the defeated Russian people. As well, the surrender of Mstislav the Great and several other princes after holding out in a stockade is documented in Rus' chronicle accounts of the battle. The versions of the Subutai biography in the *Yuan Shi juan* 122 and in Su Tianjue's work record that it was a fierce and desperate battle (鏖戰) [17, p. 70; 20, p. 24], something reflected in other contemporary accounts such as that of Franciscan friar C. de Bridia and Mosul-based chronicler Ibn al-Athir, and implied in the *Secret History of the Mongols* [8, p. 201; 12, p. 72–75; 17, p. 70; 18, p. 223]. I have previously analyzed the broad agreement of Eastern and Western sources on the Kalka campaign, adding the viewpoint that Jebe Noyan himself was recorded in Rus' chronicles to have been slain by the Qipchaqs in its early stages [16, p. 14, 19]. Although the name of the river recorded in Chinese is not Kalka *per se*, "Argi" or something to that effect would be close enough if an initial K consonant were not missing. Furthermore, since Kalka was an obscure foreign word for an insignificant, distant toponym, it perhaps would have been easy for a copyist to have inaccurately copied it since it was not a particularly important or useful detail from a fourteenth-century Chinese scribe's perspective. Indeed, this relative carelessness with proper nouns and foreign toponyms which were totally unknown and irrelevant to Chinese compilers and copyists of the *Yuan Shi* and other sources, as well as the Mongolian tendency to prefix foreign names beginning with an r- with a vowel, appear to be crucial points in making sense of the puzzle of Ye-lie-ban, as will be demonstrated in the next sections of this paper.

The Second Mongol War with Rus' and the Account of the "Ruler," Yelieban

Since the account that recurs in the various surviving renditions of Subutai's biographies preserves the defeat of the Rus' people and names their leaders with a degree of recognizable accuracy in the case of the earlier 1223 campaign, it is surprising that the description of the later, much more large-scale and lasting conquest of the Rus' by Batu in 1237–1240 is so garbled, even in the most detailed Subutai biography, as to be basically unrecognizable. Nonetheless, several scholars have made attempts to identify who the Yelieban was that was defeated and captured during Batu's campaign. Emil Bretschneider, who described the details on this important campaign as "very meagre" regarding the conquest of northern Rus, and regarding southern Rus, the *Yuan Shi*'s details were even more useless: "As to the Chinese accounts of these events, they are also vague and unintelligible." Regarding the "Ye-li-ban king of the Russians" encountered in the *Yuan Shi* account, Bretschneider wrote in resignation, "I can give no explanation about the king Yeliban" [6, p. 315, 320, n. 761]. Yet he did note that the Turiske city that put up a strong fight against Batu so that Subutai was put in charge of the campaign in the

Chinese source might be tied to the famous resistance of the Russian city of Kozelsk (March–May 1238) documented by both Rashid al-Din and the *Galician-Volhynian Chronicle*. Rashid al-Din's account mentions the siege of "Kosel-Iske" where Batu failed to take the city for two months and had to wait for the arrival of Buri and Qadan before the city finally fell [5, p. 60] – something which vaguely resembles the Subutai biography's assertion that Batu needed Subutai to take over command before "Turiske" fell.

Other scholars have attempted, very reasonably, to connect the Ye-lie-ban figure with the campaign of 1237–1238 and the defeat of Yuri II of Vladimir at the River Sit on 4 March 1238. In fact, this was the opinion I expressed many years earlier in an article I co-authored on the Subutai biographies, imagining a scribal error had somehow distorted the name or title of Yuri II, or that an otherwise unknown figure with the common name of Ivan had perhaps played some important but now forgotten role in the heroic defense of Kozelsk [17, p. 63, n. 132]. Since then, I also considered the possibility that Yelieban was a composite of Yuri II who died at the Sit and his brother, Ivan Vsevolodovich of Starodub (d. 1247) who went to Mongolia in 1246 and died in 1247.

Admittedly these were reaching rather than satisfying assumptions, but very prominent scholars have offered suggestions along a similar vein. Paul D. Buell in his own translation of the biography of Subutai offered that Yelieban was "Yuri the pan," demonstrating an awareness of the longstanding Slavic royal title of "pan/ban" as something which could make sense of the last syllable in the mysterious name [7, p. 99]. Carl Fredrik Sverdrup recently offered a very creative explanation, offering that the Volga Bulgar princes, Jiku and Bayan mentioned by Rashid al-Din, could have been conflated and mixed up with the Rus' who were conquered in the same running campaign so that the Chinese account joined these names as Yelieban [21, n. 66]. Russian scholarship has also offered an explanation for the name relating to Russian royal figures of the period which will be discussed in the conclusion. Paul Pelliot likewise suggested that Yelieban was "Yuri-George" [13, p. 114–115]. In all the aforementioned suggestions of Western scholars, there is the recurring idea that we should be looking for a specific Rus' historical ruler whose name has been corrupted in the Chinese rendering, but that this supposed individual's personal name (with perhaps a Slavic noble title added as a suffix) is nonetheless vaguely identifiable in the material.

An Alternative Theory: Yelieban is Ryazan

Here I wish to offer a new solution to the old problem of Yelieban's identity. Quite simply, Yelieban was originally meant to indicate "Ryazan," though the statements regarding Yelieban as they exist in versions of Subutai's biography reflect a curious amalgamation of various events that occurred over the course of the Great Western Campaign (1236–1242). I would argue that these events include primarily the sack of Ryazan (December 1237) but also the Battle of Tursko in Poland (February 1241) and perhaps some memory of the Mongol debacle during the fall of Kozelsk (May 1238).

The key solution is ultimately found by comparing the original Chinese text in the *Yuan Shi juan* 121, featuring Ye-lie-ban, with several other passages in the same larger dynastic history; of greatest importance is one found in *juan* 3 of the

Yuan Shi which contains the annals of the reign of the fourth great khan of the Mongol Empire, Möngke Khan (r. 1251–1259). The first part of *juan* 3 describes some key features of this Mongol ruler's background before he succeeded to the throne as great khan after some political tumult and intrigues following the death of Güyük Khan (r. 1246–1248). These earlier details of Möngke's pre-enthronement life include his exploits on the Western Campaign against the Qipchaq (欽察) and Russian (斡羅思) tribes. In the course of that campaign, the *Yuan Shi* annals mention that Möngke engaged personally in the combat at the city of "Ye-lie-zan" (也烈贊) which is accepted by scholars to be Ryazan. The *Yuan Shi* specifically states Möngke took part personally in the fighting at Ryazan and it was captured [至也烈贊城，躬自搏戰，破之] [25, p. 43–44]. This seems related perhaps to a general trend of behavior exhibited by Möngke, taking part in sieges and personally risking himself in battle. It is unambiguous and unquestionable because the suffix *cheng* (城), meaning a fortress city, is added to the three-syllable term for the city (也烈贊城). Regarding this passage, scholars would readily agree that it refers to Ryazan.

One will quickly realize that the rendering of the name of Ryazan (也烈贊城) in Yuan-era Chinese has a distinct similarity to the rendering of "Ye-lie-ban" (也烈班), the apparent ruler of the Rus' who appears separately in the *Yuan Shi* biographies of Subutai. Indeed, only the final graph is different between the two terms as they appear in our Chinese sources, and yet the corresponding final graphs are appreciably similar in structure that one could imagine a possible scribal error resulting in Ye-lie-ban when Ye-lie-zan was the original and intended term. We could easily allow for an error in transcription to have occurred, especially when we consider that such proper nouns originating in Northwestern Eurasia effectively meant nothing to those who were recording them, Chinese scholars deep in East Asia who would have been totally unaware of the real places represented by the transcriptions, thousands of kilometers from China and far outside of their own cultural milieu. Thus, my argument is that the original Mongolian biography of Subutai included the Mongolian rendering of "Ryazan" and this was mistakenly transcribed (and mistakenly made into a person) in Subutai's biography as Ye-lie-ban (也烈班) at some point. It could be that the prince of the city and the city itself were conflated in this process, although the reference to "Turiske" city [禿里思哥城] and the consistent date of 1241, by various dating systems, in the Chinese text hint that the battle for Ryazan had somehow become conflated in the records with the Mongol setback in Poland at the Battle of Tursko in February 1241, described by medieval Polish authors, Jan Dlugosz and C. de Bridia [15, p. 207–208].

The argument that the confusing reference to Yelieban stems at its core from Mongol memories of the struggle to capture Ryazan is solidified by multiple mentions of Ryazan in the *Yuan Shi*. We can be certain that Ryazan was yielded as *Ye-lie-zan*, directly or as a very close approximation, from two passages in the *Yuan Shi* which leave no room for ambiguity. Both passages specify that Yeliezan is a city (*cheng* 城) of the Rus' people. In a section of the *Yuan Shi* on geography pertaining to the Qipchaq (with whom the Rus' were broadly identified in Yuan texts),

the city is termed Ye-lie-zan-cheng (也列贊城). The text clarifies that Batu together with the various Mongol princes attacked the Rus' at Ryazan-city, and they took it in seven days [遂與諸王拔都征斡羅思，至也列贊城，七日破之] [25, p. 1570]. So, we see here the very same transcription of the name of the Rus' city as it appears in the *Yuan Shi* annals of the reign of Möngke Khan with the clarification that it was in fact the city of the Rus that was sacked after a siege of seven days; there is also an implication that this event was the first strike against the Rus' and that the Mongols remembered it as an important stage of the Western Campaign. Furthermore, in this case, the *Yuan Shi* has the correct date, noting this event occurred in 1237 (丁酉).

The seven-day battle for the city of Ryazan (*Ye-li-zan-cheng*, 也里贊城) – with a slightly different variation of Chinese characters, is mentioned in the biography of Shiri Gambu (昔里斡部). The relevant statement notes that in 1235, Güyük and Möngke, acting as senior princes, campaigned against the West with Subutai. The following year [1236], they mustered with Shiri Gambu in their midst. The next year [1237] they reached the Caspian Sea and Gambu took part in Batu's assault on the Rus' at the city of Ryazan. A huge battle was fought for seven days and they captured it [歲乙未，定宗、憲宗皆以親王與速卜帶征西域，明年啟行，斡部亦在中。又明年，至寬田吉思海，斡部從諸王拔都征斡羅斯，至也里贊城，大戰七日，拔之] [25, p. 3011]. The *zan* graph might be interpreted by editors, but in any case, the term *cheng* being added as a suffix to *ye-li-[zan]* confirms the name pertained to a city and shows that this was without doubt just another Chinese rendering of the Mongolian name for Ryazan – Irezan. This biography contains really important details on Western Campaign with additional details of the siege of Magas in 1239. It undoubtedly stemmed from a roughly contemporary Mongolian document of the events of the Great Western Campaign. The date of the fall of Ryazan was accurately recorded in this account as well.

The variations in the exact characters used to render "Irezan" (Ryazan) reflect that the Chinese materials that we have today typically represent translations from original Mongolian documents. The existence of an account of the Mongol campaign of the conquest of the West that exists in the Persian history of Rashid al-Din helps confirm this identification of Ryazan and supports my general argument. The dry report which Rashid al-Din provided of the Great Western Campaign today only exists in Persian, but it was also translated from Mongolian original material as is evident from the orthography of proper nouns as J.A. Boyle argued [5, p. 11]. This Persian material, noting Batu's same campaign of conquest against the Rus' recorded in the *Yuan Shi*, makes mention of the fall of the city of "Irezan." Again, this spelling reflects specific traits of Mongolian orthography of foreign words. This account notes that the campaign against the Rus' commenced in the autumn of 1237, that Möngke Khan took part, and that the first of the Rus' cities to fall was "Irezan" (ارزان) after a siege of three days.

The original text proceeds:

Original text of Rashid al-Din in Rowshan and Mūsavī's edition [19, p. 668]	Transcription into Roman alphabet	Original text of Rashid al-Din in Blochet's edition. [22, p. 46]	Transcription into the Roman alphabet	English translation (J.A. Boyle) [5, p. 59; 23, p. 322]
و پاییز سال مذکور تمامت شہزادگان کہ آنجا بودند بہ جمعیت قورلتای ساخمتند و باتفاق بہ جنگ اوروس برنشستند. باتو و اورده و گیوک خان، مونگکہ قآن و کولگان و قدان و بوری باتفاق شہر ریازان را محاصره کردند و بہ سه روز بستندند...	Va pāyīz-e sāl-e madhkūr, tamāmat-e shahzādegān ke ānjā būdand be jam'tat qūriltāi sākhtand va be ettifāq be jang-e Ūrūs bar neshestand. Bātū va Ūrdah va Guyūk Khān va Mūngke Qā'ān va Kūlgān va Qadān va Būrī be ettifāq shahr-e Riyāzān rā moḥāšere kardand va be seh rūz besetandand.	پاییز سال مذکور تمام شہزادگان کہ آنجا بودند بہ جمعیت قورلتای ساختند و باتفاق جنگ اروس بر نشستند باتو و اورده و گیوک خان و مونگکہ قآن و کولگان و قدان و بوری باتفاق شہر ریازان (ارزان) را محاصره کردند و بہ سه روز بستندند.	Payiz-e sal-e mazkoor tamam-e shahzadegan ke anja budand be jam'iyat qurlitai sakhtand va be ettefagh be jang-e orus [Rus] bar neshastand. Batu va Orda va Kuyuk Khan va Monkka qa'an va Kulkan va Qadan va Buri be ettefagh shahr-e Riazan (Irezan) ra mohasere kardand va be se ruz bastdand.	"In the autumn of the same year all the princes that were in those parts held a quriltai, and all together went to war against the Orus. Batu, Orda, Güyük Khan, Mongke Qa'an, Kolgen, Qadan, and Buri together laid siege to the town of Irezan, which they took in 3 days."

Just before this passage, the text notes that the chief Mongol princes attacked the Buqshi, Burtas, and "Irajan," the last of which W. Thackston took to merely be a variant of Irazan (ارزان), i.e. Ryazan [23, p. 322]. Interestingly, Rashid al-Din's account goes on to detail the remainder of the campaign against the Rus' in much more thorough detail than is found in the Subutai biography accounts. Like *juan 3* of the *Yuan Shi*, Rashid al-Din's version of events records that Mōngke demonstrated personal valor at the storming of one of the Rus' cities. But the Persian account claims this took place at "Great Yurgi" (i.e., Vladimir, the capital of Yuri II who was the leading prince in Russia at the time) rather than at Ryazan. It also shows partiality to Mōngke by referring to him as Qa'an (khan of khans) but not bestowing the same honorific on Güyük who preceded him to that honor.

So, the question arises: what happened that accounts for this strange error in medieval East Asian literature that saw a Rus' city transformed into a ruler of the Rus' people? Since we have various Chinese transcriptions of Ryazan in the surviving materials, we have a valuable clue. There was no established convention, so the Chinese scribes simply made individual choices on foreign terms like Ryazan ("Irezan") that they encountered in Mongolian-language source documents. It seems likely to have stemmed from an error that occurred when proper nouns of foreign origin – totally unknown to scribes working in the Yuan state – were transcribed from Mongolian original documents into Chinese. It could be that certain

ambiguities in the texts, written in Mongolian in the Uyghur script, with which Persian and Chinese authors worked, caused confusion for scribes working in Chinese in this instance. That is, it could be that a character making a j-, or ch- sound in Mongolian was mistaken for a b- sound. Hence, Yeliezan could transform accidentally into Yelieban during the copying or transcription process. We might have a case of an unclearly written "Irejan" appearing to be "Ireban." As an alternative speculation, an early error could have been made in the copying of the Chinese graphs that resulted in *zan* (贊) being rendered as *ban* (班).

"Irejan"

"Ireban"

We also must remember and underscore that the name of Ryazan would not have meant anything particular to scribes in East Asia – so if they had read that Ryazan was captured, they might just as soon have imagined that the term referred to a leader of the Rus' rather than one of their cities. It simply would not have mattered since the Jochid ulus was utterly obscure to the vast majority of people in East Asia in the thirteenth and fourteenth centuries when the source documents and the *Yuan Shi* were eventually composed, albeit from older source materials. Such errors are well known and quite common in the *Yuan Shi* – and one can imagine that the chances of transcription errors only increased when scholars in China were encountering proper nouns in their source materials for which they had no frame of reference.

Moreover, we have a famous precedent for a Western power's ruler becoming conflated with the state in the eyes of the Mongols and their subjects. Authors such as the Mamluk scholars Baybars al-Mansuri (c. 1260–1325) and al-Nuwayri simply referred to the royal title of the king of Hungary as the state of Hungary itself (الكرل – al-KRL, i.e. Kerel, viz. Király) [2, p. 83–84, 106]. It was not particularly important to be precise about the frontier states confronting the Jochid ulus. Moreover, it is clearly demonstrable that a scholar in medieval Asia, using a Mongolian original document, could encounter proper nouns which meant essentially nothing to the editor/translator/transcriber of the historical documents that we now have. If the record stated that Mongol forces "attacked/captured XYZ," the editor had to essentially guess if a nation, a ruler, a town etc., was meant. The fact that we can see by the Chinese transcription variations that a scribe consulted an original document for "Yelieban" and/or "Yeliezan" and transcribed the term in different ways in different instances suggests that someone, at some time, may have been trying to figure out what either variation of this Rus' proper noun meant and could not shed light on the issue. In any case, their intended readership was not going to notice it.

The question might remain why Ryazan would be significant enough to show up as a name in the Chinese sources that contain forms of some original biography of Subutai. It was probably because it was the first battle against the Rus' in Batu's

Western Campaign, but also a hard-fought and significant one. The Rus' too remembered it in the early chronicles but also in the *Tale of the Destruction of Rязan* (*Povest' o razorenii Ryzani Batyem*), compiled in the 1530s–1560s. While it contains many inaccuracies and perhaps romantic details, the text likely reflects genuine events. For centuries, the Rus', too, remembered the brutal struggle and fall of the city in a vivid way, something corroborated by external primary source texts and archaeological evidence [10, p. 39–40, 70–72].

Conclusions

The account of Batu's conquest of the Rus', recorded in the various versions of the biography of Subutai, is indeed a confused amalgamation of episodes. It shows the difficulties faced by Chinese scholars dealing with Mongolian-language sources about far-off places and peoples, and full of toponyms, ethnonyms, and personal names which were unrecognizable to compilers and translators who nonetheless had to convert these terms into a Chinese approximation. When one also considers that the compilers had no awareness of the described events except through materials that were being transcribed from Mongolian, and that Chinese copies with errors could then be re-copied, the chance of the sort of error that resulted in "Yelieban, chief of the Rus' tribes" was high. It was not exceptionally important if the scribes copied authentic information about an obscure and distant country, its cities, or its political leaders.

Modern Russian scholarship was often close to solving this issue before I could publish it. In 2009, a Russian scholar, Roman Khrapachevsky, published Russian translations of several fragments from the *Yuan Shi* related to Russia and Eastern Europe. He did indeed identify Ye-lie-zan as it appeared in the text as Rязan on several occasions [1, p. 181, 208, 242]. He encountered the same textual passages that I did and noted this pattern. However, when he translated the biographies of Subutai, he did not establish the connection and deviated from the general picture he had observed. He noted: "В 13-м году [правления Угэдэя] (1241 г.) [Субэдэй] ходил карательным походом на владельца русских Юрия-бана и схватил его" [In the 13th year [of the reign of Ogedei] (1241) [Subetei] went on a punitive campaign against the ruler of the Russians Yuri-ban and grabbed him] [1, p. 242]. So, in this case, Khrapachevsky opted the tempting but false connection to Yuri II of Vladimir. This has been generally where the modern literature has pointed: a corrupted form of Yuri II with a Slavic royal title added as a suffix. That, indeed, was my own initial suspicion for several years.

Nonetheless, the argument that I presently advance (which at least might be new to an English-speaking readership that researches the Mongol Empire) might not be totally original but in fact is about two centuries old. In the 43rd volume of the *Biographie Universelle ancienne et moderne*, published in 1825, we note in the biography of Subutai, included in the larger encyclopedia, that an unnamed French author had already reached the same conclusions that I have regarding the mysterious Yelieban. Rather than taking Yelieban to be a person, the French author suggested this was a city, writing, "Sonboutai marcha contra le prince des Russes, lui livra bataille, le prit, s'empara de Yelieipan et d'autre villes des même contrées, et soumit toutes les tribus qui les habitaient" [4, p. 162]. That is: "Subutai marched against the prince of the Russians, gave him battle, captured him, and seized

Yelieban and the other towns of the same regions, and submitted all the tribes who inhabited them.” The author quietly and unassumingly distinguished the prince of the Rus’ from a city of Yelieban that he was defending against the Mongols. Whether the author identified that city as Ryazan is uncertain, but this rather remarkable passage shows that such notions have casually occurred to researchers even centuries before our time. It serves as a stark reminder of how innovative solutions to old historical problems have sometimes been floating around in the literature for centuries and have simply been ignored or overlooked.

Likewise, late Qing authors in the early twentieth century – while using Western sources like D’Ohsson to supplement the scarce details found in Chinese primary sources pertaining to Batu’s Great Western Campaign – seemed to have noticed the similarity between the Yelieban of the Subutai biographies and a city mentioned elsewhere in the *Yuan Shi*. The Chinese scholar, Tu Ji (1856–1921), in his biography of Batu (*liezhuan* 17), likewise seems to have identified “Lie-ye-zan,” interestingly reversing the graphs (烈也贊), as indeed a “famous city” or the “famous cities” (諸名城) that were conquered in that year. This statement clearly identifies Lie-ye-zan as a geographical location and attached to the city name itself. Moreover, Tu Ji’s seemingly intentional rearrangement better approximates the actual sound of Ryazan. He stated the Mongols invaded Rus’ for a year (一歲之間) and then divided and conquered *Lie-ye-zan* (烈也贊). Tu Ji seemed confused at times, taking Lie-ye-zan and Kolomna to be the Rus’ rulers (主) at another point [24, p. 369]. Another scholar from the late Qing and its aftermath, Ke Shaomin (1850–1933), also came close to explicitly solving the mystery over a century ago through his use of the combination of Eastern and Western sources. In his biography of Batu (*juan* 106 of the *Xin Yuan Shi*), he followed the lead of Tu Ji but did not make the mistake of calling Lie-ye-zan and Kolomna leaders of the Rus’, rather specifying that they were two cities that the Mongols attacked: [取勃蠻思克等城。南境諸王幼里與其弟羅曼分守烈也贊、克羅姆訥二城] [9, *juan* 106, p. 5].

In any case, the present investigation leaves us with little doubt that Yelieban ultimately stems from a transcription error and that the seed from which the story originates was the sack of Ryazan in late 1237. It is remarkable that a “historical figure” was, in a sense, created out of nothing in Yuan-era materials. However, that is not exactly the case. If there was a person who represented Ryazan, it would be, fittingly enough, Prince Yuri Ingvarovich who died with most of the other Ryazan royalty when the city fell to Batu’s onslaught on 21 December 1237. Thus, scholars who have suggested a “Yuri” was at the root of the Yelieban mystery might be consoled by that fact, and they were in a sense correct – a prince named Yuri was captured and slain at the fall of Ryazan as the Rus’ chronicles and the *Tale of the Destruction of Ryazan* attest. Beyond providing a satisfactory answer to a question regarding important source material on the Great Western Campaign, the present article might serve to highlight just how poorly the distant northwest quadrant of the Mongol Empire – the Jochid ulus – was known to the medieval inhabitants of the Yuan state. Indeed, as the shockingly brief and undetailed “biography” of Jochi that exists in the *Yuan Shi* noted of the Jochid state: “His lands are extremely far away, tens of thousands of li from the capital [modern Beijing]. Riders going at a fast pace travel for 200 days before they get to the capital. For that reason, none of that place’s cities or

customs are known in detail” [其地極遠，去京師數萬里，驛騎急行二百餘日，方達京師，以故其地郡邑風俗皆莫得而詳焉] [25, p. 2906].

REFERENCES

1. Khrapachevsky R. Yuan shi [Official History of the Yuan Dynasty]. *The Golden Horde in sources*. Vol. 3. Moscow, 2009, pp. 222–225. (In Russian)
2. Tizengauzen V.G. A collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol 1. St Petersburg, 1884. 564 p. (In Russian)
3. Atwood C. Mongolian Sources on the Great Western Expedition: Some Analytical Comments. *The Mongols in Europe: The Profile and Impact of their thirteenth-century invasions*. Nagy B. (ed.). Budapest, ELTE, 2024. 554 p.
4. Biographie universelle ancienne et moderne. Vol. 43. Joseph Fr. Michaud (ed.). Paris: Michaud, 1825. 604 p. (In French)
5. Boyle J. The Successors of Genghis Khan. New York: Columbia University Press, 1971. 372 p.
6. Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. 2 Vols. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co. Ltd., 1910. Vol. 1. xii + 334 p.
7. Buell P. Readings on Central Asian History. Bellingham: Independent Learning, 2003. 149 p.
8. de Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Leiden, Brill, 2006. cxxvi + 1347 p.
9. Ke Shaomin 柯紹忞. *Xin Yuan Shi 新元史* [New History of the Yuan Dynasty]. Shanghai: Kaiming Publishing House, 1935.
10. Maiorov A.V. Diplomacy, war, and a witch. *The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe, Political, Economic, and Cultural Relations*. Maiorov A.V., Hautala, R. (eds). London: Routledge, 2021. 524 p.
11. Michell R., Forbes N. (trans.). *The Chronicle of Novgorod 1016–1471*. London: Camden Society, 1914. xliii + 237 p.
12. Painter G. The Tatar Relation. *The Vinland Map and the Tartar Relation*. Skelton R. et al. (ed.). New Haven, 1995, pp. 754–101.
13. Pelliot P. Notes sur l’histoire de la Horde d’Or. Paris, 1950. 174 p. (in French)
14. Perfecky G. The Hypatian Codex, Part II: The Galician-Volynian Chronicle. *Harvard Series in Ukrainian Studies* 16:2. Munich, 1973. 159 p.
15. Pow S. Conquest and Withdrawal: The Mongol Invasions of Europe. Budapest: Archaeolingua, 2025. 353 p.
16. Pow S. The Last Campaign and Death of Jebe Noyan. *Journal of the Royal Asiatic Society* 27:1 (2017): 31–51.
17. Pow S., Liao J. “Subutai: Sorting Fact from Fiction Surrounding the Mongol Empire’s Greatest General (with Translations of Subutai’s Two Biographies in the Yuan Shi). *Journal of Chinese Military History* 7.1 (2018): 37–76.
18. Richards D.S. (trans.). Ibn al-Athir, *The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil fi’l-ta’rikh*. Part 3: The Years 589–629/1193–1231: The Ayyubids after Saladin and the Mongol Menace. Aldershot: Ashgate, 2008. viii + 331 p.
19. Rowshan M., Mūsavī M. (eds.). *Rashīd ad-Dīn Faḏl Allāh. Jāmi‘ at-tavārīkh : Tārīkh-i Ghāzānī*. Vol. 1. Tehran: Nashr-e Alborz, 1994/Tehran: Mīrāt-e Maktūb, 2016.
20. Su Tianjue 蘇天爵. *Yuanchao mingchen shilue 元朝名臣事略* [Lives of Eminent Ministers of the Yuan]. Yao Jing’an (ed.). Beijing: Zhonghua shuju, 1996.

21. Svedrup C. Sübe’etei Ba’atur, Anonymous Strategist. *Journal of Asian History* 47.1 (2013): 33–49.
22. Tabīb Rashīd, Blochet E. *Jami’ Al-tawarikh*. Vol 2. Leiden: Brill, 1911.
23. Thackston W. Rashiduddin Fazlullah’s *Jami’u’tawarikh*: Compendium of Chronicles. 2nd edition. Cambridge, Harvard University Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1999. 811 p.
24. Tu Ji 屠寄. *Mengwu’r shiji* 蒙兀兒史記. Beijing, China Bookstore, 1984 (reprint). 1118 p.
25. *Yuan Shi* 元史 [History of Yuan Dynasty]. Beijing: Zhong Hua Book Company, 1976. 4678 p.

**«Е-ЛЕ-БАНЬ, ПРАВИТЕЛЬ РУССКОГО ПЛЕМЕНИ»:
ОБЪЯСНЕНИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О РУССКОМ ПРАВИТЕЛЕ,
УПОМЯНУТОМ В «ЮАНЬ ШИ»**

Стивен Поу

*Университет Калгари
Альберта, Калгари, Канада
Lstephenpow@gmail.com*

Резюме. Цель исследования. В данной статье предпринимается попытка объяснить идентичность «правителя племени русов Е-ле-баня», упомянутого в монгольско-китайских источниках XIII–XIV веков. В отличие от предыдущих попыток связать эту фигуру с Юрием II или каким-либо конкретным лицом, в статье выдвигается аргумент, что «Е-ле-бань» относится к городу Рязани.

Материалы исследования. Используются первоисточники, в первую очередь биографии Субэдэя в «Юань ши» (главы 121 и 122), другие разделы «Юань ши», «Юаньчао минчэнь шилюэ» Су Тяньцзюэ, Новгородская и Галицко-Волынская летописи, «Сокровенное сказание монголов» и Рашид ад-Дин. Также привлекалась вторичная литература ведущих специалистов по истории Монгольской империи, а кроме того китайские и французские работы XIX – начала XX века.

Результаты и новизна исследования. В статье утверждается, что «Е-ле-бань» является попыткой передачи названия Рязани на монгольский язык, записанного Рашид ад-Дином как «Ирезан». В процессе перевода и копирования, которые привели к созданию различных версий биографии Субэдэя, дошедших до нас, восточноазиатские авторы просто не знали, что такое «Ирезан», захваченный войсками Батыея, и ошибочно приняли «Е-ле-бань» за имя правителя, а не за город. Другие однозначные транскрипции Рязани в литературе эпохи Юань подтверждают эту идентификацию.

Ключевые слова: Монгольское нашествие на Русь, Юань ши, Е-ле-бань, русские летописи, Монгольская империя, монгольское вторжение в Европу, Батый, Субэдэй, Рязань

Для цитирования: Pow S. “Ye-Lie-ban, ruler of the Russian tribe”: An explanation for the Chinese term to designate a Rus’ ruler recorded in the Yuan Shi // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 509–522. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.509-522> EDN: BQASVW

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стивен Поу – PhD, Университет Калгари (Альберта, Калгари, AB T2N 1N4, Канада); ORCID: 0000-0001-8804-0397, Scopus Author ID: 55792249100. E-mail: Lstephenpow@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stephen Pow – PhD, University of Calgary (Alberta, Calgary, AB T2N 1N4, Canada); ORCID: 0000-0001-8804-0397, Scopus Author ID: 55792249100. E-mail: Lstephenpow@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 11.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 17.07.2025

Принята к публикации / Accepted 11.08.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.523-542> УДК 930.2, 94(47).031, 94(55)
EDN: DNZHSK

**БАСКАК, ДАРУГА, ШИХНЕ:
К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ДОЛЖНОСТЕЙ
Ч. 1: ИНСТИТУТ ШИХНЕ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ**

И.А. Мустакимов ^{1,2}✉, **Л.Ф. Абзалов** ^{2,3},
М.С. Гатин ^{2,3}, **Р.Ю. Почекаев** ⁴

¹ *Научный институт изучения Улуса Джучи
Астана, Республика Казахстан*

² *Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация*

³ *Самаркандский государственный университет имени Ш. Рашидова
Самарканд, Республика Узбекистан*

⁴ *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ itus2007@mail.ru

Резюме. Цель исследования: в статье исследуются институты баскака, даруги, шихне в тюрко-монгольских государствах эпохи Монгольской империи и ее преемников. Авторы предпринимают попытку доказать обоснованность отождествления этих должностей. Для этого они осуществляют анализ статуса этих чиновников на основе правовых памятников, иных официальных актов материалов, летописей и исторических сочинений. Первая часть статьи посвящена анализу института шихне.

Материалы и методы исследования: основу исследования составляют исторические источники: ярлыки правителей, исторические сочинения, политические трактаты, а также результаты ранее проведенных исследований. Авторы используют структурно-функциональный подход, историко-правовой анализ, сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы, институциональный подход, критический анализ источников и исследований.

Научная новизна заключается в том, что вопрос о соотношении терминов «баскак», «даруга» и их персидского аналога «шихне» рассматривается, в первую очередь, на основе анализа правовых актов о назначении соответствующих чиновников на должность. В статье впервые вводятся в русскоязычный научный оборот тексты трех ярлыков о назначении на должность шихне (баскака) из трактата Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб», которые исследуются на междисциплинарном уровне.

© Мустакимов И.А., Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Почекаев Р.Ю., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Результаты исследования: Авторы приходят к выводу, что шихне являлся чиновником, представлявшим интересы правителя (султана, хана, ильхана) в соответствующем регионе, обеспечивающим его стабильность и лояльность населения, в том числе силовыми и процессуальными средствами. Эта должность могла относиться к разным уровням административного управления – от крупных областей (вилайетов, улусов) до небольших селений. В продолжении статьи планируется соотнести выявленные элементы статуса шихне с полномочиями баскаков (даруг) и проследить эволюцию их статуса в тюрко-монгольских государствах.

Ключевые слова: баскак, даруга, шихне, тюрко-монгольские государства, Монгольская империя, Золотая Орда, монгольский Иран, империя Юань, ханские ярлыки, имперская администрация

Для цитирования: Мустакимов И.А., Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Почекаев Р.Ю. Баскак, даруга, шихне: к проблеме соотношения должностей. Ч. 1: Институт шихне и его эволюция // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 523–542. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.523-542> EDN: DNZHSK

Финансирование: Статья подготовлена и опубликована при финансовом содействии Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования BR24992878 «Изучение этнополитической и социально-экономической истории Улуса Джучи в XIII–XV веках».

BASQAQ, DARUGA, SHIHNE: THE PROBLEM OF CORRELATION. PT. 1: THE INSTITUTION OF SHIHNE AND ITS EVOLUTION

I.A. Mustakimov^{1,2} ✉, *L.F. Abzalov*^{2,3}, *M.S. Gatin*^{2,3}, *R.Yu. Pochekaev*⁴

¹ *Research Institute for Jochi Ulus Studies
Astana, Republic of Kazakhstan*

² *Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation*

³ *Samarkand State University named after Sh. Rashidov
Samarkand, Uzbekistan*

⁴ *HSE University
St. Petersburg, Russian Federation*

✉ imus2007@mail.ru

Abstract. Research objectives: To characterize the legal status of a basqaq, daruga and shihne in the Turkic-Mongol states during the epoch of the Mongol Empire and its uluses, as well as to prove of the authentication of these offices. Authors intend to clarify the basic rights and obligations of these officers and their position in the administrative structure on a base of legal monuments, official acts, chronicles, and historical works. The first part of the article is an analysis of shihne institution.

Materials and methods of research: The basic materials are historical sources including decrees of rulers, historical chronicles and political treatises as well as results of previous researches. Authors use structure functional analysis historical legal method, comparative historical and comparative legal approach, institutional analysis, critical analysis of sources and researches.

Scientific novelty: It is the first attempt at research of problem of correlation of the terms “basqaq” and “daruga” and as well as their Persian analogue “shihne” on a base of legal acts on the appointment for these office. Also, it is the first Russian translation of three

yarlyks on the appointment of shihne from the “Dastur al-katib fi ta‘yin al-maratib” by Muhammad b. Hindushah Nakhchivani, which are studied using an interdisciplinary approach.

Results of the research: The authors find that shihne was a special officer who represented the interests of the ruler (sultan, khan, ilkhan) in the certain region. His functions included providing stability for the region while ensuring the loyalty of its population using different ways including forced and procedural methods. This office could function at the different levels of administrations – from the region (vilayet, ulus) to smaller settlements. The second, forthcoming part of the article will be devoted to the comparative analysis of the status of shihne with that of basqaq and daruga and the evolution of these offices in the Turkic-Mongol states.

Keywords: basqaq, daruga, shihne, Turkic-Mongol states, Mongol Empire, Mongol Iran, Golden Horde, Yuan Empire, khans’ yarlyks, imperial administration

For citation: Mustakimov I.A., Abzalov L.F., Gatin M.S., Pochekaev R.Yu. Basqaq, daruga, shihne: the problem of correlation. Pt. 1: The institution of shihne and its evolution. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 523–542. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.523-542> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out with the support of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of program-targeted funding (project IRN BR24992878 “Study of ethno-political and socio-economic history of Ulus Jochi in 13th–15th centuries”).

Термины «даруга» и «баскак» давно известны в истории Золотой Орды и русско-татарских отношений, а также неоднократно упоминаются и в истории других чингизидских улусов. И, пожалуй, не менее давним является спор о соотношении этих понятий. Как минимум, с середины XIX в. в историографии поднимается вопрос о том, обозначали ли они одну и ту же должность или разные. При этом сторонники обеих версий, по сути, опираясь на один и тот же комплекс источников, предлагали собственную их интерпретацию, стараясь убедить оппонентов в своей правоте.

Решение этой проблемы представляется возможным, как ни странно, на основе анализа еще одного термина, который, по мнению авторов, означает ту же должность что и два вышеупомянутых. Речь идет о термине «шихне» (شحنة), который широко использовался в монгольском Иране, а также, возможно, употреблялся и в других чингизидских государствах. Наше обращение к анализу статуса шихне объясняется тем, что авторитетные исследователи истории чингизидских государств XIII–XIV вв., в т.ч. и системы их власти и управления, однозначно полагают, что термин «шихне» являлся персидским эквивалентом монгольского термина «даруга» [см., напр.: 14, с. 88; 23, р. 12]¹ и, как мы намерены показать в дальнейшем, это в полной мере относится и к термину «баскак».

В отличие от предыдущих исследователей, которые в своих версиях о соотношении терминов «даруга» и «баскак» опираются преимущественно на краткие сообщения нарративных источников и, в отдельных случаях, на упоминания об этих чиновниках в тарханных ярлыках, авторы настоящей статьи

¹ Любопытно, что П. Джексон, полагающий, что баскак и даруга были разными должностями, при этом отождествляет должности баскака и шихне [27, р. 108].

намерены проанализировать документы (ярлыков персидских ильханов) о назначении на должность шихне. Соответственно, в них детально отражен статус этих чиновников, их права и обязанности, которые вряд ли могли быть четко реконструированы на основе отдельных упоминаний о них в сообщениях летописей и хроник.

В статье впервые публикуется русский перевод трех ярлыков о назначении шихне из персоязычного трактата «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного около 1366 г. Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, служившим при дворе последних ильханов из рода Хулагуидов и их преемников Джалаиров². Перевод сопровождается комплексным анализом, который позволит сформировать представление о том, что представлял собой институт шихне и, как надеются авторы, позволит внести существенный вклад в решение проблемы соотношения терминов «даруга» и «баскак».

Институт шихне в мусульманских государствах домонгольского периода. Первые упоминания должности шихне исследователи относят к первой половине X в.: такой чиновник фигурирует, в частности, в сочинении арабского автора Хилала ас-Саби «Установления и обычаи двора халифов» при описании правления халифа ал-Муктадира (908–932) [см.: 11, с. 127–128]. Однако широкое распространение эта должность получает в эпоху владычества тюрков-сельджуков, хотя сам термин этимологически имеет персидское (или, по некоторым предположениям, арабское) происхождение [17, с. 71].

С помощью института шихне Великие Сельджуки постарались решить проблему замены могущественной региональной родовой знати собственными лояльными наместниками из числа служилой аристократии³. Соответственно, шихне изначально являлись военными чиновниками, которые контролировали те или иные регионы, следили за порядком, боролись с преступностью, а также, вполне вероятно, осуществляли и административное управление в целом (включая и пресловутый контроль за сбором налогов).

Наиболее ярко статус шихне сельджукской эпохи выражается в сборнике документов «Атабат ал-катаба», составленный Мунтаджабом ад-Дином ал-Джувайни [12]. Из 39 образцов документов этого сборника 4 напрямую связаны с назначением представителей военного командования на должность шихне. Во всех образцах на этот пост претендуют сипахсалары (*amir-i isfahsalār*) тюрокского происхождения [9, с. 87; 26, s. 94]. В соответствии с нормами рассматриваемой эпохи эта должность могла передаваться по наследству [12, с. 106–107].

Важно отметить, что шихне, мог быть уполномоченным представителем центральной власти, призванным обеспечивать интересы государства в целом. Назначение шихне означало подчинение данного региона султану [11, с. 140]. Очевидно, подобные назначенцы были представлены не во всех областях государства, а только там, где было значимо присутствие представителя верховной власти как для осуществления надзора за деятельностью местной администрации и умонастроениями народных масс, так и контролем над процессом сбора

² См. подробную характеристику источника [1].

³ Особое место принадлежало шихне Багдада, который был одновременно и наместником столицы Багдадского халифата, и своего рода резидентом султана при халифе [8, с. 133].

налогов и податей. При этом отмечен случай, когда лицо получало титул шихне лишь для того, чтобы иметь некоторые доходы, но реально не исполняло своих функций. Речь идет таштдаре сельджукского султана Мелик-шаха Ануш-Тегине Гарчай (ум.1097 г.) [6, с. 10]. Не во всех случаях шихне назначался центральной властью. Провинциальных шихне, каждый на своем уровне, определяли вали и раис [12, с. 37, 41, 53; 26, с. 94]. В связи с тем, что часть налогов с Джувейна шла в доход сестры султана Санджара, должность шихне была утверждена и пожалована диваном этой хатун [12, с. 89].

Главной обязанностью шихне было обеспечение порядка и безопасности на подведомственной территории. Он занимался поимкой и наказанием различных преступников, в том числе бунтовщиков, мятежников и их пособников [12, с. 89]. Для этого он мог направлять своих надзирателей (рукаба) в ту местность, которая являлась источником бунта и разбоя [9, с. 88]. По мнению Х. фон Хорста, под шихне также следует понимать и главу полицейского ведомства (Polizeipräfekten) [26, с. 94]. Шихне и его подручные взимали штрафы за нарушение закона, наказывали за преступления [4, с. 99]. Сельджуки в XI–XII вв. могли передавать шихне управление полукочевыми и кочевыми племенами. Здесь у шихне появляются полномочия по выделению пастбищ и водопоев, а также недопущению насилия и жестокости кочевников по отношению друг другу [4, с. 89; 12, с. 116; 26, с. 96].

Шихне должен был оберегать податное население не только «от злого умысла и убытка [со стороны] проезжих чиновников, воинов и путников» [12, с. 89], но и со стороны местной, а также собственной администрации [12, с. 90] – диван-и шихнеги, которым непосредственно руководил заместитель (наиб) шихне. Кроме него шихне помогали в выполнении его функций различные слуги (наввабы). Для поддержания установившихся порядков и выполнения карательных функций под началом шихне могли находиться воинские подразделения и кочевые ополчения [4, с. 89], что также позволяло им принимать участие в военных действиях султана [11, с. 127]. Шихне для обеспечения своих нужд взимал с местного населения специальные налоги [4, с. 99; 12, с. 70]. Туркменские племена платили ему налоги за пастбище (رسوم مراعى) [27, с. 96].

В своей деятельности шихне поддерживал тесную связь с местной администрацией, а именно, с вали, наибом провинциального дивана (диван-и вилайет), а также с кадием [12, с. 71] и в целом с местной элитой. В некоторых случаях шихне мог наделяться полномочиями наиба правителя вилайета [4, с. 89; 9, с. 89; 26, с. 95]. В своей судебной деятельности он руководствовался религиозным правом и указаниями кади, а также консультировался с правоведами и теологами. Кроме того, шихне исполнял приговоры суда кази (mağlis-i hukm) [26, с. 95]. С целью своевременного и надлежащего (в смысле соответствия установленным нормам) сбора налогов с подведомственного населения шихне поддерживал деятельность соответствующих налоговых служб (диван-и амал) [12, с. 66] и занимался доставкой собранных податей в центр [11, с. 132, 136; 12, с. 90; 26, с. 95–96].

Должность шихне со всеми охарактеризованными функциями была представлена и в государстве Хорезмшахов. Здесь он со своими отрядами также осуществлял полицейские и карательные функции, вмешивался во все дела, представлявшие опасность для властей, и устанавливал надзор за теми, кто

мог настраивать население против существующего режима. Как и в государстве Сельджуков на эту должность назначались тюркские военачальники – эмиры [6, с. 58–59].

Таким образом, институт шихне, призванный соблюдать политические и экономические интересы верховного правителя, имел широкое распространение и большое значение как блюстителя общественного порядка в странах Ближнего и Среднего Востока. В силу своей необходимости он сохранился и в монгольский период. Неслучайно в трактате «Дастур ал-катиб» Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани среди должностей монгольской военной и гражданской администрации фигурируют и эти чиновники.

Собственно, три ярлыка о назначении на должность шихне из этого источника уже привлекали внимание исследователей. Еще в XIX в. В.Г. Тизенгаузен подготовил свой вариант перевода всех трех образцов⁴, однако, как и переводы других документов из этого источника, он имеет черновой характер, содержит многочисленные исправления, перечеркивания и т.п. и потому совершенно не пригоден для опубликования. Английский вариант перевода этих документов (также с несколькими другими ярлыками из «Дастур ал-катиб») несколько лет назад был издан китайской исследовательницей М. Ли [28, р. 212–214], однако, как представляется, он является, скорее, переложением (пересказом) основных положений ярлыков, нежели аутентичным переводом. В частности, автор весьма вольно «переводит» термины, обозначающие чиновные должности, произвольно заменяя их английскими эквивалентами, не отражающими специфики аппарата управления XIII–XIV вв.

Таким образом, приведенные ниже переводы являются первой попыткой введения соответствующих документов в русскоязычный научный оборот. Первые два образца ярлыка о назначении шихне переводятся с персидского оригинала. Что касается третьего документа, то мы сочли целесообразным включить сюда и немецкий вариант перевода этого документа (в свою очередь, переведя его на русский язык), осуществленный Й. фон Хаммер-Пургшталем, который, как мы уже неоднократно отмечали ранее, стал первым переводчиком документов из «Дастур ал-катиб» на европейский язык. Кроме того, данный перевод интересен и с историографической точки зрения, поскольку, как будет показано ниже, содержит некоторые ошибки, которые необходимо принимать во внимание при работе с трудом австрийского востоковеда, до сих пор остающимся востребованным для исследователей.

Перевод документов

Раздел пятый. О препоручении должности шихне

Вид первый⁵

Сейидам, кадиям, хакимам, мутасаррифам, битикчиям, всем жителям Ахара⁶ да будет ведомо. Поскольку Алибек из сообщества вельмож эпохи

⁴ Тизенгаузен В.Г. Из сочинения Мухаммада Хиндушаха Нахчивани. Рукописный перевод. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 52. Ед.хр. 14–16. Л. 225 об. – 226 об.

⁵ Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

⁶ Ахар – город на реке Ахарчай в Восточном Азербайджане, на северо-западе современного Ирана.

отмечен и известен правдивостью и справедливостью, его похвальный образ жизни и достохвальные деяния заслуживают одобрения и вызывают [к нему] доверие, а тот вилайет нуждается в шихне, который мог бы противостоять (букв. «мог бы держать ответ») эмирам, влиятельным лицам [и служилым] путникам, то начиная с этой даты должность тамошнего шихне и баскака препоручается ему с тем, чтобы он доискивался до сути дел, подведомственных суду яргу, и решал их по справедливости и Ясе (ياساق). Пусть не вмешивается в разбор шариатских дел, подлежащих суду мусульманских кадиев, и не допускает вмешательства [кадиев] в исполнение обязанностей шихне и [отправление правосудия в суде] яргу.

По этой причине настоящий указ вступает в силу. Пусть [начиная] с [этой] даты его почитают шихне и баскаком того вилайета. Пусть исправляет обязанности шихне во всех делах, связанных с производимыми там расследованиями и установлением истины. По всем тем делам пусть обращаются к нему. Пусть не нарушают его постановлений, вынесенных на основании закона справедливости и Ясы (ياساق). Пусть [тяжущиеся] уплачивают ему установленную пошлину за рассмотрение им дел, дабы он мог тратить [эти средства] на свои потребности, удовлетворение которых необходимо для отправления этой важной должности. Ему [же] надлежит остерегаться злоупотреблений, предвзятости и мздоимства. Пусть не творит насилий и избегает пристрастности. Пусть действует так, чтобы люди были благодарны за его добрые дела, и он удостоился от них восхваления [13, с. 35–37 араб. паг.].

Вид второй⁷

Поскольку Шейх-Турсун является мужем пожилым и опытным, осведомленным о плохом и хорошем, избегающим предвзятости, насилия и не ступающим на путь злоупотреблений, ему вверяется должность шихне такого-то вилайета с тем, чтобы он чтобы он доискивался до сути дел, подведомственных суду яргу, и прилагал усилия к решению их по закону справедливости и Ясы (ياساق), не обвинял невиновного, не шел на поводу у доносчиков и шпионов, никого не подозревал и не привлекал к суду яргу на основании слов заинтересованных лиц и назначал наказание, сообразное степени содеянного.

По этой причине настоящий указ вступает в силу с [этой] даты. Кадии, хакиды и жители такого-то вилайета пусть почитают его уполномоченным [Великого] Дивана и своим шихне. В делах, подведомственных [суду] яргу, пусть обращаются к нему. [Пусть] повинуются его решениям, которые соответствуют закону справедливости и беспристрастности. Пусть выплачивают ему установленную пошлину за исправление должности шихне. Он же пусть удовлетворяется этой суммой и не требует большего [13, с. 37–38 араб. паг.].

⁷ Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

Перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя [26, s. 468–470] ⁸	Перевод с оригинала [13, с. 38–39 араб. паг.] ⁹
<p>У. Грамота [ярлык] управителю (шихне)¹⁰ или государственному наместнику (третий [образец])</p> <p>Сейиды, судьи, военачальники, предводители, знать, магнаты и начальники жаловались на нарушения и беззакония со стороны управлявшего ими наместника, сообщили о его злой жадности и постыдных требованиях, превосходивших всякую меру, и просили справедливого наместника. Так как эта их жалоба подтвердилось показаниями знатных и известных людей, то прежний наместник был низложен, и с этого времени наместничество было передано Хаджи-Эльяссу, чтобы он мог расследовать число беззаконий прежнего управителя и всё, что было отнято им незаконно, вернуть [прежним] владельцам; и дабы он, когда будут возникать тяжущиеся стороны, решал их дела в соответствии с положениями Ясы (законами по охране общественного порядка) и по законам справедливости. По этой причине и вступает в силу настоящий указ, согласно которому, с этого дня он признается наместником этой земли и правовые вопросы будут поручены ему; дабы его приказы соблюдались в соответствии с законами справедливости и Ясой, а плата за наместничество выплачивалась и его слугам. Он должен собирать расписки (Mudschilka) во всех областях и округах, и не быть причиной никаких жалоб от подданных из-за чрезвычайных сборов и натуральных оброков, вне установленных порядком; наместники не должны взимать больше, чем сумма имущества и налогов, учтенная в Диване на их имя, ибо если они сделают иначе, то они будут во грехе; поэтому во всем он должен делать то, чего требуют религия, быть пронизательным, рассудительным и деятельным, дабы жители этого мира осознали, что они таким образом укрепятся, если на то</p>	<p>Вид третий</p> <p>Ныне сейиды, кадии, садры, знатные и известные [жители] Сельмаса¹¹ подали жалобу на притеснения и бесчинства, совершаемые поставленным над ними шихне, и [на то, что] его невиданная алчность и непотребные запросы неподъемны и нестерпимы для них. Упомянув об этом, они попросили [назначить им] справедливого [и] благонравного шихне. Поскольку их жалоба подтвердилась, и сообщество знатных и известных также подтвердило эти показания, прежний шихне смещается и с этой даты должность тамошнего шихне вверяется Хаджи-Ильяссу с тем, чтобы он провел расследование бесчинств и притеснений, совершенных прежним шихне и все, что он незаконно отобрал у кого бы то ни было, было возвращено тем, кто владеет этим по праву¹². После сего, когда перед ним предстанут тяжущиеся, пусть рассматривает дела по закону Ясы (ياساق) и решает их по правде и справедливости. По этой причине настоящий указ вступает в силу. Пусть [начиная] с [этой] даты его почитают шихне того вилайета и обращаются к нему по делам, подведомственным [суду] яргу. [Пусть] исполняют его решения, которые соответствуют¹³ закону справедливости и ясы (ياساق). Пусть уплачивают его нукерам намест-</p>

⁸ Перевод на русский язык выполнен М.С. Гатиным.

⁹ Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

¹⁰ Примечание Й. фон Хаммер-Пургшталя: «Слово Schihnet, Schahnet или Schohnet (встречается написание со всеми тремя этими гласными) очень точно переведено Голиусом как «сатрап» или «претор», что означает военного государственного наместника, которому подчиняются все остальные территориальные органы власти».

¹¹ Сельмас – город в Западном Азербайджане, на северо-западе современного Ирана.

¹² Возможный перевод: «и распределено среди нуждающихся».

¹³ Т.е. «должны соответствовать».

будет воля Божия. Поэтому указ этой грамоты вступает в силу с началом 59-го года (1358), все эмиры улусов, туменов, слуги двора (Inakan), члены Великого Дивана, столпы государства, помощники величества, эмиры тысяч и сотен, баскаки, владельцы имений (Muluk), военачальники, сейиды, шейхи, судьи, наибы, управляющие (Motessarifan), земельные писцы (Bitekdschian), правители, вельможи, магнаты, благородные, знаменитые и в целом все жители [Богом] хранимых земель – арабы, персы, турки, дейлемиты, монголы, таджики, луры, халаджи, туркмены и другие степные кочевники должны признавать его как господина, величайшего товарища (Ssahib), султана везирей, совершенство народа и религии, чье могущество будет возрастать, как везиря Нашего Величества, и во всех случаях, которые относятся к делам земель, к заботе о провинциях, обращения с подданными, защиты от нарушителей, искоренения насильников, распределению казны, увеличения доходов и сборов, обращаться к нему и его людям; они должны признавать его правильное суждение и его твердое мнение в управлении делами страны, в управлении государством и народом, его толкование основных законов религии и двора как верное руководство и канон, которому необходимо следовать, и никто не должен ни на волосок отступить от его слова и мнения во всех вопросах, касающихся общего блага; члены Великого Дивана, судьи, владельцы имений, военачальники, баскаки, управляющие, секретари (Kjatib), земельные писцы (Bitekdschi) [Богом] хранимых земель должны знать, что их назначение и смещение возложено на него и зависит от его решений; по законам о печатях уполномоченные как суда, так и учреждений Дивана не должны утаивать от него ни одного вопроса полностью или частично, им следует составлять ему полное представление обо всех отраслях финансов, об увеличениях и приростах, притоках и излишках и не должны ничего от него скрывать; эмиры улусов должны появляться каждую неделю в один из дней в Великий Диван и с его согласия и изволения главного судьи государства (Kadhiol-Kodhat), изучать состояние земель, вникать в дела просителей и тех, кто находится в беде, и, согласно положению закона, приводить их к решению, основанному на справедливости и правосудии, давать за это назначенную плату, и если он, в

ническую пошлину (رسم شهننگی). Он же должен не идти на поводу у злоумышленников, доносчиков и прежних шпионов и не прислушиваться к их словам, извлекая урок из деяний и поступков прежнего шихне. Пусть не привлекает к суду яргу кого бы то ни было из сообщества тамошних знатных и известных жителей – обладателей непорочной репутации и невинности – на основании их [доносчиков] наговоров¹⁴, не создает им неудобств и не чинит им насилий. Пусть действует таким образом, чтобы разошлась слава о его добропорядочности и чрезвычайной справедливости и непредвзятости, и он удостоился "[людской] хвалы [так, чтобы к нему] приходили из окрестностей [за разрешением тяжб] и [ему] доверяли. Писано в ...

¹⁴ Букв. «свидетельств».

целях содействия закону, вынесет об этом заявление в граматах (Berat) с золотой печатью Дивана, управляющие землями должны без промедления исполнять это, а сборщики налогов должны доставлять ему суммы по приказам. Написано по величайшему повелению и проникновенному ознаменованию, и пусть Его всепроникающее могущество длится вечно!	
--	--

Дипломатический комментарий. Вполне оправданным с научной точки зрения будет сравнение структуры наших образцов с документами, представленными в упомянутом выше сборнике инша «Атабат ал-катаба», главы диван ар-раса’ил (диван ал-инша’) султана Санджара (1118–1153) Мунтаджаб ад-Дина ал-Джувайни. Проведенный анализ свидетельствует о том, что формуляры сравниваемых документов демонстрируют некоторое сходство, что в первую очередь определяется объективными факторами документообразования. Как известно, условный и абстрактный формуляры, состоят из различных компонентов протокола, основной части и эсхатокола. Наличие тех или иных компонентов определяются специфическими условиями издания документа, что выражается в конкретном и индивидуальном формуляре.

Первый вид, приводимый Мухаммедом б.Хиндушахом начинается традиционной для чингизидских актовых материалов инскрипцией (адресатом), которая определяет круг должностных лиц, обязанных принять указ к исполнению. Формула-оповещения «да будет ведомо» (بدانند کی) связывает протокол с корпусом документа, который в индивидуальном формуляре первого образца начинается союзом چون («поскольку»), так происходит переход к наррации («фикра-и хикая»), где указывается имя назначаемого лица (عليك), а также его личные и профессиональные качества. Вслед за наррацией идет диспозитивная часть корпуса документа («фикра-и хукмия»), где говорится о назначении указанного лица на должность, характеризуются его обязанности, определяются источники его доходов, дается предписание должностным лицам (адхортация). На этом представленный образец завершается.

Во втором и третьем видах автор ограничивается характеристикой наррации (или повествованием по Г.М. Курпалидису) и диспозиции (распоряжением и постановлением). При этом в третьем образце представлен один из элементов эсхатокола «писано в» (کتب في). Как известно, конечный протокол документов чингизидских канцелярий, должен был содержать указание даты и места выдачи. Следует отметить, что во втором виде автор разместил должностных лиц, которые должны были принять ярлык к исполнению, в диспозитивной части (адхортация), что в целом свойственно для делопроизводственной практики, представленной в «Дастур ал-катиб» и «Атабат ал-катаба». Другие компоненты условного формуляра остались вне характеристики автора «Дастур ал-катиб», в особенности начальный и конечный протоколы, которые, как правило, не зависели от содержания документа [21, s. 211]. Абстрактный и индивидуальный формуляр разбираемых образцов ярлыков, как видно, включает в основном лишь корпус документа, с главными присущими ей компонентами (наррация и диспозиция), характерными как для персидской, так и чингизидской дипломатики.

Г.М. Курпалидис, всесторонне изучавший «Атабат ал-катаба», выделяет следующие компоненты в структуре условного формуляра документов, пред-

ставленных в этом сборнике: адресант, предисловие, адресат, приветствие, повествование, распоряжение (призыв), постановление и заключение [9, с. 132–136]. В то время как западные исследователи выделяют схожую, но несколько отличную, в том числе в терминологическом плане структуру [см., напр.: 21]. Если говорить об образцах указов, связанных с назначением на должность шихне, в данном сборнике, то здесь мы наблюдаем не только более полную структуру формуляра, но и значительно более пространные формулировки его основных компонентов. Например, в «Атабат ал-катаба» большинство образцов начинаются пространной аренгой (предисловие по Г.М. Курпалидису), в которой, как правило, приводились моральные и религиозные мотивы принятия документа [20, р. 309]. Особенно ярко это проявляется в указе (маншуре) о назначении на должность правителя и шихне Балха [12, с. 104]. В «Дастур ал-катиб» аренда не представлена ни в одном из образцов. Не в последнюю очередь это может объясняться полномочиями шихне эпохи Чингизидов, которые были связаны с осуществлением правоохраны на основе норм Ясы. Поэтому присутствие здесь выражений, характеризующих основы исламской культуры, было не совсем уместно. Это обстоятельство также характеризует одно из отличий сравниваемых документов в содержательном плане. И далее в такой же пространной форме характеризуются остальные компоненты формуляра (наррация, диспозиция, также приводится краткая аппрекация). В распоряжении и постановлении указов также, как и в «Дастур ал-катиб» характеризуются основные обязанности обладателя должности, говорится о необходимости сотрудничества с местной знатью, в том числе с кадием, предписывается оберегать местное население от проезжих чиновников и путников, контролировать представителей собственной администрации, указываются источники доходов для исполнения должности шихне и даются предостережения назначаемому лицу и т.д. Следует отметить, что вне зависимости от смены династии в Иране, структура корпуса документа, в отличие от начального и конечного протоколов, а также средств аутентификации, не претерпевала особых изменений [24, s. 18].

Сравнительный анализ формуляров, приведенных в двух различных сборниках документов, написанных на персидском языке, но на разных этапах развития делопроизводства в Иране, демонстрируют некоторую общность структуры документа, определявшуюся как объективными факторами развития делопроизводства, так и общностью культурной и языковой принадлежности. Главное отличие в формуляре можно видеть в наличии ярко выраженной инскрипции в первом образце из «Дастур ал-катиб», где представлен характерный для чингизидской канцелярии адресат. Другой важной особенностью, является лаконичность, сжатость приводимых в образцах из «Дастур ал-катиб» компонентов формуляра, что может объясняться не только предназначением этого сборника, но и особенностями чингизидского делопроизводства. Таким образом, в приводимых Нахчивани образцах мы прослеживаем некий синтез традиционной персо-мусульманской и чингизидской канцелярской практики, что вполне укладывается в политические реалии рассматриваемой эпохи.

Следует отметить, что в перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя вкралась серьезная ошибка: более половины документа (со слов «Он должен собирать расписки во всех областях и округах» до конца документа) являются переводом заключительной части третьего вида указа о назначении везира [13,

с. 89–92 араб. паг.]. Примечательно, что в первом и третьем видах указов о назначении везира, приведенных в «Дастур ал-катиб», специально оговорена обязанность шихне не взыскивать для себя с подведомственного населения ничего сверх пошлины на содержание шихне в установленном Диваном размере, причем везир должен был истребовать расписку в принятии на себя этого обязательства со всех назначаемых им шихне [13, с. 77, 89 араб. паг.] (во втором образце указа такую расписку великому везиру предписывалось брать с назначаемых им должностных лиц в «вилаятах и провинциях» (ولایات و بلوکات و) государства [13, с. 84 араб. паг.]). Формулировку о «назначении» везиром шихне, очевидно, следует понимать в том смысле, что шихне, хотя формально и относились к «военной ветви» власти¹⁵, назначались ильханом по представлению везира. В этой связи заслуживает внимания утверждение Э. Мерчиля о том, что обычно назначение и смещение шихне в государстве Великих Сельджукидов осуществлялось правителем или везиром [29, s. 292]. Можно предположить, что в монгольский период везир сохранял свое влияние на назначение шихне по традиции. Трудно, однако, сказать, был ли таким порядок назначения шихне в Монгольской империи и монгольском Иране изначально, или эта процедура претерпела изменения ко времени правления династии Джалаиридов (в третьем образце указа о назначении везира говорится о вступлении его в силу в «пятьдесят девятом ханском году» [13, с. 89 араб. паг.], приходившемся на 1359–1360 г. н.э. [см. подробнее: 1, с. 776]). Также трудно сказать, был ли таким же порядок назначения шихне в других улусах Монгольской империи.

Историко-правовой комментарий. Приступая к анализу правового статуса шихне, сразу стоит обратить внимание на адресат публикуемых ярлыков: среди них мы не видим высокопоставленных сановников государства – речь идет лишь о представителях регионального управления. Этот факт свидетельствует о том, что шихне осуществляли свои полномочия именно на региональном или даже местном уровне, не вступая в прямое взаимодействие с центральными властями. Отметим, что в двух первых образцах речь идет о назначении на должность шихне «вилаята», т.е. административно-территориальной единицы, области, тогда как в третьем документе – о даруге конкретного города Сельмаса. Это позволяет провести параллель с упоминаемыми в переводах золотоордынских ярлыков русской церкви «волостными, городскими, сельскими» даругами [5, с. 67; 22, р. 239–241].

В документах из «Дастур ал-катиб» мы не находим информации, кому именно напрямую подчинялся шихне – за исключением упоминания во втором образце, что он является «уполномоченным [Великого] Дивана». Полагая, что можем экстраполировать на эпоху монгольского Ирана информацию о подчиненности этих чиновников, содержащуюся в «Атабат ал-катаба» наместникам провинций и уже через них – везирам [см.: 17, с. 68]¹⁶. Вместе с тем, отметим, что шихне назначается на должность именным ярлыком ильхана, хотя вряд ли на основании лишь этого факта можно делать выводы о его

¹⁵ Об административной структуре монгольского Ирана периода правления Джалаиридов см. [1, с. 774].

¹⁶ Позволим себе высказать предварительную гипотезу, что в ильханский период шихне мог быть подотчетен эмиру ульке (округа), либо наibu, перевод и анализ ярлыков о назначении которых из «Дастур ал-катиб» также входит в ближайшие планы авторов статьи.

статусе и значении. Исследование других ярлыков из «Дастур ал-катиб» дает нам возможность убедиться, что нередко именем ильхана производились и назначения на сравнительно невысокие административные должности.

Традиционно для ярлыков монгольского Ирана о назначении на должности рассматриваемые указы содержат обоснование причин, по которым выбор пал именно на данных кандидатов. Так, фигурант первого ярлыка, Алибек, «известен правдивостью и справедливостью» и ведет «похвальный образ жизни», а также успел обратить на себя внимание «достохвальными деяниями», которые проявил, вероятно, на предыдущей своей должности. Любопытно, что в число достоинств его коллеги Шейх-Турсуна входит не только опыт и осведомленность «о плохом и хорошем», достойный образ жизни (без «предвзятости, насилия и... злоупотреблений»), но и то, что он «является мужем пожилым». До сих пор подобных указаний на возраст в качестве дополнительного обстоятельства в пользу претендента на должность нам в ярлыках из «Дастур ал-катиб» не встречалось. Чиновник Хаджи-Ильяс, назначаемый шихне в соответствии с третьим образцом ярлыка, не характеризуется напрямую, но из начала документа следует, что жители населенного пункта Сельмас (впрочем, далее также характеризуемого как «вилайет») просили назначить им «справедливого [и] благонравного шихне», следовательно, именно этим требованиям отвечает указанный кандидат.

Перечень должностных полномочий и обязанностей шихне четко указывается в каждом из документов, хотя определенные различия между ними, безусловно, присутствуют. При этом основной его функцией, как ни странно, выступает судебная: ему предписывается разбирать дела на основании Великой Ясы Чингиз-хана. Как хорошо известно, судебные разбирательства в соответствии с имперским законодательством (включая Ясу, предписания ханских ярлыков и пр.) осуществляли совсем другие чиновники – яргучи (дзаргучи) [2]. Однако, как мы выяснили, последние не являлись отдельной судебной инстанцией, поскольку выполняли судебские обязанности, так сказать, по совместительству, являясь, как правило, высокопоставленными сановниками или военачальниками. Совсем другое дело – шихне, который специально назначался на пост, в значительной степени связанный именно с отправлением правосудия.

Кроме того, анализ должностных обязанностей шихне в анализируемых ярлыках позволяет сделать вывод, что его функции не ограничивались непосредственно разбирательством дел в суде. По сути, он осуществлял весь комплекс правоохранной деятельности, начиная с выявления правонарушений и заканчивая наказанием преступников и возвратом собственникам незаконно присвоенного¹⁷. Так, в первом ярлыке прямо говорится о «производимых... расследованиях» и «установлении истины» шихне Алибеком. Шейх-Турсуну также предписывается «доискиваться до сути дел», что, несомненно, подразумевает проведение им не только судебных, но и следственных действий (именно в рамках этой стадии процесса он должен был взаимодействовать с

¹⁷ В этом отношении весьма показательным сообщением Вассафа об одном из эпизодов похода хана Узбека на хулагуидский Иран в 1319 г. Несколько его воинов ограбили некий «скит», и в ответ на жалобу местного духовенства ханом «на это дело был назначен (особый) шихне», который провел расследование, выявил виновных и обнаружил похищенное, рассмотрел дело и вынес судебное решение о возврате всего награбленного владельцам и о наложении штрафа на виновных [16, с. 87–88].

упоминаемыми в ярлыках «доносчиками и шпионами»). А Хаджи-Ильясу в третьем образце ярлыка приказывается провести конкретное расследование – установить виновность его предшественника на посту шихне, выявить, что было им присвоено и вернуть законным владельцам. При этом подчеркивается, что он также должен решать дела «по правде и справедливости», т.е. ограничиваться формальными предписаниями закона, но и руководствоваться собственным внутренним убеждением. Неслучайно в число требований к кандидатам на должность шихне входили правдивость, справедливость, безупречная репутация и пр.

Более того, упоминание в первом ярлыке необходимость шихне «противостоять эмирам, влиятельным лицам [и служилым] путникам»¹⁸, а в третьем – наместнической пошрины, позволяет характеризовать шихне именно как главу администрации соответствующего территориального образования – вилайета или населенного пункта, каковым, собственно, он в первую очередь и являлся. Это соответствует и статусу шихне, нашедшему отражение в указах сельджукских султанов, касающихся этой должности: в них шихне осуществляют общее административное управление, поручая судебные разбирательства кади (по делам, предусмотренным шариатом) и райсу (по делам из налоговой сферы) [12, с. 109]. Таким образом, перед нами вырисовывается образ наместника верховного правителя страны в том или ином регионе, основной обязанностью которого было поддержание законности и правопорядка в интересах монарха, обеспечивать лояльность к нему со стороны подданных всеми средствами, которые были позволены ему указом о назначении на должность. Это подтверждается также и тем, что в каждом указе содержится наказ шихне исполнять свои обязанности так, чтобы население было им довольно. Поскольку наместник назначался на должность ханским указом, он своими действиями олицетворял в глазах жителей политику самого государя, поэтому важно было сформировать у населения конкретного региона положительный образ власти в государстве¹⁹.

Учитывая, что большинство функций шихне было связано с обеспечением правопорядка и борьбой с преступностью, неудивительно, что эта должность не рассматривалась в качестве гражданской. Назначать на эту позицию следовало лиц, которые имели военный опыт, т.е. из числа эмиров-военачальников, которые, к тому же, должны были ориентироваться в Великой Ясе и имперском праве в целом [ср.: 11, с. 129–131; 15, с. 200]²⁰. Поэтому вполне объяснимо, что, хотя сам институт до некоторой степени был заимствован из более ранней мусульманской практики, эта должность включена в часть («зарб») «Дастур ал-катиб» под названием «О поручении постов и должностей монгольским эмирам, их помощникам и слугам» [13, с. 3 араб. паг.].

¹⁸ Это положение заставляет вновь вернуться к причинам возникновения института шихне в эпоху Великих Сельджуков, которые видели в этих чиновниках как раз противовес крупной местной землевладельческой знати.

¹⁹ Уже Низам ал-Мулк в «Сиясет-наме» подчеркивал, что шихне должен обеспечивать довольство народа, «чтобы избавиться от мучений и пыток в загробной жизни» [18, с. 34].

²⁰ В некоторых случаях на должности шихне могли назначаться и малики – представители местных правящих династий, которые, естественно, становились наместниками не в собственных владениях [19, с. 105] Эта практика также имела место и при Сельджуках [7, с. 93–94].

В связи с этим нельзя не отметить четко проводимое разграничение судебной компетенции шихне на основе Великой Ясы (т.е. имперского права) и кадия на основе предписаний шариата. Так, в первом ярлыке содержится вполне однозначное предписание: «Пусть не вмешивается в разбор шариатских дел, подлежащих суду мусульманских кадиев, и не допускает вмешательства [кадиев] в исполнение обязанностей шихне и [отправление правосудия в суде] яргу»²¹. В других двух ярлыках аналогичного четко сформулированного положения мы не находим, однако и в них подчеркивается, что шихне должен разбирать «дела, подведомственные [суду] яргу», «рассматривать дела по закону Ясы» и т.д. Соответственно, неслучайно среди адресатов ярлыков о назначении шихне присутствуют представители мусульманского духовенства, также обладавшие судебными полномочиями – «сейиды, кадии, хакиды»: ведь им тоже не позволялось нарушать компетенцию суда яргу, находившегося под контролем шихне.

Широкие полномочия шихне давали ему возможности значительного контроля над регионом, его чиновниками и населением. В связи с этим в ярлыках присутствует предупреждение наместнику о недопустимости злоупотребления своими властными прерогативами²². Так, Алибеку в первом ярлыке предписывается: «Ему [же] надлежит остерегаться злоупотреблений, предвзятости и мздоимства. Пусть не творит насилий и избегает пристрастности». Шейх-Турсуну также приказывается, чтобы он «не обвинял невиновного, не шел на поводу у доносчиков и шпионов, никого не подозревал и не привлекал к суду яргу на основании слов заинтересованных лиц и назначал наказание, сообразное степени содеянного». В указаниях Хаджи-Ильяссу также содержится сходное положение: «Он же должен не идти на поводу у злоумышленников, доносчиков и прежних шпионов и не прислушиваться к их словам, извлекая урок из деяний и поступков прежнего шихне. Пусть не привлекает к суду яргу кого бы то ни было из сообщества тамошних знатных и известных жителей – обладателей непорочной репутации и невиновности – на основании их наговоров, не создает им неудобств и не чинит им насилий».

Характерно, что конкретных наказаний за нарушение этих предписаний для шихне не предусмотрено – как, впрочем, и в подавляющем большинстве ярлыков из «Дастур ал-катиб» о назначении на должности, проанализированных нами ранее. Ответственность этого чиновника за противоправные действия выводится из содержания первого ярлыка: ведь вновь назначенному шихне Хаджи-Ильяссу следует расследовать дело предшественника и предать его суду «по закону Ясы». Таким образом, вполне очевидно, что за должностные преступления шихне подлежали суду на основе имперского законодательства, а наказание определяли уже непосредственно судьи в зависимости от степени тяжести допущенных им злоупотреблений.

Отдельным пунктом среди возможных должностных правонарушений шихне указано «мздоимство». В связи с этим следует обратиться к вопросу о том, за счет чего должны были существовать обладатели этой должности. Из текста ярлыков очевидно, что шихне существовал за счет местного населе-

²¹ В ярлыке о назначении верховного кадия вилайета из «Дастур ал-катиб» ему так же предписывается не позволять шихне (как и другим светским чиновникам) вмешиваться в дела шариата [19, с. 104].

²² Подобные преступления были характерны для шихне и в сельджукский период [см., напр.: 17, с. 158].

ния²³, которое осуществляло в его пользу две формы платежей. Во-первых, жители области или населенного пункта выплачивала самому шихне и его нукерам (которые, видимо, выполняли оперативные функции по охране правопорядка и являлись приставами-исполнителями в судебных разбирательствах) систематическое вознаграждение, которое в ярлыках фигурирует как «пошлина за исправление должности шихне» («ресм-и шихнеги»), либо как вышеупомянутая «наместническая пошлина». Во-вторых, за каждое судебное разбирательство в пользу шихне (и, опять же, его подчиненных) шла «установленная пошлина за рассмотрение им дел». Размеры соответствующих пошлин официально фиксировались, что не позволяло наместнику произвольно изменять ее сумму²⁴. Фиксация осуществлялась диваном, «уполномоченным» которого, как мы помним, являлся шихне [19, с. 108]²⁵.

Ряд исследователей полагает, что шихне могли получать доходы с передававшимся им икта [см. подробнее: 11, с. 126], однако в исследованных документах мы не находим указаний на это. Возможно, эти авторы экстраполируют на шихне эпохи монгольского правления в Иране элементы правового статуса аналогичного института в сельджукский период [см.: 11, с. 16]. Возможно, икта могло принадлежать обладателям должности шихне не как чиновникам, а как военачальникам (темникам, тысячникам) для обеспечения содержания их и их воинских подразделений и при этом никак не было связанным с назначением на должность наместника.

Завершая исследование, мы намерены обратить внимание на то обстоятельство, которое, собственно, и позволило нам сосредоточиться на изучении ярлыков о назначении шихне в процессе исследования проблемы соотношения институтов даруги и баскака. Как видим, в первом образце прямо сообщается, что Алибек назначается на должность «шихне и баскака»²⁶. Принимая во внимание вышеупомянутое отождествление должности шихне и даруги, мы получаем неопровержимое доказательство того, что, соответственно, даруга и баскак также являлись одной и той же должностью.

Также весьма любопытно, что ни в одном ярлыке (в т.ч. и в первом, где шихне прямо отождествляется с баскаком) не упоминается, что этот чиновник в той или иной степени отвечал за сбор налогов – это опровергает мнение авторов, которые склонны видеть в баскаках сборщиков налогов в отличие от даруг-администраторов. Однако более подробно мы намерены развить этот довод в продолжении данной статьи, которое будет посвящено анализу сведений о баскаках и даругах в источниках и сравнению их с институтом шихне. Более подробно эти будут рассмотрены в продолжении настоящей статьи.

²³ Что полностью соответствовало и практике обеспечения шихне при Великих Сельджуках [12, с. 69].

²⁴ Любопытно, что в сельджукский период шихне, по-видимому, имел право вводить в свою пользу специальные сборы с подчиненного ему населения – «русум-и шихнеги» [12, с. 113].

²⁵ По мнению Э.Мирзоевой, шихне получал жалование из казны дивана, но – за счет сборов с подвластных ему территорий [11, с. 137–138].

²⁶ Такое «парное» название одной и той же должности на разных языках в данном случае не является уникальным – например, то же самое мы видим в ярлыке о назначении дорожного чиновника туткаула, должность которого, в ярлыке указана также и с персидским аналогом «рахдар» [3, с. 622].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 4. С. 770–798. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.770-798 EDN: DAFJXN
2. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 84–95. DOI: 10.17223/19988613/90/9
3. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. «Платные дороги» в чингизидских государствах XIII–XIV вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Вып. 16. 2024. С. 620–630. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.67.55.029
4. Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад: Ылым, 1973. 164 с.
5. Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1863. 112 с.
6. Бунятов З.М. Избранные сочинения в трех томах. Т. III. Баку: Элм, 1999. 376с.
7. Гусейн-заде Р.А. Кавказ и сельджуки. Баку: Кавказ, 2010. 272 с.
8. Гусейнов Р.А. Султан и халиф (из истории сюзеренитета и вассалитета на Ближнем Востоке XI–XII вв.) // Палестинский сборник. Вып. 19 (82). 1969. Вопросы истории и культуры на Ближнем Востоке (древность и средневековье). С. 127–138.
9. Курпалидис Г.М. Государство Великих Сельджукидов: официальные документы об административном управлении и социально-экономических отношениях. М.: Наука, 1992. 144 с.
10. Курпалидис Г.М. О языке и структуре сельджукских официальных грамот «Атабат ал-Катаба» // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 1. М.: Наука, 1989. С. 128–136.
11. Мирзоева Э. Городское управление Азербайджана (XI–XIII века). Баку: Ин-т истории им. А. Бакиханова, 2002. 155 с.
12. Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба) / Пер. Г.М. Курпалидиса. М.: Наука, 1985. 160 с.
13. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней). Крит. текст, пред. и указ. А.А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976. 526 с.
14. Петрушевский И.П. Городская знать в государстве хулагуидов // Советское востоковедение. Вып. V. 1948. С. 85–110.
15. Пириев В.З. О некоторых вопросах государственного устройства при хулагуидах и джалаиридах (по материалам «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» Мухаммада ибн Хиндушаха Нахчивани) // Советское востоковедение: проблемы и перспективы. М.: Наука, 1988. С. 197–203.
16. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
17. Семенова Л.А. Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. М.: Наука, 1990. 248 с.
18. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер., введ. и прим. Б.Н. Заходера. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 380 с.
19. Хатиби С. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад: Ылым, 1985. 134 с.

20. Busse H. *Diplomatique. Perse* // *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. II. Leiden: Brill, 1991. P. 301–313.
21. Busse H. *Persische Diplomatik im Überblick: Ergebnisse und Probleme* // *Der Islam*. T. 37. 1961. S. 202–245 (In German).
22. Cleaves F.W. *Daruga and Gerege* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 16. 1953 No. 1/2. P. 237–259.
23. Farquhar D. M. *The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. 594 p.
24. Fekete L. *Einführung in die persische Paläographie*. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai. Budapest: Akademiai Kiadó, 1977. 594 s., 242 Tfn.
25. Hammer-Purgstall J. von. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 p.
26. Horst H. von. *Die Staatsverwaltung der Grosselǧuqen und Ǧōrazmšāhs (1038–1231): eine Untersuchung nach Urkundenformularen der Zeit*. Wiesbaden: Steiner, 1964. 191 s.
27. Jackson P. *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven; London, 2017. 614 p.
28. Li M. Translation of the appointment documents of Mongolian officers in *Dastur al-Katib fi Ta'yin al-Maratib* // *Eurasian Studies*. Vol. 3. 2015. P. 207–243.
29. Merçil E. *Şahne* // *Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi*. Cilt 38. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı, 2010. S. 292–293.

REFERENCES

1. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. “Dastur al-katib” as a source on history of state, law and chancellery culture of the Golden Horde (by the example of yarlighs on the appointment of emirs of the ulus). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 4, pp. 770–798. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.770-798 (In Russian)
2. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. On the status of judges in the Mongol Empire and its uluses in 13th–14th cc. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya=Tomsk State University Journal of History*. No. 90, pp. 84–95. DOI: 10.17223/19988613/90/9 (In Russian)
3. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. “Toll roads” in the Chinggisid states of 13th–14th cc. In: *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. Iss. 16, 2024, pp. 620–630. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.67.55.029 (In Russian)
4. Agadzhanov S.G. *Seljukids and Turkmenistan in the 11th–12th cc*. Ashgabat: Ylym, 1973. 164 p. (In Russian)
5. Berezin I. *Essay on the internal system of the Jochi Ulus*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1863. 112 p. (In Russian)
6. Bunyatov Z.M. *Selected works in three volumes*. Vol 3. Baku: Elm, 1999. 376 p. (In Russian)
7. Guseyn-zade R.A. *Caucasus and Seljuqs*. Baku: Kavkaz, 2010. 272 p. (In Russian)
8. Guseynov R.A. Sultan and caliph (on history of suzerainty and vassalage at the Near East of 11th–12th cc. In: *Palestinian Collection*, 19(82), 1969, pp. 127–138. (In Russian)
9. Kurpalidis G.M. *The Great Seljuqs state: official documents on the administrative system and social economical relations*. Moscow: Nauka, 1992. 144 p. (In Russian)

10. Kurpalidis G.M. On the language and structure of Seljuq official edicts “Atabat al-Kataba”. In: *Oriental historical source study and special historical disciplines*. Iss. 1. Moscow: Nauka, 1989, pp. 128–136. (In Russian)
11. Mirzoeva E. Urban administration of the Azerbaijan of 11th–12th centuries. Baku: Institut istorii im. A. Bakikhanova, 2002. 155 p. (In Russian)
12. Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. A Scribe's Guide to Determining Degrees. Vol. 2. crit. texts, intr. and index by A.A. Alizade. Moscow: Nauka, 1976. 526 p. (In Persian)
13. Muntajab ad-Din Badi Atabek al-Dzhuvayni. Stages of improvement of katibs. Transl. from Persian by G.M. Kurpalidis. Moscow: Nauka, 1965. 160 p. (In Russian)
14. Petrushevskiy I.P. City nobility in the state of Ikhans. *Soviet oriental studies*. 1948, Iss. 5, pp. 85–110. (In Russian)
15. Piriev V.Z. On some issues of state structure under the Hulaguids and Jalairids. In: *Soviet Oriental Studies: problems and prospects*. Moscow: Nauka, 1988, pp. 197–203. (In Russian)
16. Collected Materials Related to the History of the Golden Horde. Vol. 2. Extracts from Persian works. Collected by V.G. Tiesenhausen; ed. by A.A. Romaskevich and S.L. Volin. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 308 p. (In Russian)
17. Semenova L.A. From the history of medieval Syria. Seljuq period. Moscow: Nauka, 1990. 248 p. (In Russian)
18. Siaset-name. Book on the rule by Nizam al-Mulk, the vizier of the 11th century. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1949. 380 p. (In Russian)
19. Khatibi S. Persian documental sources on the social political history of Khorasan of 13th–14th cc.. Ashgabad: Ylym, 1985. 134 p. (In Russian)
20. Busse H. Diplomatie. Perse. In: *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. 2. Leiden: Brill, 1991, pp. 301–313.
21. Busse H. Persische Diplomatie im Überblick: Ergebnisse und Probleme. *DerIslam*. 1961, vol. 37, pp. 202–245. (In German)
22. Cleaves F.W. Daruga and Gerege. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1953, 16, 1/2, pp. 237–259.
23. Farquhar D.M. The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. 594 p.
24. Fekete L. Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai. Budapest: Akademiai Kiadó, 1977. 594 p., 242 tables. (In German)
25. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 p. (In German)
26. Horst H. von Die Staatsverwaltung der Grosselğūqen und Ĥōrazmšāhs (1038–1231): eine Untersuchung nach Urkundenformularen der Zeit. Wiesbaden: Steiner, 1964. 191 p. (in German)
27. Jackson P. The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. New Haven; London, 2017. 614 p.
28. Li M. Translation of the appointment documents of Mongolian officers in Dastur al-Katib fi Ta'yin al-Maratib. *Eurasian Studies*, 2015, vol. 3, pp. 207–243.
29. Merçil E. Şahne. *Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi*. Vol. 38. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı, 2010, pp. 292–293. (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильяс Альфредович Мустакимов – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Астана, Республика Казахстан); доцент кафедры истории Татарстана Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

Ленар Фиргатович Абзалов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); доцент Самаркандского государственного университета имени Ш. Рашидова (Самарканд, Республика Узбекистан); ORCID: 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal@mail.ru

Марат Салаватович Гатин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); доцент Самаркандского государственного университета имени Ш. Рашидова (Самарканд, Республика Узбекистан); ORCID: 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata@mail.ru

Роман Юлианович Почекаев – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (194100, ул. Кантемировская, 3А, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ilias A. Mustakimov – Cand. Sci. (History), Chief Researcher, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan); Associate Professor of the Department of History of Tatarstan of the Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

Lenar F. Abzalov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan of the Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); Associate Professor of the Samarkand State University named after Sh. Rashidov (Samarkand, Republic of Uzbekistan); ORCID: 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal@mail.ru

Marat S. Gatin – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan of the Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); Associate Professor of the Samarkand State University named after Sh. Rashidov (Samarkand, Republic of Uzbekistan); ORCID: 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata@mail.ru

Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, HSE University – St. Petersburg (3A, Kantemirovskaya Str., St. Petersburg 194100, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Поступила в редакцию / Received 26.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 17.08.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.543-551>
EDN: EIWSDR

УДК 94

**ЦЕСАРЬ-ЦАРЕВИЧ-КНЯЗЬ:
О ВРЕМЕНИ СКЛАДЫВАНИЯ РУССКОЙ
ТИТУЛАТУРЫ ДЛЯ ОРДЫНСКОЙ АРИСТОКРАТИИ**

А.А. Горский

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
gor-ks@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: установить, с какого времени на Руси утверждается применение к ордынской аристократии титулов *цесарь/царь*, *царевич* и *князь*.

Материалы исследования: тексты древнерусских летописей – Ипатьевской, Лаврентьевской, Новгородской первой и других, Жития Александра Невского, Михаила Черниговского и царевича Петра, договорные грамоты.

Новизна и результаты исследования: в историографии утвердилось мнение, что верховный правитель Золотой Орды, хан, обозначался на Руси титулом *цесарь/царь*, члены ханского рода – как *царевичи*, а эмиры (беки) – как *князья*. Но не ставился вопрос, к какому времени следует относить складывание такой терминологической картины. После Батыева нашествия некоторое время титул верховного правителя Монгольской империи в русских источниках воспроизводился без перевода, как *кань*. Затем к главе Монгольской империи начинает применяться термин *цесарь/царь*, употреблявшийся ранее на Руси из современных правителей только по отношению к императорам Византии и Священной Римской империи. При этом во второй половине XIII в. встречаются случаи, когда термином *цесарь/царь* определяются представители династии Джучидов, не являвшиеся ханами. В XIV веке таких именовании «цесарями» Джучидов, не носивших ханского титула, уже не фиксируется. Что касается термина *царевич*, то для XIII в. случаев его употребления, которые не могут объясняться ретроспекцией, не имеется. Надежно фиксируется данный термин для обозначения членов ханского рода только со второй половины XIV века. Не обнаруживаются для XIII в. и случаи употребления к ордынским вельможам термина *князь*. Наиболее ранняя его фиксация – в Житии Михаила Ярославича Тверского (создано не ранее 1319–1320 гг.), в иных же источниках он встречается только с 1350-х гг. Таким образом, «триада» *цесарь/царь* – *царевич* – *князь* по отношению к представителям ордынской аристократии полностью сложилась только в XIV столетии. К его началу закрепились традиции прилагать титул *цесарь/царь* исключительно к правящему хану Орды. В первой половине XIV в. ордынские эмиры начинают обозначаться как «князья». Практика именовании Джучидов, не занимавших ханский престол, «царевичами» утверждается лишь во второй половине XIV века.

Ключевые слова: Русь, Орда, цесарь/царь, царевич, князь

© Горский А.А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Горский А.А. Цесарь-царевич-князь: о времени складывания русской титулатуры для ордынской аристократии // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 543–551. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.543-551>
EDN: EIWSDR

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 24-18-00407 «Завоевание мира и крах глобальной империи: монгольское нашествие в судьбах русских земель XIII в.».

TSESAR'-TSAREVICH-KNYAZ': ON THE PERIOD OF FORMATION OF RUSSIAN TITLES FOR THE HORDE ARISTOCRACY

A.A. Gorsky

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
gor-ks@yandex.ru*

Abstract. Research objectives: The aim of the article is to reveal the timeframes when the titles of tsar, tsarevich and knyaz for the Horde's aristocracy were established in Rus'.

Research materials: The texts of Old Russian chronicles – Ipatian, Lavrentian, Novgorod First and others, Vitas of Alexander Nevskiy, Mikhail Chernigovskiy and tsarevich Pyotr, and legal agreements.

Results and novelty of the research: The historiography has come to the conclusion that supreme ruler of the Horde – khan – was designated in Rus' by the title tsesar/tsar, members of khan's kin by tsarevich, and emirs (beks) by knyaz. But the question of overlapping time in this terminological picture was not raised. After the invasion of Batu, for some time the title of supreme ruler of Mongol empire was reproduced in Rus' without translation as khan. Then, the title tsesar/tsar, which in previous epoch was used only for emperors of Byzantium and Holy Roman Empire, started to be used for ruler of the Mongol empire and the khan of Jochi's ulus. There were cases in the second half of 13th century when this title was designated to members of the Jochid dynasty who were not khans. In the 14th century, such cases were not fixed. As for the title tsarevich, there are not cases of using it in the 13th century (except retrospectively in later sources). This term was securely fixed for members of khan's kin only from the second half of the 14th century. The cases of using of term knyaz for Horde's aristocrats in the 13th century also cannot be detected. The earliest point for it becoming a fixed term is in the Vita of Mikhail of Tver' (1319–1320); in other sources – only from 1350s. So, the “triad” tsesar/tsar – tsarevich – kniaz for members of the Horde's aristocracy formed completely only in the 14th century. At the beginning of its usage, the tradition was established only for using the title tsesar/tsar for the ruling khan of the Horde. In the first half of the 14th century, the Horde's emirs began to be designated as “knyasya”. The practice to designate Jochids, who were not khans, as “tsarevichi” was established only in the second half of the 14th century.

Keywords: Rus', the Horde, Tsar, Tsarevich, Knyaz

For citation: Gorsky A.A. Tsesar'-tsarevich-knyaz': On the Period of Formation of Russian Titles for the Horde Aristocracy. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 543–551. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.543-551>
(In Russian)

Financial Support: The paper was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project № 24-18-00407 “The world’s conquest and the collapse of the global empire: the Mongol invasion in the fate of the Russian lands of the 13th century”.

В историографии обоснованно утвердилось мнение, что верховный правитель Золотой Орды, хан, обозначался на Руси титулом *цесарь/царь*, члены ханского рода – как *царевичи*, а эмиры (беки) – как *князья* [11, с. 30; 28, с. 90–93; 27, с. 192–198; 24, с. 97]. Но остался невыясненным вопрос, к какому времени следует относить складывание такой терминологической картины: закрепились эти титулы за соответствующими категориями ордынской аристократии одновременно или процесс носил более сложный характер.

После Батыева нашествия некоторое время титул верховного правителя Монгольской империи – *каан* – в русских источниках воспроизводился без перевода – *кань*.

В Галицко-Волынской летописи в рассказе о взятии Киева в 1240 г. про будущего каана Гуюка сказано: «Кююкъ, иже вратися, оувѣдавъ смерть кановоу (своего отца каана Угедея – А.Г.), и бысть каномъ» [16, стб. 785]. В Житии Михаила Черниговского говорится о действиях монголов по отношению к русским князьям после похода Батыева: «начаша их звати татарове ноужею, глаголюще: “не подобаеъ бо жити на земле канови и Батыевѣ, не поклонившееся има”. Мнози бо ѣхаша и поклонишася канови и Батыеви. Обычаи же имяше кань и Батыи...» [25, с. 55 2-й пагинации]. В летописании Северо-Восточной Руси употребляется как термин *кань* (под 1243 г.: «Великий князь Ярославъ поѣха в Татары к Батыеви, а сына своего Костянтина посла к Канови» [15, стб. 470]), так и *кановичи* (под 1245 г.: «князь Костянтинь Ярославичъ приѣха от Кановичъ к отцю своему с честью» [15, стб. 471]; под 1246 г.: «Тое же осени Ярославъ князь сынъ Всеволожь преставися во иноплеменицѣх, и да от Кановичъ» [15, стб. 471]; под 1247 г.: «Поѣха Андрѣи князь Ярославич в Татары к Батыеви, и Олександръ князь поѣха по братѣ же к Батыеви. Батыи же почтивъ ею и посла я г Каневичемъ» [15, стб. 471]; под 1252 г.: «Приѣха Олександръ и Андрѣи от Кановичъ» [15, стб. 472]).

Затем к главе Монгольской империи начинает применяться термин *цесарь/царь*¹, употреблявшийся ранее на Руси из современных правителей только по отношению к императорам Византии и Священной Римской империи².

В Лаврентьевской летописи под 1257 г. встречается своеобразное сочетание терминов *кань* и *цесарь*: «приеха Глѣбъ Василкович ис Кану земли от цесаря» [15, стб. 474] – т.е. земля (центральноеазиатский улус правителя Монгольской империи Мунке) обозначена как принадлежащая «кану», но сам он уже именуется «цесарем». В Новгородском летописании под 1242 г. «цесарь» – каан, а Батый – «воевода»: «Того же лѣта князь Ярославъ Всеволодиць позванъ цесаремъ Татарскимъ, и иде в Татары къ Батыеви, воеводѣ татарску»

¹ Поскольку слово писалось сокращенно, под титулом, в случаях, если отсутствует буква *с*, остается неясным, какая его форма – полная (*цесарь*) или сокращенная (*царь*) подразумевается. В дальнейшем термин цитируется так, как воспроизводится в изданиях источников.

² О причинах переноса на монгольских правителей императорского титула см.: [2, с. 134–137].

[12, с. 297 – Новгородская первая летопись младшего извода)]³. Под 1257 г. говорится, что новгородцы «даша дары цесареви» [12, с. 82]. Монгольское посольство, о котором идет речь, прибыло из Каракорума, поэтому «цесарь» здесь, скорее всего, каан Менгу.

Но практически одновременно начинается применение термина *цесарь/царь* и к правителю Улуса Джучи. В Лаврентьевской летописи под 1252 г. рассказывается, что «здума Андрѣи князь Ярославич с своими бояры бѣгати, нежели цесаремъ служити» [15, стб. 473]. Под «цесарями» имеются в виду каан Менгу и правитель Улуса Джучи Батый, имевший, возможно, статус соправителя первого [26, с. 79–81; 2, с. 73–74, примеч. 64]. В Житии Александра Невского (середина 1260-х гг., о датировке см.: [6, с. 36–39]) сначала говорится, что «Въ то же время бѣ царь силенъ на Вѣсточнѣй странѣ», который отправил послание Александру, а затем «царем» называется Батый: «И видѣвъ его царь Батый... По сем же разгнѣвася царь Батый на брата его...» [1, с. 173–174]. Под «царем из Восточной страны» скорее всего имеется в виду каан Гуюк (о вызове Александра к которому упоминает в своей «Истории монголов» Плано Карпини) [8], но Батый также называется с царским титулом. Именуется он «цесарем» и в Житии Михаила Черниговского [25, с. 55–58 2-й пагинации]. В летописании Северо-Восточной Руси и Галицко-Волынской земли с 1260–1270-х гг. наименование ханов Золотой Орды «цесарями» становится обычным [21, с. 329 – Берке; 16, стб. 871 – Менгу-Тимур]. «Послы от Менгоу Темеря цесаря» упоминаются в записи на договоре великого князя Ярослава Ярославича с Новгородом 1268 г. [4, № 81, с. 218].

При этом во второй половине XIII в. встречаются случаи, когда термин *цесарь/царь* прилагается к Джучидам, не являвшимся ханами.

Так именуется в северо-восточном и новгородском летописании Ногай, бывший в 1280–1290-е гг. правителем западной части Золотой Орды (от Днепра до Дуная), но ханского титула не носивший: «Князь же Дмитрии съ своею дружиною отѣха въ Орду къ царю татарскому Ногою» [20, с. 78 – под 1282 г.]; «Ахмать же бяше въ то время у Ногоя царя, слышавъ, яко свободы его разграблены, замысли сдумати клевету на Олга къ царю Ногою»; «и сказаша царю Ногою всю правду бесерменикову» [20, с. 79 – под 1283 г.]; «Того же лѣта бысть мятежь в Татарех: Ногои цесарь уби Телебугу цесаря и Алгую цесаря» [12, с. 327].

В последней цитате из Новгородской первой летописи царский титул применен и по отношению к Алгую, двоюродному брату хана Телебуги (пра-

³ Скорее всего, это чтение первично по отношению к дошедшему до нас чтению Новгородской первой летописи старшего извода («Того же лѣта князь Ярославъ Всеволодичъ позванъ цесаремъ татарьскимъ Батыемъ, иде к нему въ Орду» – [12, с. 79]) поскольку в середине XV в. (время составления младшего извода летописи) тонкости титулатуры монгольских правителей середины XIII столетия были неактуальны, и сомнительно, чтобы летописец мог исправить простое и понятное «позван цесаремъ татарьскимъ Батыемъ» на более сложную конструкцию с упоминанием безымянного «цесаря» и Батый в качестве «воеводы». К тому же термин «Орда» к Улусу Джучи стал применяться существенно позже 1242 г. (в Лаврентьевской летописи первый случай – под 1257 г. [15, стб. 474]), при том, что новгородское летописание было погодным; по-видимому, в данном случае чтение именно старшего, а не младшего извода является результатом позднейшего редактирования (ср: [6, с. 62, примеч. 61]).

вил в 1287–1991 г.). Он же вместе с Телебугой имеется в виду в Галицко-Волынской летописи, когда говорится, что князь Владимир Василькович объявил свою последнюю волю (в 1287 г.) перед «цесарями» [16, стб. 898, 929]⁴.

Как «цесарь» фигурирует в северо-восточной летописи Токтомер – Джучид, приходивший с отрядом в Тверь в начале 1294 г.: «Тое же зимы цесарь тотарский приде въ Тфъръ, имя ему Токтомъръ» [15, стб. 483]⁵.

В XIV веке именованый «цесарями» Джучидов, не носивших ханского титула, уже не встречается.

Что касается термина *царевич*, то для XIII в. случаев его употребления, которые не могут объясняться ретроспекцией, не фиксируется.

В Новгородской Четвертой летописи (середина XV в.) «царевичем» назван Неврюй, возглавлявший поход на Северо-Восточную Русь в 1252 г. [17, с. 230]. Это явно поздняя вставка, поскольку в более ранних источниках Неврюй так не определяется, а главное – он не был членом рода Чингизидов⁶. В той же Новгородской Четвертой, а также Софийской Первой и Московской Академической летописях «царевичем» назван ордынский предводитель, в 1285 г. вместе с князем Андреем Александровичем воевавший против великого князя Дмитрия Александровича [17, с. 246; 18, стб. 360; 15, стб. 526]. Известие восходит к ростовскому своду начала XV в. [10, с. 196, 199], и велика вероятность, что применен термин, обычный для этого времени.

Примечательно также, что в произведении, принятое в историографии название которого содержит титул «царевич» – «Житии Петра, царевича ордынского» (создано не ранее второй четверти XIV в. [9, с. 118], повествует о событиях второй половины XIII – начала XIV в.), в тексте герой «царевичем» не именуется: само заглавие звучит как «Житие блаженного Петра, братанича царева Беркина» (т. е. племянника хана Берке), и далее Петр фигурирует как «брата царева сын» [13, с. 20; 9, с. 120].

Надежно фиксируется термин «царевич» для обозначения членов ханского рода только со второй половины XIV века.

Еще под 1358 г. северо-восточная летопись именует члена ханского рода не царевичем, а «царевым сыном»: «царевъ сынъ именем[ъ] Мамать Хожа» [19, стб. 67]. В Новгородском летописании под 1360 г. употребляется множественное число – «цесаревичи»: «того же лѣта бысть мятежь силенъ въ Ордѣ: мнози цесари побииени быша и цесарици и цесаревицѣ» [12, с. 366]. «Персонально» термин «царевич» прилагается к Джучидам с 1370-х гг.: «царевич Арапша» [19, стб. 118–119 – под 1377 г.]; «царевич Акхожа» [19, стб. 142 – под 1381 г. – под 1381 г.], «царевич Бектут» [19, стб. 160 – под 1391 г.].

Не обнаруживаются для XIII в. и случаи употребления к ордынским вельможам термина *князь*. Лица статуса эмиров упоминаются либо без титула

⁴ Алгуй вместе с двумя другими Джучидами имел, возможно, определенные права соправительства с Телебугой, но ханского титула не носил, см.: [22].

⁵ О вариантах идентификации Токтомера см.: [3, с. 18–20]. В новгородском летописании под 6801 (1293/94) г., в рассказе о походе брата хана Токты Тудана (Дюдены) на Северо-Восточную Русь говорится, что новгородцы «дары послаша цесарю Дюдению на Волокъ» [12, с. 327]. Но здесь, скорее всего, имеется в виду, что Дюдению были отправлены дары *для* «цесаря», т. е. Токты (который выше в той же статье и называется этим титулом – «Отпусти цесарь брата своего Дюдены съ множеством рати»).

⁶ См. о Неврюе: [29].

ла, только по имени [16, стб. 779, 806, 829, 840, 846–847, 849–852, 855, 881; 12, с. 82–83; 25, с. 57 2-й пагинации; 4, № 3, с. 11], либо определяются как «воеводы» [16, стб. 872, 876; 1, с. 174–175; 12, с. 63], т.е. по выполняемой в ходе военных действий функции.

Наиболее раннее упоминание «князей ордынских» встречается в Житии Михаила Тверского (вероятное время создания – около 1320 г. [5, с. 234]): «одари (Михаил в Орде – А.Г.) вси князи и царицю», «собрашася вси князи Ординьстии», «издаять есмь цареви и княземъ», «приставиша (к Михаилу – А.Г.) от седми князеи семь сторожовъ» [7, с. 141–143]. В летописных известиях этот термин прилагается к ордынским эмирам с 1350-х гг.: «И бысть имъ судь великъ предъ князми ординьскими» [19, стб. 64 – под 1355 г.]; «а князи ординьскихъ Муалбузиноу чадъ множество оубиль» [19, стб. 69 – под 1360 г.]; «А иные князи ординьские затворишася въ Сарай», «А инои князь ординьский, Тагаи бѣ имя ему...» [19, стб. 69 – под 1361 г.]. В 1352 г. ордынские «князи темнии» фигурируют в договоре, посвященном разделу между Великим княжеством Литовским и Польским королевством Юго-Западной Руси [23, № 3]⁷.

Таким образом, складывание русской терминологии в отношении ордынской аристократии заняло многие десятилетия, завершившись только ко второй половине XIV века. К началу этого столетия закрепились традиции прилагать титул *цесарь/царь* исключительно к правящему хану Золотой Орды. В первой половине XIV в. ордынские эмиры начинают обозначаться как «князья». Видные члены ханского рода в XIII столетии могли определяться через термин «цесарь», а практика именованя Джучидов, не занимавших ханский престол, «царевичами» утверждается лишь во второй половине XIV века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. 232 с.
2. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и тексты Русского Средневековья. М., 2001. 176 с.
3. Горский А.А. Москва и Орда. М., 2016. 296 с.
4. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Т. 1. Тексты. 2-е изд. М., 2025. 856 с.
5. Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. 290 с.
6. Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн: X – начало XX в. М., 1990. С. 15–69.
7. Кучкин В.А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 116–163.
8. Маслова С.А. Посольство «восточного царя» к Александру Невскому // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 75–79.
9. Ленхофф Г. К истории Петра, царевича ордынского, и его ростовской вотчины // Средневековая Русь. Вып. 14. М., 2020. С. 97–128.

⁷ Упоминание в ярлыке хана Менгу-Тимура русской Церкви 1267 г. «князей» и «полчных князей» содержится в переводе документа, сделанном не ранее конца XIV в. (См.: [14, с. 464, 467]), поэтому не может расцениваться как факт применения этого термина в XIII столетии.

10. Лурье Я.С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 40. Л., 1985. С. 190–205.
11. Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. 180 с.
12. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. 640 с.
13. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. 768 с.
14. Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. 528 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 1 (Лаврентьевская летопись; Московская Академическая летопись), 1997. 738 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 2 (Ипатьевская летопись). М., 2001.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1 (Новгородская четвертая летопись). М., 2000. 688 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1 (Софийская первая летопись). М., 2000. 582 с.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1 (Рогожский летописец). Пг., 1922. 186 стб.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 18. СПб., 1913 (Симеоновская летопись). 316 с.
21. Приселков М.Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л., 1950. 515 с.
22. Рева Р.Ю. Распределение власти в улусе Джучи в 686–690/1287–1291 гг. // Нумизматика Золотой Орды. 2014. № 4. С. 134–147.
23. Розов В. Українськи грамоти. Т. 1. Київ, 1928. 268 с.
24. Селезнев Ю.В. Титулование в русской письменной традиции золотоордынской аристократии при описании русско-ордынских конфликтов в XIII–XV вв. и численность войсковых подразделений // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Казань, 2009. С. 195–200.
25. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. СПб., 1915. 165+186 с.
26. Трепавлов В.В. Государственной строй Монгольской империи XIII в. М., 1993. 168 с.
27. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса. Казань, 1979. 318 с.
28. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. 180 с.
29. Храпачевский Р.П. Экономическая составляющая «Неврюевой рати» (по монгольским источникам) // Восточная Европа в древности и Средневековье. XXV. Материалы Чтений памяти В.Т. Пашуто. М., 2013. С. 264–268.

REFERENCES

1. Begunov Yu.K. A Monument of Russian Literature of the 13th Century: "The Tale of the Destruction of the Russian Land". Moscow-Leningrad, 1965. 232 p. (In Russian)
2. Gorsky A.A. "The Russian Land is Full of Thee...": Personalities and Texts of Russian Medieval History. Moscow, 2001. 176 p. (In Russian)
3. Gorsky A.A. Moscow and the Horde. Moscow, 2016. 296 p. (In Russian)
4. Charters of Veliky Novgorod and Pskov. Vol. 1. Texts. 2nd ed. Moscow, 2025. 856 p. (In Russian)
5. Kuchkin V.A. The Tales of Mikhail of Tver. Moscow, 1974. 290 p. (In Russian)

6. Kuchkin V.A. "The Mongol-Tatar Yoke as Portrayed by Old Russian Scribes (13th – First Quarter of the 14th Century)". *Russian Culture Under Foreign Invasions and Wars: 10th – Early 20th Century*. Moscow, 1990, pp. 15–69. (In Russian)
7. Kuchkin V.A. "The Expanded Edition of The Tale of Mikhail of Tver". In: *Medieval Rus. Iss. 2*. Moscow, 1999, pp. 116–163. (In Russian)
8. Maslova S.A. "The Embassy of the 'Eastern Tsar' to Alexander Nevsky". *Ancient Rus': The Questions of Medieval Studies*. 2019, no. 1(75), pp. 75–79. (In Russian)
9. Lenhoff G. "On the History of Peter, the Tsarevich of the Horde, and His Rostov Estate". *Medieval Rus. Iss. 14*. Moscow, 2020, pp. 97–128. (In Russian)
10. Lurie Ya.S. "A Genealogical Scheme of the Chronicles of the 11th–16th Centuries Included in The Dictionary of Scribes and Booklore of Ancient Rus. Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Vol. 40. Leningrad, 1985, pp. 190–205. (In Russian)
11. Nasonov A.N. *The Mongols and Rus*. Moscow-Leningrad, 1940. 180 p. (In Russian)
12. *The First Novgorod Chronicle (Senior and Junior Redactions)*. Moscow-Leningrad, 1950. 640 p. (In Russian)
13. *Monuments of Old Russian Literature: Late 15th – First Half of the 16th Century*. Moscow, 1984. 768 p. (In Russian)
14. *Monuments of Russian Law. Iss. 3*. Moscow, 1955. 528 p. (In Russian)
15. *Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1 (Laurentian Chronicle; Moscow Academic Chronicle)*. Moscow, 1997. 738 p. (In Russian)
16. *Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2 (Hypatian Chronicle)*. Moscow, 2001. (In Russian)
17. *Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 4. Pt. 1. Iss. 1 (Novgorod Fourth Chronicle)*. Moscow, 2000. 688 p. (In Russian)
18. *Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 6. Iss. 1 (Sofia First Chronicle)*. Moscow, 2000. 582 p.
19. *Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 15. Iss. 1 (Rogozhsky Chronicle)*. Petrograd, 1922. 186 columns. (In Russian)
20. *Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 18 (Simeonov Chronicle)*. St. Petersburg, 1913. 316 p. (In Russian)
21. Priselkov M.D. *The Trinity Chronicle: Text Reconstruction*. Moscow-Leningrad, 1950. 515 p. (In Russian)
22. Reva R.Yu. The Distribution of Power in the Ulus of Jochi in 686–690 AH / 1287–1291 CE. *Golden Horde Numismatics*. 2014, no. 4, pp. 134–147. (In Russian)
23. Rozov V. *Ukrainian Charters. Vol. 1*. Kyiv, 1928. 268 p. (In Ukrainian)
24. Seleznev Yu.V. *Russian Princes in the Ruling Elite of the Ulus of Jochi in the 13th–15th Centuries*. Voronezh, 2013. 472 p. (In Russian)
25. Serebryansky N.I. *Old Russian Princely Lives*. St. Petersburg, 1915. 165 + 186 p. (In Russian)
26. Trepavlov V.V. *The State Structure of the Mongol Empire in the 13th Century*. Moscow, 1993. 168 p. (In Russian)
27. Usmanov M.A. *Grant Documents of the Ulus of Jochi*. Kazan, 1979. 318 p. (In Russian)
28. Fedorov-Davydov G.A. *The Social Structure of the Golden Horde*. Moscow, 1973. 180 p. (In Russian)
29. Khrapachevsky R.P. The Economic Aspect of 'Nevrui's Campaign' (Based on Mongolian Sources). *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'ye*. Vol. 25. Materials of the Conference in Memory of V.T. Pashuto. Moscow, 2013, pp. 264–268. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антон Анатольевич Горский – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-8502-1235. E-mail: gor-ks@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton A. Gorsky – Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-8502-1235. E-mail: gor-ks@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 02.06.2025

Поступила после рецензирования / Revised 13.08.2025

Принята к публикации / Accepted 26.08.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.552-562>
EDN: IHAXG

УДК 821.512.1:94(47)"10"

ОТРАЖЕНИЕ ТЮРКСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
В ЛЕТОПИСНОМ ОБРАЗЕ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА

А.В. Аксанов ^{1,2} ✉, С.А. Козлов ²

¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

² *Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация
✉ aksanov571@gmail.com*

Резюме. Цель исследования: изучить элементы тюркской эпической традиции в летописном образе князя Святослава Игоревича.

Материалы исследования: историографические источники, русские летописи, исторические сочинения, тюркские эпосы.

Результаты и научная новизна: Образ князя Святослава, запечатленный в русском летописании XII–XVI вв., испытал влияние различных этнокультурных импульсов, наиболее изученными из которых являются скандинавские и славянские элементы. Степным (тюркским) элементам традиционно уделялось меньше внимания, что связано как с меньшей репрезентативностью собственно тюркоязычных источников, включая эпос, в общем массиве средневековых исторических свидетельств о начальной Руси, так и общей маргинализацией Степи в контексте древнерусской истории. Как показал анализ, летописный портрет Святослава как богатыря-воителя вобрал в себя целый ряд характерных для степных кочевников черт, находящих аналогии в эпических сказаниях тюркских народов. Особую аналогию дает серебряное блюдо со сценами из «эпоса о Святославе», обнаруженное в Нижнем Приобье в 2009 г. По технологическим, иконографическим и декоративным признакам блюдо датируется временем самого Святослава или первых десятилетий после его смерти, т.е. последней третью X – началом XI вв., и предположительно происходит из тюркской среды: волжско-булгарской или печенежской. Приведенные аналогии еще раз свидетельствуют о существовании устойчивых связей Руси со Степью и важной военно-политической и социокультурной роли тюркских кочевников в процессе развития Древнерусской политики Святослава. Сложно сказать, насколько хорошо русские книжники XII–XVI вв. осознали связь рассмотренных летописных описаний Святослава с тюркской эпической традицией. Но, судя по всему, в течение всего этого времени подобное описание Святослава и образа его жизни не делало князя чуждым восточнославянской культуре.

Ключевые слова: князь Святослав Игоревич, Древняя Русь, тюркские эпосы (дастаны), летописи, Великая Степь, тюрко-славянские связи, образ воина-правителя

© Аксанов А.В., Козлов С.А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Аксанов А.В., Козлов С.А. Отражение тюркской эпической традиции в летописном образе князя Святослава Игоревича // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13. № 3. С. 552–562. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.552-562>
EDN: IHAXG

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01793, <https://rscf.ru/project/23-28-01793/>.

THE REFLECTION OF THE TURKIC EPIC TRADITION IN THE CHRONICLE IMAGE OF PRINCE SVYATOSLAV IGOREVICH

A.V. Aksanov ^{1,2} ✉, S.A. Kozlov ²

¹ *Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

² *Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation
✉ aksanov571@gmail.com*

Abstract. Research objectives: To examine elements of the Turkic epic tradition in the chronicle image of Prince Svyatoslav Igorevich.

Research materials: Historiographic sources, Russian chronicles, historical works, Turkic epics.

Results and research novelty: The image of Prince Svyatoslav, represented in the Old and Late Russian chronicles, was influenced by various ethnocultural impulses, the most studied of which are Scandinavian and Slavic elements. Steppe (Turkic) elements have traditionally received less attention which is due both to the lower prevalence of the Turkic-language sources proper, including epics, in the general body of medieval historical evidence about early Rus', and the general marginalization of the Steppe in the context of Old Russian history. As the analysis showed, the chronicle portrait of Svyatoslav as a warrior-hero incorporated a number of features characteristic of steppe nomads, which find analogies in the epic tales of the Turkic peoples. A special analogy is provided by a silver dish with scenes from “the Epic of Svyatoslav”, discovered in the Lower Ob region in 2009. According to its technological, iconographic, and decorative features, the dish dates back to the time of Svyatoslav himself or the first decades after his death, i.e. the last third of the 10th to the early 11th century. It presumably originates from the Turkic milieu: Volga-Bulgar or Pecheneg. These analogies once again testify to the existence of stable ties between the Rus' and the Steppe and the important military, political and socio-cultural role of the Turkic nomads in the development of the Old Russian state of Svyatoslav. It is difficult to say how well the Russian scribes of the 12th–16th centuries were acquainted. They were aware of the connection of the considered chronicle descriptions of Svyatoslav with the Turkic epic tradition. But, apparently, during all this period, such a description of Svyatoslav and his lifestyle did not make the prince alien to East Slavic culture.

Keywords: Prince Svyatoslav Igorevich, Old Rus', Turkic epics (dastans), chronicles, The Great Steppe, Turkic-Slavic ties, the image of a warrior ruler

For citation: Aksanov A.V., Kozlov S.A. Reflection of the Turkic epic tradition in the chronicle image of Prince Svyatoslav Igorevich. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 552–562. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.552-562> (In Russian)

Financial Support: The research was supported by the Russian Science Foundation grant № 23-28-01793, <https://rscf.ru/project/23-28-01793/>.

Образ князя Святослава Игоревича, запечатленный в русском летописании XII–XVI вв., испытал влияние различных этнокультурных импульсов, наиболее изученными из которых являются скандинавские и славянские элементы, выделяется также византийское, болгарское и германское влияние [5, с. 35–40; 14, с. 82–99; 33, с. 122–129]. Степным (тюркским) элементам в обширной историографии, посвященной Святославу, традиционно уделялось меньше внимания [1, с. 51–54; 2, с. 916–926; 4, с. 47–54; 6; 10; 12; 16, с. 235–256; 17, с. 226–235; 19; 20, с. 119–182; 24, с. 40–45; 26, с. 59–71; 27, с. 92–96; 29; 32, с. 281–310; 34, р. 138–151; 35, р. 709–713]. Это связано как с меньшей репрезентативностью собственно тюркоязычных источников, включая эпос, в общем массиве средневековых исторических свидетельств о начальной Руси, так и общей маргинализацией Степи в контексте древнерусской истории, начиная с «Повести временных лет» (ПВЛ)¹. Данная статья посвящена анализу тюркских элементов в летописных репрезентациях князя Святослава Игоревича.

Действительно, образ Святослава дошел до нас как один из самых ярких портретов князя-воителя, вобравших в себя многие черты степных кочевников². Достаточно упомянуть хрестоматийное описание внешнего облика Святослава, принадлежащее перу византийского историка Льва Дьякона (*Hist. IX*, 11 (157.2–7 Hase)): «Голова у него (Святослава) была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга». Как неоднократно отмечалось в литературе, приводимые Львом Дьяконом подробности внешнего облика Святослава весьма точно описывают этнографические черты степных кочевников тюркского типа, надежно зафиксированные в многочисленных памятниках как средневековой письменной традиции, так и евразийской археологии [13, с. 116–119].

Тюрко-кочевнические элементы прослеживаются и в образе князя Святослава, описанном в ПВЛ. Данный образ без существенных изменений воспроизводился в русском летописании вплоть до XVI в. Попытка переработать первоначальный текст фиксируется только в Ермолинской и Устюжской летописях, относящихся к независимым и провинциальным общерусским сводам. При этом дополнения и уточнения этих авторов лишь усиливают представление о неприхотливости Святослава в быту, а сравнение с Александром Македонским еще более возвеличивает князя, придавая его деятельности исторический масштаб и славу. Следовательно, в течение нескольких веков персона Святослава Игоревича не теряла свое историческое значение для русских книжников [1, с. 51–54].

Однако, несмотря на широкое распространение этого образа в русском летописании, он включает в себя целый ряд нехарактерных для древне-

¹ Из последней литературы по теме репрезентации степняков в древнерусской традиции см., например: [7, с. 45–67; 21, с. 136–150, 156–193, 223–234; 28].

² Важнейшая статья по теме: [22, с. 217–257].

русской литературной традиции эпических реминисценций, находящихся параллели в эпосе тюркоязычных кочевников Северной Евразии.

Так, в известии ПВЛ под 6472 (964) г. сообщается: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал» [25, с. 44]. Слово «пардус» имеет не до конца ясный смысл: его отождествляли с рысью, барсом, леопардом, гепардом и даже волком [13, с. 109]. А.А. Гиппиус, считая, что «сравнение Святослава с пардусом носит книжный характер и находит параллели в описании деяний Александра Македонского в хронографической Александрии», обнаружил в этом фрагменте «текстологическую двуслойность». По его словам, «на древнюю основу, восходящую к дружинному преданию, в нем наложена редакторская правка, дополнившая портрет молодого князя чертой, заимствованной из описаний Александра Великого в хронографической традиции» [4, с. 49]. Иной точки зрения на происхождение образа «пардуса» придерживалась Р.С. Липец, усматривавшая в нем тюрко-кочевнические корни. Согласно ее мнению, под летописным «пардусом» следует понимать не конкретный вид животного, а собирательный образ «кошачьего хищника» *par excellence* [22, с. 241]. По словам Р.С. Липец, «в сказаниях о русском князе Святославе Игоревиче образ “пардуса” – “кошачьего хищника”, точное определение которого едва ли когда-либо может быть сделано, вероятнее всего, мог перейти от кочевников евразийских степей, в первую очередь от торков и печенегов, которые близко стояли к событиям на Руси того времени» [22, с. 247].

Образ «кошачьего хищника» в эпосах «Манас», «Китаби деде Коркут», «Алпамыш» и алтайских сказаниях ассоциируется с неукротимой силой и яростью в бою – герои сравниваются с барсом/леопардом, когда описывается их атака [9, с. 54]. Следовательно, в этом контексте эпитет «пардус» не просто указывал на храбрость, силу и ловкость героев-богатырей, но говорил о тактике его обладателя. «Пардус» – это не столько тот, кто защищает свои владения, сколько завоеватель, быстро покоривший другие народы и страны. В целом, такая характеристика хорошо вписывалась в исторический контекст военных походов князя Святослава. При этом стоит отметить, что знакомство русских книжников с образом «кошачьего хищника» могло произойти не только благодаря византийцам и печенегам, но и волжским булгарам.

Кошачий образ (возможно, барса) отчетливо фиксируется в культуре волжских булгар, которые в X–XIII вв. активно контактировали с русскими княжествами. Письменное наследие древних болгар почти не сохранилось, но археологами найдены многочисленные зооморфные изображения, свидетельствующие о том, что «кошачий хищник» играл важную роль в мифо-поэтике Волжской Булгарии. Например, в Билярском и Булгарском городищах XI–XIII вв. в результате археологических раскопок были обнаружены замки, сделанные в образе «кошачьего хищника» [3, с. 11]. Этот образ был настолько значим в символике народов Великой Степи, что в конце XIII в. «барс» начал изображаться на монетах Золотой Орды. Впоследствии он стал одним из геральдических знаков Казанского ханства. Барс изображен на гербе Болгара XVI–XVII вв., о чем свидетельствуют печати Ивана IV 1577 и 1583 гг. и «Титулярник» царя Алексея Михайловича 1672 г. [3, с. 10–12].

Другой характерной чертой, связывающей образ Святослава с тюркским эпосом, является описание походного быта княжеской дружины. Походная

жизнь Святослава во многом напоминала уклад степных кочевников. Согласно ПВЛ, во время походов князь спал на конском потнике, подкладывая под голову седло [25, с. 44]. Его рацион составляло мясо, приготовленное на открытом огне или засушенное для длительного хранения, при этом традиционные котлы в обозе отсутствовали. Источники особо отмечают, что в пищу употреблялось преимущественно конина и дичь. Этот аскетичный уклад, характерный для воинов-номадов, находит многочисленные параллели в эпических традициях тюркских народов [22, с. 234–239].

В средневековых тюркских источниках и эпосах встречаются схожие описания аскетичного походного быта кочевых воинов. В эпосе-дастане «Манас» указывается на отсутствие громоздкой утвари в боевых походах, представлен неприхотливый быт батыров [23, с. 22–23, 135]. Семантически близкие фрагменты к описанию Святослава содержатся и в эпосе «Алпамыш» [9, с. 169–170]. В широко распространенном огузском эпосе «Китаби деде Коркут», отражающем события XI–XII вв., описан простой быт огузских воинов во время походов [11, с. 14–15].

В научной литературе отмечается, что приготовление мяса на углях являлось традиционным способом термической обработки пищи у кочевых народов Евразии, что было обусловлено экономией дров в степных регионах. Однако при анализе описания пищи княжеской дружины могут быть прослежены элементы литературного заимствования. В частности, аналогичный способ приготовления мяса упоминается в библейских текстах: в Книге Исхода содержится предписание, согласно которому евреи в Египте должны были не варить жертвенное мясо в воде, а готовить его на огне, что символизировало их избавление от египетских казней³. Это позволяет предположить, что летописное описание князя Святослава могло включать не только этнографические и эпические элементы, но и библейские реминисценции. Как показал И.Н. Данилевский, в «дохристианских» фрагментах ПВЛ присутствуют подобные параллели [8]. Летописец, описывая языческих князей и дохристианский период истории восточных славян, активно использовал нарративные модели христианской литературы. Это проявляется в таких сюжетах, как легенда о призвании варягов, повествование о хазарской дани, рассказы о походах Олега и других эпизодах. Вводя неявные, на первый взгляд, религиозные аллюзии, древнерусские книжники стремились продемонстрировать, что восточнославянские племена уже на ранних этапах своей истории двигались к неизбежному принятию православной веры.

Определенное влияние тюркской эпической традиции прослеживается в еще одном фрагменте известия под 6472 (964) г.: «И посылал в иные земли со словами: “Хочу на вас идти”» [25, с. 44]. Данная фраза свидетельствует о том, что князь Святослав заранее предупреждал соседей о готовящемся военном походе. Получившие такое извещение правители могли либо направить посольство с предложением мира, либо начать подготовку к обороне. Подобная практика соответствовала нормам воинского этикета тюркских народов, где обязательным считалось предупреждение противника о планируемом нападении [22, с. 231–232].

³ Исх. 12:8–10.

Симптоматично, что летописный образ Святослава, вобравший ряд черт, восходящих к тюркской эпической традиции, сохранял свою устойчивость в летописании XII–XVI вв. На протяжении этого периода князь неизменно воспринимался как харизматичный военачальник и былинный богатырь, слава о котором выходила далеко за пределы Древнерусского государства. О широкой распространенности легенд и песнопений о Святославе во всем тогдашнем мире говорится в сильно риторизованном фрагменте «Слова о законе и благодати» Илариона, где Святослав упоминается в одном ряду с Игорем и Владимиром, причем, за последним закреплен тюркский титул «каган»:⁴ «Похвалимъ же и мы, по силѣ нашеи, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворишааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже вь своа лѣта владычествующе, мужьствомъ же и храборьствомъ прослуша вь странахъ многах, и побѣдами и крѣпостию поминаются нынѣ и словуть. Не вь худѣ бо и невѣдомѣ земли владычствоваша, нѣ вь Руськѣ, яже вѣдома и слышима ест всѣми четырьми конци земли» [30, с. 42, 44].

Остается открытым вопрос о степени осознания древнерусскими книжниками тюркских элементов в описании правления Святослава. Однако сам факт длительного сохранения подобного описания князя и его образа жизни без существенных корректировок указывает на его органичное восприятие в восточнославянской культурной традиции.

Этот феномен служит дополнительным подтверждением тесных историко-культурных связей Древней Руси с кочевым миром Великой Степи, а также свидетельствует о значительном влиянии тюркских народов на военно-политические и социокультурные процессы в ранней истории древнерусской государственности.

Рис. 1. Сцены из «эпоса о Святославе» на серебряном блюде из Нижнего Приобья. Серебро, рисунок гравирован. Прорисовка В. Могрицкой (по [13, с. 76, рис. 2])

Fig. 1. Scenes from the “Epic of Svyatoslav” on a silver dish from the Lower Ob region. Silver, engraved design. Drawing by V. Mogritskaya (according to [13, p. 76, fig. 2])

⁴ Новейшая статья о титуле «каган» в контексте древнерусской истории: [18].

Интересную аналогию описанным сюжетам дают изображения на серебряном блюде со сценами из «эпоса о Святославе», обнаруженном в Нижнем Приобье в 2009 г. (рис. 1) [15, с. 319–322]. Основу изобразительного ряда блюда составляет многофигурная сюжетная композиция на бортике, выполненная «зубчатой» гравировкой (тремоло) по гладкой поверхности. Композиция включает четыре человеческих персонажа, сгруппированных попарно, пять животных и два геральдических знака, интерпретированных В.С. Кулешовым как двузубец Рюриковичей [15, с. 320].

Одну пару человеческих фигур образуют два персонажа, протягивающие руки к питьевому рогу [31, с. 77]. Персонаж слева изображен безволосым, лопухим, голова правого имеет чуб и усы. Между фигурами помещен зубцами вниз двузубец Рюриковичей. Слева от безволосого персонажа изображено небольшое четвероногое животное, напоминающее собаку или волка, справа от фигуры с чубом – предположительно кошачий хищник или пард, туловище которого заполнено крупными «чешуйками» или пятнами. Над «пятнистым» пардом изображен змеевидный «дракон» с четырьмя лапками.

Другую пару образуют персонажи с различными предметами вооружения. Фигура слева изображена в шлеме (?), с секирой и неким круглым предметом в руках. Правый, в неясном головном уборе, держит саблю и копье (стяг?). Между второй парой персонажей, так же как между первой, помещен двузубец. Справа от этих персонажей изображены еще два парда, бросающиеся друг на друга.

По гипотезе В.С. Кулешова, наличие в составе композиции двузубцев Рюриковичей позволяет связать сцены на нижеобском блюде с дружинным эпосом о князе Святославе [15, с. 319–322]. В пользу данного предположения свидетельствуют, во-первых, чуб и усы персонажа, непосредственно соотносимого с двузубцем, находящие прямую аналогию в процитированном выше описании внешности Святослава (Leo Diac. *Hist.* IX, 11 (157.2–7 Hase)); во-вторых, «пятнистый» пард, отсылающий к образу Святослава как пардуса, сохраненному ПВЛ и, судя по всему, непосредственно восходящему к дружинным сказаниям о князе-воителе.

Этой гипотезе не противоречит вероятная датировка и происхождение нижеобского блюда. Судя по технологическим, иконографическим и декоративным признакам, блюдо датируется временем правления Святослава или первых десятилетий после его смерти, т.е. последней третью X – началом XI вв., и предположительно происходит из тюркской среды. Н.В. Федорова высказалась в пользу волжско-булгарской атрибуции [31, с. 81]. Можно предположить также, что нижеобское блюдо является памятником собственно древнерусской (киевской?) торевтики, продолжающей традиции хазаро-печенежской изобразительности [15, с. 322].

Таким образом, приведенные аналогии еще раз свидетельствуют о существовании устойчивых связей Руси со Степью и важной военно-политической и социокультурной роли тюркских кочевников в процессе развития Древнерусской политики Святослава. Сложно сказать, насколько хорошо русские книжники XII–XVI вв. осознавали связь рассмотренных летописных описаний Святослава с тюркской эпической традицией. Но, судя по всему, в течение всего этого времени подобное описание Святослава и образа его жизни не делало князя чуждым восточнославянской культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В., Васиховская Н.С. Образ князя Святослава в позднерусском летописании // Европа: Международный альманах. 2014. Т. XIII/1–2. С. 51–54.
2. Введенский А.М. Договоры Руси с греками X века: Клятва Святослава Игоревича. Проблемы интерпретации выражения «колоти яко золото» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 57. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 916–926.
3. Геральдическое наследие Республики Татарстан. М.: Регионсервис, 2012. 328 с.
4. Гиппиус А.А. Как обедал Святослав? (текстологические заметки) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 47–54.
5. Горский А.А. Святослав Игоревич и Оттон I: речи перед битвой // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 35–40.
6. Гумилёв Л.Н. Князь Святослав Игоревич // Наш современник. 1991. №№ 7–8.
7. Гуревич К.И. Образ половцев в средневековых источниках: диссертация на соискание ученой степени к.филол.н. М., 2021. 243 с.
8. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
9. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 725 с.
10. Каргалов В.В., Сахаров А.Н. Полководцы Древней Руси. М.: Высшая школа, 1967. 263 с.
11. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / Пер. В.В. Бартольда. М.; Л.: АН СССР, 1962. 301 с.
12. Кожин В. Ольга и Святослав // Родина. 1992. №№ 11–12; 1993. № 4.
13. Козлов С.А. «Росские» экскурсии Льва Диакона и традиции воинских сообществ в славянском мире // Византийский временник. 2015. Т. 74. С. 102–126.
14. Козлов С.А. «Святославиада», или что общего у князя Святослава Игоревича с «героями песнопевца Гомера»? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 1. С. 82–99.
15. Козлов С.А., Кулешов В.С. Серебряное блюдо из Нижнего Приобья с изображениями княжеских знаков и сценами из дружинного эпоса о Святославе // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2019 года: к 90-летию А.С. Мельниковой и 100-летию В.В. Узденикова (Москва, 26–27 ноября 2019 г.): материалы докладов и сообщений / Ред. Е.В. Захаров. М.: ГИМ, 2019. С. 319–322.
16. Комар А.В. Место гибели князя Святослава: поиски, легенды, гипотезы, мистификации // Stratum plus. 2014. № 5. С. 235–256.
17. Коновалова И.Г. Поход Святослава на Восток в контексте борьбы за «хазарское наследство» // Stratum plus. 2000. № 5. С. 226–235.
18. Коновалова И.Г. Титул русских князей «каган» в источниках и историографии // История: электронный научно-образовательный журнал. 2025. Т. 16. Вып. 6 (152). URL: <https://history.jes.su/s207987840036101-0-1/> (дата обращения: 14.09.2025 г.).
19. Королёв А.С. Святослав. М.: Молодая гвардия, 2011. 351 с.
20. Ламбин Н.П. О годе смерти Святослава Игоревича, великого князя Киевского. Хронологические разыскания Н.П. Ламбина, А.А. Куника и В.Г. Васильевского. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1876. С. 119–182.
21. Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019. 304 с.
22. Липец Р.С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор / Ред. Р.С. Липец. М., 1977. С. 217–257.
23. Манас. Киргизский народный эпос. Главы из «Великого похода» / Пер. С. Липкина и М. Тарловского. М.: Художественная литература, 1941. 159 с.

24. Никитин А. «Аз, Святослав, князь русский...» // Наука и религия. 1991. № 9. С. 40–45.
25. Повесть временных лет / Пер. с древнерус. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова; коммент. и статьи А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова, А.М. Введенского, Л.В. Войтовича, С.В. Белецкого. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.
26. Прошин Г. Иду на вы! // Как была крещена Русь. М., 1990. С. 59–71.
27. Рапов О.М. Когда родился великий киевский князь Святослав Игоревич? // Вестник Московского государственного университета. 1993. Сер. 8: История. № 4. С. 92–96.
28. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
29. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982. 240 с.
30. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / Ред. Д.С. Лихачёв, Л.А. Дмитриев, А.А. Алексеев, Н.В. Понырко. Т. I: XI–XII вв. СПб.: Наука, 1997.
31. Федорова Н.В. Серебряное блюдо со сценами борьбы из Нижнего Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4. С. 75–82.
32. Шайкин А.А. Окружение князя в «Повести временных лет». Воеводы и посадники // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 60. СПб.: Наука, 2009. С. 281–310.
33. Щавелев А.С. Реконструкции и интерпретация рассказа «Древнейшего сказания» (начало – середина XI в.) о походе князя Святослава Игоревича на вятичей и хазар // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 1 (48). С. 122–129.
34. Hanak W.K. The Infamous Svyatoslav: Master of Duplicity in War and Peace? // Peace and War in Byzantium: Essays in Honor of G. T. Dennis / Ed. by T. S. Miller, J. Nesbitt. Washington: Catholic University of America Press, 1995. P. 138–151.
35. Ševčenko I. Svyatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures // Slavic Review. 1965. Vol. 24/4. P. 709–713.

REFERENCES

1. Aksanov A.V., Vasikhovskaya N.S. The image of Prince Svyatoslav in the Late Russian chronicle. *Europe: International Almanac*. 2014. Vol. XIII/1–2. P. 51–54. (In Russian)
2. Vvedenskiy A.M. Treaties of Rus' with the Greeks in the 10th century: the oath of Svyatoslav Igorevich. Problems of interpretation of the expression “stab as gold”. Works of the Department of Old Russian Literature. Vol. 57. St. Petersburg, 2006. P. 916–926. (In Russian)
3. Heraldic heritage of the Republic of Tatarstan. Moscow, 2012. 328 p. (In Russian)
4. Gippius A.A. How did Svyatoslav have lunch? (textual notes). *Ancient Rus': The Questions of Medieval Studies*. 2008, no. 2 (32), pp. 47–54. (In Russian)
5. Gorsky A.A. Svyatoslav Igorevich and Otto I: speeches before the battle. *Ancient Rus': The Questions of Medieval Studies*. 2015, no. 4 (62), pp. 35–40. (In Russian)
6. Gumilyov L.N. The Prince Svyatoslav Igorevich. Our contemporary. 1991, no. 7–8. (In Russian)
7. Gurevich K.I. The image of the Cumans in medieval sources: dissertation for the purpose of obtaining degree candidate of sciences in Philology. Moscow, 2021. 243 p. (In Russian)
8. Danilevskiy I.N. The Tale of Bygone Years: The hermeneutical bases of chronicles. Moscow, 2004. 370 p. (In Russian)
9. Zhirmunsky V.M. The Turkic heroic epic. Leningrad, 1974. 725 p. (In Russian)

10. Kargalov V.V., Sakharov A.N. The military leaders of Old Rus'. Moscow, 1967. 263 p. (In Russian)
11. The book of my grandfather Korkut. *The Oguz heroic epic*. Translated by V.V. Bartold. Moscow-Leningrad, 1962. 301 p. (In Russian)
12. Kozhinov V. Olga and Svyatoslav. *Rodina*. 1992, no. 11–12; 1993, no. 4. (In Russian)
13. Kozlov S.A. The “Rus’” excursions of Leo the Deacon and the traditions of the men’s unions in the Slavic world. *Byzantine Chronicle*. 2015, Vol. 74, pp. 102–126. (In Russian)
14. Kozlov S.A. “Svyatoslaviada”, or what is common between the knyaz Svyatoslav Igorevich and the “heroes of poet Homer?”. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016, no. 1, pp. 82–99. (In Russian)
15. Kozlov S.A., Kuleshov V.S. A silver dish from the Lower Ob region with images of princely signs and scenes from the epic of Svyatoslav. *Numismatic readings of the State Historical Museum 2019: dedicated to the 90th anniversary of A.S. Melnikova and the 100th anniversary of V.V. Uzdenikov (Moscow, November 26–27, 2019): materials of reports*. Ed. by E.V. Zakharov. Moscow, 2019, pp. 319–322. (In Russian)
16. Komar A.V. Svyatoslav’s Place of Death: Searches, Legends, Hypotheses, Mystifications. *Stratum plus*. 2014, no 5, pp. 235–256. (In Russian)
17. Konovalova I.G. The oriental policy of Svyatoslav in the context of international struggle for “khazarian heritage”. *Stratum plus*. 2000, no 5, pp. 226–235. (In Russian)
18. Konovalova I.G. The Title of Russian Princes “Khagan” in Sources and Historiography. *The Journal of Education and Science “History”*. 2025. Vol. 16. Issue 6 (152). URL: <https://history.jes.su/s207987840036101-0-1/> (In Russian)
19. Korolyov A.S. Svyatoslav. Moscow, 2011. 351 p. (In Russian)
20. Lambin N.P. About the year of the death of Svyatoslav Igorevich, Grand Prince of Kiev. The Chronological researches by N.P. Lambin, A.A. Kunik and V.G. Vasilyevskiy. St.-Petersburg, 1876, pp. 119–182. (In Russian)
21. Laushkin A.V. Rus’ and its neighbors: the history of ethnoconfessional ideas in Old Russian literature of the 11th–13th centuries. Moscow, 2019. 304 p. (In Russian)
22. Lipets R.S. Reflection of the ethnocultural ties of Kievan Rus in the legends of Svyatoslav Igorevich (10th century). *Ethnic History and folklore*. Ed. by R.S. Lipets, Moscow, 1977, pp. 217–257. (In Russian)
23. Manas. Kyrgyz folk epic. Chapters from the “Great Campaign”. Translated by S. Lipkin and M. Tarlovsky. Moscow, 1941. 159 p. (In Russian)
24. Nikitin A. “I’m, Svyatoslav, Russian prince...”. *Science and Religion*. 1991, no. 9, pp. 40–45. (In Russian)
25. The tale of bygone years. Translated by D.S. Likhachev, O.V. Tvorogov; comment. and articles by A.G. Bobrov, S.L. Nikolaev, A.Y. Chernov, A.M. Vvedensky, L.V. Voitovich, S.V. Beletsky. St. Petersburg, 2012. (In Russian)
26. Proshin G. Coming to you!. *How Rus was baptized*. Moscow, 1990, pp. 59–71. (In Russian)
27. Rapov O.M. When the birthplace of the Great Kievan prince Svyatoslav? *Moscow State University History Bulletin*. 1993. Ser. 8, no. 4, pp. 92–96. (In Russian)
28. Rudakov V.N. Mongol-Tatars through the eyes of Old Russian scribes of the mid-13th–15th centuries. Moscow, 2009. 248 p. (In Russian)
29. Sakharov A.N. The Diplomacy of Svyatoslav. Moscow, 1982. 240 p. (In Russian)
30. The Word about the law and grace of Metropolitan Hilarion of Kiev. Library of Literature of Ancient Russia. Edited by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. Vol. I: 11th–12th centuries. St. Petersburg, 1997. (In Russian)

31. Fedorova N.V. A silver dish with scenes of struggle from the Lower Ob region. *Archaeology, ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2011, no. 4, pp. 75–82. (In Russian)
32. Shaykin A.A. The entourage of the prince in the Tale of Bygone Years. Voevods and posadniks. *Works of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 60. St.-Petersburg, 2009. P. 281–310. (In Russian)
33. Shchhavelev A.S. Reconstruction and interpretation of the story of the “Oldest Tale” (early to mid-11th century) about the campaign of Prince Svyatoslav Igorevich against the Vyatichi and Khazars. *Perm University History Bulletin*. 2020. Issue 1 (48), pp. 122–129. (In Russian)
34. Hanak W.K. The Infamous Svjatoslav: Master of Duplicity in War and Peace? *Peace and War in Byzantium: Essays in Honor of G. T. Dennis*. Ed. by T. S. Miller, J. Nesbitt. Washington: Catholic University of America Press, 1995. P. 138–151.
35. Ševčenko I. Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures. *Slavic Review*. 1965. Vol. 24/4, pp. 709–713.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Багурина, 7, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник Центра урбанистики Тюменского государственного университета (625003, ул. Володарского, 6, Тюмень, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8970-5880, ResearcherID: K-2763-2017; Scopus Author ID: 57200985036; SPIN-код: 5012-4497. E-mail: aksanov571@gmail.com

Сергей Александрович Козлов – кандидат исторических наук, руководитель Центра урбанистики Тюменского государственного университета (625003, ул. Володарского, 6, Тюмень, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2756-3623, ResearcherID: L-4459-2016; Scopus Author ID: 56239636900; SPIN-код: 3174-7891. E-mail: s.a.kozlov@utmn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Senior Research Fellow at the Center for Urban Studies, Tyumen State University (6, Volodarsky Str., Tyumen 625003, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8970-5880, ResearcherID: K-2763-2017; Scopus Author ID: 57200985036; SPIN code: 5012-4497. E-mail: aksanov571@gmail.com

Sergei A. Kozlov – Cand. Sci. (History), Head of the Urban Studies Center, Tyumen State University (6, Volodarsky St., Tyumen 625003, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2756-3623, ResearcherID: L-4459-2016; Scopus Author ID: 56239636900; SPIN code: 3174-7891. E-mail: s.a.kozlov@utmn.ru

Поступила в редакцию / Received 12.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 01.08.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.563-580>
EDN: INLROA

УДК 929.53

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ЭМИРОВ НАНГУДАЯ И КУТЛУК-ТИМУРА

Ж.М. Сабитов

*Научный институт изучения Улуса Джучи
Астана, Республика Казахстан
zh.sabitov@gmail.com*

Резюме. Цель исследования: изучение генеалогических данных двух сподвижников золотоордынского хана Узбека: хорезмского наместника Кутлук-Тимура и Нангудая, сыгравшего важную роль в выдвижении среднеазиатских династии, правивших в Хорезме и Хивинском ханстве в XVIII – начале XX века.

Материалы исследования: основными источниками служили: тюркоязычное сочинение «Фирдаус ал-икбал», сведения из других персидских источников («Джами ат-Таварих», «Муджмал-и Фасихи», «Муизз ал-Ансаб» и т.д.), шеджере и данные историографии.

Результаты и научная новизна: проанализированы все известные источники по генеалогии золотоордынского эмира Нангудая, называемого некоторыми учеными в качестве потомка известного Джучидского военачальника Ногая. Выявляются иные факты, доказывающие существование другого человека с таким же именем, бывшего настоящим предком Нангудая. Отдельно выделены казахские шеджере, в рамках которых существуют 4 версии его происхождения. Причем имена из шеджере Ногая и Сенке-бия совпадают с именами его реальных предков или родственников из «Фирдаус ал-икбал». Выявлено, что в историографии выделено 6 версий генеалогии Нангудая. Обоснована достоверность генеалогии из ««Фирдаус ал-икбал»» с поправкой на то, что упомянутый там Ногай не был идентичен золотоордынскому темнику Ногаю, а был его тезкой и современником. Проанализированы все источники и публикации касательно генеалогии Кутлук-Тимура, современника Нангудая и эмира хана Узбека. Существует пять версий происхождения Кутлук-Тимура. Согласно первой – он происходил из домонгольской знати Хорезма, по второй – принадлежал к племени кунграт. Согласно третьей – происходил из племени барин (бахрин, барын) и был сыном известного эмира Джарука. По четвертой – являлся сыном некоего Наджм ад-Даула ад-Дина. Согласно пятой – был выходцем из народа онгут и потомком Чин-Тимура – наместника Хорезма. В нашей статье мы находим аргументы в пользу последней версии его происхождения.

Ключевые слова: Нангудай, кунграты, Узбек-хан, Кутлук-Тимур, Золотая Орда, «Фирдаус ал-икбал», «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме»

© Сабитов Ж.М., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Сабитов Ж.М. К вопросу о происхождении золотоордынских эмиров Нангудая и Кутлук-Тимура // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 563–580. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.563-580> EDN: INLROA

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках грантового финансирования (проект ИРН AP19574484).

ON THE QUESTION OF THE ORIGIN OF THE GOLDEN HORDE EMIRS NANGUDAY AND KUTLUK-TIMUR

Zh.M. Sabitov

*Research Institute for Jochi Ullus Studies
Astana, Republic of Kazakhstan
zh.sabitov@gmail.com*

Abstract. Research objectives: The purpose of this research is to study genealogical data of one of the supporters of the Golden Horde khan, Uzbek. This was Nangudai who played an important role in promotion of Central Asian dynasties ruling in Khorezm and Khiva khanate of the 18th – early 20th centuries.

Research materials: The main sources for research were Turkic-language work by Firdaus al-Iqbal, other Persian sources (Jami at-Tawarikh, Mujmal-i Fasihi, Muizz al-Ansab, etc.), Kazakh shezhire, and historiography data.

Results and scientific novelty: All known sources on the genealogy of the Golden Horde emir, Nangudai, the prominent political figure of the era of Uzbek Khan, have been analyzed. The research reveals some details that prove the existence of another person with the same name who was the authentic ancestor of Nangudai. The Kazakh shezhire is singled out separately, within the framework of which there are four versions of its origin. Besides, the names from the shezhire, Nogai and Senke-biy, coincide with the names of his real ancestors or relatives from “Firdaus al Iqbal”. That there are six versions of Nangudai’s genealogy in historiography has been revealed. In addition, this research proves the reliability of genealogy from “Firdaus al Iqbal” with the correction that the Nogai mentioned in it was not identical to the Golden Horde’s Nogai, but was his namesake and contemporary. All sources and publications concerning the genealogy of Kutluk-Timur, a contemporary of Nangudai and Emir Khan Uzbek, are considered. It is revealed that there are five versions of Kutluk-Timur’s origin.

Keywords: Nangudai, Kungirats, Uzbek Khan, Kutluk-Timur, Golden Horde, Firdaus al Iqbal, Tavarikh-i guzida-yi nusrat-name

For citation: Sabitov Zh.M. On the question of the origin of the Golden Horde emirs Nanguday and Kutluk-Timur. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 563–580. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.563-580> (In Russian)

Financial Support: The research was supported by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of grant funding (project IRN AP19574484).

Эмиры Нангудай и Кутлук-Тимур были известными соратниками хана Узбека, правившего в первой половине XIV века в Улусе Джучи. Вопросы их происхождения волновали многих исследователей. Исследователи считали их либо сородичами из племени кунграт, либо прямыми родственниками.

Эмир Нангудай – известный соратник Узбек-хана [32, р. 102–104; 23], ставший родоначальником двух Хорезмских династий: династии Суфи, которая в годы великой замятни в XIV веке образовала самостоятельное владение в Хорезме и кунгратской династии, правившей в Хивинском ханстве в XVIII – начале XX века. Также он является предком казахских кунгратов.

Необходимо отметить, что в сочинении «Фирдаус ал-икбал», которое написано по заказу кунгратской династии в Хорезме (основатель этой династии потомок Нангудая по генеалогии), есть генеалогии предков Нангудая. Но многие ученые сомневаются в ней, так как одним из предков Нангудая назван Ногай, правнук Джучи (внук Бувала), который был Чингизидом.

Так Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов использовали отрывок из «Фирдаус ал-икбал» касательно происхождения Нангудая: *«его дед знаменитый нойон или царевич Ногай, отец Агдадай (Агадай) правил вилаетом Булгар в течение 22 лет и совершал походы против русских и черкесов. Агадай погиб в 713 году хиджры (1312– 13) от рук мангыта Сонкор-мирзы. Его сын Нагдай (Нангудай), правитель черкесов, стал беклярбеком при Узбек-хане»* [11, с. 153–154]. Здесь, безусловно, можно согласиться с мнением о том, что Нангудай не был внуком по прямой мужской линии золотоордынского темника Ногая. В противном случае он бы фигурировал со статусом царевич или оглан (Чингизид), а не представитель рода Кунграт.

Решая это противоречие, Ж. Бейсенбайұлы посвятил данному историческому персонажу целую монографию. Изначально он отождествил предка казахских кунгратов (согласно шеджере) по имени Наганай с золотоордынским Нангудаем [4, с. 129]. По его мнению, Нангудай был сыном Йайлака (и Кабак, дочери Чингизида Ногая) и внуком Сальджидай-гургена, о чем косвенно свидетельствовал «Фирдаус ал-икбал» [4, с. 218–231]. Ранее мы также соглашались с этой точкой зрения [23, с. 122].

Ж. Бейсенбайұлы на основе «Фирдаус ал-икбал» предлагает следующую генеалогию Нангудая: Нангудай, сын Агадай, сына Сальджидай (эмир эпохи Токты и Ногая), сына Муса гурегена (Тагайтемир, Булаган), сына Таним гурегена, сына Терк-Амал-хана, сына Дей-нойона (Даритай) [5, с. 50].

Другие исследователи отказывались признавать сведения «Фирдаус ал-икбал» как заслуживающие доверия. Так И.В. Зайцев считал Нангудая сыном Хорезмского наместника Кутлук-Тимура [7, с. 251], а не сыном Агадай и внуком Ногая.

Таким образом, существует научная дискуссия касательно генеалогии Нангудая и 6 версий его происхождения.

1. Нангудай является потомком Шинку-гургена из рода кунграт, сыном Алчи-нойона, племянника Борте и мужа Тэмулун [27, с. 295–296].

2. Наша старая версия, согласно которой Нангудай сын Йайлака, сына Сальджидай из рода кунграт [20; 23, с. 122]. Ж. Бейсенбайұлы также писал о том, что Нангудай был сыном Йайлака (и Кабак, дочери Чингизида Ногая) и внуком Сальджидай-гургена, о чем косвенно свидетельствовал «Фирдаус ал-икбал» [20]. Эту точку зрения поддержал Ж. Женис [6, с. 169]. Позже

Ж. Бейсенбайұлы, изучив текст этого источника, выдвинул идею, что Сальд-жидай гурген сын Мусы гургена, сына Таним гургена.

3. Нангудай является потомком золотоордынского темника Ногая [11, с. 153–154].

4. Нангудай был кунгратом, но его генеалогия не известна [34].

5. Нангудай был сыном хорезмского наместника Кутлук-Тимура [7, с. 244–245].

6. Также существует генеалогия Нангудая из «Фирдаус ал-икбал» [35], где упомянуты 14 его предков по прямой мужской линии.

Для решения данной проблемы надо рассмотреть все источники, а также провести критический анализ сведений из них.

Изначально стоит отметить, что Кутлук-Тимур был наместником Тогрула, отца Узбека, в Хорезме. Тогрул был одним из соправителей Тула Буки. По мнению А.А. Порсина, Кутлук-Тимур после поражения Тула Буки и казни Тогрула и его соправителей, бежал в Иран и вернулся только в 1309–1310 году [14, с. 223–232].

Касательно генеалогии Кутлук-Тимура мы также имеем целый ряд версий.

1. Нангудай является выходцем из племени кунграт. И.В. Зайцев считал Нангудая сыном Хорезмского наместника Кутлук-Тимура [7, с. 244–251]. Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов писали о том, что хорезмский эмир Кутлук-Тимур был из выходцем из племени кунграт. По их мнению, он был сыном дочери Менгу-Тимура [11, с. 154].

Ж. Бейсенбайұлы считал, что данный Кутлук-Тимур идентичен Кутлук-Тимуру, сыну Абатай-нойона из племени кунграт, который жил в Иране и принадлежал к ильханидской аристократии. Здесь необходимо отметить, что помимо идентичности имен (хорезмский Кутлук-Тимур и ильханидский Кутлук-Тимур, сын Абатая) никаких аргументов нет. У ильханидского Кутлук-Тимура были братья Нарбур и Утман, а также была дочь Кэрэму-хатун [16, с. 162]. Кэрэму-хатун и ее кузина Булуган-хатун (дочь Утмана) были женами Газан-хана. Аргументом против такого отождествления выступает тот факт, что согласно Рашид ад-Дину ильханидский Кутлук-Тимур погиб в 1297 г. [18, с. 178].

Уже в 2022 году Ж. Бейсенбайұлы выдвинул новый аргумент в пользу принадлежности Кутлук-Тимура к племени кунграт. Как известно, у Кутлук-Тимура был брат по имени Мухаммед-ходжа. Известный поэт Хорезми Равани в 1353 г. закончил поэму «Мухаббат-наме». Заказчиком данной поэмы был некий Мухаммед-ходжа, происходящий из племени кунграт и «находящийся в родстве с Джанибек-ханом». Ж. Бейсенбайұлы предположил, что два человека с именем Мухаммед-ходжа (брат Кутлук-Тимура и заказчик поэмы из рода кунграт), жившие в одну эпоху были одним и тем же человеком [5, с. 27–28]. Здесь также совпадает география (Хорезм). А.А. Порсин в свою очередь критиковал данную версию и писал: «единственное, что напрямую связывает Кутлук Тимура и Нангудая, согласно данным источников, это Хорезм. Однако, эта связь не может служить свидетельством их общей племенной принадлежности» [14, с. 227]. Несмотря на эти аргументы, по нашему мнению, все-таки Кутлук-Тимур имеет другую генеалогию.

2. Версия о происхождении из домонгольской знати Хорезма.

В свое время ее выдвинул А.А. Порсин в своей монографии. Он писал, что Кутлук-Тимур и его братья относились к племени баят [14, с. 223–233]. В последующем он в личной консультации высказал идею, что Кутлук-Тимур происходит от домонгольской знати Хорезма, из племени канглы, либо из группы подчиненных Хумар-тегина. С данным тезисом очень трудно согласиться из-за целого ряда причин.

3. Согласно А.Ю. Якубовскому имя отца Кутлук-Тимура было Наджм ад-Даула ад-Дин. Он смог прочитать эпитафию на минарете в Хорезме, который был построен при Кутлук-Тимуре: «мелик могущественный, патрон царей арабов и не арабов, блеск земного мира и веры, величие ислама и мусульман» и имя его отца: Наджм ад-Даула ад-Дин [30, с. 36], такого же мнения придерживается Ю.В. Селезнев [25, с. 116]. Но здесь, возможно, есть ошибка. В персидской хронике «Муджмал-и Фасихи» есть сведения, что в 709 году хиджры (1309–1310 годы) следующего содержания: «Султан Мухаммад Худабанде Улджайту-хан отправил Наджм ад-Дин Кутлук Тимура [в Хорезм], назначив его хорезмшахом». То есть, скорее всего, эпитет Наджм ад-Даула ад-Дин относится к самому Кутлук-Тимуру, а не к его отцу.

4. Ранее мы выдвигали версию о том, что Кутлук-Тимур происходит из рода суканут племени Барин (Барын, Бахрин) [21]. Эта генеалогия выстраивалась исходя из следующих логических шагов.

4.1. По данным арабоязычных источников у Кутлук-Тимура было два брата: Мухаммед-ходжа и Сарай-Тимур [9, с. 361].

4.2. Ранее мы отождествляли Мухаммед-ходжу с одноименным правителем города Азак, который имел нисбу ал-Хорезми. Он упоминается в источниках в первой половине 1330-х годов [23, с. 122].

4.3. Согласно «Фасихову своду» ильхан Олджайту назначил Кутлук-Тимура правителем Хорезма, хотя в реальности он не мог иметь таких полномочий. При этом видимо Кутлук-Тимур до отъезда в Хорезм, по всей видимости, жил при дворе у ильхана Олджайту. Мы ранее предположили, что такое «назначение» могло быть итогом достигнутого компромисса и консенсуса между иранским правителем и правителем Улуса Джучи. Этот тезис исходит из того факта, что позже Кутлук-Тимур упоминается как двоюродный брат Узбек-хана не по прямой мужской линии. Источник можно трактовать либо как факт того, что мать Кутлук-Тимура была родной тетей Узбек-хана, то есть сестрой хана Токты и тогда легко объясняется согласие хана Токты на восшествие на региональный престол Хорезма его племянника. Также Н. Ибрагимов придерживался данной точки зрения [8, с. 75; 22, с. 114].

Второй вариант заключается в том, что матери Узбек-хана и Кутлук-Тимура – родные сестры. Этот вариант встречает больше противоречий, и он мешает объяснить почему Токта согласился на то, чтобы назначить не родственника из Ирана на престол Хорезма. Таким образом, версия о том, что матерью Кутлук-Тимура была дочь Менгу Тимур-хана встречает больше аргументов в свою пользу.

4.4. Если вышеуказанная точка зрения верна, то отец Кутлук-Тимура должен был занимать высокое положение среди знати Ильханата, так как только в этом случае он мог претендовать на статус гургена и на женитьбу на представительнице Чингизидской династии.

4.5. В нашей предыдущей статье мы высказали предположение на основе косвенного доказательства. Оно опиралось на два факта.

У Кутлук-Тимура был брат Сарай-Тимур. В источниках упоминается, что в 1357 году был некий Сарай-Тимур. Он был наместником хана Джанибека в Тебризе. В той публикации мы отмечали, что эти два Сарай-Тимура могли быть одной и той же личностью. Тем более стоит учесть, что Джанибек-хан назначил бы на должность своего наместника близкого себе человека. Как мы знаем, по историческим данным племянник Сарай-Тимура из Хорезма по имени Харунбек был женат на единоутробной сестре Джанибека (они оба происходили от Узбека и Тайдуллы).

Согласно первоисточникам, некий Сарай-Тимур являлся сыном некоего эмира Джарука. Данный Сарай-Тимур был оставлен Джанибеком для оказания помощи Бердибеку в Тебризе в 1357 году [10, с. 191]. Таким образом мы выдвинули идею о том, что Сарай-Тимур, брат Кутлук-Тимура идентичен Сарай-Тимуру, сыну эмира Джарука.

4.6. После этого мы проанализировали всех представителей политической элиты ильханата со схожими именами. Нами были выделены следующие кандидаты в «отцы Кутлук-Тимура»:

4.6.1. Джарук, сын Тумакана, сына Кули, сына Орда-ичена. Он имел сыновей по имени Нокай и Сатылмыш [13, с. 39] и вряд ли может быть отцом Сарай-Тимура. Факт не указания Кутлук-Тимура среди его детей, а также, что Кутлук-Тимур был эмиром, а не представителем дома Джучи, играет против данной версии.

4.6.2. В третьем томе своего сочинения Рашид ад-Дин не упоминает ни одного представителя политической элиты с именем Джарук [18, с. 332]. Он также отмечает, что существует эмир Ярук-бахши китаец [18, с. 143]. Вряд ли малоизвестный бахши мог стать гуреном.

Также в источниках отмечается целый ряд эмиров с именем Черик [18, с. 342]. При этом, если проанализировать их биографии, то выяснится, что они не подходят на роль отца Кутлук-Тимура и его братьев. Вряд ли кто-нибудь из них имел право претендовать на родство с Чингизидами.

4.6.3. Стоит отметить, что среди эмиров, которых упоминает Рашид ад-Дин, есть подходящий кандидат. Рашид ад-Дин упоминает своего современника эмира Джарука, сына Тачар-нойона [16, с. 189]. Данный Тачар упоминается в «Муизз ал-Ансаб» как «Эмир Тагачар из племени суканут, почтенный эмир, наместник Рума» [13, с. 94]. Рашид ад-Дин также упоминает эмира Тогачара (другое написание имени Тачар) [18, с. 340]. Согласно «Джами ат-Таварих», в 1295 году Тогачар был назначен наместником в Руме [18, с. 170]. В 1296 году он пал жертвой интриг и был убит [18, с. 172].

Генеалогия его семьи выглядит следующим образом: Джарук был сыном Тачар-нойона. Тачар-нойон был сыном Куту-Бука-нойона. Он (Куту-бука) был убит в 1265 году в битве с золотоордынским Ногаем [18, с. 69]). Брат Куту-Буки по имени Дженгун-нойон был «эмиром тутгаулов» во времена правления Хулагу. Куту-Бука и Дженгун были сыновьями Тамука-нойона. Данный нойон происходил из племени суканут, который был одним из мелких подразделений племени барин [16, с. 188–189].

Таким образом, на основании таких рассуждений мы ранее предположили, что Кутлук-Тимур и его младшие братья Мухаммед-ходжа и Сарай-

Тимур были детьми Джарука, сына Тогачара. Тогачар в конце XIII века занимал высокое статусное место в политической иерархии ильханата. Исходя из этого, Джарук имел возможность жениться на сестре хана Токты. Также мы предположили, что Джарук после смерти отца в 1296 году, мог оказаться временно в Улусе Джучи, где мог быть заключен брак. Хотя данная версия и критикуется [14, с. 230], но наместник Джанибека в 1357 году действительно мог являться сыном Джарука, сына Тагачара. Таким образом в истории того периода было два разных Сарай-Тимура. Первый являлся братом Кутлук-Тимура, а второй был сыном Джарука.

5. Онгутская версия происхождения. Здесь необходимо отметить, что до 707 года хиджры Хорезмом правил некий Толук-Тимур, сын Куч-Тимура. А.А. Порсин на основании данных «Фасихова свода» и «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина писал, что данный Толук-Тимур являлся сыном Куч-Тимура и внуком Чин-Тимура [14, с. 231]: *«Было бы заманчиво предположить, что и Бай Тимур и Кутлуг Тимур также относились к потомству Чин-Тимура. Однако, такое предположение никак не объясняет причину возвращения Кутлуг-Тимура из Ильханата и очевидную разницу в их статусах: «правитель» в случае Тулук-Тимура, «наместник» в случае Бай-Тимура и «Хорезмшах» в случае Кутлуг-Тимура. Мы все же склоняемся к тому, что после смерти внука Чин-Тимура, положение баятов в Хорезме изменилось и именно это сделало возможным возвращение Кутлуг Тимура на родину»* [14, с. 232].

Методы и материалы

Важным методом здесь является анализ достоверности сведений из источников и историографии по данному вопросу. Главными источниками по генеалогии Нангудая являются тюркоязычное сочинение «Фирдаус ал-икбал». Также к этому вопросу можно привлечь данные каракалпакских и казахских шеджере, в которых приведены разные версии происхождения Нангудая (Наганая)

1. В каракалпакских шеджере у Нангудая было 32 сына, но имя его отца не указывается. Отдельно есть сведения, что предком кунгратов был некий Жаилхан.

2. Согласно одному из казахских шеджере Наганай (таково написание имени в казахских шеджере) был сыном Ногая, который в свою очередь был сыном Атамкожи [26, с. 163].

3. Согласно другому казахскому шеджере отца Наганая звали Сенке, а у самого Наганая было 30 сыновей [24, с. 102]. Иногда данного Сенке отождествляют с Сангылом, который по шеджере был потомком Нангудая. Р.Д. Темиргалиев отождествил этого Сенке с Шинку-гургеном, сыном Алчи-нойна, племянника Борте [27, с. 295–296].

4. Согласно другому казахскому шеджере, отцом Наганая был Узынсопы [1, с. 264], имя которого можно перевести как «Длинный Суфий».

5. Согласно еще одному казахскому шеджере, Наганай происходил из Ногайлы ел (Ногайская орда или «государства Ногая»), а его отцом был Кызыл Сопы (Красный Суфий) [12, с. 9].

Таким образом, мы видим два варианта имени отца Нангудая: Сенке и Ногай, а также два прозвища отца Нангудая: «Длинный Суфий» и «Красный

Суфий». Решить эту проблему можно только при сравнении этих данных с письменными источниками, а именно с «Фирдаус ал-икбал».

Несмотря на то, что «Фирдаус ал-икбал» известен более полутора веков, данный источник слабо изучен. Еще в 1873 году А.Л. Кун обнаружил данный источник и передал одну из копий в Азиатский музей. Сам труд был написан двумя авторами: Мунисом и его племянником Агехи. Они оба служили кунгратской династии, которая в это время правила в Хивинском ханстве. Мунис планировал включить введение, пять глав и заключение с описанием известных личностей своего времени, но не успел завершить труд, доведя историю Хорезма лишь до 1813 года. Его работу продолжил Агахи, доведя повествование до 1825 года по приказу Аллакули-хана.

«Фирдаус ал-икбал» состоит из компилятивной части, основанной на трудах предшественников (в частности, Абулгази, Бенакети и т.д.), и оригинального изложения событий XVIII века. Последняя часть, построенная на свидетельствах современников, очевидцев и собственных наблюдениях автора, отличается подробностью и зачастую ведётся по годам.

В то же время сведения до XVIII века частично дублируют другие источники, но при этом в них есть и большая доля оригинальных сведений, которые больше не встречаются нигде.

Что касается казахских шеджере, то стоит отметить, что генеалогия казахского племени кунграт уже была опубликована [2, с. 129].

Здесь нужно подробно остановиться на генеалогии предков Нангудая из «Фирдаус ал-икбал», особенно заострить внимание на вопросе о том, был ли золотоордынский темник Ногай предком Нангудая.

Также стоит отметить одну ошибку в «Таварихи Гузидаи Нусрат-наме». В данном источнике спутаны два бека с именем Хусейн. Чагатайский бек Хусейн, внук эмира Казагана, соратник Тамерлана, ставший его соперником и Хусейн Суфи (Ак Хусейн Суфи), сын Нангудая, правитель Хорезма.

Главными источниками по генеалогии Кутлук-Тимура, по нашему мнению, являются труд Рашид ад-Дина «Джами ат-Таварих», а также «Фасихов свод» Фасиха Ахмада ибн Джалал ад-Дина Мухаммада ал-Хавафи, а также сведения из «Муизз ал-Ансаб».

Согласно «Фирдаус ал-икбал» Нангудай имеет длинную генеалогию предков. К именам предков мы добавим краткий пересказ сведений из «Фирдаус ал-икбал», опубликованный Ю. Брегелем, касательно того или иного предка Нангудая и свои пояснения. Ниже указана генеалогия Нангудая (номер будет означать колена, то есть 7 – это предок в 7 колена, 12 – предок в 12 колена):

1. Агадай. Отца Нангудая звали Агадай бахадур. Он правил в Булгаре 22 года. Совершал походы на русские княжества и черкесов, «покорил эти страны и назначил там наместников». Он управлял странами Булгар и Черкес в качестве заместителя отца. Ему подчинялось 30 тысяч юрт кунгратов и 100 тысяч юрт других кочевников. Также он восстановил городские стены Хаджи-Тархана, лежавшие в руинах со времен Джучи. Погиб в 713 году хиджры (1313–1314) вместе с отцом в возрасте 35 лет в битве с Сонкор-мирзой из племени Мангыт [35, р. 87–88].

2. Ногай. Отца Агадая звали Ногай. Многие исследователи путают его с золотоордынским темником Ногаем, так как в «Фирдаус ал-икбал» приведена биография золотоордынского темника Ногая. По нашему мнению данная ошибка появилась следующим образом. У автора «Фирдаус ал-икбал» было шеджере узбекских кунгратов, а также источник, происходящий от «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина («Равдат уль-альбаб фи ма'рифат ат-таварих ва аль-ансаб», более известная как «Тарих-и Бенакети» Абу Сулеймана Бенакети) [33, р. 56]. Абу Сулейман Бенакети был младшим современником Рашид ад-Дина и при составлении своего труда использовал сокращенную версию «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина. В обоих первоисточниках (шеджере узбекских кунгратов и «Тарих-и Бенакети») было имя Ногай и средневековый автор приписал Ногаю из рода кунграт биографию золотоордынского темника Ногая, так как спутал их из-за общей эпохи, в которой жили оба Ногая и идентичности имен. Погиб Ногай из племени кунграт в возрасте 81 или 92 лет в 713 году хиджры и имел 7 сыновей [35, р. 85-87].

3. Муса гурген. В 631 или в 633 году по хиджре Муса гурген унаследовал улус отца. Бату повысил его в должности и выдал за него дочь Хулагу (сын Толуя) по имени Таракай-хатун. Она родила ему Ногая и Тудаку хатун. Тудаку была замужем за султаном Ахмад Тегудером сыном Хулагу. Муса гурген умер в 663 г. по хиджре, во времена правления Берке [35, р. 85]. Его доисламским именем было имя Тука-Тимур.

4. Тыным гурген получил от Чингиз-хана титул нойон (вместо титула хан, который был у его отца) и во владение всех кунгратов. Сопровождал Чингиз-хана в большинстве его походов. В битве между ханом и султаном Джалал ад-Дином Хорезмшахом на берегу реки Инд (Синд) Тыным гурген упорно сражался, ранил самого султана и убил его знаменосца. Султан потерпел поражение, но спасся, прыгнув в реку. Хан одарил Тыныма гургена множественными наградами и почестями и поднял его по статусу выше других эмиров. По возвращению из Ирана, Чингиз-хан отправил своего сына Джучи обратно в его владения и послал с ним Тыныма гургена вместе с его племенем в улус Джучи. Джучи уважал Тыныма и ничего не предпринимал без его совета. Ближе к концу жизни Тыным гурген принял ислам, согласно «Фирдаус ал-икбал» [35, р. 84–85].

5. Терк-Амал-хан. Когда Чингиз-хан воевал с Онг-ханом Керейтом, он попросил помощи у Терк-Амал-хана, и с его помощью победил. Взойдя на трон, Чингиз-хан попросил Терк-Амал-хана прислать ему Тагахара Бахадура (своего брата), которого он назначил личным эмир-и лашкара. Терк-Амал-хан, правил 35 лет и в 618 году по хиджре умер. У него было четыре сына. Старшего звали Тыным гурген. Чингиз-хан выдал замуж за него свою дочь Тумаюн. Имена младших сыновей Терк-Амал-хана были Эльчи Ноян, Ачай и Тукен [35, р. 83–84].

6. Дей (Даритай)-нойон хан. Он был современником Есугея Бахадура. У хана было трое сыновей, Кая-хан, Терк-Амал-хан и Тагачар-нойон. Даритай-нойон-хан сделал Кая-хана правителем кунгратов на Кара-Мурене, сделал Терк-Амал-хана своим наследником и сделал Тагачар-нойона эмир-и лашкар. Кая-хан умер во времена Гуйук-хана ибн Угедей каана. Судя по всему, отцом Терк-Амал-хана был Даритай-хан, брат Дай-сецена (отца Борте).

7. Арслан-хан. Имел 10 сыновей. Арслан-хан, мстя за смерть сына Кабул-хана, разграбил район Китая под названием Ханбалык, убил эмира Алтан-хана по имени Ток Чингсанг.

8. Монге-хан. Он имел семь сыновей: Пашан, Сенги, Джамуха, Байсун, Арслан, Кубдай и Сойюнч. Большинство кланов племени кунграт являются их потомками. Монге отправил четырех сыновей, которые были старше Арслана, вместе с 20 тысячами семей племени кунграт на берег реки Кара-Мурен; они завладели этим местом и поселились там.

9. Джаилган-хан. Был современником Тумбиной-сечена. Он восстал против своего родственника Караул-хана и убил его. После этого он стал ханом всех кунгратов. У него была дочь Аруджа хатун, которую он выдал замуж за прадеда Чингиз-хана, Кабул-хана, сына Тумен-хана. Здесь интересным фактом является то, что Жаилхан (Джаилган-хан), согласно каракалпакскому фольклору, считается предком кунгратов.

10. Аганай-хан

11. Сынтай-Тимур

12. Каучин

13. Кадан-хан

14. Калджидай-хан. По генеалогическим расчетам он мог родиться около 892 года (расчет на основании 30 лет на поколение).

Калджидай-хан, согласно «Фирдаус ал-икбал», был очень справедливым и образованным человеком. У него был младший брат по имени Салджидай и сын по имени Кадан-хан. Когда Калджидай-хан умирал, он разделил свой улус и имущество на две части: сыну и брату. Когда Кадан-хан вззошел на престол, Салджидай-хан, поднял восстание. После долгих боев он захватил и заключил в тюрьму Кадан-хана, который умер в тюрьме.

Салджидай-хан после захвата Кадана стал правителем кунгратов. В течение пяти поколений после него королевство принадлежало его потомкам. Имя последнего короля было Караул-хан, сын Тимадж-хана, сына Кескюн-хана, сына Уранджи-хана, сына Буркай-хана, сына Салджидай-хана.

Данный источник очень важный и сведения о генеалогии Нангудая из него не стоит обесценивать. Свидетельство о том, что «Чингизид Ногай» был дедушкой по отцовской линии Нангудая возник из того факта, что автор «Фирдаус ал-икбал» некритически соединил два источника:

1. «Тарих-и Бенакети» Абу Сулеймана Бенакети, который заимствовал из «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина рассказ о Чингизиде Ногае.

2. Генеалогии кунгратов, где был, упомянут Ногай из рода кунграт. Автор, отождествивший двух Ногаев, спутал двух разных людей, имеющих одно имя (Ногай) и живших в одну эпоху (эпоха Токта-хана).

Если говорить про Кутлук-Тимура, то здесь можно подробнее остановиться на личности Чин-Тимура, который, по нашему мнению, является его предком по прямой мужской линии.

Согласно Джувейни, Джучи назначил его баскаком (военным губернатором) Ургенча. Его соратником стал Куркуз, «уйгур из окрестностей Беш-балыка». При Угедее Куркуз и Чин-Тимур были посланы из Хорезма в Хорасан. В Хорасане Чин-Тимур подчинился Чурмагуну, а потом эмиру Бенсилу из родового подразделения туманут, ветви керейтов. На этом посту Чин-Тимур и скончался. Бенсил отправил Куркуза к Угедее, где Угедей назначил Куркуза

за баскаком в Иране. Сын Чин-Тимура по имени Онгу-Тимур остался недовольным этим решением и поехал к Угедею, где смог получить для себя должность баскака Ирана. С ним приехал Аргун из рода ойрат, который в итоге отобрал данную должность у Куркуза и Онгу-Тимура.

Разбирая конфликт Куркуза и Онгу-Тимура, Угедей сказал: «Так как ты находишься в зависимости от Бату, то я пошлю туда твое показание, Бату знает, как лучше с тобой поступить». Данное решение позже прокомментировал Чинкай: «Судьей Бату является каан, а это – что за собака, что для его дела нужно совещание государей? Пусть этим ведает каан» [17, с. 48]. Угедей нашел компромисс и Куркуз поехал в Хорасан, сначала посетив Тангута, брата Бату и через Хорезм попал в Хорасан к себе домой «в [месяце] джумад II 637 г.х. [29 декабря 1239 – 28 января 1240 г. н.э.]» [17, с. 48]. Здесь необходимо отметить тот факт, что Онгу-Тимур, видимо вслед за своим отцом, подчинялся главе Джучидов.

Рашид ад-Дин о потомстве Чин-Тимура сообщает, что: «Сыновей Чин-Тимура очень много в Хорезме; дочерей он выдал за государей. Сын Юсуфа, Макур, [состоит] при Токта; сын Куртукая находится здесь» [16, с. 142].

При этом в примечаниях сказано: «В ркп. С, L, I, B имеются дополнительные строки, как и в издании «Сборника летописей» проф. Березина (стр. 117). Они вставлены после слов нашего текста «сыновей Чин-Тимура»: «следующие: Кучтимур, правитель Хорезма, и Онгу-Тимур, у которого сыновья Юсуф – Куртука [у Березина – Курубука]. Сыновей Кучтимура много в Хорезме; дочерей он выдал за государей» [16, с. 142].

Таким образом, судя по всему, оригинальный текст Рашид ад-Дина звучит следующим образом: «Сыновей Чин-Тимура очень много в Хорезме; Кучтимур, правитель Хорезма, и Онгу-Тимур, у которого сыновья Юсуф – Куртука [у Березина – Курубука]. Сыновей Кучтимура много в Хорезме; дочерей он выдал за государей. Сын Юсуфа, Макур, [состоит] при Токта; сын Куртукая находится здесь (в Иране – Ж.С.)». Если учитывать полное сообщение, то легко предположить, что безымянный сын Куртукая и есть Кутлук-Тимур.

Необходимо отметить некоторые расхождения в генеалогиях кунгратов из «Фирдаус ал-икбал» и «Джами ат-Таварих». У Рашид ад-Дина Терк-Амалхан упоминается следующим образом:

1. «В эпоху Чингиз-хана из числа старших эмиров из племени кунгират был некий Каракэ-Эмэл (Терке-Эмэл), начальник одной из их войсковых частей [гурух]. Он подчинился Чингиз-хану и был с ним заодно. Чингиз-хан отдавал ему [из своих] дочерей, по имени [пропуск]; в то время, когда он хотел [ее] отдать, [Каракэ-Эмэл] сказал: «Дочь твоя похожа на жабу и черепаху, как я ее возьму?!». По этой причине [Чингиз-хан] рассердился и казнил его» [16, с. 161–162].

2. «Во время Чингиз-хана был один уважаемый эмир, которого называли Алчу-нойон, имя [же] его было Даркэ-гургэн. Он имел сына по имени Шинку-гургэн. Чингиз-хан выделил четыре тысячи мужей из других племен кунграт и пожаловал ему; он отдал ему свою дочь Тумалун, которая была старше Тулуй-хана, и послал его в область Тумат, до настоящего времени их потомки находятся там» [16, с. 162]. Алчу-нойон идентичен Терке-Амалхану (Даркэ-гурген). Видимо он сначала стал мужем Тумалун, но после своих слов

касательно ее внешности, он был казнен и «в наказание», его сын вынужден был жениться на этой дочери Чингиз-хана.

3. «У Джурикэ, сына Тулуй-хана, была супруга, по имени Булага. Она была внучкой по сыну Алчи-нойона, но [ее] нет в родовой ветви Алчи-нойона» [16, с. 163]. Видимо эта Булага – внучка Алчу-нойона, а не Алчи-нойона (брат Борте).

4. «Алчи-нойон после Начина имел [еще] сына по имени Джикугургэн. Дайркай-гургэн, который имел [женою] дочь Чингиз-хана по имени Тумалун, был из [племени] кунгират. [Впрочем], Аллах лучше знает! И все!» [16, с. 164]. Здесь Терк-Амал упоминается как Дайркай-гургэн.

5. «Была еще другая воинская часть из кунгратов, начальником и предводителем ее [был] Дай-нойон. Он имел двух сыновей: Алчи-нойона и Хуку-нойона и дочь, по имени Бортэ-уджин. В раннюю пору [своей] молодости Чингиз-хан сватал ее, но отец ее чинил [этому] много затруднений. Так как Алчи-нойон водил дружбу с Чингиз-ханом, он старался, чтобы эту сестру отдали ему. Она была годами старше Алчи-нойона. Дай-нойон имел брата по имени Даритай; у него было четыре сына: Ката, Буюр, Такудар и Джуйкур».

Согласно «Фирдаус ал-икбал» Терк-Амал-хан имел двух братьев Кайа-хана и Тагачар-хана и сестру Борте. Также он назван сыном Дей-нойон-хана (он же Даритай). Судя по всему, Терк-Амал-хан не был родным братом Борте. Он, видимо был сыном Даритая, брата Дай-сечена, отца Борте. Помимо Рашид ад-Дина можно упомянуть сведения из «Сокровенного сказания» монголов:

6. «§ 141. После того, в год Курицы (1201), в урочище Алхуй-будах, собрались (на сейм) следующие племена: Унгиратский Дергек-Эмель-Алхуй со своими».

7. «§ 176. Зная, что в низовьях Халхи, в том месте, где она впадает в Буюр-наур, кочует племя Терге-Амельтен-Унгират, он отрядил к ним Чжурчедая с Уруудцами и дал такой наказ: 'Если они помнят свою песнь..., то обойдемся с ними по-хорошему. Если же они выкажут непокорство, то будем биться! Мирно вступил к ним Чжурчедай и мирно был принят. А потому Чингиз-хан никого и ничего у них не тронул».

8. В 1206 году на курултае среди тысячников Чингиз-хана отмечены следующие люди: «71) Алчи; 85) Чигу-гурген; 86) Алчи-гурген». Здесь упомянуты: Алчи, брат Борте, Алчи-гурген (он же Терк-Амал) и его сын Чигу-гурген.

Таким образом, судя по этим источникам, мы видим следующую картину:

1. У кунгратов были потомственные ханы, к коим относился Терк-Амал-хан (Терке-Эмэл, Даркэ-гурген, Алчу-нойон, Дергек-Эмель-Алхуй, второй Алчи-нойон), он же Алчу (Алхуй, Алчи).

2. Терк-Амал (Алчу) не был тождественен Алчи, брату Борте.

3. Терк-Амал (Алчу) был кузеном Борте. Отцом Терк-Амал-хана был Даритай, дядя Борте.

4. Терк-Амал-хан, согласно «Фирдаус ал-икбал», правил 35 лет до 618 года хиджры (1221-1222). Видимо правление его началось в 1186-1187 годах.

5. В 1201 году Терк-Амал-хан выступил против Чингиз-хана внутри коалиции разных племен.

6. После этого он пошел на союз с Чингиз-ханом, поддавшись уговорам Чжурчедая. Согласно «Фирдаус ал-икбал», Терк-Амал-хан помог Чингиз-хану победить Ван-хана керейтского.

7. Согласно «Фирдаус ал-икбал», у него было 4 сына: Тыным-гурген, Алчи-нойон, Ачай, Тукен. Согласно Рашид ад-Дину у него был сын по имени Шинку-гурген (Чику-гурген). Здесь это противоречие можно объяснить двумя вариантами. Либо Тыным-гурген идентичен Шинку-гургену, либо Шинку-гурген, сын Алчи-нойона, сына Терк-Амал-хана. Как отмечал К. Этвуд, потомки Чику-гургена (Шинку-гургена) жили в Китае [16, с. 7-26]. Согласно Рашид ад-Дину, потомки Шинку-гургена живут в области Тумат.

Если анализировать данные по генеалогии Кутлук-Тимура, стоит отметить следующее. Основателем династии правителей Хорезма в улусе Джучи был Чин-Тимур. У него было два сына Куч-Тимур, правитель Хорезма, и Онгу-Тимур. Сын Куч-Тимура по имени Толук-Тимур правил в Хорезме до 707 года хиджры (1307-1308 годы). У Онгу-Тимура было два сына Юсуф и Куртука. Сын Юсуфа по имени Макур состоял в свите золотоордынского хана Токты. При этом у Куртуки был безымянный сын, находившийся во владениях ильхана.

Согласно «Фасихову своду», в 709 году хиджры (1309-1310 годы) ильхан Олджайту прислал в Хорезм Наджм ад-Дина Кутлук-Тимура. Данный факт выглядит странным, так как Хорезм подчинялся Улусу Джучи. Но если предположить, что Наджм ад-Дин Кутлук-Тимур происходил из правящей династии Хорезмских наместников и он тождественен безымянному сыну Куртукая, то все становится предельно логичным. В этом случае он был двоюродным племянником предыдущего правителя Хорезма по имени Толук-Тимур и после его смерти как один из наследников мог претендовать на престол, тем более если учитывать тот факт, что согласно Ибн Баттуте он был сыном тетки Узбек-хана, то есть его мать была сестрой хана Токты и других сыновей золотоордынского хана Менгу-Тимура. В этом случае, упоминаемый в «Муизз ал-Ансаб», Кутлук-Тимур, эмир свиты при Газан-хане [13, с. 95] идентичен Кутлук-Тимуру, будущему правителю Хорезма. Таким образом, Олджайту не назначил его правителем Хорезма, а отпустил его в Хорезм, видимо по просьбе хана Токты, который был дядей по женской линии Кутлук-Тимура.

Основные выводы исследования

Генеалогия эмира Нангудая приведена в «Фирдаус ал-икбал». Единственная ремарка заключается в том, что автор «Фирдаус ал-икбал» спутал двух Ногаев, живших в одно время: Чингизида Ногая и Ногая кунграта, приписав второму биографию первого Ногая из сочинения «Тарих-и Бенакети» (а тот в свою очередь взял эти сведения из «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина). Из-за этого произошла путаница, приведшая к созданию 6 версий генеалогии Нангудая. Имена предков Нангудая (Ногай, Сенке, Жаилхан) из казахских и каракалпакских шеджере действительно встречаются среди предков Нангудая из «Фирдаус ал-икбал». Ногай – его дед, Сенке – это Шинку-гурген, брат Тыным-гургена, прапрадеда Нангудая. Жаилхан один из далеких предков кунгратов, предок Нангудая в 9 колене.

Предком Нангудая являлся Терк-Амал-хан, правивший среди кунгратов в 1186/87–1221/22 годах. Он был кузеном Борте (не родным братом). Изначально он выступал против Чингиз-хана, но после 1201 года перешел на сторону Чингиз-хана и в 1206 году обозначен как один из тысячников. Он был женат на дочери Чингиз-хана по имени Тумалун. Но после одной из реплик

по поводу «ее красоты» Терк-Амал-хан был казнен. Тумалун по праву леви-рата перешла к сыну Терк-Амала. Один из сыновей Терк-Амала по имени Шинку-гурген стал жить в области Тумат. Другой сын (Тыным-гурген) перешел в Улус Джучи, где под конец жизни принял ислам.

Генеалогия Кутлук-Тимура выглядит следующим образом (от предков к потомкам):

1. Чин-Тимур происходил из племени онгут. Племя онгут происходило от племени Шато, которое происходило из чуйских племен Западно-Тюркского каганата и основало в Китае целый ряд династий. По китайской классификации онгуты принадлежали к «белым татарам». Правитель онгутов Алахуш-Дигитхури в свое время добровольно признал власть Чингиз-хана. Сам Чин-Тимур имел интересную биографию. Джучи назначил его править Хорезмом в должности шихнэ. Когда Угедей послал войска Чурмагуна в Иран, он отдал приказ, чтобы Чин-Тимур сопровождал Чурмагуна.

2. Сыновья Чин-Тимура: Куч-Тимур и Онгу-Тимур. Видимо Куч-Тимур остался в Хорезме и правил после ухода отца долгое время. Онгу-Тимур ушел с отцом в Иран, где его биография хорошо описана. В итоге образовалось две генеалогические линии: золотоордынско-хорезмская (сыновья Куч-Тимура) и ильханидская (сыновья, внуки и правнуки Онгу-Тимура). При этом часть ильханидской ветви (потомков Онгу-Тимура) жила в Улусе Джучи. То есть данная ветвь сохраняла связь с Джучидами.

3. К третьему поколению онгутской династии относятся Толук-Тимур, сын Куч-Тимура, правивший в Хорезме, а также Юсуф и Куртука, сыновья Онгу-Тимура.

4. К четвертому колелу этой династии относятся сын Юсуфа по имени Макур, который оказался в свите хана Токты. Также сюда относится сын Куртуки по имени Кутлук-Тимур (его мать и жена Куртуки была сестрой хана Токты), который оказался в свите ильхана Газана. Потом ильхан Олджайту отпустил его в Хорезм, где он занял место своего покойного двоюродного дяди Толук-Тимура, сына Куч-Тимура. Сюда же относятся родные братья Кутлук-Тимура по имени Мухаммед-ходжа и Сарай-Тимур. Не исключено, что этой династии принадлежали Баялун (вдова Тогрул-хана и мачеха Узбека-хана) и ее брат Байтемир, правивший Хорезмом. Они могли быть братом и сестрой (или детьми) Макура, который жил при дворе Токты или Толук-Тимура, сына Куч-Тимура, правившего Хорезмом.

5. К пятому колелу данной династии относится Харунбек, сын Кутлук-Тимура, возможно, от жены по имени Турабек. Здесь стоит отметить, что Харунбек был женат на дочери хана Узбека и ханшы Тайдуллы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Астана: Фолиант, 2012. Т. 83. 448 с.
2. Бейсенбайұлы Ж. Қазақ шежіресі. Алматы, 1994. 160 б.
3. Бейсенбайұлы Ж. Құтлықтемір ұлұғбек және оныңінілері // Елдікті ұлықтаған әулет (Династия возвеличившийся государственности). Ғылыми мақалалар жинағы. Алматы: Айтұмар, 2012. С. 204–217.

4. Бейсенбайұлы Ж. Нағанай бек және оның ұрпақтары // Елдікті ұлықтаған әулет (Династия возвеличившийся государственности). Ғылыми мақалалар жинағы. Алматы: Айтұмар, 2012. С. 218–231.
5. Бейсенбайұлы Ж. Нағанай би және оның заманы (Жошы ұлысы қонырат бектерінің Хорезм мен Сыр аймағының этносаяси үдерістеріндегі орны). Ғылыми зерттеу. Астана, 2022. 107 с.
6. Женис Ж. Қоныраттар: Модеден Едігеге дейін. Алматы: Алгоритм, 2022. 216 с.
7. Зайцев И.В. К истории золотоордынских кунгратов в Хорезме и в Крыму: эмир Нангутай // Тюркологический сборник 2013–2014. Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014). М.: Наука-Восточная литература, 2016. С. 238–255.
8. Ибрагимов Н. Ибн Батута и его путешествие по Средней Азии. М.: Наука. 1988. 128 с.
9. История Казахстана в арабских источниках. Т. 1. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.
10. История Казахстана в персидских источниках. Т. 4. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 620 с.
11. Исаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
12. Қонырат шежіресі және оған Қатысты әңгімелер. Алматы: Жалын, 1993. 136 б.
13. Муизз ал Ансаб. История Казахстана в персидских источниках. Т. 3. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с.
14. Порсин А.А. История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.
15. Порсин А.А. Ответ на рецензии Ж.М. Сабитова, Д.М. Тимохина и В.В. Тишина, посвященные книге «История Золотой Орды в конце XIII-начале XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури “Зубдат ал-фикра”» // Золотоордынское наследие: Сборник статей, посвященный 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сарай. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. С. 298–320.
16. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Книга 1. М., 1952. 222 с.
17. Рашид ад-Дин. Сборник Летописей. Т. 2. М., 1960. 253 с.
18. Рашид ад-Дин. Сборник Летописей. Т. 3. Баку, 1957. 361 с.
19. Сабитов Ж.М. Интерпретация сведений «Зубдат ал-фикра» в научном труде А.А. Порсина // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 552–562. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.552-562
20. Сабитов Ж.М. Кунгираты в восточном Дешти-Кипчаке в XIII–XV веках // Вестник Евразийского национального университета. № 3(88). Астана, 2012. С. 121–124
21. Сабитов Ж.М. Происхождение Кутлук-Тимура, эмира хана Узбека // Молодой ученый. 2016. №1. С. 587–589.
22. Сабитов Ж.М. Узбек-хан: проблема прихода к власти // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 111–115.
23. Сабитов Ж.М. Эмиры Узбек-хана и Джанибек-хана // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2. С. 120–134.
24. Сәдібеков З. Казак Шежіресі. Ташкент, 1994. 144 с.
25. Селезнёв Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.
26. Смайылулы С. Жарылкасынулы К. Қонырат. Байлар-Жандардын Кошек ата-сы: шеджере тарих. Биринши китап. Алматы: Казакпарат, 2000. 304 с.

27. Темиргалиев Р.Д. Тамга. История казахских племен. Алматы: Meloman Publishing, 2023. 696 с.
28. Тулибаева Ж.М. «Муджмал-и Фасихи» как источник по изучению истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 45–52.
29. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. Ташкент: Фан, 1980. 346 с.
30. Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча. Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры. Том IV. Выпуск II. Л.: ГАИМК, 1930. 68 с.
31. Atwood C.P. Chikü Küregen and the Origins of the Xiningzhou Qonggirads // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2014. Т. 21. №. 2014–2015, pp. 7–26.
32. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tŷkles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Penn State Press, 2010. 638 p.
33. Kamola S. A sensational and unique novelty: the reception of Rashid al-Din's world history // *Iran*. 2020, Т. 58, №. 1, pp. 50–61.
34. Landa I. From Mongolia to Khwārazm: The Qonggirad Migrations in the Jochid Ulus (13th.–15th. c.), *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée* [Online], 143 October 2018, Online since 12 October 2018, connection on 20 October 2020. URL: <http://journals.openedition.org/remmm/11105>; <https://doi.org/10.4000/remmm.11105>
35. Munis S.M., Agahi M.R. M. Firdaws al-iqbal // *History of Khorezm*. Translated from Chagatay and annotated by Y. Bregel. Leiden-Boston-Köln, 1999. 718 p.

REFERENCES

1. The words of the ancestors: Zhuztomdyk. Vol. 83 Astana: Foliant, 2012. 448 p. (In Kazakh).
2. Beisenbayuly Zh. Kazakh Shezhire. Almaty, 1994. 160 p. (In Kazakh)
3. Beisenbayuly Zh. Kutlyktemir Ulugbek and his relatives. The dynasty that glorified the country. Collection of scientific articles. Almaty: Aitumar, 2012, pp. 204–217. (In Kazakh)
4. Beisenbayuly Zh. Naganai Bey and his descendants. Dynasty that glorified the country collection of scientific articles. Almaty: Aitumar, 2012, pp. 218–231. (In Kazakh)
5. Beisenbayuly Zh. Naganai Bi and its time (the position of the Konurat begs of Khorezm and Syr regions in the ethno-political processes). Scientific research. Astana, 2022. 107 p. (In Kazakh)
6. Zhenis Zh. Konyrattar: from Mode to Edge. Almaty: Algoritm, 2022. 216 p. (In Kazakh)
7. Zaitsev I.V. To the history of the Golden Horde Kungrats in Khorezm and the Crimea: Emir Nangutai. Turkological Collection 2013–2014. In memoriam of Sergey Grigorievich Klyashtorny (1928–2014). Moscow: Nauka, 2016, pp. 238–255. (In Russian)
8. Ibragimov N. Ibn Batuta and his journey through Central Asia. Moscow: Nauka. 1988. 128 p. (In Russian)
9. History of Kazakhstan in Arabic sources. Vol.1. Almaty: Daik-Press, 2005. 711 p. (In Russian)
10. History of Kazakhstan in Persian sources. Vol.4. Almaty: Daik-Press. 2006. 620 p. (In Russian)
11. Iskhakov D.M., Izmailov I.L. Ethnopolitical history of the Tatars (3 – mid-16th centuries). Kazan: RITS 'Shkola', 2007. 356 p. (In Russian)
12. Konyrat Shezhire and related stories. Almaty: Zhalyn, 1993. 136 p. (In Kazakh)
13. Muizz al Ansab. History of Kazakhstan in Persian Sources. Vol. 3. Almaty: Daik-Press, 2006. 672 p. (In Russian)

14. Porsin A.A. History of the Golden Horde of the late 13th – early 14th centuries in the work of Rukn ad-Din Baybars al-Mansuri "Zubdat al-fikra". Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 276 p. (In Russian)
15. Porsin A.A. An answer to Zh.M. Sabitov, D.M. Timokhin, and V.V. Tishin's reviews of the book "The history of the golden horde at the end of thirteenth and in the early fourteenth centuries in the work of rukn Al-din Beibars Al-mansuri "Zubdat al-fikra". *Golden Horde Legacy*. 2021, pp. 298–320. (In Russian)
16. Rashid al-Din. Collection of Chronicles. Vol. 1. Book 1. Moscow, 1952. 222 p. (In Russian)
17. Rashid ad-Din. Collection of Chronicles. Vol. 2. Moscow, 1960. 253 p. (In Russian)
18. Rashid ad-Din. Collection of Chronicles. Vol. 2. Baku. 361 p. (In Russian)
19. Sabitov Zh.M. Interpretation of Zubdat al-fikra's Information in the Work of A.A. Porsin. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 552–562. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.552-562
20. Sabitov Zh.M. Kungirats in the eastern Deshti-Kipchak in 13th–15th centuries. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series*. 2012, no. 3(88), pp. 121–124. (In Russian)
21. Sabitov Zh.M. Origin of Kutluk-Timur, Emir of Khan Uzbek. *Young scientist*. 2016, no. 1, pp. 587–589. (In Russian)
22. Sabitov Zh.M. Uzbek Khan: The Problem of Coming to Power. *Golden Horde Legacy*. Iss. 2. Proceedings of the Second International Scientific Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde" dedicated to the memory of M.A. Usmanov. Kazan, March 29–30, 2011. Ed. and compiled by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 111–115. (In Russian)
23. Sabitov Zh.M. Emirs of Uzbek-khan and Janibek-khan. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, vol. 8, no. 2, pp. 120–134. (In Russian)
24. Sadibekov Z. Kazakh Shezhire. Tashkent, 1994. 144 p. (In Kazakh)
25. Seleznev Yu.V. Elite of the Golden Horde. Kazan: Fän, 2009. 232 p. (In Russian)
26. Smayluly S., Zharylkasynuly K. Konyrat. Koshek, grandfather of Bailar-Zhandar: a genealogical history. The first book. Almaty: Kazakparat, 2000. 304 p. (In Kazakh)
27. Temirgaliev R.D. Tamga. History of Kazakh tribes. Almaty: Meloman Publishing, 2023. 696 p. (In Russian)
28. Tulibayeva Zh.M. "Mudjmal-i Fasihi" as a source for studying the history of the Golden Horde. *Golden Horde civilization*. Collection of articles. Iss. 5. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 45–52. (In Russian)
29. Fasih Ahmad ibn Jalal ad-Din Muhammad al-Khawafi. Fasikhov vault. Tashkent. Fän. 1980. 346 p. (In Russian)
30. Yakubovsky A.Yu. Ruins of Urgench. News of the State Academy of the History of Material Culture. Vol. 4, Iss. 2. Leningrad: State Academy of the History of Material Culture of the USSR, 1930. 68 p. (In Russian)
31. Atwood C.P. Chikü Küregen and the Origins of the Xiningzhou Qonggirads. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2014, vol. 21, no. 2014–2015, pp. 7–26.
32. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Penn State Press, 2010. 638 p.
33. Kamola S. A sensational and unique novelty: the reception of Rashid al-Din's world history. *Iran*. 2020, Vol. 58, no. 1, pp. 50–61.
34. Landa I. "From Mongolia to Khwārazm: The Qonggirad Migrations in the Jochid Ulus (13th.-15th.)." *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée* [Online], no 143, October 2018, Online since 12 October 2018, connection on 20 October 2020. URL: <http://journals.openedition.org/remmm/11105>; <https://doi.org/10.4000/remmm.11105>
35. Munis S.M.M., Agahi M.R.M. Firdaws al-iqbal. In: History of Khorezm. Translated from Chagatay and annotated by Y. Bregel. Leiden-Boston-Köln, 1999. 718 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жаксылык Муратович Сабитов – Ph.D. (политические науки), директор Научного института изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (010000, ул. Пушкина, 15Б, Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhaxylyk M. Sabitov – Ph.D. (Political Sciences), Director, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (15B, Pushkin Str., Astana 010000, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 28.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 18.07.2025

Принята к публикации / Accepted 16.08.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.581-597>
EDN: ITQKHT

УДК 94(479)

**SOME NOTES ON THE GOLDEN HORDE –
SHIRVANSHAHS RELATIONS DURING THE DECLINE
OF ILKHANATE AND TIMURID RULE IN AZERBAIJAN**

N.P. Nasirov

Khazar University

Baku, Azerbaijan

nurlan.nasirov@khazar.org

Abstract. Research objectives: To explore the relations between the Shirvanshah dynasty and the Golden Horde during the decline of the Ilkhanate and the Timurid period.

Research materials: The article's author examined various primary Arabic and Persian sources, and secondary pieces of literature related to the history of the Shirvanshah dynasty and Golden Horde written during the Mongol and Timurid periods. Owing to the lack of comprehensive information in these sources, some numismatic materials were also utilized. Results and novelty of the research: According to some primary sources, the ruler of Shirvan submitted to the vassalage of the Ilkhanate dynasty, which was created by Chinggis Khan's grandson Hulegu Khan during his occupation of Azerbaijan. However, the territory of Shirvan became the subject of contention between two Mongol ulus, the Ilkhanate and the Jochids, due to its status as the territory of Chinggis Khan and its historical role as a battlefield between the two Mongol ulus. During the decline of the Ilkhanate, the rulers of Shirvanshah and some local powers, such as the clergy and aristocrats, who had become more active in assisting the Jochids in their efforts to gain control of Azerbaijan, subsequently pursued a policy of re-establishing their independence. Following its appearance on the Timurid stage, Shirvan was once again transformed into a theater of war between Timur and his rival Toqtamish. The objective of this conflict was to secure control of the strategic caravan – trade routes in the Caucasus. During this period, Shirvan was briefly under the rule of the Golden Horde. Nevertheless, Sheikh Ibrahim Darbandi, the ruler of Shirvan, pursued a policy of maintaining equilibrium between these two powers during the initial stages. Ultimately, he chose to ally with Timur, who was in a stronger position of real power, and entered an alliance with him. This paper offers an attempt to investigate the relations of the Shirvanshahs with the Golden Horde during the fall of the Ilkhanate and Timurids as well as some less-researched aspects of these relations.

Keywords: Shirvanshahs, Ilkhanate, Jochid, Golden Horde, Azerbaijan, Chobanid

For citation: Nasirov N.P. Some notes on the Golden Horde – Shirvanshahs relations during the Decline of Ilkhanate and Timurid rule in Azerbaijan. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 581–597. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.581-597>

© Nasirov N.P., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Introduction

The initial research on the history of the Shirvanshahs of the pre-Mongol period was begun in the 1840s¹. However, in contrast to the pre-Mongol period, there is a paucity of information about the history of the Shirvanshahs during the reign of the Mongols in the primary sources. It is therefore unavoidable in some cases to rely solely on epigraphic and numismatic materials, in conjunction with these scarce written sources, to study the history of the Shirvanshahs in the 13th–14th centuries. In some instances, the names of specific Shirvanshah rulers and their successors can be reconstructed solely based on material sources. This can be attributed to the limited attention devoted to the history of the Shirvanshah dynasty during the Mongol period in existing studies, coupled with the persistence of various uncertainties surrounding the topic. The scholars who have focused on the history of the Shirvanshah dynasty have done so in terms of its strategic position within the region of *Arran*, which has been described as the "*area touched by the hooves of Tatar horses*". They have also examined the transformation of Shirvan into a battlefield between the two rival Mongol *ulus*, namely the Ilkhanate and the Jochids. However, there has been a dearth of scholarship evaluating the political role and activities of Shirvanshah rulers in the context of their relationship with these two Chinggisid *ulus*. As B. Spuler pointed that "*We lack sufficient knowledge about the political roles and activities of rulers of many minor states under Mongol rule, aside from their names.*" Those that did not play any role in terms of becoming a state are *Shirvan, Mazandaran, Mardin, and Yazd* [35, p. 155]. The author, who mentioned the name of Shirvan, did not deem it necessary to reiterate the list of rulers of these countries in the book, citing the lack of utility in doing so. The aim of this paper is to examine the political activities of the rulers of Shirvanshah, as well as the local forces that supported Janibeg during the decline of the Ilkhanate. Furthermore, it aims to re-examine certain elements of Shirvanshah Ibrahim Darbandi's conduct during Timur's conflict with Toqtamish Khan, with a view to providing a more nuanced understanding of the circumstances surrounding this event.

¹ Bakikhanov A. Heavenly Rose-Garden: a history of Shirvan & Dagestan. Introduced, translated and annotated by Willem Floor & Hasan Javadi. 'Maga Publisher,' 2009, p. 226; B. Dorn, "Versuch einer Geschichte der Schirwanschache", Mémoires de L'Académie impériale des sciences de St. Petersburg, VI. seri: IV, St. Petersburg 1841, s. 533–534; Derbend-nâme, Or The History of Derbend, Publ. With The Texts and Notes by A. Kazem-beg, Palala Press, 2015, 288p; Dorn B.A. Otchot ob uchenom puteshestvii po Kavkazu i yujnomo beregu Kaspiskovo more. Saint Petersburg, 1861, p.24–73; Dorn B. Versuch einer Geschichte der Schirwanschache, Mémoires de L'Académie impériale des sciences de St. Petersburg, VI. seri: IV, St. Petersburg 1841, s. 533–534; Togan Z.V. Azərbaycan'ın Tarihî Coğrafyası, İstanbul 1932, s. 10; Zeynal oğlu Cihangir. Şirvanşahlr Yurdu. İstanbul, 1931; Barthold V. Mesto prikaspiskiy oblasti v istorii musulmanskaya mira. Baku, 1925, p.35–42; Minorsky V. A History of Sharvân and Darband in the 10th–11th Centuries, Cambridge 1958; Sharifli M. Feodalniy gosudarstva Azerbaidjana v vtoroy polovniy IX–XI vekov. Baku, 1978, p.43–111; Bunyatov Z. Gosudarstva Atabekov Azerbaidjana: 1136–1225 gody. Baku, 1978, p. 77–96; Ashurbeyli S.B. Gosudartva Shirvanshakhov (VI–XVI vv.). Baku, 1983.

The role of the Shirvanshah dynasty in the elimination of Chobanid rule in Azerbaijan by the Golden Horde

After the death of Ilkhan Abu Said *Bahadur Khan* without an heir in 1335, a period of complex, contradictory, and confused political struggles for power began in Ilkhanate history². Following short reign of Arpa Khan, the period of struggle for preserving and continuation of the Huleguids sovereignty of various Mongol tribes – *Chobanids* and *Jalairids* – began. Concepts of political legitimacy generally dictated that sovereignty should remain within the lineage of Chinggis Khan, preferably the Huleguid branch, and thus various Chinggisids were briefly installed across different regions. Within this framework, local dynasties in several parts of the realm found opportunities to assert their independence [23, p. 83]. This struggle reached its apex during the reign of the cruel and unusual person and last representative of the Chobanid dynasty *Amir Malik Ashraf* who ruled the country on behalf of a figure of *Qipchak* origin, the puppet Ilkhanate ruler named "*Anushiravan-e Adel*". According to Vagif Piriyev, who dedicated PhD thesis to the history of Azerbaijan during the decline period of Huleguids, Anushiravan-e Adel, who had formal authority, acted as a “king” until the execution of Malik Ashraf Chobani by Janibeg. This indicates that the Chobanids were not an independent state, and Malik Ashraf was solely the chief emir (like his brother Sheikh Hasan) and never becoming king of the Ilkhanate [27, p. 51]. Almost all the primary sources that have reached us have clearly described the consequences of Malik Ashraf’s cruel actions against his state officials and subjects. According to Persian-language sources, he killed people under various pretexts and considered women of subject families as his *harem* [7, p. 31]. As a result of Malik Ashraf’s radical behaviors, the people living in Azerbaijan and other surrounding areas were forced to migrate to the territories on the outskirts. Refugees mostly went to *Dashti-Qipchak*, *Gilan* and *Shirvan* [36, p. 74]. Undoubtedly, at that time, the plague pandemic³ that occurred in Azerbaijan, which was the core of the Ilkhanate *ulus*, had a negative impact on the demographic structure and socio-economic areas, especially trade relations of region. Thus, the plague in Tabriz prompted the flight of its population, along with the Chobanid ruler himself. The consequences of the epidemic and the resultant demographic decline can be observed in change of Tabriz’s economic situation during those years [6, p. 65].

Jalairid historian al-Ahari pointed out that “*three things were abundant: oppression, dearth and the plague*” [36, p. 73]. The tyranny of last Chobanid emir seriously affected lives of different social classes, not only ordinary people (in particularly peasants, townspeople and merchants) but also well-known people from different cities of Azerbaijan (Tabriz, Sarab, Ardabil, Beylagan, Barda and

² For further information see: Melville Ch. The End of the Ilkhanate and After: Observations on the Collapse of the Mongol World Empire. Chapter –13, The Mongols’ Middle East, pp.307–335, Charles Melville. *Wolf or Shepherd? Amir Chupan’s Attitude to Government. The Court of the Il-Khans, 1290–1340* by Julian Raby, Teresa Fitzherbert. Oxford, 1996, pp. 79–93.

³ For further information, see: Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, Civilization. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 325–343. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343>

Nakhchivan). Therefore they could not tolerate Malik Ashraf's persecutions and had to move to other safe territories [36, p. 76].

It is possible to find repeated records in primary sources related to some religious figures and sufi sheikhs who were respected and enjoyed the patronage of previous Ilkhans, that were now, persecuted by Malik Ashraf in this period [34, p. 42]. So, among the immigrants جلی وطن (jala-i vatan) who abandoned their homeland, *Khaja Sheikh Kechachi* was forced to go to *Shiraz* and from there to *Sham*, *Khaja Sadreddin Ardabili* to *Gilan*, and *Qazi Mahieddin Bardai* to *Saraycik* (the capital of Golden Horde) [9, p. 184; 42, p. 186]. Ibn Bazzaz narrated unique stories related to the relations of Safavid Sheikh Khaja Sadarddin with Malik Ashraf. Although the author first tried to connect the deterioration of the Chobanid emir's relations with the Sheikh to the vizier Abdulhey, he explained it in relating later events, to the fact that Malik Ashraf considered the Sheikh as a real threat to himself. As a result of his avidity, Malik Ashraf imprisoned Sheikh Sadruddin, as well as other clerics and nobles of Azerbaijan, in *Rab-e Rashidiya* to serve him. However, it is clear from Ibn Bazzaz's stories that Sheikh Sadreddin was forced to migrate to a remote part of Gilan province after a brief imprisonment [13, p. 1072]⁴. According to N. Musali, people from different social classes were forced to leave the city of Ardabil due to Malik Ashraf's heavy taxes and the arbitrariness of the Chobanid officials. One of these refugees was the prominent poet *Arif Ardabili*, the author of the poem "*Farhadname*" [24, p. 1082].

According to Michel M. Mazzaoui, the turbulent conditions of the post-Mongol era created a favorable environment for the unprecedented growth of Sufi orders. Beyond offering spiritual comfort to ordinary believers through the framework of popular Islam, the lodges of Sufi shaykhs frequently served as sanctuaries for individuals seeking refuge from the oppressive rule of secular despots. [16, p.56]. It can be said that most Persian-language sources narrated a similar story that as the result of the insufferable persecution of Malik Ashraf, *Qadhi Mahieddin Bardai* who was one of the outstanding spiritual figures of Azerbaijan went to the capital city of the Jochid ulus. When Qadhi described the oppression of Malik Ashraf in his speech, Janibeg who heard and was seriously affected by all of these stories decided to make a campaign to Azerbaijan. Major Islamic sources legitimized the campaign of Janibeg as protecting oppressed Muslim subjects [9, p. 185; 42, 27]. As might be expected, the sources validate Janibeg's campaign as a consequence of the power struggle between the Jochid and Hulaguids for control of Azerbaijan, given the Islamic motivations that underpinned it. It is interesting that author of "Chingis-name", Ötemiş Haji, who lived in the 16th century, somewhat exaggerated this matter [26, p. 55]. R.Groesset points out that Janibeg took advantage of the anarchy that had prevailed in Persia since the fall of the Hulegucid khanate to realize the long-held ambition of his family – the conquest of Azerbaijan [8, p. 405]. Undoubtedly, he understood that this was the only way to establish a direct route through the Derbend–Shirvan pass, which followed the Caspian Sea coast down to Tabriz, the terminus of the southern route linking China, India, Egypt, and the Mediterranean. Controlling this area would provide the Jochids with access to the route and enable them to divert the operations of the Latins, particu-

⁴ According to the "Silsilat-al nasab-i Safaviyya", it was only three months [34, p. 42].

larly the Genoese, whose increasing presence in Crimea posed a direct threat to the Jochid *ortaq*s (licensed merchants) [38, p. 288].

The Jalairid historian al-Ahari describes Jani beg's campaign as the following passage:

He went to the kingdom of Jagahtay and conquered those regions. After settling down for a short time in this residence – it is said that he did not stay more than three days – he prepared to march. He crossed the river Terek and came to Darband. From there he came to Shirvan and sent a messenger to Malik Ashraf to say: I am coming to take possession of the Ulus of Hulagu. You are son of Chuban whose name was in the yarligh of the four uluses. Today the uluses are under my command and I also wish to appoint you emir of the ulus; get up and come to meet me. [36, p. 76–77].

We can understand from the passage in the source that Janibeg accepted Emir Choban not as the legal heir of the Ilkhanate ulus, but as emir of the whole Mongol ulus as heir to his charismatic predecessor, Hasan Choban. We see this clearly as when Malik Ashraf was captured, Janibeg hesitated to kill him and intended to take him with him to the territory of the Jochid ulus. However, Malik Ashraf's reported response to Janibeg reveals the point of view of the Chobanids and, certainly, the Jalairids for whom al-Ahari was writing.

He is the king of the ulus of Barkah, he has nothing to do with the ulus of Abaqa, for King Ghazan rules(exists) here and the emirship belongs to me [36, p. 77].

According to P. Wing the clear message was that the Jochids had no business in the Ilkhanid territory, and that any claims that they may made to Azerbaijan on the grounds of Chinggisid lineage were illegitimate [39, p. 104]. This information also confirms that Anusiravan Adil was the puppet ruler of the Ilkhanate and continued to rule legitimately until his death. Unfortunately, after the death of Malik Ashraf in 758 (1357), there is almost no information in the sources about Anushiravan. However, some sources have information about his life after the death of Malik Ashraf and his contacts with Janibeg. Several researchers write that even after the execution of Malik Ashraf (1357), Anushiravan-e Adil was alive and he established contact with Janibeg and received help from him [33, p. 50]. According to Seyfaddini, from the years 745 (1344–45) to the end of 758 (1357–58), the discovery of coins in the name of *Anushiravan* in the cities of South Azerbaijan, Shirvan, Mughan, Eastern Georgia, and Armenia, indicates that he was in formal power [32, p. 36].

Highlights of the almost 20-year complex and conflicting decline of the Ilkhanate were the processes taking place in Azerbaijan and particularly in Shirvan, which were the main centers of the struggle. Unfortunately, the question of what role the Shirvanshahs played during the weakening and fall of the Ilkhanate, and whether they had a certain position in Shirvan or not, remains unclear due to the lack of information in the primary sources. However, it would not be right to think that the Shirvanshahs were left out of the struggle in this period. Thus, during the decline of the Ilkhanate, the Shirvanshahs actively participated in the feudal internicine war in the country after becoming economically stronger taking advantage of the situation that appeared during the reign of Sheikh Hasan Chobani and gained real independence [27, p. 71]. However, political relations with the Shirvanshahs during the reign of the later Chobanid emir, Malik Ashraf are one of the most interesting, contradictory, and at the same time little-noted issues. Data in

the sources reflect that Malik Ashraf attempted to subjugate the Shirvanshah ruler. Kavus and his elderly father, Keygubad. Despite this, the Shirvanshahs gradually strengthened their independence and did not submit to the Chobanids for a while during the reign of Malik Ashraf [27, p. 71]. Malik Ashraf, who understood the strategic significance of Shirvan, tried to capture Kavus, the ruler of Shirvan, by various means to turn him into his vassal. According to the testimony of primary sources, Malik Ashraf met Shirvanshah Kavus in Karabakh and presented valuable gifts to him [42, p. 19; 22, p. 981]. However, during this meeting, the cruel emir executed *Haji Shahraban's son of Emir Vafadar*, causing the panicked in Shirvanshah Kavus and to flee to Shirvan at night. According to Piriyeu, Kavus could not have been expecting Malik Ashraf's cruelty though the Shirvanshah was aware of Malik Ashraf's activities in the feudal warfare and the disasters he caused. Kavus' arrival in Karabakh was related to a certain issue. Negotiations were ongoing on between Malik Ashraf and Kavus, and the results of this negotiation did not satisfy Malik Ashraf. Despite the Shirvanshah's acceptance of this act as hostility, Malik Ashraf took steps to settle the matter peacefully, taking into consideration his relations and especially the strategic importance of the Shirvan territory. So, he sent the vizier to Shirvan together with Akhishah Malik, the son of Abdulhey. Moreover, he sent an ornate belt, hat, and precious robes to Shirvanshah Kavus and his father Keygubad. He, furthermore, expressed his intention to establish a close relationship with the – Shirvanshah by marrying his daughter. However, although Kavus welcomed the envoys with respect and provided them with food and other provisions, he did not agree to the issue establishing of kinship. The Shirvanshah's second decisive step toward disobedience can be explained by his lack of trust in Malik Ashraf. Yet, this fact shows that the Shirvanshahs were independent at this time. Besides, according to Alizadeh, there is no information about Shirvan paying tribute to Malik Ashraf in the primary sources [2, p. 408]. If we believe Zeyn al-Din Qazvini and Mirkhwand, Malik Ashraf was in Karabakh near Shirvan at that time, but he did not deal with this issue and he reached Tabriz in only 746 (1346) because it was the end of winter [42, p. 19; 22, p. 981].

The second episode related to Shirvanshah Kavus belongs to the year 747 (1347). In this year, Malik Ashraf probably marched to Shirvan to punish Kavus, but after hearing the news that the Shirvanshah had gathered troops and occupied the bank of the river (probably the Kura river), he decided to make peace [40, p.20]. In the winter of the same year, Malik Ashraf went to Karabakh and sent his vizier to Shirvan. This time Kavus and his father Keygubad, who had no way to resist, had to take refuge in one of the castles. Although Malik Ashraf's troops captured Shirvan and looted the city, they could not subjugate Kavus and Keygubad [3, p.199]. According to Piriyeu after keeping the Shirvanshahs under siege for 3 months, the Chobanids could not leave Shirvan by their consent and could not easily abandon their successes. Probably to leave Shirvan, they had to first make certain negotiations and an agreement. Although the terms of the peace are unknown to us, this reconciliation led to the withdrawal of the Chobanid army from Shirvan [27, p. 72–74]. Thereafter, the Shirvanshahs were mentioned only in connection with Janibeg's campaign in the primary sources. In the course of research, episodic information is found in the sources related to the relations between Shirvanshah Kavus and Janibeg, but no detailed information about any correspondence (letters) or negotiations between them has been found.

One of the essential issues in this period was the diversity of the social classes who were dissatisfied with Malik Ashraf's aggressive reign. Some evidence in the sources suggests that dissatisfaction with the oppressive Chobanid emir included not only the masses of ordinary people but also the landowners and merchants [40, p. 159]. The discontent of the local feudal lords and religious figures of Azerbaijan was manifested in their refusal to support the Chobanid emir during Janibeg's march to Azerbaijan. In the sources, one can find some examples of rebellions against Malik Ashraf by the local sedentary population and nomadic military aristocracy of Azerbaijan. Z. Qazvini highlighted the rebellion of the population of Tabriz against the tax oppression of the Chobanids in 1344, something which is not found in the major Muslim sources [42, p. 16–17]. We encountered one revolt in the leadership of *Deli Beyazid* in the territory of Karabakh in the spring of 752 (1351) against Malik Ashraf in the sources. This evidence also indicated not only ordinary people but also nobles of Azerbaijan were displeased with the brutal policy of Chobanids. Although, the rebellion was suppressed with difficulty, Malik Ashraf subsequently became fearful and withdrawn from the world, and leading a lonely life. He sat in *Rab-e Rashidi* and protected it from all sides by digging trenches around it. By his order, all the prominent officials of the state built apartments around *Rab-e Rashidi* and moved there. [28, p. 62]. Hammer notes that “*he himself sat like a bat in a dark chamber, afraid of everything. The poultry and dishes prepared for his meals were brought into the same subterranean chamber; they had to be strangled and boiled in his presence, and the water had to be drawn before his eyes from the spring flowing in this grotto. So great was his fear of poisoning, for not one among those closest to him had failed to mourn the death of a relative at the hands of the tyrant.*” [10, p. 339].

Malik Ashraf's cruelty had a negative impact on his relations with the religious figures of the region, particularly, the sufi sheiks. As noted by P. Jackson, the unprecedented increase in the number of shaykhs and sufis during the Mongol era addressed the need of ordinary people for protection from widespread hardship, insecurity, and oppression [14, p. 323]. Even if we believe the stories of *Saffat al-Safa*, Sheikh Sadreddin of Ardabil, who was invited to Janibeg after capturing Malik Ashraf, wanted to intercede for him, but his followers did not agree to it [18, p. 1085]. At the same time, it is possible to see in the sources that a number of emirs of Malik Ashraf defected to Janibeg after he crossed the border of *Darband* and entered *Ardabil*. It is also possible to see this in the example of *Muhammad Bahqchi* who, deprived of all his strength, found refuge in his house. Despite being one of Ashraf's closest people, he sent a message to Janibeg to capture him [42, p. 29]. It can be supposed that Shirvanshah Kavus led the local nobles against Malik Ashraf. However, it is clearly stated in the sources that when Malik Ashraf was held captive by Janibeg, the latter was not inclined to execute him. However, Shirvanshah Kavus and Qazi Mahieddin Bardai insisted to Janibeg on the execution of the last Chobanid Emir which is a very remarkable data. Thus, Z. Qazvini describes the detention of Malik Ashrafi when he was captured and brought to Tabriz, staying in the house of *Khaja Kechechi's* mother:

"Amir Kavus Shirvani and Maulana Mehieddin Bardai were there. Malik Ashraf kissed Kavus's hand, begged, and pleaded. Kavus hugged him. After that, they took him to the presence of the king (Janibeg). The king asked him, why did you ruin this country? In his answer, he said that the servants were corrupt and did not

listen to my words... The king did not want to kill Ashraf and wanted to take him to his country. Kavus and Qazi Mehieddin Bardai persisted very hard and said that if he survived, the people of this country would not trust him, sedition and panic would arise. The king thought and said that you can do it yourself. They took Malik Ashraf to the people who opposed him to destroy him. On the way, he was thrown from the horse. They thrust a sword into his side so that the tip of the sword came out the other side. His head was brought to Tabriz. They hung it from the door of the Maraghanians mosque in the square. The people of Tabriz celebrated this event" [42, p. 30].

As mentioned above, Janibeg's hesitancy in executing the last Chobanid emir can be explained by his intention to maintain Malik Ashraf in the status ("*Emir of the Four Ulus*") of his ancestor Emir Choban in the region. However, undoubtedly, seeing that the fact that almost all classes of the population of the region demanded his death, and the fact that the local aristocracy and the clergy were also inclined to this request, drove Janibeg to make the decision on execution. Moreover, the Shirvanshah's persistence in this matter can be explained by his fear of the resumption of his enmity with Malik Ashraf, or by his ambitions for independence in the future. Shirvanshah Kavus, who saw it as important to eliminate him at the source, could insist on it as a request of the local aristocracy of Azerbaijan, and Qazi Mahieddin Bardai as a representative of his spiritual clan and at the same time as a kind of organizer of Janibeg's campaign. Their demands show the reality of the dissatisfaction of all classes during the time of Malik Ashraf. With regard to this, Yakubovsky points out that many people in Azerbaijan were loyal to Janibeg Khan. They spread propaganda in favor of the Jochid family [40, p. 160].

Thus, according to Al-Ahari, after Janibeg's 300,000 men⁵ strong army entered the Ilkhanate territory from Darband, the oppressed population encouraged Malik Ashraf not to flee to another place in order to destroy him, and they spread rumors about the weakness of the Jochid army.

People had taken a dislike to him and had grown desperate. They did not want him to escape, they all implored him, saying "The Emir should not fear him this; their superiority lies in the horse (viz cavalry); they have horsemen without a weapon. Their horses have no shoes, and their arrows no flights. Let us fight till the bitter end" [36, p. 77].

All the above details suggest that almost all social categories of the population living in the Ilkhanate ulus were dissatisfied with Malik Ashraf, and the worldly and spiritual leaders who aroused their dissatisfaction crucially helped Janibeg to acquire Azerbaijan. As A. Alizadeh rightly stated, Janibeg's campaign differed from that of previous Golden Horde rulers in that it was supported by the sedentary population of Azerbaijan [2, p. 362]. According to Egorov, as a result of this march, not only the territory of Shirvan but also the northern and southern regions of Azerbaijan came under the rule of the Jochid realm [5, p. 217]. We see from the sources that the local aristocracy and clergy class of Azerbaijan who did not support the Chobanids, prepared a kind of background for Janibeg's military campaign on this territory. Rashid al-Din, in his "Mokatebat" (The Letters), respectfully mentions his son's kinship

⁵ There are different numbers regarding Janibeg's army in the primary sources. According to V. Piriyeu and I. Kamalov, "The Khan of the Golden Horde, who sought to conquer Azerbaijan, did not come with a small army, but, according to sources, probably with a number of at least 100 thousand" [27, p. 61; 15, p. 83].

relations with the Shirvanshahs whose reign dates back two thousand years, and the current presence of this generation in Darband and Shabran [30, p. 186]. The fact that Mongol nomadic aristocracy and officials attempted to form close relations with the Shirvanshah dynasty and respected them because they had an ancient statehood background. Such a factor was behind Malik Ashraf's intention to establish kinship relations with the ruler of the Shirvanshah which had an ancient statehood heritage. Thus, Malik Ashraf, who understood well the authority of the Shirvanshah over the feudal aristocracy and religious figures of Azerbaijan, tried to establish relations with him by any means (by violence or by creating kinship ties). However, the Shirvanshah was disturbed by his strong character and violent actions, and thus his faith in him was shaken. As a result of this, the Emir of the Chobanids, Malik Ashraf, was deprived of the help of Shirvanshah Kavus and the forces in his sphere of influence during the march of the Tatars into Azerbaijan, something which could even be considered among the most important reasons that facilitated his defeat. The dissatisfaction of the lower social strata with Malik Ashraf's tyranny is also evident by the disrespectful and humiliating actions they committed against him when he was captured and by their organization of festivities after his execution [42, 29–30]. In addition, it can be seen in the sources that after Janibeg took possession of Azerbaijan, various social categories, especially those who were persecuted and had emigrated to other places, returned. After this, Janibeg Khan entered Tabriz with a 10,000 men-strong army. He stopped in a house that belonged to an emir and spent one day there. He performed prayers at the Ali Shah Mosque. The army spent the night between the road and a place called "Rudkhane". The army there did not commit any robbery; they did not even break into the house of any Muslim. Janibeg Khan distributed Ashraf's property among the army as a trophy [15, p. 84]. According to Z. Qazvini, when Janibeg abandoned Tabriz, taking Malik Ashraf's daughter, Sultanbakht, and son, Timurtash,⁶ with him and left for his country [42, p. 30].

After the possession of Azerbaijan by Janibeg, his positive attitude toward religious figures, particularly Sufi sheiks and their followers – dervishes – became one of the important emerging issues. Regarding this relationship, the Safavid author, Shaykh Husain Zahid, who lived in the 17th century, wrote:

"Janibeg entered the Shirvan province of Azerbaijan via the Bab-ul-Abwab road. When he captured Tabriz and executed Malik Ashraf, he moved south from here. He wrote a loving letter to Sheikh Sadreddin and sent him away. The letter indicated that one of the reasons for his coming to this province was to establish contact with him. When the Sheikh received the letter, he immediately set out and was greeted with respect by the king, both he and his dervishes. He receives the Sheikh in private and says: I have heard how long you have been in a foreign land, and the dervishes at your father's doorstep are also in distress. So return to your homeland, because the have-nots are also waiting for you. And I have no intention of staying in this province. The property must belong to you and your disciples. The property (land, buildings) should be properly registered and the account brought

⁶ In 1360, Timurtash, the son of Malik Ashraf, first came to Kharazm together with Janibeg, then to Shiraz together with his sister, and then escaped to Khilat. Hearing about this, Jalayir Sheikh Uwais wanted to march there to capture Timurtash and subjugate Khilat. However, knowing about this, Khizrshah, the governor of Khilat, killed Timurtash and sent his head to Sheikh Uwais. Thus, the representative of the last Chobanid generation was eliminated [42, p. 33].

so that all of them are re-documented and put in order. What is in front of me is to give to you" [4, p. 42].

It is obvious that Janibeg was not just satisfied with respecting the Sufi sheikhs who supported him in achieving an easy victory over Malik Ashraf and carried out ideological propaganda, but also tried to restore their previous property rights and privileges. However, the subsequent events in the source indicate that the return of Janibeg, especially in connection with the political events in the Golden Horde, did not allow him to completely realize this process. Furthermore, the elimination of the Abbasid Caliphate by Hulegu Khan meant that Islamic ummah saw the Ilkhanate as enemies for a while – until Ghazan Khan's conversion to Islam – and this was as used propaganda by the Jochids who presented themselves as the true protectors of the ummah. This is one of the most important themes. Thus, we can clearly see this motive presented by Muslim historians who attempted to legitimize the raid of Janibeg as a true Islamic ruler ending the rule of an unjust and oppressive ruler. Janibeg heard of Malik Ashraf's aggression and brutality during the Friday Ceremony in the mosque and immediately decided to campaign to Azerbaijan upon receiving the news. Maybe this anecdote is a fiction in the imagination of Muslim historians. Based on Krimy's account, Ī. Mirgalayev points out that Janibeg was often compared to Omar al-Faruq, the Prophet's companion and the second Caliph, who was highly respected by Sunnis for his fairness and decisiveness. Was Janibeg compared to Omar al-Faruq because he, like Caliph Omar, conquered the remnants of Hulaguid Iran? These comparisons draw a parallel between the history of Islam in its first centuries and the history of the Golden Horde khans, Berke Khan being very similar to the companion of the prophet Abu Bakr, and Janibeg to the companion of Omar [18, p. 98]. According to Howorth's account, since Janibeg ruled with justice and was a patron of literature, in 756 AH Molla Sa'id al-Din al-Taftazani dedicated an abridged edition of the *Talkhīs* to him [12, p. 656].

After taking possession of Azerbaijan, Janibeg did not delay in giving the news that would please the Mamluk sultan of Egypt, his ally who had always been the arch-enemy of the Ilkhans in the region. In his reply letter, the sultan of Egypt, Al-Malik al-Nasir Hasan (1354–1361), replied to Janibeg, "*Your father and I have always been one, and we suggest you to renew our friendship*" [41, p. 92]. In addition, he sent a message to the Muzaffarids about the capture of Azerbaijan. [11, p. 175].

In any case, Janibeg's rule in Azerbaijan did not last long. So, leaving his son Berdi Beg in Tabriz, he returned to the territory of the Golden Horde. However, his sudden death and the return of Berdi Beg to seize power in the Golden Horde again complicated the political situation in the territory of Azerbaijan. [37, p.6]. In the words of B. Spuler, they left a ruin of Iran [35, p. 154]. With this, the period of struggle of new forces for possession of Tabriz began. At this time, the ruler of Shirvanshah, Kavus, took the opportunity to become politically active again with the help of the local nobles, acting as an independent ruler. He continued to fight against the forces inherited from Malik Ashraf and led by an emir named Akhijug. The Tatar invasion, the execution of Malik Ashraf, and the subsequent Muzaffarid invasion of Azerbaijan had all weakened the Chobanids and greatly facilitated Sheikh Uwais in conquering the region. With the dissolution of Chobanids power, Sheikh Uwais became recognized in Azerbaijan, as well as by foreign rulers, as the

political authority in both Baghdad and Tabriz [39, 107]. Shirvanshah Kavus could not withstand Sheikh Uweis' destructive march to Shirvan, and continued to rule the Shirvanshah dynasty with the status of a vassal until the end of his life.

The role of Shirvanshah dynasty in the Golden Horde – Timurid relations

After the death of Janibeg and the short reign of his son Berdi Beg, a period of political turmoil began in the ulus of Jochi. According to Yakubovsky, within 20 years, from 1360 to 1380, i.e. until the arrival of Toqtamish in the Golden Horde, more than 25 khans fought with each other [40, p. 167]. One of the important goals of Toqtamish Khan's active foreign policy after establishing his sovereignty was to fight for the possession of the Caucasian territories which his rival, Timur, who had become a real power in Central Asia, had tried to seize. It is very significant to analyze this struggle in the sense that Timur presented himself as the heir of the Ilkhanate in the region and considered it as a continuation of the Golden Horde-Ilkhanate struggle. Undoubtedly, Timur's occupation of the Caucasus and Iran, in particular Azerbaijan, meant the isolation of the Golden Horde from the essential trade routes and this was seen as a serious political and economic problem for Toqtamish Khan. Safargaliev correctly emphasizes that the shift of commercial routes from the northern corridor toward the south heightened the strategic importance of Azerbaijan and Iran for the rival states. Within this framework, Timur was the first to embark on the struggle for control over Iran, preceding Toqtamish in this endeavor [31, p. 146].

In response to Timur's occupation of the cities in Iran and Azerbaijan, Toqtamish attempted to establish diplomatic relations with the Mamluk Sultanate of Egypt, which had previously been allies against the Ilkhanids. Additionally, according to some sources, during this period, Toqtamish also sought to form an alliance with Ahmad Jalair, Timur's main adversary in the region, but this effort was unsuccessful [40, p. 167].

Toqtamish's entry into Azerbaijan in 787 (1385) with an army of 90,000, documented in various sources, passed through Darband and Shirvan. However, most studies do not address the issue of whether the Shirvan population resisted or submitted to Toqtamish. A. Alizadeh indicates that the people of Shirvan were opposed to the Tatar army. According to Petrushevsky, Sheikh Ibrahim of Shirvan did resist Toqtamish while he was in Shirvan territory but was unable to fend off the Golden Horde troops and was compelled to mint coins in Toqtamish's name. Conversely, based on T. Metsopksy, I. Mirqalaev argues that during Toqtamish's first campaign into Azerbaijan, the local population not only did not resist but even opened the "*gates of the land*" and made peace. The submission of the Shah of Shirvan to Toqtamish is also supported by coins minted in the name of Toqtamish that have been found in the cities that fell within Shirvan's territory (Shamakhi, Shabran, Mahmoudabad, Gustasb, Baku) [19, p. 101; 17, 11–12].

It is considered that the resistance of Shirvanshah Ibrahim against the numerically superior Tatar army is not particularly credible. Given that he would be unable to obtain support from his nominal suzerain, Sultan Ahmad Jalair, or from Timur who had recently departed the region, the temporary dependence of Shirvan on the Jochid ulus is corroborated by numismatic evidence. However, our examination of narrative sources has not revealed any data regarding negotiations or treaties between Shirvanshah Sheykh Ibrahim and Toqtamish, nor is there any indication of Ibrahim presenting tribute to the Jochid rulers as a sign of dependence. After Toqtamish sub-

jugated Shirvan, he sought to conquer the city of Tabriz, taking advantage of Timur's absence in the region. The accounts regarding Toqtamish's attempts to take Tabriz are described in greater detail compared to those concerning Shirvan. Most sources indicate that the population of Tabriz resisted Toqtamish, but ultimately the city was captured and subjected to devastation. [42, p. 49–50]. Following this, segments of the Tatar army traveled via the Nakhchivan route, ravaging the Marand and Nakhchivan provinces, while others advanced through the Ahar route and converged in Karabakh, capturing approximately 200,000 individuals as prisoners from this territory (Azerbaijan). [42, p. 50].

After Toqtamish's return via the Darband route in 1286, Timur commenced another military campaign in the region. As a result of Toqtamish's return, Shirvanshah Ibrahim likely resumed independent actions and chose to submit to Timur at the onset of the latter's three-year campaign. Upon assuming power, Sheikh Ibrahim, the first representative of the Derbendi dynasty in Shirvan, was compelled to contend with three principal threats: Toqtamish, Timur, and Sultan Ahmad Jalair, while implementing a policy to maintain the independence of the Shirvanshah dynasty. Ibrahim's diplomatic maneuvers among these three forces is a matter of considerable interest [2, p. 415]. Major Soviet-era historians, assessing the situation from a patriotic perspective, explained Sheikh Ibrahim's submission to Timur as a result of the latter's greater strength. It was done with the aim of safeguarding Shirvan from destructive invasions, as well as the difficulties posed by Timur's longer-distance incursions and prolonged presence in the region [2, p. 416; 3, p. 277; 29, p.16–23]. Furthermore, due to the harsh actions of Sultan Ahmad Jalair against his own subjects, Ibrahim viewed the formally subordinate Jalairid as a weak candidate for an alliance, lacking local feudal support.

During Timur's three-year campaign, following the subjugation of Georgia and his arrival in Karabakh, historical sources indicate that Shirvanshah Ibrahim visited Timur to express his loyalty and presented him with gifts. Ibn Arabshah, who provides a detailed account of this meeting, notes that Sheikh Ibrahim, contrary to the advice of his vizier Qazi Abu Yazid, who suggested that it was best to flee and fortify oneself in the mountains, decided to submit to Timur to save the city's inhabitants from slaughter, agreeing to mint coins in Timur's name [1, p. 73–74]. Timur's emphasis on the Shirvan ruler stemmed not only from Sheikh Ibrahim's personal qualities but also from Shirvan's strategic significance. Understanding the threat posed by Toqtamish from the north, Timur sought to win over Ibrahim, gaining an ally in the region, particularly among the local aristocracy who favored a noble lineage.

Subsequent events revealed that Sheikh Ibrahim acted as an ally of the Timurids in the conflicts against the Juchid ulus. Additionally, he participated in Timur's wars against Ottoman Sultan Bayazid, aligning with the Timurids [3, p. 279]. In turn, Timur assisted the Shirvanshah in preventing Toqtamish from claiming territory in Shirvan. When Toqtamish invaded Shirvan in 789 AH (1387 CE), Timur provided support to the Shirvanshah, leading troops to aid him. Despite Timur's desire to avoid conflict, Miranshah's supporting troops ultimately compelled Toqtamish to retreat, allowing the Timurids to launch an offensive through Darband and into Jochid lands [3, p. 278; 2, p. 419]. The outcome of this conflict suggests that Shirvan effectively fell back under Timur's influence. However, as

noted by Alizadeh, there are no records indicating that the Shirvanshah paid tribute to Timur, despite being his vassal [2, p. 418].

Further historical sources allow us to trace the results of Sheikh Ibrahim's far-sighted diplomatic orientations. By aligning with Timur, he weakened his northern neighbor and rival, the Jochi ulus, which enabled Shirvan to act as an independent ruler during the times of political instability among the Timurids, following Timur's death. As previously mentioned, the struggle for Shirvan, a crucial transit region connecting Asia and Europe, was a continuation of the traditional Ilkhanid-Juchid conflicts. Timur sought to legitimize himself as the principal heir to Hulagu Khan in Central Azerbaijan, something which he could leverage in his dealings with both the rival Ahmad Jalair and the Tatar khans.

In this context, Sharaf al-Din al-Yazdi's account presents Timur's 1392 expedition during which he allocated regions including Azerbaijan, Ray, Darband, Baku, Shirvan, and Rum to his son, Miranshah [33, p. 217]. Al-Yazdi also indicates that during the spring of 798 AH (1386 CE), following the Battle of Terek, Shirvanshah Ibrahim accompanied Timur in military campaigns in the North Caucasus. Upon returning, Timur spent time in Darband and Baku, where he built a fortress. Subsequently, he permitted Sheikh Ibrahim to welcome him with gifts. In that year, during his visit to Shamakhi, Timur presented Sheikh Ibrahim with gold-adorned garments, a golden dagger, and a belt, effectively granting him Shirvan and its surrounding territories, while instructing him to "secure and guard Darband" [33, p. 264]. Timurid historian, Shami, also recorded that Ibrahim, the ruler of *Shirvanat*, had come to Timur and showed obedience and that Shabran and Shamakhi provinces were to be subjugated [25, p. 122].

This information suggests that Timur, after granting the Shirvanshah symbols of authority, imposed a conditional obligation to protect Darband from future Jochid incursions. This was significant for Timur, considering Shirvan's strategic importance and security. Additionally, the source provides an insight into why Timur refrained from demanding tribute from Shirvan; he placed the responsibility on Sheikh Ibrahim to defend against northern threats. In essence, the protection of the Shirvanshah and the strategically vital Darband has been a longstanding tradition, upheld since ancient times by various powers, including the Sassanids and Arabs.

Conclusion

After the weakening of the Abbasid Caliphate, the Shirvanshah dynasty, which emerged in the north-east of Azerbaijan and was able to maintain its independence for a long time, was not destroyed, although it could not escape the ravages of the Mongol invasions. This can be explained by the existence of its centuries-old statehood traditions and experiences. Although the members of this dynasty were in a vassal status at the time of the Ilkhanate, their internal independence was not completely taken away from them. In particular, the fact that the territories along the border with the Jochid nation were in the territory of the Shirvanshahs caused almost all the Ilkhans to always keep this region in mind and keep military forces there. At the same time, the economic interests that were the real cause of the conflict between the two nations – the fact that Shirvan was one of the areas where the traditional trade-caravan routes passed before the Mongols – did not lose any importance despite the existence of the Jochid-Toluid conflict. Undoubtedly, the destructive wars of the two nations in different years had a negative impact on the

socio-economic life of the Shirvan region. As a result of the weakening of the Ilkhanate dynasty, during the actual administration of the Chobanids, the Shirvan region became one of the sources of conflict again. In particular, the Shirvanshah dynasty tried to use the struggle between the Mongol tribes for power and to regain its independence. At the time, Shirvanshah Keygubad and his son, Kavus, who did not agree with the ambition of the cruel Chobanid emir, Malik Ashraf, to own Shirvan, began to approach. Their relationship with Janibeg was further supported by the local feudal aristocracy and clergy. As a result of the ideological foundation of this coalition, Janibeg entered Azerbaijan through the lands of Shirvan without resistance. Thus, the Jochid-Tuluid conflict, which has been going on for more than a hundred years, returned the region to its "owner" in accordance with the will of Chinghis Khan. Thus, to legitimize Janibeg's march to Azerbaijan, Muslim historians presented it not as the execution of Chinghis Khan's will, but rather as the restoration of justice by an Islamic ruler. The clerics who took an active part in this propaganda – the Sufi sheikhs who left their homelands due to the confiscation of their property and persecution – returned and were rewarded by Janibeg. Thus, the analysis of the data obtained from the sources of the period during the research shows that the rulers of Shirvanshah, as well as the clans (almost all social categories of the sedentary population) who supported him, during the termination of the power of the Ilkhanate ulus (the Chobanids who were considered its actual rulers) by Janibeg Khan of the Tatar, played an important role in facilitating this process. In the following period, sources reveal the political and strategic importance of the Shirvanshah dynasty in the struggle between the Tatar Khan Toqtamish and Emir Timur. So much so, in fact, that the Shirvanshah ruler, Sheikh Ibrahim, was soon forced to accept the rule of the Jochid, although in the early political period he had pursued a policy of accommodation between the two powerful rivals. Nevertheless, after Timur's defeat of Toqtamish Khan, Sheikh Ibrahim approached Emir Timur and formed an alliance with him to strengthen his security against his northern neighbor. The fruits of this decision were that he was able to achieve the independence that he gained after Timur's death.

REFERENCES

1. Ahmad Ibn Arabshah. Tamerlane or Timur the Great Amir. Translated by J.H. Sanders, London: Burleigh Press, 2013. 361 p.
2. Alizadeh A.A. Socio-Economic and Political History of Azerbaijan in the 13th–14th Centuries. Baku: Caucasus Publication House, 2012. 460 p. (In Russian)
3. Ashurbayli S.B. Shirvanshahlar dovleti (The Shirvanshah state). Baku: Avrasiya press, 2006. 416 p. (In Azerbaijani)
4. Bayramli Z.H. "Silsilatun-nasab-i Safaviyya" asari Azerbaijan tarikhinin manbaya kimi (The Book of Silsilat al-nasabi Safaviyya as a primary source History of Azerbaijan). Baku: "Avropa" Press, 2019. 106 p. (In Azerbaijani)
5. Egorov V.L. The Historical geography of the Golden Horde in 13th–14th centuries. Moscow: "Krasand" Press, 2010, 245 p. (In Russian)
6. Fazlinejad A and Ahmadli F. The Black Death in Iran, according to Iranian Historical Accounts from the Fourteenth through Fifteenth Centuries. *Journal of Persianate Studies*. 2018, vol. 11(1), pp. 56–71.

7. Gökbilgin Ö. 1313–1357 Yılları Arasında Altınordu Devleti (Golden Horde State between 1313–1357). *Edebiyat Ve Beşeri Bilimler Dergisi*. 1972, no. 4, pp. 1–52. (In Turkish)
8. Grousset R. The Empire of the Steppes. Translated from the French by Naomi Walford, New Jersey: New Brunswick, 1970. 687 p.
9. Hafiz-i Abru, Shihab al-Din Abd-Allah b. Lutf-Allah al-Khwafa. Dhayl- i Jami' al- tawarikh, Khanbaba Bayana (eds), Tehran: Chapkhan-yi Elmi, 1939. 283 p. (in Persian)
10. Hammer-Purgstall, Joseph von. Geschichte der Ilchane (Hulagu's Söhne). Wien: Kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1843. 563 p. (In German)
11. Hamdullah Mustawfi Qazwini. The Tarikh-i-Guzida, Translated by E.G. Browne, London: Gibb Memorial, 1913. 237 p.
12. Howorth H. History of the Mongols: from the 9th to the 19th century. Part 3, London: 1880. 776 p.
13. Ibn Bazzaz, Tawakkul b. Ismail Ardabili. Safwat al-safa, Ghulam-Rida Tabaṭabai Majd (eds), 2nd ed. Tehran: Tabistan, 1997. 1348 p. (In Persian)
14. Jackson, Peter. The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. London, 2017. 614p.
15. Kamalov I.Kh. Relations of the Golden Horde with Hulaguids. Translated and Edited by I.M. Mirgaleyev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2007. 108 p. (In Russian)
16. Mazzaoui M. The Origins of the Şafawids: Shī'ism, Sūfism, and the Ghulāt. Freiburger Islamstudien, vol. 3. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1972. 109 p.
17. Metsopski Foma. Teymurlangin va onun khalafarının tarikhı (The History of Timur and His Successors). Translated by H. Bakhishanov. Baku: ANAS Publication House, 1957. 97 p. (In Russian)
18. Mirgaleev I.M. The Islamization of The Golden Horde: New Data. *Golden Horde Review*, 2016, no. 1, pp. 89–101. (In Russian)
19. Mirgaleev I.M. Political history of the Golden Horde under the rule of Tokhtamish Khan, Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)
20. Mirgaleyev I.M. The Golden Horde Policies toward the Ilkhanate. *Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 217–227. (In Russian)
21. Mirgaleev I.M. Relations with the Ilkhans. *The Golden Horde in World History. Monograph*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 367–371. (In Russian)
22. Mirkhvand, Muhammad bin Khavəndshah ibn Mahmud Balkhi. Rawzat as-safa, Abbas Zeryab (eds), Tehran: Chapkhan-yi Makhrat, 1358. 1319 p. (In Persian)
23. Morgan D. Medieval Persia, 1040–1797. 2nd ed. London-New York: Routledge, 2015. xiii + 246 p.
24. Musali N. XIV. Yüzyılın ortalarında Darül-İrşad ile Beytül-Fevahiş arasında Erdebilde sosyal yaşam (Social Life in Ardabil Between Dar Al-Irshad and Bayt al-Fawahish in the Middle of 14th century). Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafiya Fakültesi. *Dergisi*. 2022, Vol 62 (2), pp. 1077–1103. (In Turkish)
25. Nizamuddin Shami. Zafername. Translated from Persian: Nejati Lugal. 2 Edition, Ankara: TTK, 1987. 355 p. (In Turkish)
26. Utemish-Khadgy. Kara-tavarikh / Transcription by I.M.Mirgaleev, E.G.Saifetdinova, Z.T.Khafizov; translation into Russian by I.M.Mirgaleev, E.G.Saifetdinova; general and scientific editing by I.M.Mirgaleev. «Yazma Miras. Textual Heritage» series. Vol. 4. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)
27. PiriyeV V.Z. Azerbaijan Hulakular dovlatinin tanazzulu dovrunda (Azerbaijan during the decline of Hulaguid state (1316–1360-ci illər). Baku: Elm, 1978, 162 p. (In Azerbaijani)

28. PiriyeV V.Z. Azerbaijan in the 13th–14th centuries. Baku: Nurlan Press, 2003. 458 p. (In Azerbaijani)
29. Petrushevski I.P. Great patriot Shirvanshah Ibrahim. Baku: Nagil Evi, 2011. 35 p. (In Russian)
30. Rashid al-Din Fazlullah. Letters. Translated and commented by A.I. FaIina. Moskow: Nauka, 1971. 498 p. (In Russian)
31. Safargaliev M.G. The Collapse of the Golden Horde. Saratov: Saratov State University Press, 1960. 442 p. (In Russian)
32. Seifeddini M. Coins of the Ilkhanate in the 14th century. Baku: 1968. 220 p. (In Russian)
33. Sherefuddin Ali Yazdi. Amir Timur (Zafarname). Translated and noted by Ahsan Batur. İstanbul: Selenga Publication, 2013. 512 p. (In Turkish)
34. Sheykh Husain ibn Abdal Pirzadeh Zahid-i. Silsilat-al nasab-i Safaviyya. By Edward Browne (eds), Berlin-Wilmersdorf: Caphkaney-i Iranshahr. 1924. 111 p.
35. Spuler B. Iran Moğolları. Siyaset, İdare ve Kültür. İlhanlılar devri. 1220–1350. (İran Mongols. Politics, Administration, and Culture. Ilkhanate period. 1220–1350). Translated by Cemal Koprulu. 3rd Edition. Ankara: TTK, 2011. 572 p. (In Turkish)
36. Tarikh-i Shaikh Uwais. An important source for the history of Adharbaijan in the fourteenth century. By J.B. Van Loon, Amsterdam: Mouton&Co, 1954. 184 p.
37. The Cambridge History of Iran. Vol. 6. The Timurid and Safavid periods. Edited by P. Jackson and L. Lockhart. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 709 p.
38. The Cambridge History of Mongols. Edited by Michael Biran and Hodong Kim. Two-Volume Set. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 1513 p.
39. Wing P. The Jalairids: Dynastic State Formation in the Mongol Middle East. Edinburg University Press, 2016. 228 p.
40. Yakubovski A.Y. The Collapse of the Golden Horde. Translated by Hasan Eren, Ankara: Milli Eđitim Basımevi, 1976. 317 p. (In Turkish)
41. Zakirov S. Diplomatic relations of the Golden Horde with Egypt in the 13th – 14th centuries. Moscow, 1966. 160 p. (In Russian)
42. Zeyneddin bin Hamdullah Qazvini. Zeyl-e tarix-e qozide. Translated and commented by M.D. Kazımov ve V.Z. PiriyeV. Baku: Elm, 1990. 212 p. (In Azerbaijani)

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОТНОШЕНИЯХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ШИРВАНШАХОВ В ПЕРИОД УПАДКА ГОСУДАРСТВА ИЛЬХАНОВ И ПРАВЛЕНИЯ ТИМУРИДОВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Нурлан Пашаоглу Насиров

Университет Хазар

Баку, Азербайджан

nurlan.nasirov@khazar.org

Резюме. Цель исследования: изучить отношения между династией Ширваншахов и Золотой Ордой во время упадка Государства Ильханов и периода Тимуридов. Материалы исследования: автор статьи изучил различные первичные арабские и персидские источники, а также вторичные литературные произведения, связанные с историей династии Ширваншахов и Золотой Орды. Из-за отсутствия полной информации в этих источниках были также использованы некоторые нумизматические материалы.

Результаты и новизна исследования: согласно некоторым первоисточникам, правитель Ширвана подчинялся вассалитету династии Ильханов, которая была создана

внуком Чингиз-хана Хулагу. Однако территория Ширвана стала предметом раздора между двумя чингизидскими улусами, Хулагуидами и Джучидами. Во время упадка государства Ильханов правители Ширваншаха и некоторые местные силы, такие как духовенство и аристократы, которые стали более активно помогать Джучидам в их усилиях по установлению контроля над Азербайджаном, впоследствии проводили политику восстановления своей независимости. После своего появления на сцене Тимуридов Ширван снова превратился в театр военных действий между Тимуром и его соперником Токтамышем. Целью этого конфликта было обеспечение контроля над стратегическими караванно-торговыми путями на Кавказе. В этот период Ширван недолго находился под властью Золотой Орды. Тем не менее, шейх Ибрагим Дарбанди, правитель Ширвана, проводил политику поддержания равновесия между этими двумя державами на начальных этапах. В конечном итоге он решил вступить в союз с Тимуром, который находился в более сильном положении реальной власти, и заключил с ним союз. В этой статье мы попытались исследовать отношения Ширваншахов с Золотой Ордой во время падения Ильханов и Тимуридов, а также некоторые менее исследованные аспекты этих отношений.

Ключевые слова: Ширваншахи, Ильханы, Джучиды, Золотая Орда, Азербайджан, Чобаниды

Для цитирования: Nasirov N.P. Some notes on the Golden Horde – Shirvanshahs relations during the Decline of Ilkhanate and Timurid rule in Azerbaijan // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 581–597. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.581-597> EDN: ITQKHT

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нурлан Пашаоглу Насиров – доктор философии по истории (PhD), преподаватель кафедры истории и археологии Школы гуманитарных, педагогических и социальных наук Университета Хазар (ул. Мехсети Ганджави, 41, Баку AZ1096, Азербайджан); ORCID: 0000-0002-0801-6096. E-mail: nurlan.nasirov@khazar.org

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nurlan P. Nasirov – PhD (History), Lecturer, Department of History and Archeology, School of Humanities, Education and Social Sciences, Khazar University (41, Mahsati Ganjavi Str., Baku AZ1096, Azerbaijan); ORCID: 0000-0002-0801-6096. E-mail: nurlan.nasirov@khazar.org

Поступила в редакцию / Received 02.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 17.07.2025

Принята к публикации / Accepted 02.08.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.598-617>
EDN: JMWZKY

УДК 091(091)

THE TRADITION OF STEPPE HEALING OF THE DESHT-I QIPCHAQ
IN HISTORICAL MEDICAL TEXTS

*Omir Tuyakbayev*¹ ✉, *Zubaida Shadkam*², *Nazym Kairanbayeva*²

¹ *Abai Kazakh National Pedagogical University*
Almaty, Republic of Kazakhstan

² *Al-Farabi Kazakh National University*
Almaty, Republic of Kazakhstan
✉ omirabuali@gmail.com

Abstract. Research objectives: To explore the traditions of Turkic medicine as reflected in the medieval medical works *Asrār al-atibbā'* and *Dastūr al-'ilāj*, which were originally written in Turkic and later translated into Persian, surviving to the present day.

Research materials: The primary materials for this study are the medical works *Asrār al-atibbā'* and *Dastūr al-'ilāj*, as well as research dedicated to the history of Turkic medicine. These two works were created in the region of Desht-i Qipchaq, yet their study remains insufficient. While some scholars have mentioned these texts, no specialized textual studies have been conducted. Within the framework of this article, textual, descriptive, historical-comparative, and general scientific methods are applied to the study of historical medical texts.

Results and novelty of the research: The anonymous work *Asrār al-atibbā'* and the medical treatise *Dastūr al-'ilāj*, authored by Sultān 'Alī al-Khorasānī, who served as a court physician for 20 years under the Shaybanid Kuchkūndjī Khān (1512–1530), contain extensive information about the medical methods widely practiced among Turkic peoples. The analysis of these works provides an overview of the history of medical traditions that developed in Desht-i Qipchaq during the medieval period. Although Iranian researchers traditionally view these works as part of Persian medical heritage, the question of their original language remains insufficiently explored. Evidence suggests that these works were originally written in Turkic and only later translated into Persian. This article presents evidence supporting the Turkic origins of these works and examines aspects of medical practices characteristic of the Turkic peoples, as reflected in the texts through the framework of Islamic medical concepts. These aspects, until now, have remained outside the scope of scholarly attention. Additionally, the article attempts to classify the healing traditions specific to Turkic culture.

Keywords: traditional medicine, Turkic steppe medicine, medical treatises, “*Dastūr al-'ilāj*”, “*Asrār al-atibbā'*”

© Tuyakbayev O.O., Shadkam Z., Kairanbayeva N.N., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

For citation: Tuyakbayev O.O., Shadkam Z., Kairanbayeva N.N. The tradition of steppe healing of the Desht-i Qipchaq in historical medical texts. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 598–617. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.598-617>

Financial Support: This article has been prepared within the framework of the research project AP19675139 “The heritage of medieval Turkic medicine in Persian: “Tansük-nāme Ilhānī”, “Asrār al-atibbā’ ”.

Introduction. The art of healing represents a significant cultural phenomenon that has undergone several stages, from its inception and development to systematization over the centuries. It has become deeply intertwined with the worldview, way of life, and traditions of various peoples, persisting to the present day. This medical culture was built upon centuries of accumulated experience, philosophical reflection, meticulous observation, comparison, and systematization. The most effective and advanced models and achievements were recorded in written monuments, which became an integral part of ancient sciences and were disseminated through knowledge exchange.

By their very nature, both science and art require continuous development; consequently, they have transcended the boundaries of individual nations and regions, becoming the shared heritage of humanity. Thus, since ancient times, medicine has been an essential component of global cultural heritage.

Each nation shaped its unique cultural identity, and the Turkic peoples were no exception. They developed distinctive healing methods, concepts of diseases and their treatment, as well as rituals and beliefs that originated in ancient times and were closely linked to their nomadic style of life.

The medicine of nomadic peoples who freely moved across Eurasia is known from ancient literature. For example, ancient chroniclers report that the medicinal herbs used by nomadic peoples were in great demand. Pliny and Theophrastus write about the widespread use of medicinal herbs called «Scythian herbs» and «Scythian roots» by the Romans and Greeks and their transportation along trade routes. For example, the Roman veterinarian Pelagonius writes about the widespread use of «Scythian herbs» by Greek and Roman doctors for the production of medicines and that among the «Scythian herbs» they specially Tatar grass, kirkazon root, Pontic chandra, wormwood and others. In addition to human medicine, the Scythians were adept at veterinary medicine and were especially knowledgeable in treating the health problems of their horses [13, p.12-20; 3, p. 207; 17, p. 65].

Traditional Turkic ideas about health and disease are rooted in numerous worldviews and cultural conditionings that reflect different historical experiences, from pre-Islamic times to the advent of the Tsarist Empire. There can be no doubt that from the 8th century onwards the interaction of the Turkic peoples of Central Asia with Islam, culturally, intellectually and religiously, set the basic framework for understanding and managing health and disease. This is clear from the local Central Asian medical literature; it is clear from the basic history of medical cul-

ture in the region; and it is clear from the very vocabulary of health, disease and healing in the Turkic languages¹.

The Great Silk Road, which connected the East and the West and facilitated interactions between various peoples and civilizations, played a crucial role in the comprehensive development of the healing arts among the Turkic peoples. A significant portion of this trade route passed through the steppes of the Desht-i Qipchaq, and the inhabitants of ancient settlements, fortresses, and cities along this path became acquainted with the crafts, professions, and cultural traditions of other peoples through goods brought by merchants from distant lands.

This brief survey aims to highlight sources that may be valuable for a more in-depth study of the medical practices and health concepts of the nomadic peoples of Central Asia before the advent of Western medicine. It outlines the body of medical literature in Persian and Chagatai Turkic, produced, disseminated, and utilized in Central Asia from the 16th to the early 19th century. Drawing primarily on published manuscript catalogs, this study not only reflects the ongoing reproduction of classical Islamic medical texts but also reveals indigenous adaptations, translations, and observationally augmented elaborations of these works, as well as original compilations intended for practical use by physicians.

Methods and materials

Central Asian medical literature primarily exists in manuscript form, housed in various collections. Due to a range of subjective and objective factors, it remains largely unexamined. One key reason is the limited scholarly attention given to Turkic medical treatises. Even within Central Asia, researchers tend to focus on earlier medical texts by figures such as *Abū ‘Alī bin Sīnā* (Avicenna), *Abū Bakr al-Rāzī* (865–925), and *Abū Rayhān al-Bīrūnī* (973–1050), while later works are often regarded as mere retellings or translations. Paradoxically, older “classical” texts are more widely recognized than those from the sixteenth century and beyond. The emphasis on establishing the original versions of early works naturally prioritizes the oldest manuscripts, overlooking later copies that may contain extensive commentaries, annotations, or insights drawn from comparative study and practical experience.

This preference for “classical” works aligns with broader trends in Central Asian textual studies but is also linked to the integration of pre-thirteenth- and fourteenth-century Central Asian medical literature into the wider Islamic medical tradition. These early works are well represented in manuscript collections worldwide and are studied as part of a broader intellectual heritage. Central Asian medical texts, while still rooted in Islamic medical traditions, became more regionally distinctive. They increasingly reflect local developments and historical contexts that are crucial for understanding the evolution of medical concepts and practices in the region – yet remain largely unexplored.

This article examines two medical treatises from the steppes of Desht-i Qipchaq, *Asrār al-aṭibbā’* and *Dastūr al-‘ilāj*, with particular attention to the traditions of Turkic steppe medicine² reflected in these sources. Through comparative

¹ On the spread of Muslim healing arts and centers among the Turkic peoples during the Golden Horde and later periods, see: Abzalov L.F. [1, p.460] and Dogan Sh. [5, p. 125].

² Turkic steppe medicine refers to a body of traditional healing knowledge, practices, and remedies that developed within the nomadic and semi-nomadic cultures of the Eurasian

and textual analysis, it further considers the documentary significance and distinctive features of subsequent medical works.

Medical manuscripts serve as crucial written sources for transmitting fundamental medical knowledge across generations. These texts provide valuable insights into historical medical practices and treatments while also reflecting the linguistic and cultural contexts of their time. However, restricting their study solely to the history of medicine would offer only a partial understanding of their significance. To fully appreciate the features embedded in these medical manuscripts, they must be examined not only from a medical perspective but also through the lens of other disciplines, particularly linguistics.

***Asrār al-atibbā'*: The Medical Book of the Chagatai Regions**

The first scholar to acknowledge the medical significance of *Asrār al-atibbā'* (Secrets of Healers) and introduce it to the academic community was Joseph-Désiré Tholozan (1820–1897), a French military physician, epidemiologist, and distinguished member of both the French Academy of Sciences and the National Academy of Medicine. In 1858, the French Ministry of Foreign Affairs appointed Tholozan, a highly regarded doctor, as the personal physician to the Persian Naser al-Din Shah (1831–1896). Known in Iran as *Ṭabīb Ṭūlūzān Yūnānī*, he played a pivotal role in establishing medical institutions and served as *Hakim-Bashi* (حكيم باشي), the Shah's chief physician, for three decades [14, p. 1122].

Prior to his appointment in Iran, Tholozan was the editor of *Gazette Médicale de Paris* from 1850 to 1856. He also participated in the Crimean War (1854–1855), where he conducted extensive research on infectious diseases affecting soldiers, such as cholera, dysentery, typhus, and typhoid fever, as well as nutritional deficiencies like scurvy and acrodynia. Throughout his career, he authored nearly fifty articles on epidemic diseases. During Tholozan's residency period in Iran, not only did he act as the special physician of the Qajar court, but he also treated patients from the general Iranian population. He studied diseases that were so common in Iran at that time. Tholozan explored Persian and Indian medical traditions and played a key role in bringing two previously overlooked medieval Persian medical treatises to light: *Asrār al-atibbā'* and *Risālah dar ṭibb* [22, p. 96].

The medical work *Asrār al-atibbā' iā mudjarrabāt ilat Chaḡatāiī* (اسرار الاطباء – مجربات ايلات چغتايي) – *The Secrets of Healers, or the Medical Practices of the Chagatai Lands* – was first published in Tehran in 1276 AH / 1860 CE under Tholozan's initiative and editorial supervision. A century later, in 1963, *Asrār al-atibbā'* was republished. *Risālah dar ṭibb* republished in Tehran at 1293/1876 [21, p. 299].

The book's introduction provides an overview of the manuscript's origins and historical background. Through meticulous examination, Tholozan established that the work originated from the peoples of Central Asia and had been translated from Turkic into Persian in 910 AH³. The translation was carried out in 910 AH / 1506 CE by *Mirzā Shihāb ad-Dīn Sāqib Dihlawī al-Khurasāni*, who rendered it from a Chagatai-language manuscript. This manuscript had belonged to Prince Azat Mu-

steppes. We outlined the concept of Turkic steppe medicine in our book “*Dastūr al-‘ilāj*” [32, p. 7].

³ This was discussed in more detail in our article, see: Tuyakbayev O. [24, p. 100].

hammad Azim Tore, who carried it with him on his pilgrimage to Mecca via Bombay [14].

“...And a complete manuscript of *Asrar-e Mujarrabat* (The Secrets of Tested Remedies) by the doctor Tolozan, the unique one of his time, who was known among the Chagatai tribes, had been recorded in writing by the mentioned doctor in the year 911 Hijri. However, due to the absence of printing facilities, he was unable to publish and disseminate it. Therefore, some trusted officials of the state and the people of the Chagatai province (which lies beyond the river) possessed a handwritten copy of this book, which they held dearer than their own lives and faith. This sage was regarded as a skilled healer, proficient in diagnosing both minor and major human ailments – indeed, this is the truth. Thus, a volume of this esteemed book, whose original text was in the Chagatai Turkish language, was obtained through the boundless grace of His Excellency, the most noble and honorable Prince Muhammad Azim Tura. At that time, he had embarked on a pilgrimage to the sacred destination of Mecca – may God increase its honor and reverence – and made a stop in Bombay⁴...”

The information about the author in the book's introduction has sparked mixed opinions. While some sources attribute the work to the translator *Mirzā Shihāb ad-Dīn Thāqib*, who rendered it from Chagatai [7, p. 940], and some researchers ascribe it to the unknown Greek physician Tolozan Yunani [27, p. 129]. In his catalog, Storey listed author states as *Hakīm Tūlūzān Yunānī* originally composed the work in Turkic but expressed doubts about its authorship, suggesting that it is “presumably this has something to do with Dr. Tholozan” [21, p. 299].

This work has not yet been fully studied. Although Turkish scholars identify the author as the unknown *Tūlūzān Yunānī*, we cannot say that a comprehensive study has been conducted⁵. One section of the book describes the experiences of *Hājī Ahmad-Djān* from Yarkent, which completely refutes all assumptions that this could be *Tūlūzān Yunānī*. There is no doubt that *Shihāb ad-Dīn* translated the anonymous work from Turkic. Overall, Haydar Varner and Idris Nebi Uysal were the ones who evaluated the work as a source of Turkic medicine [27, p. 129; 26, p. 380].

... و نسخه کامل از اسرار مجربات حکیم طولوزان وحید الزمان المخاطب به ایلات چغتائی که در سنه نهصد⁴ و یازده هجری حکیم مذکور در ضبط تحریر آورده بود اما بجهت فقدان چاپ نتوانست او را طبع نشر دهد بناء علیه بعضی از امنای دولت و اهالیان ولایت چغتائی (که ماوراء النهر باشد) نقلی خطی از ان کتاب عزیزتر از جان و ایمان داشتند و او را حکیم حاذق جزوی و کلی امراض انسانی میشمردند الحق راست است لهذا جلدی از ان کتاب مستطاب که اصل نسخهاش در زبان ترکی چغتائی بود به توصل عنایات بلانهایه حضرت اجل اکرم افخم جناب شاهزاده آزاده محمد عظیم طوره که در ان ایام بعزم زیارت؟؟؟ مقصد مکه معظمه زاد الله شرفا و تعظیما نزول اجلال در بمبئی فرمود بدست...

⁵ Vaner: «Türklerin Maveraüunehirde kullandıkları ilaçların, tatbik ettikleri tedavi usullerinin Yunan hekimlerinin ilaçlarına ve tedavi usullerine benzememesini Yunanlı hekim Tolozanın dikkatini celbetmiş ve bu bapta yaptığı tetkikat neticesinde, H 911, M 1506 tarihlerinde bu eseri vücuda getirmiştir» (The Greek physician Tolozan noticed that the medicines used and the treatment methods applied by the Turks in Mawarannah were different from those of Greek physicians. As a result of his research on this matter, he produced this work in the year 911 Hijri [27, p. 129].

Dastūr al-‘ilāj (933/1526-1527)

Dastūr al-‘ilāj, written in the 933/1526-1527 by *Sultān ‘Alī al-Khorāsānī*, known as *‘Tabīb-i Khurāsānī*, who served at the court of *Köçkündji Khan* (1452–1530). The first impetus for the composition of this work was the case of *Sultān ‘Alī* curing *Mahmūd Shāh*⁶, the ruler of Akhsikat, who summoned *Sultān ‘Alī* to his court during his illness⁷. After this, he became famous among the people as a doctor and was offered to write a medical essay based on his experiences and knowledge. In the introduction to *Dastūr al-‘ilāj*, the author writes that he worked as a doctor for “40 years”, served in the court of *Köçkündji* and *Abū Sa‘īd khāns* for 20 years. But we have very limited information about his life. Only *Khojā Bahā’ al-Dīn Hassān Naqīb al-Ashraf Bukhārī* (1516–1596), known as *Khojā Hassān Nisārī*, provides a brief information about *Sultān ‘Alī* in his work “*Muzakkir al-ahbāb*” (Memoir of the Beloved), written in 974/1566, that he studied medicine under *Maulānā Hakīm Shahrīsabzī* and that he was well-educated⁸.

Today, the work *Dastūr al-‘ilāj* is preserved in two languages, Turkic and Persian. One version in Turkic is in the collection of Abu Rayhan Biruni Institute of Oriental Studies⁹ in Tashkent and one version is housed in a private collection of “Ampir” antique salon in Almaty¹⁰ [18, p. 106].

Through manuscript catalogs compiled by researchers such as F. Keshavarz [11], A. Azmi [2], A. Munzavī [15], A. Naushāhī [16] and others over 30 Persian manuscripts are available in various libraries worldwide¹¹. In the Majlis Library alone in Iran, 9 Persian versions have been digitized and are available online¹².

Devin DeWeese and others¹³ affirms that the Turkic version is a translation of “*Muqaddimat-e Dastūr al-‘Ilāj*” was rend from Persian by an unknown translator in Yarkand. Devin DeWeese writes: “At the beginning of the *Dastūr al-‘ilāj*, the author affirms that he had worked as a physician for ‘40 years’, gaining a reputation in Khurāsān and Mawarannahr, prior to his summons to Akhsī; in his *Muqaddima*, he refers to having served *Köçkündji*’s son *Abū Sa‘īd* for 20 years prior to that later work’s composition, suggesting his attachment to the court of Samarqand during much of the reign of *Köçkündji*. *Sultān ‘Alī*’s *Muqaddima* was translated into Chagatai Turkic in Eastern Turkistan, in the eighteenth or nineteenth century” [4, p. 5].

⁶ D. DeWeese identifies Mahmud Shah as Mahmud bin Sulayman bin Jani-Bek, the grandson of Jani-Bek, who received the Akhsi region during the conquests of his uncle Muhammad Shibani Khan [4, p. 12].

⁷ *Sultān ‘Alī al-Khurāsānī. Dastūr al-‘Ilāj*. Manuscript. Ketābkhāne-ye Majles-e Shorā-ye Mellī, No 6155. ff. 1b–224a.

⁸ *Khoja Hassan Nisārī. Muzakkir al-ahbāb*. Manuscript. Abu Rayhan Biruni Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. No. 4282. ff. 24b–204a.

⁹ For a brief overview of medical literature preserved in manuscript collections in Uzbekistan, see: M.V. Shterenshis [20] and H. Hikmatullayev [9].

¹⁰ The Chagatai manuscript No. 7.10(152) (ff. 1a–88b), preserved in the private collection of the “Ampir” Antique Salon in Almaty, was published in our monograph *Sultān ‘Alī al-Khurāsānī. Dastūr al-‘ilāj* (Almaty: Kazakh University, 2024, 388 p.) with facsimile, transliteration, Kazakh translation, commentary, and introductory studies [11].

¹¹ See about the “*Dastūr al-‘ilāj*” manuscripts in Iranian archives [6, p. 4–25]; See about the manuscripts in the Tashkent archives [4, p. 3–18].

¹² See more: <http://www.lib.ir/library/178>

¹³ It is briefly discussed in Kydyrbayeva U. [12, p. 125].

Although the majority of surviving manuscripts of “Dastūr al-‘ilāj” are in Persian, it is challenging to definitively conclude that the work was originally composed in Persian. Written records were generally more prevalent among sedentary populations than nomadic groups and were better preserved in urban settings. This is one aspect; on the other hand, during the Middle Ages, medical works were not only translated from Arabic and Persian languages; conversely, there were cases where they were translated from Turkic into Persian. For example, *Rashīd al-Dīn Hamadānī* (1247–1318), a statesman, scholar, encyclopedic, and physician who held significant positions during the Ilkhanate, and the author of the famous historical-encyclopedic work “Djāmi‘ at-Tawārīkh” (Compendium of Chronicles), he translated a medical work titled “Tansūq-nāme-i Ilkhānī” into Persian and wrote a *muqaddam* (introduction) to it at the order of *Ghazān Khān* (1271–1304) [25, p. 8–9]. This work was widely used in the traditional medicine of the Turkic and Mongol peoples. As we mentioned above, the work ‘Asrār al-atibbā’ was initially written in Chagatai and later translated into Persian. Similarly, the treatise “Dastūr al-‘ilāj”, written in the court of *Köçkündji Khān*, might have initially been composed in the Chagatai language and later rewritten in Persian by the author himself. Based on written sources, if we raise questions about the author's environment, the place of writing, the purpose, and the intended audience, the idea that it was first written in Chagatai seems highly plausible.

Additionally, it is historically known that *Köçkündji Khān* commissioned the translation of several works from Persian into Chagatai. For example, *Köçkündji Khān* ordered the court scribe, *Uāhidi Balkhī*, to translate the work of the famous historian *Abū Ja‘far Muhammad b. Djarīr b. Yazīd at-Ṭabarī* (839–923), titled “Tārīkh al-Rusūl wa al-Mulūk” (The History of Prophets and Kings, also known as “Tārīkh at-Ṭabarī”), into the Turkic language. *Uāhidi Balkhī* did not translate it directly from the original Arabic manuscript written in 915-916 but instead used the Persian translation by the historian *Abū ‘Alī Muhammad Bal‘amī*, which was commissioned in 963 by the *Samanid Amīr Mansūr bin Nūh I*. This Persian translation became widely known in Eastern literature as “Tārīkh-i Bal‘amī”¹⁴. *Uāhidi Balkhī* completed his translation in 952/1522 and dedicated it to *Köçkündji Khān's* youngest son, *Sultān ‘Abd al-Laṭīf* (1495–1551).

“..The greatest ruler, the exalted Khan, the Khan of Khans, *Köçkündji Khan* – may Allah perpetuate his reign – commanded his youngest son, the light of the garden of the caliphate, the rose of the garden of the sultanate of the world, the nightingale of the assembly of Khans, the delicate sapling of the garden of elegance, the refreshing shade of the meadow of grace, the wise ruler of the city of eloquence, the possessor of perfection in the realm of the world, the guardian of justice like Nushirvan, the sea of generosity, the possessor of good fortune in the battlefield, the prince of the world, the most virtuous and noble of the age, the successor to the throne of Solomon, the Darius of the time, the Alexander of the era, the Rustam of the age, the illustrious Sultan Abdulatif – may Allah perpetuate his reign and sovereignty and bestow his mercy and benevolence upon the world – to commission someone to translate this book into Turkic. This humble servant, the

¹⁴ Bal‘ami's version was widely disseminated in non-Arab countries of the Muslim world. This is evidenced by the large number of manuscripts (more than a dozen in Saint Petersburg), the Turkish translation, the Urdu translation and the Chagatai language. There is a French translation by H. Zotenberg. More about the work see: Gryaznevich P.A., Boldyrev A.N. [8].

librarian Wahid Balkhi, with the grace of God Almighty, the assistance of the prophets and saints, and the support of the noble ones, sought help from all and, girding the waist of service with the belt of effort and striving, translated this book into Turkic”¹⁵.

The translator of the *Tārīkh-i Bal'amī* wrote: “Date 927, the month of Dhul-Hijjah, This book was in Persian, the kings of that time were more inclined to the Turkic language”¹⁶.

Additionally, *Köçkündji Khān* commissioned *Muhammad 'Alī b. Darwīsh 'Alī Bukhārī* to translate *Sharaf ad-Dīn 'Alī Yazdī's* historical work “*Zafarnāma*” (The Book of Victories), which was dedicated to the lineage of Amīr Timūr and written in 1425, into the Chagatai language in 1519 saying: “the work is useful for the Tajiks, it did not bring any benefit to the Turkic peoples, and therefore it must be translated into the Turkic language” [28, p. 13].

In a number of manuscript versions, the author states: “*During this period, whatever I had studied from the reliable books and gained through experience, I composed in Persian as a book adorned with exalted honorific titles, dedicated to His Excellency, the Supreme Khaqan, the Solomon of the age, the Shadow of the Divine, the Possessor of Fortune, entitled Dastūr al-'Ilādī (“Manual of Treatment”). Some eminent figures remarked that if a book were also written on the general principles of medicine, the states of the pulse, crises, and other such matters, in such a way that there would remain no need for any other book, then this work would attain completeness and endure as a memorial upon the pages of time. Therefore, in compliance with the command and within the limits of what was permitted, I composed several sections to serve as a preface to that book, as a gift dedicated to the library of His Majesty, the exalted Sovereign of celestial dignity, unique in devotion and beneficence, established in divine grace — Sulṭān ibn Khāqān, ibn Abū al-Ghāzī, Sulṭān Abū Sa'īd Bahādur Khān, may God Most High elevate his commands and, through his existence, grant prosperity to both near and far*”¹⁷ (Dastūr, f. 3a-b)”. How significant are the differences between the copies

¹⁵ *Haqan al-a'zam hān almu'azzam hānlar hāni Köchkünji Hanñiy – khallada Allahu mulkahu – kichik oğly nur-i hadīqa-yi hilāfat nur-ı khadīqa-yi sultanat jahān bostāniniñ güli ua khān jami'unıy bülbüly zarāfet bağınıñ nāzuk nihāli luṭafat jaūniñ zulālī faşāhat malikiniñ dānā hakīmi fuqāhat şahriniñ şāhib kamal jahān iqlīminiñ amn ua amāni 'adālat ahliniñ Naūşiruāni saḥāuat bahriñ dar-i hoş ābi uruş maidānyñyñ şāhib-qyırāni şah-zāde-i 'ālamiyān ahsan ua ansab-i jahān qāyim-i maqām-i Sulaymān dārā-yi zamān-i Isikander daurān-ı Rustām dastān-i şāh-i 'ālī-şān 'Abdu al-Laṭīf Sulṭān – khallada Allahu mulkahu ua sulṭānahu ua afāda 'ala al-'ālamīn birrahu ua ihsānahu taklīf qıldı kim kişi bolğay kim bu kitābnu Türkī qılğai. Bu haqır al-dā'i kitāb-dār Uāhid-i Balkhī Tanrı Ta'ālāniñ taufīqi bilan anbiyā' ua auliyā'niñ imdādi bilan ua 'azīzlarniñ himmati bilan barchadin isti'ānat tilap ḥidmat kamarin jānni bilga bağlap jadd ua djuhd bilan bu kitābnu Türkī qıldı (f.2a-b). See: Balkhī Uāhidi. Tārīkh-i Bal'amī. Manuscript. Russian National Library. Dorn, no.519, ff. 2a–819a.*

¹⁶ *Tārīh tokuz yüz yigirmi yetti zul-ḥicca ayğaçā bu kitāb fārisi erdi ua bu zamānaniñ paḍşāhlaryñyñ tab 'i Türkīğa māyil köprek erdi. See: Tārīkh-i Bal'amī, f.2b.*

¹⁷ درین مده آنچه از کتب معتبره و تجربه نموده بزبان فارسی کتاب موشح بالقاب همایون انتساب حضرت اعلی خاقانی سلیمان مکانی ظل سبحانی صاحب قرانی مسمی بدستور العلاج نوشته شده از بعضی اغره چنین اشارت شد که اگر کتاب بر کلیات طب و احوال نبض و بحران و غیره نیز چنین نوشته شود که بکتاب دیگر احتیاج نماند بر این کتاب را تکمیل افزاید و بر صفایح ایام یادگاری بماند بنابر آن بموجب المامور معذور جزوی چند بر سبیل آنکه مقدمه آن کتاب باشد مرقوم گردانیده یرسم تحفه نذر کتاب خانه اعلی حضرت کیوان رفعت المنفرد بالسجود و

dedicated to *Köçkündji Khān*'s brother and successor, *Abu Sa'īd Bahādūr Khān*, who ruled in 1530–1533. This issue has not yet been fully studied. According to Storey, in the versions composed during the reign of *Abu Sa'īd Bahādūr Khān*, the *Muqaddimah* and two *maqālas* (in 16 *bābs*) were added [21, p. 233].

However, in the Osler Library of the History of Medicine, McGill University (B.O. 7785/4, f.334), a manuscript copied in the 19th century in Indian *nasta'liq* script, both redactions of the work appear within a single codex. In this copy, the recension dedicated to *Abu Sa'īd Bahādūr Khān* (ff. 1b–176a) is noticeably shorter than the version addressed to *Köçkündji Khān* (ff. 179b–334a), which appears more complete and extensive in terms of length. In the introduction to the recension dedicated to *Köçkündji Khān*, however, the author does not mention his earlier composition. It seems that the *Muqaddimah* was added not only at the request of readers, but also as a means of retaining his position at the royal court.

Nevertheless, under *Köçkündji Khan*'s son and successor, *'Abd al-Laṭīf Khān* (r. 1540–1551), the name of *Sulṭān 'Alī Ṭabīb* is no longer mentioned in the court, whereas the physician *Mullā Muḥammad Yūsūf Kahhāl*, author of *Zubdat al-Kahhālīn* and *Tahqīq al-ḥimāyāt* (“Analyses of Fevers”), is recorded as having dedicated treatises to the ruler.

Although the author appended the *Muqaddimah* in order to praise the later khan, it appears that in the main text he also abridged certain parts. Clearly, no definitive conclusion can be drawn until all surviving manuscripts of *Dastūr al-'ilāj* preserved in various repositories—in both Persian and Turkic—are examined systematically, and the two redactions are studied in detail. Nevertheless, whether in Persian or in Turkic, the author's style is strikingly plain. It is difficult to describe him as a creative writer with full command of literary language. It seems more likely that he first composed a shorter version in Turkic, and later expanded it into a more substantial work in his native Persian, as he himself suggests in the subsequently written *Muqaddimah*.

In a manuscript in the private collection of the “Ampir” antique salon in Almaty, dated to the end of the 17th and 18th centuries based on paleographic features, in Turkic, it is stated that “The Prophet [Muhammad] – may God bless him and grant him peace – gave this book the name “*Dastūr al-'ilāj*” (*Ḥazrat paigambār – salla Allahu 'alaihi ua sallammā – bul kitābga Dastūr al-'ilāj at qoıyp berdılar*) – although the author's identity remains a mystery, it is clear that the name is «*Dastūr al-'ilāj*»¹⁸ [Fig. 1].

Description, structure and content of the manuscript “*Dastūr al-'ilāj*” kept in a private collection in Almaty

The manuscript of the treatise “*Dastūr al-'ilāj*”, kept in a private collection in Almaty, shows paleographic features characteristic of the Central Asian book traditions. The text is written on oriental paper, nine lines per page, in *nasta'liq* script, using rich black ink. When viewed against the light, only the verge lines are visible, the pontuseau lines are absent, which is typical of Central Asian papers. The bold *nasta'liq turkistani* style and the consistent observance of the catchwords

لاحسان المستقر من المنان سلطان ابن خاقان ابن ابوالغازى سلطان ابو سعيد بهادرخان رفع الله تعالى احكام و اعز الملك بوجوده فاضى على القريب و البعيد...

¹⁸ Khurāsānī Sulṭān 'Alī. *Dastūr al-'ilāj*. 1526. Manuscript. «Ampir» Antique Salon. Private Collection No. 7.10(152), ff. 1a–88b.

(*riqabe*), determining the sequence of pages, clearly indicate that the manuscript was written entirely by one scribe. Several pages contain marginal notes in fine small script, added by later readers to clarify the meanings of certain words. The first pages of the manuscript are missing, although the title “*Dastūr al-‘ilāj*” is clearly mentioned on folios 2b and 73b. The last three pages contain the texts of various prayers in Persian and Turkic [Fig. 2]. The manuscript does not indicate its scribe or date of completion, but paleographic analysis suggests that it was written in the second half of the 18th century.

The manuscript is preserved in a hard oriental binding. The cover, made of cardboard, is covered with dark brown leather and has the same *lacachi, turunj* with floral patterns and *sar turunj*, where the name of the binder (*sahhaf*) is written – *Mullā Mīr Hamīd Sakhāf*. The spine of the book is made of leather. The dimensions of the binding are 21 x 13.5 cm.¹⁹

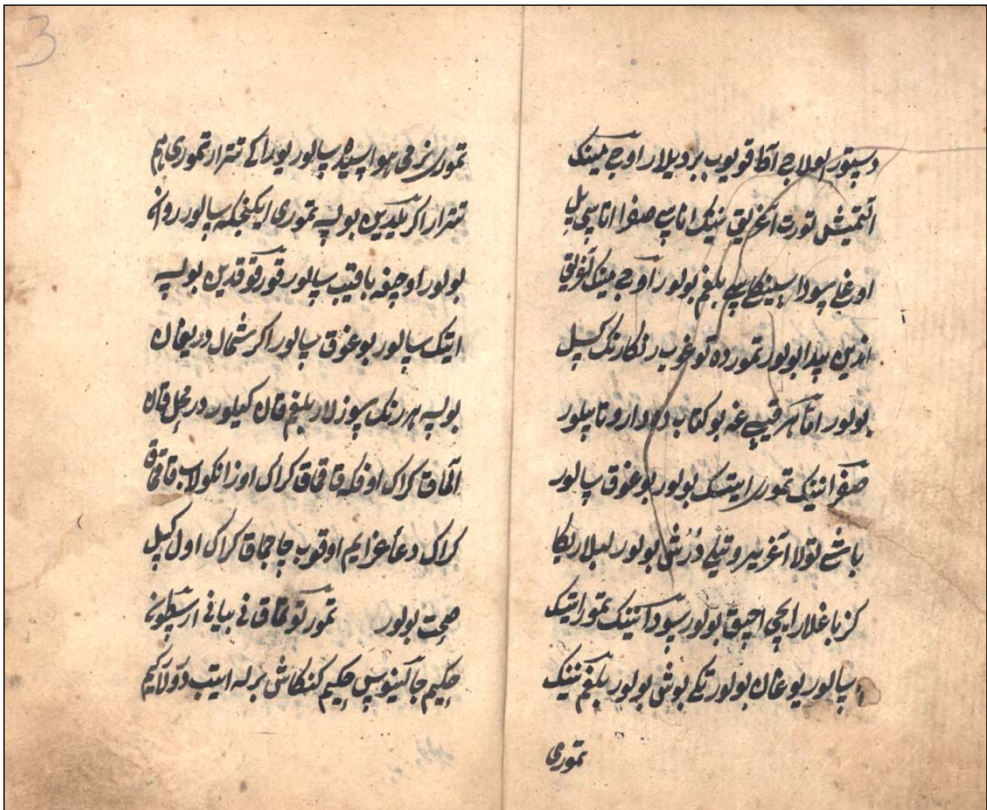

Fig. 1. *Dastūr al-‘ilāj* manuscript in a private collection in Almaty, p. 2b–3a

¹⁹ A manuscript similar to the Almaty copy, in which the author is not indicated, but only the name is indicated on pages 13a and 75a, and in nasta'liq script with 9 lines on each page, is described in the catalogues Wellcome Hist. Medical Library (MS Pers. 159) and A Shelflist of Islamic Medical Manuscripts at the National Library of Medicine (89, NLM MS P6.). On the manuscript versions of *Dastūr al-‘ilāj*, see Shadkam Z., et al. [18].

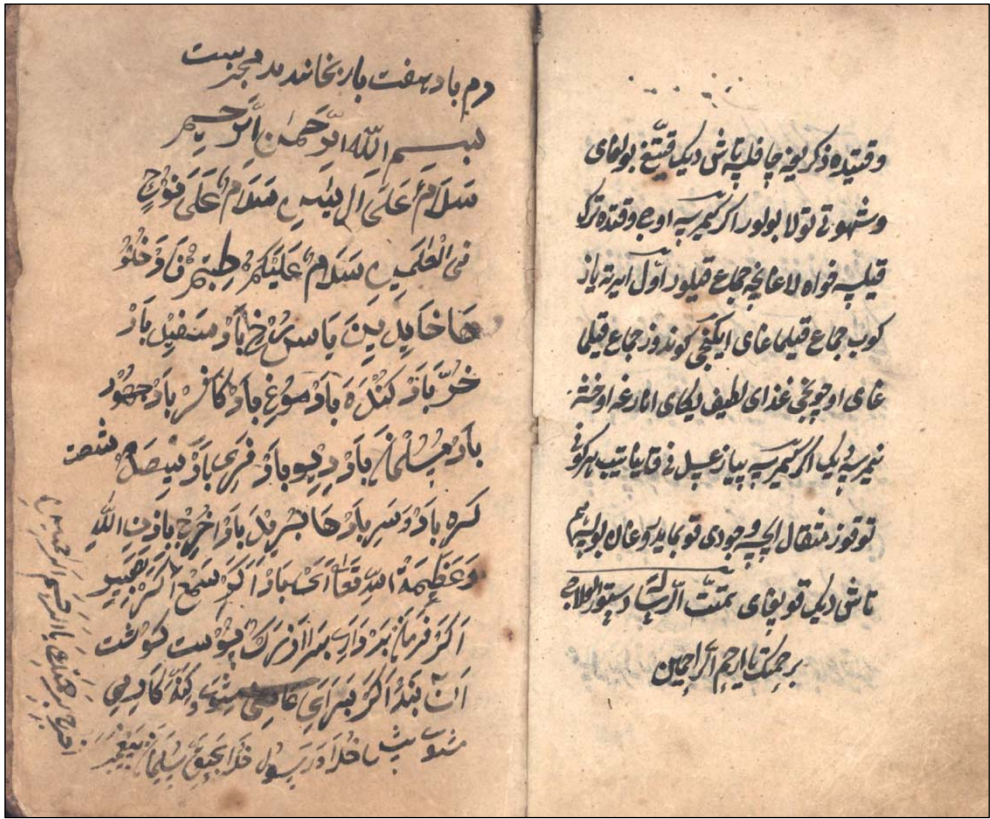

Fig. 2. *Dastūr al-‘ilāj* manuscript in a private collection in Almaty, p. 74b–75a

The medical treatise “*Dastūr al-‘ilāj*” consists of an introduction (*muqaddimah*) and two main chapters (*maqālah*). The chapter is divided into sections (*faṣl*) and the sections into subsections (*qism*). In the introductory part of the work (2a–12b), the benefits of general medicine are explained based on the verses of the Quran and the *hadith* of the Prophet, and the advice and exhortation of the ancient judges and saints regarding the preservation of human health are revealed. In addition, the introduction states that Allah Almighty sent 3064 different diseases for humanity as a test and that the book was named “*Dastūr al-‘ilāj*” because it contains a collection of traditional remedies used among the people for these diseases.

The first chapter is mainly devoted to the symptoms of the disease and the signs of the disease in the body and the methods of treatment. The text states that in addition to the patient's speech, his mood, appetite, heartbeat, pulse, breathing, dryness of the lips, change in the color of the tongue, etc. are determined by close observation and monitoring of the physiological and psychological condition. Although this chapter is divided into several articles (sections 1–11), the symptoms of the disease in the human body and the condition and treatment of patients are described without any systematic approach.

The second chapter (chapters 11–21) describes the types and causes of diseases related to a specific human body, and presents several types of treatment meth-

ods. If we group the treatments proposed in the work, we see that there are two types; the first is treatment through medication, stroking, bloodletting, vomiting, etc., and the second is psychosomatic treatment, Islamic-based prayer, breathing, ablution, etc. A distinctive feature of the chapter is that the treatment of each disease is described separately and systematically. The most obvious method of treating diseases in the work was the prescription of drugs. The vast majority of the manuscript text consists of describing the composition, preparation, method of application, and recipes of tinctures, drinks, medicines, and ointments for external use. Two types of preparation of medicines can be distinguished, the first is prepared from medicinal herbs, and the second is prepared from the internal structures of animals (liver, lungs, bones, etc.) and their products (milk, fat, blood, bile, etc.). Another feature of this chapter is that, in addition to treating the disease, it also provides advice on maintaining beauty and cleanliness, and on first aid for the removal of poison from poisonous insects²⁰.

The healing art of the Turkic peoples, as reflected in medieval written sources

Some Religious and Spiritual Healing Methods Mentioned in the Text:

– If phlegm mixed with blood is present, bloodletting is necessary. The lungs need to be struck or massaged, and the *'Azāyim* prayer should be recited and blown (onto the patient). The person will regain health [11, p. 42].

– If internal bleeding occurs, it is caused by exposure to a cold wind. If the face or body weakens, the *Basra* prayer should be recited and written down [11, p. 44–46].

– If someone's joints become stiff at night and during the day on Wednesday, Tuesday, Sunday, or Monday, causing discomfort similar to malaria, it is due to the wind (cold wind), inflammation, and bile. First, four pairs of bread should be vowed (offered), then a cuckoo should be wrapped in fat, placed between the bread, and a prayer should be made in the name of the four archangels starting with Gabriel. They are the agents (of Allah) [11, p. 132].

– If a person places a medicinal paste on the root of an aching tooth, it will heal. If not, carve fourteen sharp teeth from a tamarisk tree, recite the *Kašmīr* prayer three times, and then nail the carved teeth to the tree trunk. The person will undoubtedly be cured [11, p. 240].

The texts also describe various traditional practices known among the local people, such as reciting prayers for saffron (*kašmīr*), headaches (*šaḡiqā*), and colds (*nasūr*), and writing verses from the Qur'an on a piece of paper. This paper is then either dissolved in water and administered to the patient, a practice known as “*iširtki*” [29, p. 752], or burned, with the patient inhaling the smoke, a method known as “*tütetki*”.

On page 70a of the text, it is advised that, among other treatments for infertility, the paper on which the *Surah Ikhlas* is written should be dissolved in water and consumed. The practice of burning written Qur'anic verses along with rue and allowing the patient to inhale the smoke, unfortunately, has been largely forgotten in recent times. The terms “*iširtki*” and “*tütetki*” may appear in historical and old literary texts but have become obsolete in contemporary practice²¹.

²⁰ For more details see the article Kydyrbayeva U. [12, p. 121–131].

²¹ This issue was discussed in our article, see: Shadkam Z. [19].

Some Mechanical Methods Mentioned in the Text (bloodletting, striking, carving, cutting, emesis, and cauterization):

– To determine which partner in a childless couple has the issue, each person should knead a handful of flour (here, “*tarımaq*” means to knead dough). If one partner’s flour (dough) becomes spoiled, the problem lies with that partner. If neither partner’s dough spoils, then the man should be given a *surki* (mixture), and the woman should be induced to vomit while prayers are recited. With Allah’s permission, they will conceive a child [11, p. 190].

– If the cause of a headache is related to blood, the symptoms include redness in the face and nose, a heavy head, constant drowsiness, and itching in the head, eyebrows, eyes, and ears. The treatment involves bloodletting from the *qifal* vein and the tip of the nose [11, p. 214].

– People who have a disease due to bile have a yellow complexion, do not drink water even though they are thirsty, and have swellings in their bodies. These swellings, which sometimes cause gas and sometimes water accumulation, can be eliminated by giving *surki* (mixture) and cutting the swollen areas with a *kama* (a type of knife or dagger) [11, p. 278].

The use of prayer in treatment is a well-understood and accepted practice among Muslims. Islamic religious teachings emphasize the importance of divine reliance and seeking assistance through prayer. Consequently, the practice of using prayer, *zikr* (remembrance of God), and *virđ* (recitation) for therapeutic and healing purposes reflects its significance in our customs, traditions, and practices [19, p. 45–46]. Thus, after the advent of Islam, Islamic religious elements became an integral part of Turkic folk medicine.

The text also describes various irrational and superstitious methods for protection, respect, and gaining esteem:

– If the wisdom tooth of a yellow dog is tied around the neck of a child who cries excessively, the child will stop crying, will not be frightened, will be protected from the evil eye, and will be safeguarded from sudden death [11, p. 76].

– If a person buries the head of a wolf in a cattle pen (or barn), the wolf will not approach or enter the pen [11, p. 80].

– If a person carries the heart of a black cat with them, they will possess the strength of a hundred men and will gain respect and authority in the presence of scholars and leaders [11, p. 82].

– If a person carries the eye of a fox with them, they will be perceived as good or charming in everyone’s eyes, and their words will carry weight [11, p. 84].

– If a person fears kings, wrapping a snake skin and the heart of a black sheep around the wolf’s skin and carrying it with them will ensure their respect in the presence of kings [11, p. 102].

– If the horn of a mountain goat is buried in a barn, no disaster will befall the animals in the barn [11, p. 78].

These practices reflect the actions taken by individuals in desperate situations to protect themselves and their animals.

Treatment Using Animal Products:

– If the hair or hide of a camel is burned and its ash mixed with camel fat and applied to the eyes, it will relieve eye pain and prevent further discomfort. If there is ear pain, applying camel bile into the ear with a pipette will alleviate the pain. If

there is persistent bleeding from the nose, sprinkling the ash of burned camel hair on the nose will immediately stop the bleeding [11, p. 74].

– If a person applies or presses camel brain onto an aching eye, the discomfort will be relieved [11, p. 78].

– If a woman who is unable to conceive mixes sheep brain with tiger fat, forms suppositories, and uses them for three days, and then engages in sexual relations with her husband, she will conceive [11, p. 78].

– Washing the head with a mixture of aged cow fat and buffalo bile will relieve headaches [11, p. 212].

Treatment Using Herbal Products:

– The *surki* remedy is prepared from the following ingredients: two *misqal* (unit of measurement) of *yasmug* (from the legume family), two *misqal* of *ulcang* (?), two *misqal* of *iker/eker* (a type of mixture), 15 *misqal* of onion, three *misqal* of yellow helile (from the almond family), two *misqal* of barley, two *misqal* of *badiyan*, talhe seed, two *misqal* of henna seed, and two *misqal* of melon seed. These ingredients are collected, crushed, and boiled in *dinar şerbet*. The resulting mixture is then combined with the juice of *Fışık tere* (a type of plant) and consumed daily in a dose of three *misqal*. This remedy will eliminate accumulated fluids in the abdomen, leading to recovery [11, p. 272].

– Jaundice is caused by excessive heat in the liver. The remedy involves applying a mixture of black sandalwood and red sandalwood with rose water to the liver/chest area. This treatment will alleviate jaundice [11, p. 290].

– To relieve headaches, mix grape seed, barley flour, sesame, and *boyan* (a type of tree root or gum) each in a spoonful and apply this mixture to the head [11, p. 204].

– Combining two *misqal* each of black sandalwood and red sandalwood with sesame oil and applying it to the forehead will resolve headaches persisting for 3 to 4 years [11, p. 214].

Treatment Using a Combination of Herbal and Animal Products:

– If a person experiences chest discomfort or difficulty walking, mixing black sheep tail fat with white onion and white turnip, and boiling the mixture, then consuming it on an empty stomach for three days, will alleviate the symptoms [11, p. 76].

– To treat cough and shortness of breath, mix 4 *misqal* of dried and powdered horse lung with 2 *misqal* of *qara çiçek* (black flower), 5 *misqal* of butter, and 2 *misqal* of sesame oil. Consuming this mixture every morning on an empty stomach and without speaking to anyone will relieve the cough and shortness of breath [11, p. 254].

– If a person is suffering from thirst (accumulation of water in the stomach)/the disease is progressing, if he does not have camel buttermilk, he should drink cumin with goat buttermilk and eat partridge or duck meat for dinner, (his disease) will go away [11, p. 280].

In the recovery of patients, psychological and emotional well-being are also considered:

– For patients with tuberculosis, it is advised to avoid arguments and disputes around them. Spending time in a quiet, calm place, singing with loved ones, gazing

at flowing water, fire flames, or a mirror, and conversing with enlightened and knowledgeable individuals will aid in their recovery [11, p. 252].

Historical medical texts hold a significant place in Turkic scientific history. One of the challenges encountered in studies of these historical medical texts is the explanation of the medical terms used. Relying solely on a few accessible Ottoman Turkic dictionaries is insufficient for elucidating these medical terms. Disease names are a crucial part of medical terminology and are important not only for Turkic terminology studies but also for historical medical research [7, p. 95].

The existing Chagatai dictionaries are unfortunately insufficient for explaining the types of medicines, diseases, and patient-related terms exemplified above. In this situation, the importance of researching Chagatai historical medical texts related to the steppe medicine developed by the Central Asian Turks becomes evident for understanding the unknown and missing aspects of Turkic medical history and medical terminology.

In both texts, various methods of preparing medicines are described, including the soaking, boiling, steaming, cooking, frying, soaking and straining in water, grinding, mashing, mixing, drying, and infusing of plant leaves, roots, seeds, fruits, flowers, saps, and gums. The medicines are sometimes mixed with animal or mineral products and prepared in forms such as pills, suppositories, pastes, or burned to produce ash, powder, and dust. These preparations are used through various methods including drinking, eating, applying, burning, placing, compressing, and occasionally inhaling smoke like that from cigarettes. Both folk medicine and classical medical methods are employed in the preparation of these medicines.

In the Turkic steppe medicine system developed by the nomadic Turks of Central Asia, both in the preparation of medicines and in treatment methods, there is a significant use of animal products. For example, the texts *Asrār al-atibbā'* and *Dastūr al-'ilāj* reveal that products from both domestic and wild animals (approximately 50 species) were utilized. Domestic animals such as cattle, sheep, lambs, kids, goats, rams, camels, and horses provided not only meat, hides, milk, bones, bile (gallbladder), liver, lungs, heart, brain, fat, and wool, but occasionally also nails, dung, urine, blood, and horns. In addition to these domestic animals, various wild animals and birds such as hedgehogs, frogs, snakes, bears, tigers, wolves, dogs, donkeys, rats, cats, crows, swallows, cuckoos, pigeons, chickens, ducks, partridges, rabbits, deer, and bats were used in medicine and healing rituals for their bile, fat, hides, eggs, female parts, astragali, heads, and bones.

Discussion and Conclusion

In addition to therapeutic methods, such as *agryq* (disease, pain), *dert* (pain, agony), *auru*, *kesel* (disease, patient), *em*, *daru*, *dermen* (medicine), and terms for various preparations like *atala*, *felte*, and *sürki* which denote pastes, poultices, and creams made from a mixture of plant, animal, and sometimes mineral products. The texts also include references to resins produced by trees (e.g., pine resin, gum, tree honey) and various substances (e.g., *şağyr*, *djağyr*, *katira*, *muql-y azraq*, *yelim* (medicinal resin), *kavaç*) used in medicinal pastes. Actions such as applying (*sürmek*), burning (*yaki*), rubbing (*sürtmek*), spreading (*çafylmak*), and applying medicine or ointments (*tartmak*, *sürüp bağlamak*) are described. Other related actions include binding (*tanmaq*), preparing a paste or poultice (*atala qylmaq*), spraying or dispersing (*pürkmek*), and making a thick paste or cream (*felte qylmaq*). It is

also important to consider the age, gender, and color of animals used in these treatments (e.g., ram, horned ram, rooster, ox, bull, buffalo, black sheep, stallion, wolf, lamb, dog, yellow dog, domestic goat, red goat, black goat, black crow) as significant factors in treatment. Researchers should pay attention to these aspects in their studies.

The revival and prominence of folk medicine reflect a deep respect for and significance of the cultural heritage of all peoples and humanity at large. Historical medical texts play a crucial role in reinstating and preserving these cultural values, especially those that have been forgotten or are on the verge of being forgotten. The examples of folk medicine found in these texts extend beyond the fields of medicine, medical history, and folklore to encompass numerous scientific disciplines such as phytotherapy, pharmacology, sociology, psychology, religion, botany, zoology, linguistics, culture, and belief systems.

Research into Turkic medical texts facilitates the rediscovery of forgotten terms such as *auru*, *em*, *em-dom*, *auruhana*, *emhana*, *emşi*, *otaşı*, and *sınıksı*, as well as the names of diseases and medicines. Additionally, these texts reveal that rituals derived from Shamanistic practices – such as *alastau* (purification from illness using fire and water), *uşkurtu* (purification from illness using fire and water), *uşyktau* (purification from illness using soil), and *kurşun dökme* (lead melting) – continued to be employed in patient care and healing even after the advent of Islam. This tradition involved the use of Quranic verses, prayers, recitations, alms, vows, and offerings, alongside the cultural practice of preparing medicines from animal, plant, and mineral substances. These practices reflect a unique therapeutic system specific to the steppe life of Central Asia.

Historically, the semi-nomadic lifestyle of the Turkic tribes in the Desht-i Qipchaq region transitioned into more settled forms of existence. Despite these shifts, they retained the philosophy and cultural practices of their nomadic heritage, including their unique healing traditions. Centuries ago, the Turkic tribes of the Desht-i Qipchaq developed a systematic practice of Steppe Medicine, which facilitated extensive trade and cultural exchange.

The *Dastūr al-‘ilāj* text reveals a variety of medicinal substances from around the world, such as *horazi Esfahān* (Isfahan rooster), *anzerut-i Buhārī* (Bukhara gum), *ifay-i Taşkendī* (Tashkent remedy), *mundistin-i Kāşqarī* (Kashgar remedy), *Kaşqar ufası* (Kashgar remedy), *hurma-i Hendü* (Indian date), *temre-i Hindi* (Indian fruit), *bādyān-ı Rūmī* (Roman herb), *Mısır nabatı* (Egyptian sugar), and *rund-ı ÇİN* (Chinese remedy). These items, combined with local medicines and treatments, illustrate the development of a regionally specific therapeutic system. Additionally, the presence of terms such as *yese* (black coral), *istisqā-i lahm* (disease), *şing*, *çengal*, *piyāle*, *misqal*, and other units of measure and names for diseases, plants, minerals, and geographic locations from Persian, Arabic, Greek, and Chinese in these historical medical texts further strengthens the view of the fact that the Jochi Ulus and the Chagatai Ulus covered a vast territory intertwined the cultures of several nations and peoples, and that this culture was preserved in the Desht-i Qipchaq after the fall of the Ulus.

Therefore, research into the Steppe Medicine of the Desht-i Qipchaq, medical texts, is believed to illuminate critical periods in Turkic scientific and medical history, highlighting its deeply rooted regional and historical context.

REFERENCES

1. Abzalov L.F. Bimaristan in the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 457–471. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.457-471 (In Russian)
2. Azmi A. *Tarikh-i Tibb wa Attiba' Daur-i Mughaliyah*. Delhi: Maktabah Qasmi, 1992. (In Turkic)
3. Batty R. *Rome and the Nomads: The Pontic-Danubian Realm in Antiquity*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 688 p.
4. DeWeese D. Muslim medical culture in modern Central Asia: a brief note on manuscript sources from the sixteenth to twentieth centuries. *Central Asian Survey*. 2013, no. 1, vol. 32, pp. 3–18.
5. Dogan Sh. XIV–XV. Yüzyıl Türkçe Tıp Metinlerinde Halk Hekimliği İzleri [The Traces of Folk Medicine in the 14th–15th Centuries Turkish Medical Texts]. *Millî Folklor*. 2011, vol. 89, no. 23, pp. 120–132. (In Turkish)
6. Dorri N. et al. Introducing and Reviewing the Written Manuscript ‘Dastoor-al-Alaj’. *Textual Criticism of Persian Literature*. 2018, vol. 10, no. 1, pp. 4–25.
7. *Fihrist-i Mashrūh ba'z kutub-i nafisah qalimiyaḥ makḥzūnah-yi Kutubkhānah-yi Āṣafiyah Sarkār-i Ālī*. 2 vols. Ḥaidarābād, Dakin, 1357/1938. (In Persian)
8. Gryaznevich P.A., Boldyrev A.N. On the Two Editions of Bal'ami's *Tarikh-i Tabari*. *Soviet oriental studies*, 1957, no. 3, pp. 46–59. (In Russian)
9. Hikmatullayev H. *Sharq tabobati* [Oriental medicine]. Tashkent: A.Qodiriy nomidagi xalq merosi, 1994. 628 p. (In Uzbek)
10. Keshavarz F. *A Descriptive and Analytical Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the Wellcome Institute for the History of Medicine*. London: Wellcome Institute, 1986. 704 p.
11. Khurāsānī, Sultān Ālī. “Dastūr al-‘ilāj” (دستور العلاج) – Yemshilik dastūri (The Tradition of Healing). Translation from the Chagatai language, commentary: Shadkam Z., Tuyakbayev O.O., Kydyrbayeva U.T. Almaty: Kazakh University, 2024. 388 p. (In Kazakh)
12. Kydyrbayeva U. et al. “Dastūr al-‘ilāj” traktatynyn mazmundyq qurylymy [The Content Structure of the Treatise “Dastūr al-‘ilāj”]. *Journal of Oriental Studies*. 2023, vol. 105, no. 2, pp. 121–131. DOI: 10.26577/JOS.2023.v105.i2.013 (in Kazakh)
13. Mirsky M.B. *Medicine of Russia in the 10th–20th centuries: essays on history*. Moscow: ROSSPEN, 2005. 107 p. (In Russian)
14. Muhammad Rida, Behzodi. *Pāyān nāme doktor Tūlūzān Hakīm bāshī Nāser ad-dīn Shāh Qajār. Payām-e Bahārīstān* [Mohammad Reza Behzadi. Doctoral Thesis of Tolozan, the Chief Physician of Naser al-Din Shah Qajar. *Payam-e Baharestan*]. 1388/2009, no 6, pp. 1121–1125. (In Persian)
15. Munzavī A. *Fihrist-i nuskhah'hā-yi khaṭṭī-i Fārsī /Nigārandah*. Vol. 1. Tehran: Anjuman-i Asār va Mafākhir-i Farhangī, 1969. (In Persian)
16. Naushāhī A. *Kitāb shināsi-yi āthār-i Fārsī-yi chāp shuda dar shibh-i qāra* (Hind, Pākistān, Banglādīsh), 1160–1387/1781–2007, vol. 4. Tehran: Mirās-i maktūb, 2013. (In Persian)
17. Rolle R. *The World of the Scythians*. Berkeley. United States: University of California Press, 1989. 160 p.
18. Shadkam Z., et al. “Dastūr Al-‘Ilāj” meditsinalyq traktaty jāne qolzhazba nusqalary [“Dastūr Al-‘Ilāj” Medical Treatise and Its Manuscripts]. *Journal of Oriental Studies*. 2021, no. 3, vol. 98, pp. 104–115. DOI: 10.26577/JOS.2021.v98.i3.10 (In Kazakh)
19. Shadkam Z., et al. *Orta Asya Halk Hekimliginde Dua, Vird Ve Zikir* [Prayer, Dhikr, and Zikr in Central Asian Folk Medicine]. *Türk Kültürü Ve Hacı Bektaş Veli*

Araştırma Dergisi=*Turkic Culture and Haci Bektas Veli Research Journal*. 2023, no. 106 (Summer-June), pp. 43–63. DOI: 10.34189/hbv.106.003 (In Turkish)

20. Shterenish M.V. Oriental Medical Manuscripts in Uzbekistan: An Overview. *Vesalius*. 2000, vol. 6, no. 2, pp. 100–104.

21. Storey Ch. A. Persian Literature: *A Bio-bibliographical Survey*. Vol. 2, no. 2. E Medicine. London: Luzac & Co., 1971. 158 p.

22. Theodorides J. Tholozan and Persia. *History of Science*. 1998, vol. 32, no. 3, pp. 287–296.

23. Ṭilūzān I. *Asrār al-atibbā' iā mudjarrabāt Īlat Chaġatāī*. Tehran: Muassase-ie Muṭāla'āt-e Tarīkh, Ṭibb-e Islāmī, 1383. (In Persian)

24. Tuyakbayev O. et al. «Asrār al-Atibbā'» the Heritage of Medieval Turkic Medicine in the Persian Language. *Journal of Oriental Studies*. 2023, vol. 4, no. 107, pp. 97–104. DOI:10.26577/JOS.2023.v107.i4.010 (In Kazakh)

25. Ünver S. Tansukname-i İlhan der Fünunu Ulumu Hatai Mukaddimesi [Introduction to the book “Tansukname-i İlhan der Fünunu Ulumu Hatai”]. İstanbul: Millet Mecmua Basımevi, 1939. 72 p. DOI: 10.26650/AB/AA08.2022.157 (In Turkish)

26. Uysal I.N. Türkiye Türkolojisinin'de İhmal Edilmiş Bir Konu: Çağatayca Tıp Metinleri [An Overlooked Topic in Turkic Studies: Chagatai Medical Texts]. In: Collection of International Scientific and Practical Conference “Steppe Medicine: Information, History, Application, Concepts and Terms. Almaty: Al-Farabi Kazakh National University, 2022, pp. 8–25. (In Turkish)

27. Vaner H. “Esrāru'l-Etibbā Türk-Çağatay İllerinin Tıp Kitabı” [Asrār al-atibbā': A Medical Book of the Turk-Chagatai Regions]. *Türk Tıp Tarihi Arkivi*=*Turkic Medical History Archive*. 1939, vol. 12, no. 3, pp. 128–134. (In Turkish)

28. Yezdī Sharaf ad-Dīn 'Alī. Zafar-name. The Book of Victories of Amir Temur. Translation from Old Uzbek by A. Akhmedov. Tashkent: Sanat, 2008. 484 p. (In Russian)

29. Zhanabekova A. et al. Qazaq ādebi tiliniñ sözdigi: on bes tomdyq [Dictionary of the Kazakh Literary Language. Fifteen volumes.] Vol. 15. Almaty: Til Bilimi Instituty, 2011. 823 p. (In Kazakh)

ТРАДИЦИЯ СТЕПНОГО ВРАЧЕВАНИЯ ДЕШТ-И КЫПЧАКА В ИСТОРИЧЕСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ

Омир Туякбаев¹✉, Зубайда Шадкам², Назым Кайранбаева²

¹ *Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Алматы, Республика Казахстан*

² *Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Алматы, Республика Казахстан*

✉ omirabuali@gmail.com

Резюме. Целью статьи является исследование традиций степной медицины, представленных в средневековых медицинских трудах «Асрār аль-атиббā'» и «Дастūr аль-'илāдж», а также выделение их роли в передаче медицинских знаний в тюркском мире.

Материалы исследования: Основными материалами исследования являются медицинские произведения «Асрār ал-атибба'» и «Дастūr аль-'илāдж», а также исследования, посвящённые истории тюркской медицины. Эти два произведения были созданы на территории Дешт-и-Кыпчак, однако их изучение остаётся недостаточным. Некоторые учёные упоминали эти труды, но никто не проводил специальных тексто-

логических исследований. В рамках статьи применяются текстологический, описательный, историко-сравнительный и общенаучный методы исследования исторических медицинских текстов.

Результаты и научная новизна: анонимное произведение «Асрār аль-атиббā’» и медицинский трактат «Дастūr аль-‘илādж», автором которого является Султанали ал-Хорасани, 20 лет служивший придворным врачом при дворе шейбанидского хана Кучкунджи, содержат обширные сведения о методах врачевания, широко применявшихся тюркскими народами. Анализ этих произведений позволяет провести обзор истории медицинских традиций, сложившихся в Дешт-и Кыпчак в средние века. Несмотря на то что иранские исследователи традиционно рассматривают эти труды как часть персидского медицинского наследия, вопрос о первоначальном языке их создания остаётся недостаточно изученным. Имеются свидетельства, что изначально данные произведения были написаны на тюркском языке и лишь впоследствии переведены на персидский. В данной статье приводятся доказательства, подтверждающие тюркское происхождение указанных произведений, а также анализируются аспекты врачебного искусства, характерного для тюркских народов, которые находят отражение в текстах на основе мусульманской медицинской концепции. Эти аспекты до настоящего времени оставались за рамками внимания исследователей. Кроме того, предпринята попытка классификации традиций врачевания, характерных для тюркской степной культуры.

Ключевые слова: народная медицина, тюркская степная медицина, медицинские трактаты, «Дастūr ал-‘илādж», «Асрār ал-атиббā’»

Для цитирования: Tuyakbayev O.O., Shadkam Z., Kairanbayeva N.N. The tradition of steppe healing of the Desht-i Qipchaq in historical medical texts // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 598–617. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.598-617> EDN: JMWKY

Финансирование: Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта AP19675139 “Наследие средневековой тюркской медицины на персидском языке: «Тансук-наме Ильхāни», «Асрār аль-атиббā’»”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Омир Оразович Туякбаев – PhD, главный научный сотрудник НИЦ «Рукописное наследие Востока» при Казахском национальном педагогическом университете имени Абая (050010, пр. Достык, 13, Алматы, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0003-3846-7426. E-mail: omirabuali@gmail.com

Зубайда Шадкам – кандидат филологических наук, профессор, директор НИЦ «Памятники письменности и духовное наследие» при Казахском национальном университете имени аль-Фараби (050040, пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0003-2080-3671. E-mail: zubaide.z@kaznu.kz

Назым Нургельдиевна Кайранбаева (автор-корреспондент) – PhD, научный сотрудник НИЦ «Памятники письменности и духовное наследие» при Казахском национальном университете имени аль-Фараби (050040, пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0002-3408-0876, ResearcherID: LSL-6612-2024. E-mail: kairanbayeva.n.n@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Omira O. Tuyakbayev – PhD, Chief Research Fellow of the Scientific Research Center “Eastern Manuscript Heritage”, Abai Kazakh National Pedagogical University (13, Dostyk Ave., Almaty 050010, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0003-3846-7426. E-mail: omirabuali@gmail.com

Zubaida Shadkam – Professor, Director of the Scientific Research Center “Written Monuments and Spiritual Heritage”, al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., Almaty 050040, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0003-2080-3671. E-mail: zubaida.shadkam@kaznu.kz

Nazym N. Kairanbayeva (corresponding author) – PhD, Research Fellow of the Scientific Research Center “Written Monuments and Spiritual Heritage”, al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., Almaty 050040, Republic of Kazakhstan); ORCID:0000-0002-3408-0876, ResearcherID: LSL-6612-2024. E-mail: kairanbayeva.n.n@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 08.04.2025

Поступила после рецензирования / Revised 27.08.2025

Принята к публикации / Accepted 01.09.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.618-628>
EDN: KENFED

УДК 94: 801.731

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КЕМБРИДЖСКОМ ВЗГЛЯДЕ
НА ИСТОРИЮ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Н.Н. Крадин

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Российская Федерация
kradin@ihaefe.ru*

Резюме. Цель исследования: в издательстве Кембриджского университета в конце 2023 г. был опубликован фундаментальный двухтомный труд «Кембриджская история Монгольской империи». К его написанию были привлечены около 40 исследователей в основном из западных стран. В статье анализируется данная коллективная монография, её достоинства и недостатки, значимость для мировой науки.

Материалы исследования: при анализе двухтомника особенное внимание было уделено источникам и литературе, опубликованным за пределами англо-говорящих стран. Учитывая, что помимо западной науки, монголоведение развито в Китае, России, Японии, странах Восточной Европы, наконец, в Монголии, в работе был сделан акцент на том, как оценивается вклад ученых из этих стран в рассматриваемой коллективной монографии. Оценивается также степень использования археологических материалов.

Результаты и научная новизна: Осуществлен анализ современной западной литературы по тематике Монгольской империи. Выделены приоритетные направления, наиболее важные достижения, показана необходимость для более глубокого понимания рассматриваемой проблематики расширения актуальной информации за счет использования опубликованных источников и литературы на азиатских и восточно-европейских языках.

Ключевые слова: Монгольская империя, монголы, монголоведение, историография

Для цитирования: Крадин Н.Н. Размышления о кембриджском взгляде на историю Монгольской империи // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 618–628. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.618-628> EDN: KENFED

© Крадин Н.Н., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

REFLECTIONS ON THE CAMBRIDGE VIEW OF THE MONGOL EMPIRE HISTORY

N.N. Kradin

*Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Far East Peoples,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russian Federation
kradin@ihaeife.ru*

Abstract. Research objectives: The Cambridge University Press published a fundamental two-volume work, “The Cambridge History of the Mongol Empire”, at the end of 2023. About 40 researchers, mainly from Western countries, were involved in its writing. The article analyzes this collective monograph, its strengths and weaknesses, and its significance for world science.

Research materials: When analyzing the two-volume work, special attention was paid to sources and literature published outside of English-speaking countries. Considering that in addition to Western research, Mongolian studies are developed in China, Russia, Japan, Eastern European countries, and finally, in Mongolia, the work focused on how the contribution of researchers from these countries is assessed in the collective monograph under consideration. The degree of use of archaeological materials is also assessed.

Results and novelty of the research: An analysis of modern Western literature on the topic of the Mongol Empire was carried out. The priority areas and the most important achievements are highlighted, and the need for a deeper understanding of the issues under consideration – to expand current information through the use of published sources and literature in Asian and Eastern European languages – is shown.

Keywords: Mongol Empire, Mongols, Mongol studies, historiography

For citation: Kradin N.N. Reflections on the Cambridge View of the Mongol Empire history. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 618–628. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.618-628> (In Russian)

В самом конце 2023 г. вышел в свет двухтомник «Кембриджская история Монгольской империи» под редакцией Михаль Биран и Кима Ходона [5]. Публикация в серии «Кембриджская история» является своеобразным фирменным знаком качества. Это значит, что редакторы и авторы являются признанными в мире специалистами, а содержание книги авторитетно отражает современное состояние науки в описываемой области. И это действительно так. Имя М.Биран хорошо известно в монголоведении. Она автор многих ярких работ и в том числе двух индивидуальных монографий в этой области. Первая посвящена Хайду, вторая – Чингис-хану. Нужно отметить, что вторая упомянутая книга оригинально отличается от иных, подобных работ. Это взгляд на деяния создателя Монгольской империи через призму ближневосточной истории [4]. Ким Ходон является автором книги о взаимоотношениях Кореи и Монгольской империи в средние века на корейском языке [6].

К работе над томом были привлечены многие выдающиеся современные западные монголоведы и кочевниковеды – Крис Этвуд, Никола Ди Космо, Моррис Россбаби. Один из разделов был написан безвременно ушедшим несколько лет назад Томасом Оллсенем. Книга посвящена ему, а также памяти

Д.Моргана и Д.Кара. В общей сложности над томом работали более сорока ученых. Большинство из них представители западных стран.

Несомненно, это выдающееся произведение, основанное на изучении огромного количества источников и вторичной литературы. По охвату оно в чем-то переключается с недавно вышедшим энциклопедическим изданием «Мир монголов» под редакцией Т. Мэя и М. Хоупа [8], а также томом из серии рутледжских справочников, который посвящен роли монголов в истории Центральной и Восточной Европы [7].

Рецензируемая монография состоит из двух томов. В первый входят четыре тематических блока, состоящие из отдельных глав на указанную тему – политическая история, тематический блок (от влияния климата до религии и гендера), история отдельных частей империи, отношения с другими странами и регионами мира. Во втором сгруппированы различные нарративные, археологические и визуальные источники по рассматриваемой теме. Подобная необычная структура обусловлена обилием письменных источников на разных языках мира.

Введение М.Бирани и Кима Ходона начинается с фразы «Монгольская империя изменила мир» [5, с. 1] и это действительно так. Формирование империи Чингис-хана привело к объединению локальных средневековых цивилизаций Старого Света в глобальное макроэкономическое пространство. Неслучайно в последнее время все большее распространение получает термин «монгольская глобализация».

Редакторы провозгласили основную цель своей работы – рассмотреть Монгольскую империю как целостное, многогранное явление, объединившие много разнородных азиатских культурных традиций (степную, исламскую, китайскую и др.), что привело к формированию общеимперской культуры, которая оказала важное влияние на всю мировую историю [5, с. 1]. Они единодушно отмечают выдающуюся роль в изучении Монгольской державы американского историка Томаса Оллсена. Он совершил своеобразный «культурный переворот» в изучении данной проблематики, значительно расширив диапазон исследований за счет постановки многих новых вопросов, связанных с изучением не только экономических, а культурных и идеологических обменов, изучения социальной истории и исторической антропологии монгольского общества. Оллсен прекрасно знал источники и литературу на китайском, русском, персидском и других языках, что делало его труды особенно основательными и фундированными [5, с. 5].

Первая часть книги состоит из пяти глав и называется «политическая история». В соответствии с замыслом здесь подробно пересказываются основные события истории монголов. Первая глава (Р. Даннелл) описывает события с возвышения Чингис-хана до смерти Мункэ. Вторая глава (К. Этвуд) посвящена империи Юань. Третья (С. Камола и Д. Морган) – государству ильханов. Четвертая (М. Фаверо и Р. Почекаев) – Золотой Орде. Пятая (М. Бирани) – политиям угэдэидов и чагатаидов. Вторая часть включает десять глав с так называемыми тематическими сюжетами: монгольские имперские институты (Ким Ходон), имперская идеология (Т. Оллсен), военная организация (Т. Мэй), деньги, рынки, обмен и налоги (А. Курода), религии и их распространение (Й. Элверског), обмен научными идеями (М. Россоби и Р. Мор-

рисон), обмен в стилях и искусстве (Р. Празниак), влияние климата (Н. Ди Космо), гендер (Б. Бирдж и Э. Бродбирдж).

Важное значение для понимания структуры империи монголов имеет глава Кима Ходона, посвященная институтам власти. Он последовательно разбирает такие темы, как отдельные улусы на территории Монгольской империи, система функционирования мобильных ставок (*ордо*), дружина (*кешиг*), *даругачи* или *баскаки*, *дзаругачи* (судьи-администраторы), почтовая служба и др. Вместе с тем, ни в этой главе, ни в каком другом разделе не затронуты вопросы общественного строя монголов до создания империи, такие важные социальные термины, как *обок*, *ирген*, *улус* и др.

Концептуальные выводы содержатся в главе А.Куроуды. Он приходит к выводу, что для обоих концов Евразии были характерны схожие социально-экономические тенденции, связанные с синхронным ростом и упадком сельскохозяйственных рынков. Отличия касались большей популярностью серебряных денег на западе Старого Света и использованием медной монеты в Китае. В Китае также получили распространение бумажные деньги, что обусловило отток ценных металлов. Так или иначе, подытоживает Курода, период с середины XIII до середины XIV в. отличается беспрецедентным ростом торговли на дальние расстояния [5, с. 515].

Последствия монгольского завоевания затронули самые разные сферы человеческой деятельности. Современная религиозная карта мира в немалой степени стала следствием процессов, сформировавшихся в период Монгольской империи [5, с. 544]. Монголы способствовали интенсификации китайско-мусульманских обменов в области медицины, географических знаний и картографии, календарей, астрономии и астрологии и обогатили соответствующие знания в каждой из цивилизаций [5, с. 569].

В главе Н. Ди Космо представлены результаты недавних палеоклиматических исследований по результатам изучения годичных колец, которые подтвердили тезис о синхронности возвышения империи монголов с теплыми и влажными годами на протяжении периода начальных завоеваний 1210-1225 гг. [5, с. 604]. Это могло стать одним из важных факторов улучшения условий жизни кочевников, роста поголовья животных и особенно лошадей [5, с. 609]. Отрадно, что эти выводы соотносятся с выдвинутым ранее российскими учеными тезисом о том, что генезис монгольской империи пришелся на пик увлажнения в степях Евразии [1].

Другое важное открытие палеоклиматологов, которое упоминает Ди Космо, это информация о чрезвычайно обильных снегопадах и весенних наводнениях в 1242 г., которые привели в превращению значительных территорий Паннонии в труднопроходимые болота. Это сказалось на мобильности и маневренности монгольских войск и снизило их наступательную эффективность [5, с. 620].

Третья часть из пяти глав рассматривает широкими мазками истории отдельных частей Монгольской империи, а также «краев», примыкавших к монгольской метрополии (М. Рассаби) и её постепенную трансформацию в специфическую периферию, включая Корейский полуостров (Д. Робинсон), Грузию и Кавказ (Л. Публици), Сибирь (Т. Оллсен), древнерусские княжества (Л. Лангер). Даже при поверхностном взгляде видно, что не представлен восточный хинтерланд – территория Забайкалья и Барги, где, по всей видимости,

располагались владения младших братьев Чингис-хана – Хасара и Темуге-отчигина. В целом, для этого раздела характерно слабое знание археологии на территории России и новых открытий в данной области.

Четвертая часть включает три главы, посвященные взаимоотношениям монголов с незавоеванными регионами – Европой (Н. Ди Космо), арабским Ближним Востоком (Р. Амитай) и Южной Азией (Т. Сен).

Заканчивает первый том эпилоговый раздел М.Бирани и Кима Ходона, имеющий подзаголовок «Монгольская империя, кочевая культура и мировая история». Редакторы монографии справедливо пишут, что Монгольская Империя стала своеобразным водоразделом в мировой всемирной истории [5, с. 852]. Она привела к крупным трансформациям в самых различных сферах от геополитики и экономики до культуры и религии. В известной степени монголы завещали инструментарий властных механизмов для евразийских империй будущего.

Редакторы снова обращаются к ключевой проблеме оценки вклада деяний Чингиз-хана и его преемников в мировой истории. Они полагают, что насилие и жестокость монголов имеют свое объяснение. Отчасти чрезмерные убийства являли собой средство компенсации за небольшую численность монголов в сравнении с жителями оседлых государств и стремление предотвратить сопротивление в своем тылу в будущем [5, с. 852]. С точки зрения общечеловеческого гуманизма – это объяснение так себе. Геноциду не может быть никаких оправданий.

Редакторы также полагают, что в некоторых случаях исламские хронисты сильно приукрасили злодеяния монголов, как, например, в случае с завоеванием Отрара в 1218 г. [5, с. 853]. Не берусь оценивать степень преувеличений мусульманских историков в их трактатах, но многие черепа отрубленных голов, найденных археологами, в Отраре – это неопровержимый факт. Понятно, что от XIII века прошло очень много времени, в отличие от зловещих акций холокоста и этнического геноцида прошлого столетия, и острота восприятия несколько подстерлась. Однако историки, в отличие от обычных жителей, должны помнить о всех событиях мировой истории, вне зависимости от давности времени и дать им верную оценку. Другой важный момент заключается в том, что потомки народов, участвовавших в данных событиях, продолжают существовать, и было бы категорически неправильно переносить обиды глубокой давности на современные межнациональные и политические отношения.

М. Биран и Ким Ходон принимают точку зрения, согласно которой, как только монголы поняли, что они могут больше получать от обложения завоеванных народов налогами, чем от обычного грабежа, они сознательно стали ограничивать террор и разрушения. Это было понятно уже во время царствования Угэдэя и стало очевидным при Мункэ [5, с. 853]. Они пишут, что некоторые крупные домонгольские центры урбанизма так и не оправались после монгольских завоеваний (Ургенч, Нишапур), тогда как другие (Самарканд, Багдад), несмотря даже на серьезные разрушения во время осады и штурма, получили новые стимулы для своего развития [5, с. 854]. Пышно расцвели столицы династии Юань в Китае – Шанду и Даду. Сюда можно добавить и новый появившийся на Волге урбанизационный центр того времени – столицы и города Золотой Орды.

Монгольские походы стимулировали масштабные миграционные процессы. Авторы выделяют различные варианты перемещения человеческих масс: военные походы и передвижения кочевников, миграции беженцев и вторичное заселение территории, переселение трудовых и интеллектуальных ресурсов, работоторговля и насильственные депортации [5, с. 855]. Следствием этого стала перспектива масштабных глобальных обменов и интеграции в евразийском пространстве. При этом главная линия взаимодействия развернулась между Китаем и исламским миром, что было обусловлено их способностью предложить монголами больше выгод и перспектив, чем это смогли бы дать другие потенциальные участники глобальных сетей коммуникаций [5, с. 858].

М. Бирани и Ким Ходон образно сопоставляют так называемое «татарское платье», вошедшее в моду в XIV в., с американскими синими джинсами, вошедшими в мировую культуру в середине прошлого столетия. Популярными для украшения неприхотливых юрт и палаток кочевников ковры и гобелены стали примерами высокой моды дворцов локальных элит от Тихого океана до Адриатики [5, с. 858]. Уже упоминалось влияние монголов на развитие картографии и создание мультязычных словарей. Сюда же следует добавить новый жанр историописания – сравнительную всемирную историю, ярчайшим примером которой является «Джами' ат-Таварих» Рашид ад-Дина.

Таким образом, подытоживают редакторы двухтомника, монголы, с одной стороны, беспощадно уничтожали многочисленные человеческие и культурные ресурсы, а, с другой стороны, создали условия для беспрецедентного развития глобальной сети торговых и культурных коммуникаций (с. 861). Они способствовали широкомасштабному распространению мировых религий и их миссионеров. При этом, ислам, как религия воинов и торговцев, получила наибольшие преференции от монгольских завоевателей. Она была принята чагатаидами, ильханами, в Золотой Орде, позднее в государстве Великих моголов. Нужно отметить и то, что мусульманская цивилизация уже имела немалый опыт ассимиляции кочевников в свою структуру [5, с. 861].

Монголы создали действенные средства управления огромной империей и среди них ямская служба, которая была заимствована в Минском и Цинском Китае, Сефевидском Иране, Московском государстве и просуществовала до XIX в. Система налогообложения и принципы денежно-кредитной политики в той или иной степени были приняты в Иране, Средней Азии и на Руси. Элементы военной организации монголов были заимствованы Минами и Москвой и использовались до повсеместного введения огнестрельного оружия [5, с. 868]. Распад Монгольского мира привел к последующим геополитическим сдвигам, часть из которых остается значимой и по сей день. В Китае центр власти переместился от Кайфына к Пекину, в исламском мире – от Багдада к Тебризу, в Восточной Европе – от Киева к Сарая, а затем к Москве, в Средней Азии от Баласагуна к Алмалыку [5, с. 870].

Монгольское наследие было глобальным в самых разных областях знания – географии, языкознании, торговле, астрономии и других точных науках, религиозных обменах, формировании новых этнических и религиозных общностей, международной торговли, включая возрастание значения морской торговли и др. [5, с. 872–873]. Монголы, полагают М.Бирани и Ким Ходон, убедительно доказали, вопреки древнекитайской мудрости, что империей возможно управлять, сидя на коне. Более того, последствия подобного

управления оказали огромное влияние на самые разнообразные сферы человеческой жизнедеятельности от экономики и торговли, до искусства и науки. Мы не должны оправдывать ни злодеяния, совершенные монгольскими кочевниками, ни отчасти сложившийся их кровавожадный образ, но мы должны помнить, что на протяжении XIII–XIV вв. они изменили мир, заложив фундамент для последующих изменений и современной глобализации [5, с. 873].

Второй том посвящен источникам по монгольской империи. Он состоит из двух частей и 21 главы. Первая часть – это подробный обзор письменных источников. Она включает 16 обстоятельных разделов. Имеет смысл перечислить их, а также авторов глав: персидские источники (Ч. Мелвилл), китайские источники (Б. Бирге и Сяо Лю), монгольские источники (Д. Кара), арабские источники (Р. Амитай и М. Биран), древнерусские источники (Д. Островски), латинские источники (П. Джексон), армянские источники (Д. Баярсайхан), грузинские источники (Р. Метревели), тюркские и чагатайские источники (Д. Девиз), тибетские источники (К. Коллмар-Пауленц), корейские источники (Ли Канхан), сирийские источники (П. Бурбон), уйгурские источники (Д. Мацуи), греческие источники (И. Вашари), тангутские источники (Р. Даннелл), еврейские источники (Н. Оханна-арон).

Вторая часть данного тома – это четыре главы, посвященные археологическим источникам (Монголия и Юань – Н.Шираиси, государство илханов – Т. Масуя, Золотая Орда – М.Крамаровский, Чагатайский улус – А.Пачкалов) и завершающий раздел Ш.Блэр и Ш.Мак-Коследн о визуальных источниках. К археологическому разделу, в силу профессиональной специализации, у меня больше всего претензий. Но данный вопрос выходит за рамки настоящей публикации.

Вне всякого сомнения, любой студент, приступающий к изучению средневекового монгольского общества, должен изучить этот двухтомник, прежде чем начнет свои самостоятельные изыскания. Вряд ли кто способен с одинаковой глубиной проанализировать все эти главы. Во всяком случае, в монголоведческом сообществе мне подобные полиглоты не известны.

Так или иначе, необходимо констатировать, что перед нами выдающийся труд, который на многие годы станет серьезным справочником для всех монголоведов и других исследователей, и даже просто интересующихся читателей с историей империи средневековых монголов. Полагаю, что любому специалисту, который занимается данной тематикой, было бы полезно иметь этот двухтомник на своей рабочей полке. Вместе с тем, история Монгольской империи – это чрезвычайно сложный объект исследования. Основные источники написаны на большом числе разных между собой языков (не случайно, редакторы решили объединить источниковедческие разделы, включая археологические и изобразительные источники, в отдельный том). Помимо английского языка существуют мощные монголоведческие школы в разных странах. Кроме Европы (и там далеко не все ученые пишут только по-английски) активные исследования ведутся в Китае, Монголии, России, Японии. Как минимум это следовало бы упомянуть в соответствующих главах двухтомника и показать вклад монголоведов разных стран в разработку тех или иных вопросов. В результате у читателя может сложиться впечатление, что все открытия в изучении Монгольской империи и самые выдающиеся работы были сделаны исключительно на английском языке.

Не буду долго и нудно перечислять имена выдающихся монголоведов из разных стран неанглоговорящего мира, отмечу только некоторые режущие глаз факты, касающиеся отечественной науки. Нигде не сказано, что вообще-то первый перевод на европейские языки главного источника по истории монголов «Монголын нууц төвчөө» («Юань чао би ши») был сделан в XIX в. П.И.Кафаровым (Архимандритом Палладием). О переводах данного уникального источника на разные языки вообще следовало бы остановиться более подробно. Походя указано, что первый перевод огромного сочинения Рашид ад-Дина [5, с. 888] был сделан на русский язык, а ведь это было выполнено еще в середине XX века фактически за полвека до Тэксона, переводом которого пользовались авторы рецензируемого двухтомника. Многие выдающиеся исследователи степного мира, например, Р. Груссе и П.Рачневский, использовали русский перевод в своих исследованиях. При описании изучения «Юань ши» нет ни слова о переводах на русский язык Н.Ц. Мункуева, также как о его переводах других источников (кроме «Мэн-да бэй-лу»), как и перевод «Хэй да ши люэ». Совершенно не упомянут перевод Р.П.Храпачевского [3] и в первую очередь его фундаментальный комментированный перевод глав из «Юань ши» о царствовании Хубилая (он вышел в 2019, а последние сноски в «Кембриджской истории» датируются 2022 и даже 2023 гг.).

Фундаментальная книга Б.Я. Владимирцова про общественный строй монголов упомянута только лишь один раз и только в списке литературы к одной из глав. По тексту на нее нет ни одной ссылки, хотя существует французский перевод этой книги [10]. Е.И. Кычанов упомянут в связи с его замечательными штудиями по тангутскому языку. О его вкладе в изучение империи монголов и Чингиз-хана не сказано ни слова. Т.Д. Скрынникова, совершившая антропологический переворот, – в понимании средневекового монгольского общества процитирована лишь несколько раз.

Впрочем, схожая ситуация и с оценкой вклада ученых иных стран – китайских, монгольских, японских, европейских. Можно перечислить много имен выдающихся монголоведов мирового масштаба, которые в двухтомнике даже не упомянуты. Если не читать ничего кроме «Кембриджской истории», то может сложиться впечатление, что изучением монгольской империи занимались только в англоговорящих странах. Про замечательный и уникальный источник на монгольском языке «Монголын нууц төвчөө» (у нас он больше известен в переводе С.А. Козина как «Сокровенное сказание монголов») описывается его изучение в основном в англоязычной историографии. Между тем существует огромное количество переводов этого текста на разные языки. Лучше бы рекомендовать для изучения данного источника замечательную вводную часть и комментарии И. де Рахевилца, где учтен огромный пласт литературы на самых разных европейских и восточных языках.

Почти не затронут вопрос о социальной организации и структуре монгольского общества. Это традиционно важный вопрос для отечественной историографии и российским ученым было бы интересно знать, какие мнения у авторов тома на этот счет. Признаюсь, когда я взял книгу в руки, первая мысль, которая пришла мне в голову, как там рассматриваются вопросы интерпретации таких важных социальных терминов, как *ирген*, *обок*, *богол*, *улус* и др. Я не нашел ни строчки в книге по данному поводу. Эта тематика, которой я посвятил многие годы исследований, и на эту тему мы написали с

Т.Д. Скрынниковой книгу «Империя Чингис-хана», первое издание которой вышло почти двадцать лет назад [2]. Мне также было чрезвычайно интересно, как трактуется в книге общественное устройство монголов до создания империи, как рассмотрены факторы и механизмы монгольского политогенеза. Увы, это тоже осталось за кадром.

Подобное отношение к весьма значимым вопросам историографии средневековой монгольской истории не может не вызвать разочарования. Создается впечатление, что у редакторов по какой-то причине имеется нелюбовь к дискуссиям на данную тему, поскольку они также не упомянули работы Д. Снита – главного провокатора начала нынешнего миллениума по вопросу о природе монгольской государственности [9].

Устарели тексты по истории археологических исследований. Современная археология развивается настолько быстрыми темпами, что следует только сожалеть, что последние открытия не оказались включены в данный фундаментальный том. Очень поверхностно описаны результаты археологических исследований Золотой Орды. В основном, это профессионально написанные искусствоведческие очерки. К сожалению, практически не учтено огромное количество опубликованных материалов по изучению золотоордынских городов и их систем расселения, планиграфии памятников, массовых археологических источников, представленных в работах отечественных исследователей.

Между тем большое количество информации на этот счет опубликовано в обобщающей коллективной монографии «Золотая Орда в мировой истории», которая была опубликована в 2017 г. на русском и на английском языках и доступна англоязычным читателями [11].

Несомненно, во втором томе следовало бы дать историографические очерки, посвященные хотя бы основным национальным научным школам в изучении Монгольской империи – монгольской, китайской, российской, японской, европейским. В той или иной степени в томах цитируются работы выдающихся европейских монголоведов – Л. Амбиса, Л. Лигети, П. Пеллио, Э. Хениша и др. Но даже не удостоился мимолетного упоминания выдающийся монгольский филолог, академик Ц. Дамдинсурэн и его трагическая судьба, связанная с первым литературным переводом «Монголын нууц товчоо» на современный монгольский язык. Известный японский монголовец Дз. Тамура был упомянут только в разделе, написанным японским археологом Н. Шираиси.

Возможно, кому-то покажется, что рецензент излишне придирчив к «Кембриджской истории Монгольской империи». Но мы привыкли к высоким стандартам мирового монголоведения, представленными замечательными примерами Н.Ц. Мункуева, И. де Рахевилца, Т. Оллсена. Поэтому хотелось бы, чтобы «Кембриджская истории Монгольской империи» отражала изучение этого важного этапа мировой истории не только в однополярном англоязычном пространстве, но и была бы ориентиром для всех монголоведов разных стран мира без исключения. Однако при всех высказанных здесь замечаниях, несомненно, что перед нами выдающийся, фундаментальный труд, который, без сомнения, займет почетное место на полке каждого монголоведа и на долгие годы станет актуальным и востребованным справочником по истории самой большой сухопутной империи в мировой истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект, 1995. 258 p.
2. Храпачевский Р.П. "Анналы Хубилая", главный источник по истории правления первого императора династии Юань. М., 2019. 744 с.
3. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература РАН, 2006. 557 с.
4. Biran M. Chinggis Khan. Oxford: Oneworld, 2007. 182 p.
5. Biran M., Kim Hodong (eds.). Cambridge History of the Mongol Empire. Vol. 1-2. Cambridge: Cambridge University Press. XXI, 1492 p.
6. Kim Hodong. The Mongol Empire and Korea: The Rise of Qubilai and the Political Status of the Koryŏ Dynasty. Seoul: Seoul National University Press 2007 (in Korean).
7. Maiorov A.V., Hautala R. (eds) The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural Relations. London and New York: Routledge, 2021. 524 p.
8. May T., Hope M. (eds) The Mongol World. London and New York: Routledge, 2022. 1067 p.
9. Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia. New York: Columbia University Press, 2007. 273 p.
10. Vladimirtsov B. Ya. Le Régime Social des Mongols: Le Féodalisme Nomade. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1948. 291 p.
11. The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 968 p.

REFERENCES

1. Ivanov I.V., Vasiliev I.B. Man, nature and land of the Ryn-sands of the Volga-Ural interfluvium in the Holocene. Moscow: Intellect, 1995. 258 p. (In Russian)
2. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. Chinggis Khan Empire. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2006. 557 p. (In Russian)
3. Khrapachevsky R.P. "Annals of Kublai", the main source of the history of the reign of the first emperor of the Yuan dynasty. Moscow, 2019. 744 p. (In Russian)
4. Biran M. Chinggis Khan. Oxford: Oneworld, 2007. 182 p.
5. Biran M., Kim Hodong (eds.). Cambridge History of the Mongol Empire. Vol. 1-2. Cambridge: Cambridge University Press. XXI, 1492 p.
6. Kim Hodong. The Mongol Empire and Korea: The Rise of Qubilai and the Political Status of the Koryŏ Dynasty. Seoul: Seoul National University Press 2007 (In Korean).
7. Maiorov A.V., Hautala R. (eds) The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural Relations. London and New York: Routledge, 2021. 524 p.
8. May T., Hope M. (eds) The Mongol World. London and New York: Routledge, 2022. 1067 p.
9. Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia. New York: Columbia University Press, 2007. 273 p.
10. Vladimirtsov B. Ya. Le Régime Social des Mongols: Le Féodalisme Nomade. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1948. 291 p. (In French)
11. The Golden Horde in World History. A Multi-Authored Monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 968 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Николаевич Крадин – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (690001, ул. Пушкинская, 89, Владивосток, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-1024-6285, ResearcherID: G-7020-2016, Scopus Author ID: 6507708895, SPIN-код: 5944-7761. E-mail: kradin@ihaefe.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay N. Kradin – Dr. Sci. (History), Professor, Member of Russian Academy of Sciences, Director, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Far East Peoples, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (89, Pushkinskaya Str., Vladivostok 690001, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1024-6285; ResearcherID: G-7020-2016, Scopus Author ID: 6507708895, SPIN code: 5944-7761. E-mail: kradin@ihaefe.ru

Поступила в редакцию / Received 28.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 10.08.2025

Принята к публикации / Accepted 25.09.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.629-639>
EDN: LKHBZM

УДК 930

ИСТОРИЯ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В РАБОТАХ Ж. ДЕ ГИНЯ И П.-Ш. ЛЕВЕКА

*И.М. Габдрафиков*¹ ✉, *И.В. Кучумов*²

¹ *Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Российская Федерация*

² *Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация
✉ ildargab@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: в статье анализируются разделы книг французских историков Жозефа де Гиня (1721–1800) и Пьера-Шарля Левека (1736–1812), посвященные Золотой Орде.

Материалы исследования: книги «Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных тартар... Сочинение господина Ж. де Гиня... сделанное на основе китайских книг и восточных манускриптов из Королевской библиотеки...» (1757) и «История Российская» (1812) П.-Ш. Левека.

Результаты и научная новизна: в XVIII в. во Франции были опубликованы два крупных труда, в которых излагалась история Золотой Орды. Это были «Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных тартар...» востоковеда Жозефа де Гиня и «История Российская» Пьера-Шарля Левека. В них впервые вводились в научный оборот сведения об истории Золотой Орды и других тюрко-татарских государств Восточной Европы XIII–XV вв. К сожалению, научное наследие и де Гиня, и Левека было на Западе забыто и только в последнее время интерес к нему начал расти. Де Гинь использовал источники на восточных языках, Левек – преимущественно на русском языке. Это повлияло на особенности описания ими монгольского нашествия на страны Восточной и Центральной Европы. Восточные источники не позволили де Гиню дать подробную и точную хронологию монгольских завоеваний, истории Золотой Орды и ее преемников. Напротив, Левек впервые в западной историографии привлек широкий круг документов на русском языке, с которыми он ознакомился во время пребывания в России. История Золотой Орды и последующих тюрко-татарских государств изложена Леveckом достаточно подробно и для своего времени в целом точно. Кроме того, Левек консультировался с российскими историками. Важное значение имеет попытка этого ученого использовать фактический материал по истории русско-ордынских отношений для уточнения и дополнения существовавших в его время концепций межцивилизационного взаимодействия.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, историография, Жозеф де Гинь, Пьер-Шарль Левек

© Габдрафиков И.М., Кучумов И.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Габдрафиков И.М., Кучумов И.В. История монгольских завоеваний и Золотой Орды в работах Ж. де Гиня и П.-Ш. Левека // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 629–639. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.629-639>
EDN: LKHBZM

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН № 1022040500508 1-6.1.1 «Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие этнических групп в республиках Урало-Поволжья (на примере Республики Башкортостан)».

THE HISTORY OF THE MONGOL CONQUESTS AND THE GOLDEN HORDE IN THE WORKS OF J. DE GUIGNES AND P.-CH. LEVESQUE

*I.M. Gabdrāfikov*¹ ✉, *I.V. Kuchumov*²

¹*N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

²*R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation
✉ ildargab@yandex.ru*

Abstract. Research objectives: This article analyzes sections of books by French historians Joseph de Guignes (1721–1800) and Pierre-Charles Levesque (1736–1812) devoted to the Golden Horde.

Research materials: The books “Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux...” (1757) by Joseph de Guignes and the “Histoire de Russie” (1812) by Pierre-Charles Levesque.

Results and scientific novelty: In the 18th century, two major works were published in France that described the history of the Golden Horde. These were the “Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux...” by the orientalist Joseph de Guignes and the “Histoire de Russie” by Pierre-Charles Levesque. For the first time, they introduced into scientific circulation some information about the history of the Golden Horde and other “Tatar” states of Eastern Europe of the 13th–15th centuries. Unfortunately, the scientific legacy of both de Guignes and Leveque has been forgotten in the West, and only recently has interest in it begun to return. De Guignes used sources in Oriental languages, while Leveque used materials mainly in Russian. This influenced the specifics of their description of the Mongol invasion of the countries of Eastern and Central Europe. Eastern sources did not allow de Guigne to give a detailed and accurate chronology of the Mongol conquests, the history of the Golden Horde, and its successors. On the contrary, Leveque was the first in Western historiography to draw on a wide range of documents in Russian, which he learned during his stay in Russia. The history of the Golden Horde and subsequent “Tatar” states is described by Leveque in sufficient detail and accurately enough for his time. In addition, Leveque consulted with Russian historians. It is important to note that this scholar tried to use factual material on the history of Russian-Mongolian relations to clarify and supplement the concepts of inter-civilizational dialogue that existed in his time.

Keywords: Golden Horde, Jochi Ulus, historiography, Joseph de Guignes, Pierre-Charles Levesque

For citation: Gabdrafikov I.M., Kuchumov I.V. The history of the Mongol conquests and the Golden Horde in the works of J. de Guignes and P.-Ch. Levesque. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 629–639. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.629-639> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out within the state assignment of the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, theme No. 1022040500508 1-6.1.1 “Socio-economic adaptation and social well-being of ethnic groups in the republics of the Ural-Volga region (on the example of the Republic of Bashkortostan)”.

Насколько актуальна сегодня историография эпохи Просвещения? Представляет ли она сейчас научную ценность? Что знали европейские просветители XVIII в. о татарах и о Золотой Орде, и есть ли необходимость обращаться к их работам на эту тему в наши дни?

Мы думаем, что наши заметки позволяют в определенной мере ответить на эти вопросы, тем более что, как показал в недавней работе французский исследователь Матье Шошуа, эта тема недостаточно изучена и в мировой науке [10, p. 15].

Выбор для анализа именно французской историографии был обусловлен тем, что именно она в то время лидировала в изучении заявленной темы [10, p. 5]. Интерес к Востоку, к татарам, в том числе и в широком значении этого термина, во французской интеллектуальной среде был достаточно большой. Расширение торговых связей Франции в XVIII в., особенно с Левантом, ее дипломатические и политические интересы в Персии, Индии, Китае и Сиаме привели к определенной «ориентализации» этой европейской страны, породив множество гибридных культурных практик и повлияв на нравы, повседневную жизнь, экономическую политику, торговлю и промышленность французов. Кабинеты диковинок, коллекции предметов, книг, рукописей, экзотических растений и цветов принесли не только эпистемологические инновации, но и ориентализовали европейцев и изменили их потребительские привычки. При этом рождение французского ориентализма, как отмечает его исследователь Ина Багдианц Маккейб, «было долгим и сложным процессом, который не всегда был заказан напрямую, профинансирован или даже спровоцирован французским двором» [9, p. 2, 7]. Важную роль в развертывании востоковедческих исследований играли созданная в 1666 г. Французская академия и другие королевские научные учреждения востоковедческого профиля [9, p. 101–136].

Одним из направлений изучения Востока во Франции того времени была история монголов и их завоеваний. Этой теме были посвящены сочинения П.-Ж. Орлеанского «История двух татарских завоевателей, покоривших Китай» (1688 г.), Ф. Пети де ла Круа «История великого Чингис-хана» (1710 г.) А. Гобиля «История Чингис-хана и монгольской династии в покоренном Китае» (1739 г.), К. де Висделу «История Татарии» (1777–1779 гг.) и т.д. Эти труды, как верно заметил кратко упомянувший их в своем ценном историографическом обзоре О.В. Лушников (к сожалению, неточно указавший имя одного автора и название его работы), были основаны преимущественно на восточных (китайских и персидских) источниках или являлись компиляциями [6, с. 13–14].

Подлинным прорывом в изучении проблемы стали труды французов Жозефа де Гиня (1721–1800) и Пьера-Шарля Левека (1736–1812). Труд первого, выдающегося ориенталиста, «Всеобщая история гуннов, тюрок, монголов и других западных тартар... Сочинение господина Ж. де Гиня... сделанное на основе китайских книг и восточных манускриптов из Королевской библиотеки...» (1756–1758), М. Шошуа назвал «настоящим шедевром историографии». Крупный советский востоковед А.Ю. Якубовский писал, что «заслуги Дегиня (он употребляет это имя в таком написании. – Авт.) приходится признать еще и потому, что он уже в середине XVIII в. познакомил читателей, более или менее правильно, с главными событиями, которые происходили со времени борьбы за сложение монгольского государства и до Тимуридов» [8, с. 34]. Однако сегодня Ж. де Гинь оказался забыт [10, р. 205, 208] и лишь недавно М. Шошуа предпринял попытку вернуть его имя в историю мирового востоковедения. В свою очередь, Л. Вульф оценил «Историю Российскую» видного антиковеда, медиевиста и ведущего знатока русского прошлого П.-Ш. Левека как исторический шедевр французского Просвещения [1, с. 428].

Как следует из названия произведения Ж. де Гиня, ученый пользовался фондами Королевской библиотеки Франции (ныне Национальная библиотека; имена наиболее часто цитируемых им авторов см. [10, р. 217–218]), в которой хранилось множество восточных рукописей и отчетов о путешествиях [9, р. 116]. В целом, использованные Ж. де Гинем источники – преимущественно, китайские и арабские – были уже известны, персидские он привлекает реже. Русским языком ученый не владел и поэтому соответствующие материалы не учитывал. Единственное исключение в этом отношении составила «Степенная книга» – один из крупнейших памятников русской исторической литературы XVI в., повествующий о русской истории с древнейших времен до 1560-х гг. Впервые она была издана только в 1775 г. Фрагменты переводов из нее, к сожалению, неточные, Ж. де Гинь получил от французского астронома Ж.-Н. де Лиля, одно время работавшего в России [10, р. 223–224]. Интересующий нас материал находится в 3-м томе сочинения Ж. де Гиня [11].

В своем труде ученый разделял татар на восточных и западных. Согласно ему, последние сыграли особую роль в истории не только Азии, но и Европы. Изложение хода похода хана Бату в Европу идет у автора параллельно с описанием завоевания монголами Китая [11, р. 95–102]. Источниками для рассказа о завоеваниях монголов на западе служат сочинения Абулгази-Бахадур-хана, Плано Карпини, китайские документы, а также работы ближайших предшественников, в частности, того же Гобиля. Начинает Ж. де Гинь с повествования о захвате Поволжья, затем переходит к нашествию на Русь и походу в страны Восточной и Центральной Европы. Однако история Золотой Орды представлена у него предельно кратко – это свидетельствовало о том, что на одних восточных источниках воссоздать ее невозможно. Удивляет хронология, которой придерживается ученый. Согласно вынесенным, как тогда было принято и в Европе, и в России, на поля датумов, поход войск Бату на Поволжье и затем на западные земли, включая Русь, происходил... в 1235 г. Объясняется это особенностями задействованного Ж. де Гинем комплекса источников: персидские и особенно китайские сочинения о монголах и Золотой Орде, как правило, чрезвычайно скупы на даты. Хронология событий у Ж. де Гиня в основном становится корректной, начиная с рассказа о событиях, произошедших после

возвращения монголов из западного похода, но и в ходе дальнейшего повествования она не оказывается без изъянов.

Гораздо более успешным в этом отношении был опыт Левека – первого западного исследователя, который широко использовал источники по истории Золотой Орды на русском языке (подробнее о нем см. [2; 3; 4; 6]). В четвертом издании его многотомной «Истории Российской» (1812 г.) покорению монголами Восточной Европы и созданным ими на ее территории государственным образованиям посвящено 283 страницы 2-го тома. Анализируя этот раздел сочинения Левека, следует учитывать, что научное изучение данной проблемы в мировой науке тогда только начиналось, поэтому автор, как и его соотечественник Ж. де Гиня, имел возможность пользоваться очень ограниченным кругом документов.

В отличие от Ж. де Гиня, никакой помощи Левеку Королевская библиотека Франции оказать не могла. «Французу, – писал Левек, – не удастся написать русскую историю, сидя в парижском кабинете или погрузившись в наши крупнейшие книгохранилища, где он вряд ли найдет что-то полезное. Поэтому ему придется отправиться в Россию, посвятить несколько лет кропотливой и утомительной работе, выучить не только современный русский язык, но и древнерусское наречие, на котором написаны летописи, сделать выписки из трудных для понимания книг, сухо излагающих ничем не приукрашенную и предстающую в своей самой неприглядной наготе правду, отыскать ветхие манускрипты, написанные отвратительно неразборчивым почерком, избоблюющие многочисленными сокращениями, орфографическими ошибками и описками переписчиков. Только после этого можно приступить к написанию собственного труда» [12, р. 7–8].

В соответствии с традициями российской науки XVII–XVIII и отчасти XIX вв. (Н.М. Карамзин и др.), изложение истории русско-ордынских отношений (именно этот ракурс превалирует в сочинении Левека) ведется ученым по годам правления русских князей. В Европе того времени этот метод уже во многом выглядел архаично. В частности, от него отказался Ж. де Гиня. Основными источниками для Левека были «Скифская история» А.И. Лызлова, две «Истории Российские» – В.Н. Татищева и М.М. Щербатова, «Опыт казанской истории древних и средних времен» П.И. Рычкова, а также русские летописи. Все они были опубликованы в России буквально за несколько лет до начала работы Левека над этой темой. Из иностранных работ он использовал «Родословное древо тюрок» Абулгази-Бахадур-хана и указанный труд Ж. де Гиня. Как видим, комплекс материалов крайне невелик. Впрочем, чего-то большего наука в то время предложить не могла. Однако, несмотря на это, Левек не только сумел последовательно изложить историю русско-татарских отношений, но и сделать ряд важных теоретических обобщений.

Если для Ж. де Гиня история Восточной Европы XIII–XV вв. – это больше история татарских государств, то у Левека на первом месте все же стоит Русь. Использование в основном русских источников сказалось на общей оценке ученым ситуации в этом регионе в рассматриваемое время – несмотря на ряд новаций, она во многом не выходит за рамки существовавших до недавнего времени в российской историографии односторонних трактовок золотоордынского периода истории.

Это надо иметь в виду, потому что, например, М. Шошуа несколько упрощенно подходит к оценке Левеком монгольских завоевателей: «Неудивительно, что для автора, пишущего на основе русских источников, монголы были “жестокими”, убивали безоружное население, которое пришли покорять, и грабили “все города”». Отсюда современный французский исследователь делает вывод, что «оригинальность Левека заключается не в его прочтении монгольской истории, а в предложенной им интерпретации правления Тамерлана» [10, р. 25]. М. Шошуа верно подметил, что в интерпретации Левека Тамерлан выглядит как положительный персонаж, спаситель (и, как пишет Левек, «виновник возрождения») Руси и Византийской империи. Однако требование, которое М. Шошуа предъявляет к жившему в XVIII в. Левеку, – знать нюансы этнической принадлежности Тамерлана и Токтамыша – вызывает, по меньшей мере, недоумение [10, р. 255–256]. Впрочем, столь же игнорирующими принцип историзма выглядят и его аналогичные претензии к Ж. де Гиню (см. [10, р. 226–227]).

Левек, идя против существовавшей до и после него историографической традиции, указывает, что название татарского народа (под ним он, скорее всего, подразумевал тюркское население преимущественно Восточной Европы) следует писать «татары», «ибо так называет его татарский князь Абулгази-Баядур, и его переводчики тоже придерживались этого варианта. Европейцы же пишут – “тартары”» [13, р. 56–57].

Ж. де Гинь и Левек примерно одинаково оценивают период татарского доминирования на территории Восточной Европы. Однако, с точки зрения сегодняшнего дня, это не главное в их произведениях: в условиях почти тотального господства европоцентризма требовать от авторов XVIII в. чего-то иного нельзя. Ценность их работ заключается в том, что они предоставили социологам эпохи Просвещения, которых тогда именовали философами, дополнительный, внеевропейский материал, который мог использоваться для доказательства возникших тогда теорий эволюции человеческого общества. Но если труд Ж. де Гиня был преимущественно первоисточником для такого рода построений, то Левек использовал выявленные им сведения по истории русско-татарских отношений, чтобы высказать собственные соображения об особенностях межцивилизационного взаимодействия. Серьезный анализ этой стороны творчества Левека проделал британский историк Рето Спек [14, р. 142–144]. Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с его активным стремлением приравнять этого ученого к Монтескьё, энциклопедистам и Вольтеру. На страницах своей «Истории Российской» Левек все же выступает не как теоретик, а как добросовестный фактограф, подробно описывающий историю русско-татарских отношений на основе неизвестных ранее на Западе источников, хотя определенных попыток теоретизирования отрицать у него нельзя.

Причины поражения и, шире, гибели Древней Руси он видит в ее феодальной раздробленности, некомпетентности князей, незнании ими военной тактики монгольских завоевателей. «До этого Русь, – пишет Левек, – имела дело с врагами, то побеждая их, то терпя поражение, но всегда знала, как с ними нужно воевать. Теперь же она оказалась неспособной противостоять народу, завоевавшему почти всю Азию, воинам, стремительным в нападении и легко обращающимся в бегство лишь для того, чтобы затем нанести сокрушительный удар, мгновенно исчезающим и тут же появляющимся вновь, чтобы атаковать

еще ожесточеннее» [13, р. 50]. Впрочем, у Руси была возможность избежать нашествия, если бы, по мнению Левека, монголы захватили Дербент – тогда, мол, они не погнались бы за половцами и не пришли бы к русским границам [13, р. 60].

Левек впервые в западной литературе описал ход монгольского нашествия на Русь, дальнейшую политику завоевателей, международные отношения того времени. Вкратце он рассказал о некоторых обычаях монголов – коленопоклонении, очищение огнем гостей хана и т.д. [13, р. 106–107]. Ученый приводит биографические сведения о золотоордынских ханах – их на страницах его сочинения присутствует целая плеяда. Не выходя сильно за рамки представлений о монголо-татарах как о жестоких завоевателях, Левек вместе с тем впервые в европейской историографии отказывается от их характеристики как кровожадных варваров. Он обращает внимание на веротерпимость золотоордынских правителей [13, р. 168–169]. Завоеватели в его представлении, которое, очевидно, опирается на критический анализ значительного объема прежде всего русских летописей, – это сложный феномен.

Ученый показывает насколько неоднозначным было правление ханов Золотой Орды землями Руси и приводит немало примеров того, что сегодня называют синтезом цивилизаций. Левек отмечает, что степень угнетения татарами русских князей в историографии (преимущественно, западноевропейской) явно преувеличена [13, р. 124]. Сообщая о брачных союзах русских удельных правителей с татарами, он задается вопросом: «если бы русские князья находились в столь униженном положении, как описывают иноземные авторы, то были бы возможны такие браки?» [13, р. 170]. Жестокие расправы завоевателей над покоренным населением ученый зачастую объясняет незнанием русскими князьями обычаев и менталитета татар [13, р. 107–108]. В то же время Левек не замалчивает коварства борющихся за власть русских удельных князей, готовых ради этого совершать любые преступления против своих соотечественников. Тем самым он подводит читателя к мысли, что поведение золотоордынских ханов не было чем-то из ряда вон выходящим и имело аналоги в деяниях подвластных им правителей Руси. В этих своих рассуждениях ученый намного опередил свое время.

Особенности взаимодействия различных цивилизаций и его последствия – одна из узловых тем, которая вызвала большой интерес у европейских мыслителей XVIII в. Вольтер, Монтескьё, И. Гердер и многие их современники опубликовали немало работ на эту тему. Проблема взаимодействия государств и культур Европы в античности, Средневековье и в Новое время проходит через все творчество Левека, поэтому он не мог остаться в стороне от обсуждения этого животрепещущего вопроса. Тем более, что Левек располагал уникальными материалами, которыми на тот момент не владел ни один европейский мыслитель, – это были источники по истории России. Он блестяще распорядился ими, познакомив западную публику с прошлым страны, о которой в Европе знали очень мало, а также обогатил просветительские теории развития человечества и межкультурного взаимодействия. Практически одновременно с публикацией своей «Истории Российской» (1782) Левек издал «Историю народов, подвластных России», в которой не только показал этнокультурное многообразие России, но и попытался включить его в активно разрабатывавшуюся тогда европейской научной мыслью теорию всемирно-исторического процесса.

Это позволило ученому, обладавшему обширными знаниями по всемирной истории, провести сравнение традиционных культур Северной Евразии с античностью, коренным населением Нового Света и Океании и вписать «народы, подвластные России», в контекст поступательного развития человечества [5].

Взгляды Левека на сущность татарского владычества на Руси в корне отличались от распространенных в то время представлений о последствиях завоеваний цивилизованных народов варварами. Согласно Р. Спеку, в эпоху Просвещения получили распространение две основные модели, показывающие, к чему приводят вторжения варваров, и обе они были использованы Вольтером в его известном труде «Опыт о нравах и духе народов» (1756) [14, р. 142].

Первая модель исходила из опыта падения Западной Римской империи, когда угасающая цивилизация подверглась нашествию варваров и была ими полностью уничтожена, однако ее завоеватели впоследствии стали частью цивилизованного мира. Вторая модель основывалась на примере Китая, который неоднократно подвергался нападениям кочевых племен центральноазиатских степей и оказывался в их власти. Однако, согласно Вольтеру, это не привело к уничтожению древней цивилизации, а вторгавшиеся в нее варвары со временем растворились среди китайцев и быстро цивилизовались.

Таким образом, согласно первой модели, история представляет собой череду сменяющих друг друга цивилизаций, которые в процессе своего развития приходят в упадок и уступают место более развитым. В соответствии со второй концепцией, отсутствие прогресса в развитии Китая свидетельствовало о том, что испытав разрушительные вторжения варваров, устойчивая цивилизация неизменно возвращается в прежнее состояние.

Левек считал, что обе эти теории не подходят для оценки последствий монголо-татарского завоевания Руси. По его мнению, монголам не удалось искоренить первые ростки русской цивилизации, однако при этом сами завоеватели не стали цивилизованными. Их вторжение не стимулировало на Руси исторический прогресс, но и не вызвало длительного застоя. Согласно Левеку, Россия динамично развивалась еще до нашествия монголов, и после их изгнания этот процесс был продолжен. Таким образом, татарское завоевание является примером третьей возможной модели последствий межцивилизационного взаимодействия, при которой варварское нашествие приводит к временной приостановке развития цивилизованной страны, однако оно возобновляется сразу же после устранения этого внешнего фактора.

Левек использовал собственный анализ нахождения Руси под властью Золотой Орды и ее наследников для выявления причин отставания России от Европы. С помощью него он пытался понять фундаментальные признаки русской цивилизации, объяснить закономерность реформ, которые осуществляли не только Петр, но и его предшественники, начиная с Ивана III, а то и раньше. По мнению Левека, период татарского господства мало сказался на русских. Да, между ними и их хозяевами существовал определенный культурный обмен. Да, русские действительно позаимствовали отдельные повадки и обычаи своих завоевателей, но в целом изменения в русской культуре были поверхностными, случайными и не сильно на ней отразились. Период татарского господства, по сути, лишь приостановил поступательное развитие России. Конечно, продолжались междоусобицы, локальные конфликты и захват территорий соседей – все

это подробно описано у Левека. Однако в культурном и социально-экономическом отношении на Руси имел место временный застой, но не упадок.

Вывод Левека о том, что татарское завоевание замедлило (но не остановило!) прогресс Руси, позволил ему объяснить причины ее частичного отставания от Европы, начавшегося в XIV веке. Временная стагнация Русского государства практически совпала с бурным расцветом европейских стран. Левек считал крестовые походы важнейшим, переломным, хотя и полным парадоксов событием в истории Европы. По его мнению, они привели к избавлению Европы от варварства и постепенному переходу к цивилизации. Вслед за Вольтером, Левек полагал, что крестовые походы сыграли важную роль в ликвидации европейского феодализма. Многие знатные рыцари, отправляясь в походы, были вынуждены продавать свои владения королям. В то же время возникали вольные города, а контакты и торговля с цивилизованным Константинополем, с арабами в Испании и на Святой земле расширялись. Однако эти события, по мнению Левека, не затронули Русь, находившуюся в то время под властью завоевателей. Феодальная раздробленность страны лишь усилилась, а внешние связи ограничивались владениями ее «варварских» хозяев на юге и отсталыми Литвой и Польшей на западе.

Таким образом, французское Просвещение сформировало базу из восточных и русских письменных источников, позволившую воссоздать историю Восточной Европы периода Золотой Орды, а также использовать эти материалы для теоретических обобщений историософского характера. Крупные работы де Гиня и Левека были серьезным вкладом в изучение истории Восточной Европы эпохи Средневековья, они впервые вводили в научный оборот значительный массив новых документов. К сожалению, этот опыт в Европе был быстро забыт. В дальнейшем изучение этой проблемы на Западе было начато фактически заново и недостаточно учитывало сделанное предшественниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
2. Ильиченко Э.В. Русско-французские культурные и научные связи второй половины XVIII века: Пьер-Шарль Левек: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. 22 с.
3. Кучумов И.В., Мельник Э.В., Сахибгареева Л.Ф. Пьер-Шарль Левек – французский исследователь истории и этнографии России // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 153–161.
4. Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф. Предшественник Н.М. Карамзина: П.-Ш. Левек как историк России // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2024. Вып. 88. С. 337–352. DOI: 10.21267/AQUILO.2024.88.88.024
5. Левек П.-Ш. История народов, подвластных России / экспериментальный пер. с фр. Л.Ф. Сахибгареевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 477 с. (Studiosum slavicozum orbis; вып. 11).
6. Лушников О.В. Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. 116 с.
7. Свердлов М.Б. Российская историография второй половины XVIII века. СПб.: Нестор-История, 2022. 537 с.

8. Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов X–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. Вып. 1. С. 65–88.

9. Baghdiantz-MacCabe In. *Orientalism in Early Modern France: Eurasian Trade, Exoticism, and the Ancien Régime*. Oxford; New York: Berg, 2008. 416 p.

10. Chochoy M. *De Tamerlan à Gengis Khan. Construction et déconstruction de l'idée d'empire tartare en France du XVIe siècle à la fin du XVIIIe siècle*. Leiden; Boston: Brill, 2021. 332 p.

11. Guignes J. de. *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux...* Paris: Desaint et Saillant, 1757. T. 3. 569 p.

12. Levesque P.-Ch. *Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe*. 4. éd. Paris: Fournier; Ferra, 1812. T. 1. 371 p.

13. Levesque P.-Ch. *Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe*. 4. éd. Paris: Fournier; Ferra, 1812. T. 2. 382 p.

14. Speck R.P. *The History and Politics of Civilisation: the Debate about Russia in French and German Historical Scholarship from Voltaire to Herder*. London: Queen Mary University, 2010. 295 p. (unpublished dissertation, PhD).

REFERENCES

1. Vul'f L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 560 p. (In Russian)

2. Ilichenko E.V. *Russian-French Cultural and Scientific Relations of the Second Half of the 18th Century: Pierre-Charles Levesque: Synopsis of a Thesis for the Degree of Candidate of Historical Sciences*. Saratov, 2011. 22 p. (In Russian)

3. Kuchumov I.V., Melnik E.V., Sahibgareeva L.F. Pierre-Charles Levesque – French Researcher of Russian History and Anthropology. *Voprosy istorii=Questions of History*. 2016, no. 10, pp. 153–161. (In Russian)

4. Kuchumov I.V., Sahibgareeva L.F. N.M. Karamzin's Predecessor: P.-Ch. Levesque as a Historian of Russia. *Dialogue with Time: Almanac of Intellectual History*. 2024, iss. 88, pp. 337–352. DOI: 10.21267/AQUILO.2024.88.88.024 (In Russian)

5. Levek P.-Sh. *History of the Peoples Subject to Russia / Experimental Translation from French by L.F. Sahibgareeva*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2016. 477 p. (Studiorum slavlicorum orbis; 11). (In Russian)

6. Lushnikov O.V. *The Mongol Empire in the Historiography of the 18th–20th Centuries*. Kazan: Fan Publishing House, 2009. 116 p.

7. Sverdlov M.B. *Russian Historiography of the Second Half of the 18th Century*. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 537 p. (In Russian)

8. Yakubovskiy A.Yu. *From the History of Mongol Studies (10th–13th Centuries). Essays on the History of Russian Oriental Studies*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1953. Vol. 1, pp. 65–88.

9. Baghdiantz-MacCabe In. *Orientalism in Early Modern France: Eurasian Trade, Exoticism, and the Ancien Régime*. Oxford; New York: Berg, 2008. 416 p. (In French)

10. Chochoy M. *De Tamerlan à Gengis Khan. Construction et déconstruction de l'idée d'empire tartare en France du XVIe siècle à la fin du XVIIIe siècle*. Leiden; Boston: Brill, 2021. 332 p. (In French)

11. Guignes J. de. *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux...* Paris: Desaint et Saillant, 1757. Vol. 3. 569 p. (In French)

12. Levesque P.-Ch. *Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe*. 4. éd. Paris: Fournier; Ferra, 1812. Vol. 1. 371 p. (In French)

13. Levesque P.-Ch. *Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe*. 4. éd. Paris: Fournier; Ferra, 1812. Vol. 2. 382 p. (In French)

14. Speck R.P. The History and Politics of Civilisation: the Debate about Russia in French and German Historical Scholarship from Voltaire to Herder. London: Queen Mary University, 2010. 295 p. (unpublished dissertation, PhD).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильдар Махмутович Габдрафиков – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (119334, Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-1666-519X. E-mail: ildargab@yandex.ru

Игорь Вильсович Кучумов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (450077, ул. Карла Маркса, 6, Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4814-8317. E-mail: ivku@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ildar M. Gabdrafikov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Distributed Research Center for Interethnic and Religious Problems, N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Avenue, Moscow 119334, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1666-519X. E-mail: ildargab@yandex.ru

Igor V. Kuchumov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (6, Karl Marx Str., Ufa 450077, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4814-8317. E-mail: ivku@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 13.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 17.08.2025

Принята к публикации / Accepted 01.09.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.640-655>
EDN: MAWNPV

УДК 902(094), 726

**ДВА МАВЗОЛЕЯ В СЕЛЕНИИ МАСЛОВ КУТ:
К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ КРЫМСКОГО ХАНСТВА
И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Э.Д. Зиливинская

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Российская Федерация
eziliv@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: рассмотреть данные о мавзолеях в селении Маслов Кут в окрестностях Маджара.

Материалы исследования: два рисунка XVIII в., на которых изображены мавзолеи различных типов, расположенные в селе Маслов Кут.

Результаты и научная новизна: в работе проанализированы архитектурные особенности двух погребальных сооружений. Мавзолеем на акварели художника М.М. Иванова относится к беспортальным кубическим мавзолеям с круглым барабаном и коническим куполом. Такая форма типична для мавзолеев Золотой Орды. Подобные здания известны, в частности, на расположенном рядом Маджаре. Рисунок из сочинений П.С. Палласа принадлежит авторству итальянского архитектора А.П. Дигби. Восьмигранный мавзолеем, изображенный на нем, трактуется не однозначно. Основываясь на рисунке надгробия с куфической надписью, ряд исследователей датируют его XI–XII вв. и считают, что его воздвигли половцы-мусульмане. Другие авторы относили его к корпусу золотоордынских построек. В работе подробно рассматривается архитектура этого здания и делается вывод о том, что он является примером османского зодчества. Подобные мавзолеи известны как в Малой Азии, так и в Крыму. Связи Крымского ханства с Западным и Северным Кавказом хорошо известны по письменным источникам. Возможно, восьмигранный мавзолеем в Масловом Куте является еще одним свидетельством этих связей. Наличие в одном месте как минимум двух мавзолеев, относящихся к разным эпохам позволяет сделать вывод о том, что здесь существовал мусульманский некрополь на протяжении нескольких веков. Возможно, здесь находилось почитаемое мусульманами «святое место».

Ключевые слова: Северный Кавказ, Золотая Орда, Маджар, мавзолеи, архитектура, османы, Малая Азия, Крымское ханство

Для цитирования: Зиливинская Э.Д. Два мавзолея в селении Маслов Кут: к вопросу о связях Крымского ханства и Северного Кавказа // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 640–655. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.640-655>
EDN: MAWNPV

© Зиливинская Э.Д., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Благодарность: публикуется в соответствии с планами НИР Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН «Закономерности популяционной дифференциации человечества в пространстве и времени».

**TWO MAUSOLEUMS IN THE MASLOV KUT VILLAGE:
ON THE QUESTION OF THE CONNECTIONS
OF THE CRIMEAN KHANATE AND THE NORTH CAUCASUS**

E.D. Zilivinskaya

*N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
eziliv@mail.ru*

Abstract. Research objectives: To examine data on mausoleums in the Maslov Kut village in the vicinity of Madzhar.

Research materials: Two 18th-century drawings depicting mausoleums of various types located in the Maslov Kut village.

Results and scientific novelty: This work analyzes the architectural features of two burial structures. The mausoleum in the watercolor by artist M.M. Ivanov belongs to the type of portalless cubic mausoleums with a round drum and a conical dome. This form is typical for the mausoleums of the Golden Horde. Similar buildings are known, in particular, in nearby Madjar. The drawing from the works of P.S. Pallas belongs to the authorship of the Italian architect, A.P. Digby. The octagonal mausoleum depicted on it is interpreted ambiguously. Based on the drawing of the tombstone with a Kufic inscription, a number of researchers date it to the 11th–12th centuries and believe that it was erected by Muslim Polovtsians. Other authors attributed it to the corpus of Golden Horde buildings. The work examines the architecture of this building in detail and concludes that it is an example of Ottoman architecture. Similar mausoleums are known both in Asia Minor and in Crimea. The Crimean Khanate's ties with the Western and Northern Caucasus are well known from written sources. Perhaps the octagonal mausoleum in Maslov Kut is further evidence of these ties. The presence of at least two mausoleums in one place, dating back to different eras, allows us to conclude that a Muslim necropolis existed there for several centuries. Perhaps, a "holy place" revered by Muslims was located there.

Keywords: Northern Caucasus, Golden Horde, Madjar, mausoleums, architecture, Ottomans, Asia Minor, Crimean Khanate

For citation: Zilivinskaya E.D. Two mausoleums in the Maslov Kut village: on the question of the connections of the Crimean Khanate and the North Caucasus. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 640–655. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.640-655> (In Russian)

Acknowledgements: This work is published in accordance with the research program “Patterns of the Population Differentiation of Humanity in Space and Time” of the N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

В городах Золотой Орды известно множество монументальных построек, возведенных из камня, кирпича и сырцового (необожженного) кирпича. Это – мечети с минаретами, медресе, мавзолеи, общественные бани, караван-сарай, дворцовые здания. Самая многочисленная категория зданий, дошедших до нас в том или ином виде – мавзолеи. В настоящее время их исследовано более ста. Значительная часть известна по археологическим раскопкам, которые интенсивно проводились со второй половины XX в. По данным, полученным в результате археологических изысканий, были выявлены различные типы мемориальных построек и составлена их подробная классификация [8, с. 97–168]. Однако, полностью восстановить их внешний облик по планиграфии бывает довольно затруднительно. Здесь помогают визуальные данные, такие как рисунки и фотографии тех времен, когда здания стояли в полный рост. Также некоторые из них были описаны исследователями и путешественниками, посещавшими руины древних городов. Эти записки также важны и содержат порой некоторые уникальные сведения или просто уточнения.

Особое место в изучении золотоордынской мемориальной архитектуры занимает город Маджар. В XIV в. он являлся крупнейшим на Северном Кавказе городским центром. Но широкую известность он получил не из-за своих размеров и даже не из-за значения, которое имел в экономической и политической жизни Улуса Джучи. Прежде всего, город известен своим некрополем, который сохранялся до конца XVIII в. Постройки городов Нижнего и Среднего Поволжья, которые были не менее великолепны, начали разбираться на кирпич уже в XVI в. сразу после завоевания Казанского и Астраханского ханств. Хорошо известен указ Федора Иоанновича 1578 г., в котором он призывает ломать «мизгити и полаты в Золотой Орде и тем делати город» Астрахань [18, с. 255]. Маджар, расположенный в труднодоступной местности, простоял достаточно долго, и на кирпич его стали разбирать только в конце XVIII – начале XIX вв. Дольше всего сохранялись развалины загородного некрополя, в котором находилось более 50 мавзолеев различных типов [6; 7]. Долгое время при описании монументальных построек Золотой Орды в качестве иллюстраций непременно приводились цветные гравюры К. Гайслера, который побывал в 1793 г. вместе с П.С. Палласом в Маджаре. Они были опубликованы в книге последнего [25] и получили широкую известность. Весьма интересна история экспедиции, снаряженной астраханским губернатором и известным историком В.Н. Татищевым в 1842 г. для изучения Маджара [17]. Результатом ее явился план Маджарского некрополя, выполненный А. Голохвастовым и панорама, которую зарисовал «Академии наук ученик живописный» Михаил Некрасов. Впоследствии гравюра, сделанная с этого рисунка, была опубликована в альманахе А.Ф. Бюшинга. Наряду с ней на той же странице помещены планы и разрезы еще трех мавзолеев из Маджара и прилегающих территорий [24, с. 530]. И наконец, относительно недавно были введены в научный оборот рисунки «Маджарских развалин», которые принадлежат кисти известного акварелиста, члена Академии художеств М.М. Иванова [10]. М.М. Иванов состоял на военной службе у князя Г.А. Потемкина и, переезжая с места на место с войсками оставил множество рисунков Астрахани, Крыма и Кавказа. В 1783 г. он посетил Маджар. Альбомы с рисунками М.М. Иванова хранились в Отделе рисунка Государственного Русского музея и были известны, в основном, искусствоведам.

Анализ всех этих визуальных материалов показал, что в Маджарский некрополь составляли мавзолеи различных типов [6, 7].

Если вернуться к акварелям М.М. Иванова, то из подписей к ним следует, что три рисунка сделаны в Маджаре и, скорее всего, на них изображены те же здания, которые впоследствии нарисовал К. Гайслер. Подпись на четвертом листе (рис. 1) гласит: «На Масловом Куте от Егорьевской крепости в 45 верстах к Мажарам» [10, рис. 5]. Урочище Маслов Кут расположено в 36 км к юго-западу от г. Буденновска, который большей частью перекрывает средневековый Маджар. В настоящее время здесь находится село Стародубское. Мавзолеем на акварели имеет призматическое, близкое к кубу, основание. Второй ярус представлен круглым барабаном, в котором сделано 18 щелевидных оконных проемов. Перекрывает барабан конический купол. В передней стене нижнего яруса изображен дверной проем, который завершается полукруглой аркой. Вероятно, мавзолеем был фасадным, так как следов портала не наблюдается. Здание аналогичной формы из Маджара изображено на гравюре из альманаха Бюшинга. Такая архитектура типична для золотоординских мавзолеев [8, с. 100–145].

Еще один мавзолеем из Маслова Кута приведен в труде П.С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Российского государства в 1793–1794 гг.». Наряду с популярными гравюрами К. Гайслера в книге помещен менее известный рисунок восьмигранного мавзолея с подземным склепом (рис. 2). Профессионально выполненный чертеж имеет заглавие на французском языке, которое гласит: «План, фронтальная проекция и профиль могильного памятника, выполненного из кирпича, найденного в Масловом Куте на реке Подкумок, недалеко от Маджара, на Кавказе» [25, S.308, Tab. 12]. Рисунок содержит максимум сведений о всех аспектах архитектуры памятника: на нем изображен не только фасад, но и горизонтальные и вертикальные разрезы как наземной, так и подземной частей. Также приведен фрагмент могильного камня с арабской надписью, который, вероятно, относится к мавзолеем. Согласно подписи, автором рисунка является архитектор Александр Дигби.

Если биография К. Гайслера, тесно связанного с П.С. Палласом и его исследованиями хорошо известна, то имя Дигби встречается в работах академика всего лишь один раз. Было бы интересно узнать что-либо об этом человеке.

В конце XVIII – начале XIX вв. в России трудился итальянский архитектор Александр Петрович Дигби (Дигбий Алессандро Пьетро), родившийся в Тоскане. Известность ему принесла служба в должности губернского архитектора Астрахани, обязанности которого он исполнял с 1786 по 1803 гг. Самым большим достижением на этом посту была разработка Генерального плана Астрахани (1801 г.). Также он работал в городах Кавказской губернии, таких как Моздок, Георгиевск, Пятигорск. В Одессе А.П. Дигби построил первый каменный мост. Один из детей А.П. Дигби, также Александр, унаследовал отцовскую профессию. В 1830–1840-х годах, он работал в Керчи, где совместно с И.И. Тумковским создал проект нового городского плана. С его именем связаны проекты знаковых для Керчи архитектурных памятников таких, как часовня Стемпковского, новый Карантин, Большая Митридатская лестница, уездное училище, городская больница, полицейские здания с ка-

ланчей, колокольня Троицкого собора и католический храм, колокольня греческой Предтеченской церкви [13].

Рис. 1. Иванов М.М. На Масловом Куте от Егорьевской крепости в 45 верстах к Мажарам (по [10])
Fig. 1. Ivanov M.M. On Maslovy Kut from the Yegoryevskaya fortress 45 versts to Mazhary (according to [10])

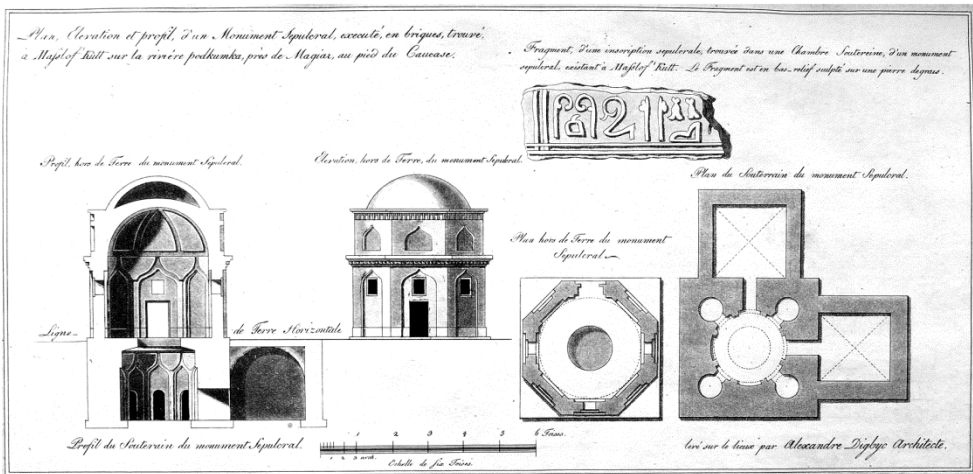

Рис. 2. Мавзолей в селе Маслов Кут (по [25])
Fig. 2. Mausoleum in the Maslov Kut village (according to [25])

Автором рисунка мавзолея в Масловом Куте, скорее всего, является Дигби-отец. Он мог увидеть и зарисовать мавзолей во время службы на Кавказе. Здание имеет два яруса. Нижний ярус представляет собой восьмигранную призму

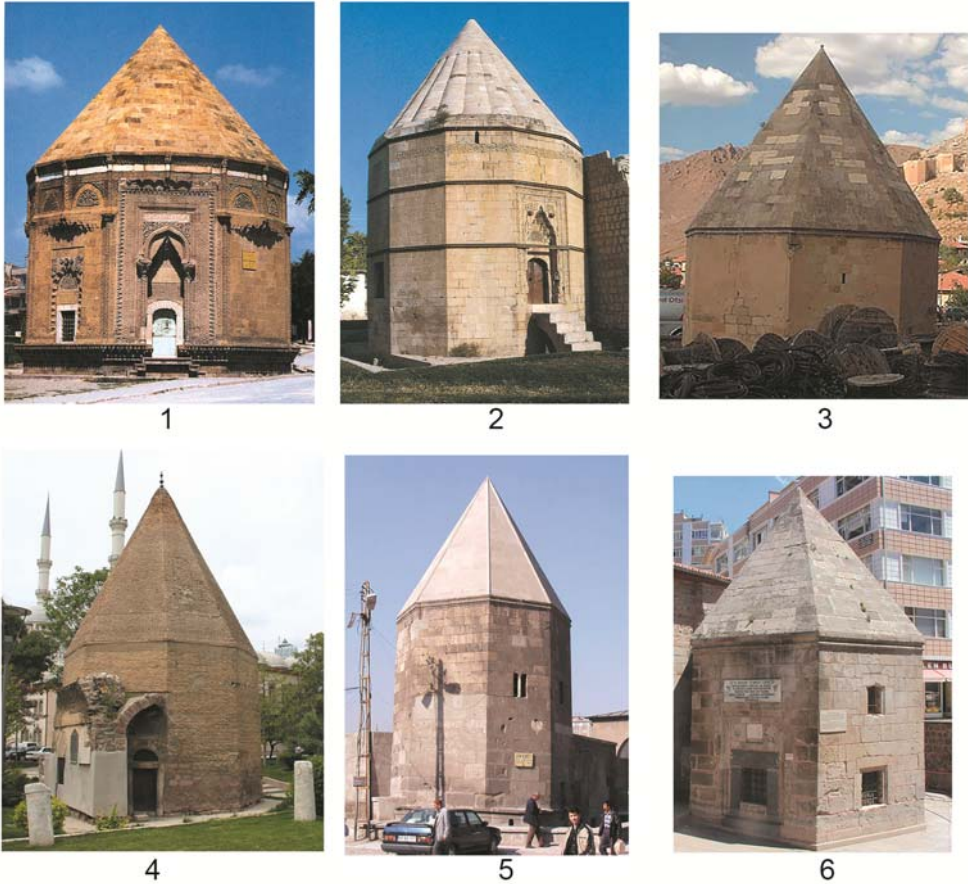

Рис. 3. Сельджукские башенные мавзолеи: 1 – Худавенд Хатун тюрбе, 1312 г.; 2 – тюрбе Караманоглу Алаеддин бей, XIII в.; 3 – мавзолей в Сивасе, XIII в.; 4 – мавзолей визиря султана Кейкубада в Конье, 1239 г.; 5 – мавзолей Танривермиш в Кайсери, 1188 г.; 6 – мавзолей Ибрагима Теннури в Кайсери, 1485 г. (по [26])

Fig. 3. Seljuk tower mausoleums: 1 – *dürbe* of Hudavent hatun, 1312; 2 – *dürbe* of Karamanoğlu Alaeddin bey, 13th century; 3 – Mausoleum in Sivas, 13th century; 4 – Mausoleum of Sultan Keykubad's Vizier in Konya, 1239; 5 – Mausoleum of Tanrivermish in Kayseri, 1188; 6 – Mausoleum of Ibrahim Tennuri in Kayseri, 1485 (according to [26])

в верхней части которой имеется выступающий профилированный карниз. В каждой грани находятся углубленные в стену ниши с килевидным завершением. В верхней части этих ниш сделаны небольшие прямоугольные окна. Вход в помещение находится в нише северной грани. Второй ярус представлен восьмигранным барабаном меньшего диаметра, также увенчанного карнизом. В гранях барабана сделаны аналогичные ниши с килевидным завершением, но глухие. Перекрыто здание полусферическим, чуть уплощенным куполом, который опирается на барабан.

Тщательно выполненный вертикальный разрез здания позволяет оценить его интерьер. Внутри стены также украшены килевидными арками. Помещение перекрыто внутренним сферическим куполом.

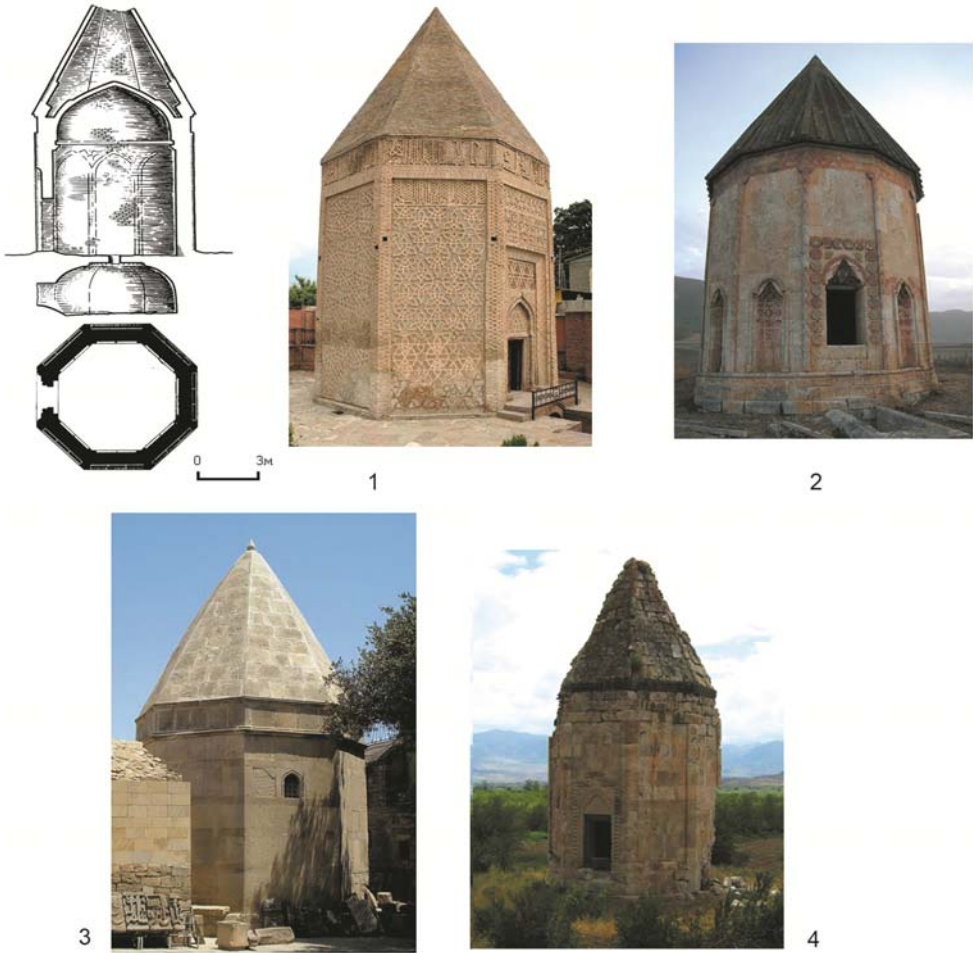

Рис. 4. Башенные мавзолеи Азербайджана: 1 – Юсуфа ибн Кусейра, XII в.;
2 – Хачин-Дорбатлы, XIV в.; 3 – мавзолей Сейида Яхья Бакуви, XV в.;
4 – мавзолей Йахьи ибн Мухаммада ал-Хаджа, 1305 г. (по [3])

Fig. 4. Tower mausoleums of Azerbaijan: 1 – Mausoleum of Yusuf ibn Kuseir, 12th century; 2 – Khachin-Dorbatly, 14th century; 3 – Mausoleum of Seyid Yahya Bakuvi, 14th century; 4 – Mausoleum of Yahya ibn Muhammad al-Haj, 1305 (according to [3])

На чертеже также изображен обширный подземный склеп, в котором совершались захоронения. Под основным наземным помещением располагалась круглая или восьмигранная в плане камера, стены которой были также декорированы арками с килевидным завершением. В четырех гранях помещения в углах его квадратного основания были сделаны узкие проходы, которые вели в небольшие круглые камеры. Еще два прохода, сделанные в южной и западной стенах, соединяли центральную камеру с обширными дополнительными помещениями. Они были квадратными в плане и имели купольное перекрытие. Такая сложная структура подземной части мавзолея свидетельствует о том, что он был рассчитан на большое количество погребенных и, возможно, являлся родовой усыпальницей.

1

2

3

4

5

Рис. 6. Османские мавзолеи: 1 – Мустафы Шехзаде в Бурсе, 1553 г.;
2 – кладбище при мечети Мурадийе в Бурсе, XV в.; 3 – Сенаби Ахмет паша
в Анкаре, 1595 г.; 4 – Хайреддина Барбаросса в Стамбуле, 1541 г.;
5 – Махмуд паша в Стамбуле, XVI в. (по [23; 26])

Fig. 6. Ottoman mausoleums: 1 – Mustafa Şehzade in Bursa, 1553; 2 – cemetery
at the Muradiye Mosque in Bursa, 15th century; 3 – Senabi Ahmet Pasha in Ankara, 1595;
4 – Hayreddin Barbarossa in Istanbul, 1541; 5 – Mahmud Pasha in Istanbul, 16th century
(according to [23; 26])

Опубликованный П.С. Палласом рисунок А. Дигби послужил предметом исследования ряда авторов. Известного исследователя эпиграфики Кавказа Л.И. Лаврова привлекла надпись на могильном камне. Не нужно быть специалистом по эпиграфике, чтобы увидеть, что она имеет во многом фантазийный характер, так как А. Дигби не знал арабских букв. Л.И. Лавров не смог ее прочесть [12, с. 78], но считал, что она написана куфическим письмом и относится к XI–XII вв., что придает ей исключительную ценность. Исследователь писал: «Эта находка, которой П.С. Паллас не придавал значения, остается по настоящий день единственным в степях достоверным памятником раннего мусульманства... Этот фрагмент почему-то не привлекал внимания историков. Между тем он является важным документом не только для датировки зарисованного П.С. Палласом мавзолея. Последний оказался

1

2

3

Рис. 7. Мавзолеи Крымского ханства: 1 – дюрбе на территории ханского кладбища Бахчисарайского дворца; 2 – Большой восьмигранник в Азизе; 3 – дюрбе Дильяры Бикеч, 1764 г. (фото автора)

Fig. 7. Mausoleums of the Crimean Khanate: 1 – *dürbe* on the territory of the khan's cemetery of the Bakhchisarai Palace; 2 – Large octagon in Aziz; 3 – *dürbe* of Dilyara Bikech, 1764 (photo by the author)

самым ранним на Северном Кавказе сооружением этого типа. Гораздо большее значение фрагмента состоит в том, что он свидетельствует о проникновении ислама в северокавказские степи в XI–XII вв.» [12, с. 23, 182].

Л.Г. Нечаева также относила мавзолеев из Маслово Кута к половецкому времени. По ее мнению, основная масса половцев исповедовала ислам. К этому выводу исследовательницу привело изучение миниатюр Радзивилловской летописи, где изображены половецкие стяги с полумесяцами. На одной из миниатюр также можно видеть круглые в плане сооружения с куполами, которые Л.Г. Нечаева атрибутирует как мавзолеев. Мавзолеев в Маслово Куте, некоторые мавзолеев Маджара и сооружения, изображенные в летописи, исследовательница относит к особому типу «кульевидных» мавзолеев [16, с. 86].

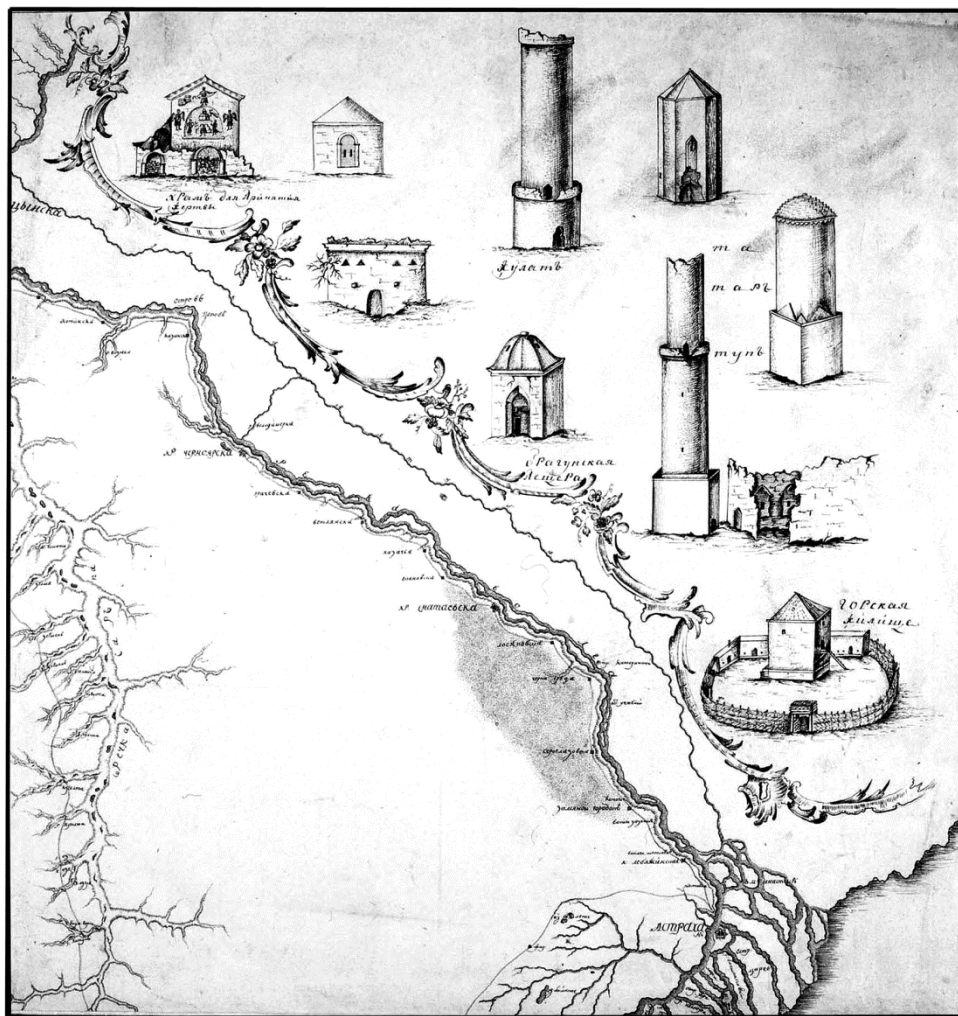

Рис. 5. Карта, составленная подполковником Штедером в конце XVIII в. (по [9])

Fig. 5. Map compiled by Lieutenant Colonel Steder at the end of the 18th century (according to [9])

Во всех этих утверждениях много спорного. Прежде всего, не существует ни письменных, ни археологических источников, которые свидетельствовали бы о массовом распространении ислама в половецкой среде. Одни лишь миниатюры Радзивилловской летописи, список которой датируется XV в., не могут служить достаточным доказательством. И, хотя некоторые исследователи считают, что миниатюры имеющегося списка являются копиями более ранних, относящихся, возможно, к XI в. [1, с. 4–40], степень их идентичности неизвестна. Кроме того, наличие полумесяца на стягах вовсе не свидетельствует о том, что перед нами мусульмане. В.В. Бартольд, посвятивший этому вопросу отдельную работу, писал, что «полумесяц как религиозный символ, имевший то же значение, как крест для христианских храмов, был характерен не для ислама вообще, но специально для турецко-османского ислама и, например, на туркестанских мечетях не встречался до русского завоевания» [2,

с. 489–490]. Соответственно быть мусульманским символом в XI–XII вв. он никак не мог. Довольно странно применение термина «ульевидные мавзолеи» для средневековья. Обычно этот термин применяется для построек энеолита и бронзового века. Что касается половецкого времени, то ни один мусульманский мавзолей, возведенный половцами, нам не известен.

В капитальной работе, посвященной мавзолеям Маджара, Э.В. Ртвеладзе рассматривал восьмигранный мавзолей вместе с погребальными памятниками этого города. Он исходил из тех соображений, что Маслов Кут находится в непосредственной близости от Маджара, вокруг которого были и другие золотоордынские поселения (Малые Маджары, Нижние Маджары) [19, с. 277]. В более поздних работах о золотоордынских мавзолеях здание из Маслова Кута также относилось к корпусу золотоордынских построек [6; 7].

На территории Золотой Орды, в частности на Северном Кавказе встречаются многогранные в плане мавзолеи [8, с. 150–152]. Их изображения можно видеть на рисунках М. Некрасова и М.М. Иванова, а также карте подполковника Штедера конца XVIII в. Мавзолей № 8 у Эссентуков также имеет в плане форму многогранника [9].

Мавзолеи подобной архитектоники были распространены в сельджукский период в Азербайджане и Малой Азии. В истории архитектуры они получили название «башенные мавзолеи». В Малой Азии известны мавзолеи Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Денер Кюмбет в Кайзери (XIII в.), Худавент Хатун тюрбе в Нигде (XIV в.) и др. (рис. 3) [26, р. 50–53; 23, р. 306–311, 540–542]. Подобную структуру имеют азербайджанские мавзолеи Моминехатун (XII в.), в с. Ханега (XII–XIII в.), Юсуфа ибн Кусейра в Нахичевани (XII в.), Хачин-Дорбатлы (XIV в.), мавзолей в с. Дермичлер (XIV в.), Йахьи ибн Мухаммада ал-Хаджа, 1305 г., Мир Али (XIV в.), Сейида Яхья Бакуви (XV в.), в Барде (XIV в.) (рис. 4) [20, с. 80–104, 127–162; 3, с. 96–199].

Для башенных мавзолеев Малой Азии и Азербайджана характерны нерасчлененные плоские грани, которые могут быть украшены лишь каменной резьбой. Барабана у них нет, а венчает здание конический или пирамидальный, довольно высокий купол. Внутри помещение перекрывает внутренний купол полусферической формы. Е.И. Кононенко, основываясь на внешнем сходстве, называет их «карандашиками» [11, с. 36]. На карте Северного Кавказа Штедера 1782 г. среди других памятников можно видеть подобный мавзолей в виде «карандашика» (рис. 5). Слегка сужающиеся кверху башни с гладкими стенами присутствуют на рисунках М. Некрасова и М.М. Иванова. Судя по описаниям и некоторым чертежам, склепы в этих зданиях более простой формы, они квадратные в плане, иногда с нишами в стенах и перекрыты куполами.

Архитектоника мавзолея в селе Маслов Кут более сложная: он имеет барабан и ниши в стенках нижнего яруса и барабана. Перекрыт он не шатровым, а полусферическим куполом. Такую структуру имеют османские мавзолеи (дюрбе). Обычно это довольно высокие восьмигранные постройки, стены которых лишены объемного каменного декора. Окна могут быть расположены в «два света» (рис. 6). В некоторых зданиях над нижним ярусом возвышается восьмигранный барабан меньшего диаметра. Стены основного объема и барабана либо гладкие, либо оформлены нишами, в которых находятся настоящие или ложные окна. Перекрывались османские мавзолеи всегда полусферическими куполами.

В Крыму, который находился под управлением Османской империи, архитектура мавзолеев была сходной (рис. 7). Здесь сохранились такие мемориальные постройки этого времени как «Большой восьмигранник» в Азизе, два восьмигранных дюрбе на территории ханского кладбища Бахчисарайского дворца (усыпальницы Девлета I Герая (XVI в.) и Исляма III Герая (XVII в.), а также мавзолей Диляры Бикеч 1764 г. постройки. С последним зданием в Масловом Куте сближает оформление стен. Грани основного объема мавзолея Диляры Бикеч декорированы аркатурой из многолепестковых и стрельчатых арок, образующих два яруса. На гранях барабана также сделаны слегка заглубленные арочки. Нижнюю и верхнюю части опоясывает сильно профилированный карниз.

Планировка подземной части мавзолея в Масловом Куте с угловыми ответвлениями от основного объема также напоминает структуру склепа мавзолея Хаджи-Герая I в Салачике, по углам которого сделаны сложно профилированные ниши [4, с. 66].

Таким образом, рассматриваемая постройка по своим архитектурным формам является типичным образцом османского зодчества. Интересно проследить, каким образом данная архитектурная традиция проникла на Северный Кавказ. Мне представляется, что наиболее близким регионом, где подобные здания получили распространение является Крымский полуостров.

Согласно сведениям многочисленных исторических источников, Крымское ханство было тесно связано с Западным и Северным Кавказом. Ханы проводили здесь активную политику и некоторые территории периодически подпадали в прямую зависимость [15, с. 102, 122, 131–133, 136, 139]. Для упрочения власти на Западном Кавказе крымские ханы возводили многочисленные крепости [15, с. 116–117]. Также представители крымско-татарской знати часто были кровно связаны с уроженцами Северного Кавказа через династические браки. Из черкесов-кемергойцев происходила мать Хаджи-Герая, основателя ханства, а одной из его жен была асская княжна, которая родила ему сына и наследника Менли Герая [5, с. 293, 305]. Важную роль во взаимоотношениях Крыма и Кавказа играл институт аталычества. Согласно этому обычаю ханских детей отправляли для воспитания в черкесские земли. Эвлия Челеби отмечает, что в 40–60 гг. XVII в. каждое черкесское племя имело у себя по отпрыску из рода Гераев [21, с. 74; 22, с. 117]. Известны случаи, когда представитель крымско-татарской знати спасались от преследования своими политическими противниками в Черкессии. Например, смещенный с трона в 1665 г. хан Мехмед IV Герай уехал в Дагестан, где прожил деришом до самой смерти еще восемь лет [5, с. 305–306].

Можно предположить, что одним из свидетельств присутствия на Северном Кавказе представителей крымско-татарской знати является построенный в османских традициях восьмигранный мавзолей в Масловом Куте. Находка плиты с куфической надписью отнюдь не датирует время постройки здания. Она могла относиться к какому-то более раннему погребению, а мавзолей эпохи Крымского ханства был построен на «святом месте», где уже существовал некрополь. Эвлия Челеби, повествуя о своем пути через земли Кабарды, описывает подобный случай. Он посетил место поклонения, гробницу имама «борца за веру, обладателя достоинства и мужества, могучего и достолавного». Этот человек был отправлен к кумыкам и кайтакам, чтобы обра-

тить их в истинную веру «на основе ярлыка – шахской грамоты с приложением отпечатка благословенной правой руки». Народы Кавказа приобщились к исламу, а «отпечаток благословенной руки» был положен в раку, захоронен, и над ним было выстроено несколько великолепных зданий. Тимур разрушил все постройки и сравнял их с землей. Позже падишахи Дагестана «заботливо отстроили эти высокие купола» [21, с. 80–81].

Таким образом в селении Маслов Кут (современное Стародубское), расположенном в 36 км к юго-западу от современного города Буденновска, построенного на месте золотоордынского Маджара, находился средневековый мусульманский некрополь. На акварели М.М. Иванова запечатлен кубический беспортальный мавзолей с барабаном и шатровой крышей. Подобные мавзолеи были широко распространены в Золотой Орде. Встречаются они и в расположенном рядом Маджаре [8, с. 100–145].

Восьмигранный мавзолей, зарисованный А. Дигби и опубликованный П.С. Палласом, по своей архитектонике и оформлению стен близок османским мавзолеям Малой Азии и Крыма. Возможно, он принадлежал представителю крымско-татарской знати, связанному с Северным Кавказом. Если же обломок надгробия, найденный в этом мавзолее или рядом с ним, действительно содержит куфическую надпись, можно предположить, что элитный мусульманский могильник существовал на этом месте с домонгольского периода вплоть до эпохи Крымского ханства. Возможно, здесь находилось почитаемое мусульманами «святое место», подобное описанному Эвлией Челеби.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: МГУ, 1944. 213 с.
2. Бартольд В.В. К вопросу о полумесяце как символе ислама // Бартольд В.В. Сочинения Т. VI. М.: Наука, 1966. С. 489–491.
3. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.: Искусство, 1966. 785 с.
4. Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев-Запорожье: Дикое Поле, 2010. 176 с.
5. Зайцев И.В., Хотко С.Х. Отношения Крымского ханства с черкесами во второй половине XVI–XVII вв. // История крымских татар. В 5 томах. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 292–306.
6. Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010. № 3. С. 52–69.
7. Зиливинская Э.Д. Архитектурные памятники Маджара по рисункам и описаниям XVIII в. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, краеведение, музееведение. Вып. XI. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 309–331.
8. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культурное зодчество. Москва-Казань: «Отечество», 2014. 448 с.
9. Зиливинская Э.Д. Башенные мавзолеи Северного Кавказа. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный: изд-во Чеченского государственного университета, 2016. С. 218–220.

10. Зиливинская Э.Д., Капарулина О.А. Неизвестные рисунки маджарских мавзолеев из фондов Государственного Русского музея // Очерки средневековой археологии Кавказа. М.: Таус, 2013. С. 82–98.
11. Кононенко Е.И. Анатолийская мечеть XI–XV вв. Очерки истории архитектуры. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 480 с.
12. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XVII вв. Ч. I. М.: Наука, 1966. 261 с.
13. Лазенкова Л.М. Зодчий Керчи Александр Дигби (1758–?) // Красновские чтения. Сборник научных статей. Ливадийский Дворец-музей. Симферополь, 2006. С. 28–34.
14. Михайлова М.Б. Александр Дигби – зодчий классицизма на юге России // Архитектурное наследие. Вып. 28. М.: Стройиздат, 1980. С. 80–88.
15. Некрасов А.М. Избранные труды. Нальчик, 2015. 255 с.
16. Нечаева Л.Г. О мавзолеях Северного Кавказа // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1978. С. 87–112.
17. Пальмов Н.Н. К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева // Известия Российской Академии наук. 1925. С. 201–216.
18. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. 303 с.
19. Ртвеладзе Э.В. Мавзолеи Маджара // СА, 1973, №1. С. 271–278.
20. Усейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат, 1963. 396 с.
21. Эвлия Челеби. Книга путешествий (Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века). Выпуск 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с.
22. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века. Симферополь: Доля, 2008. 270 с.
23. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York, 1994. 645 p.
24. Magazin für die neue Historie und Geographie. Angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. Halle: Curt, 1769–1793. Th. 6. 1771. 556 S.
25. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793–1794. B. I. Leipzig: Martini, 1799. 516 s.
26. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tachen, 1998. 238 p.

REFERENCES

1. Arcihovskiy A.V. Old Russian miniatures as a historical source. Moscow: MGU, 1944. 213 p. (In Russian)
2. Bartol'd V.V. On the issue of the crescent as a symbol of Islam. *Bartol'd V.V. Works* Vol. VI. Moscow: Nauka, 1966, pp. 489–491. (In Russian)
3. Bretanickiy L.S. Architecture of Azerbaijan 12th–15th centuries. and its place in the architecture of the Middle East. Moscow: Iskustvo, 1966. 785 p. (In Russian)
4. Gavrilyuk N.A., Ibragimova A.M. Turbe of Khan Khadzhi Giray (based on archaeological research from 2003–2008). Kiev-Zaporozh'e: Dikoe Pole, 2010. 176 p. (In Russian)
5. Zaitsev I.V., Khotko S.Kh. The Relations of the Crimean Khanate with the Circassians in the second half of the 16th–17th centuries. *History of the Crimean Tatars. In 5 volumes. Vol. III. Crimean Khanate of the 15th–18th centuries.* Ed. by I.V. Zaitsev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021, pp. 292–306. (In Russian)

6. Zilivinskaya E.D. Golden Horde Mausoleums of the North Caucasus. *Golden Horde civilization*. Kazan, 2010, no 3, pp. 52–69. (In Russian)
7. Zilivinskaya E.D. Architectural monuments of Majar according to drawings and descriptions of the 18th century. *Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Archeology, local history, museology*. Issue. XI. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2013, pp. 309–331. (In Russian)
8. Zilivinskaya E. Architecture of the Golden Horde. Part I. Religious architecture. Moscow-Kazan: «Otechestvo», 2014. 448 p. (In Russian)
9. Zilivinskaya E.D. Tower Mausoleums of the North Caucasus. Study and Preservation of the Archaeological Heritage of the Peoples of the Caucasus. *Study and preservation of the archaeological heritage of the peoples of the Caucasus. XXIX Krupnov readings. Proceedings of the International Scientific Conference. Grozny, April 18–21, 2016*. Grozny: izd-vo Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, pp. 218–220. (In Russian)
10. Zilivinskaya E.D., Kaparulina O.A. Unknown drawings of Majar mausoleums from the collections of the State Russian Museum. *Essays on medieval archeology of the Caucasus*. Moscow: Taus, 2013, pp. 82–98. (In Russian)
11. Kononenko E.I. Anatolian mosque of the 11th–15th centuries. Essays on the history of architecture. Moscow: Progress-Tradiciya, 2018. 480 p. (In Russian)
12. Lavrov L.I. Epigraphic monuments of the North Caucasus of the 10th–17th centuries. Part I. Moscow: Nauka, 1966. 261 p. (In Russian)
13. Lazenkova L.M. Kerch architect Alexander Digby (1758-?). *Krasnov readings. Collection of scientific articles*. Livadia Palace-Museum. Simferopol, 2006, pp. 28–34. (In Russian)
14. Mihaylova M.B. Alexander Digby – Classicist Architect in Southern Russia. *Architectural heritage*. Issue 28. Moscow: Stroyizdat, 1980, pp. 80–88. (In Russian)
15. Nekrasov A.M. Selected Works. Nalchik, 2015. 255 p. (In Russian)
16. Nechaeva L.G. About the mausoleums of the North Caucasus. Material culture and economy of the peoples of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan. Leningrad: Nauka, 1978, pp. 87–112. (In Russian)
17. Pal'mov N.N. To the Astrakhan period of V.N. Tatishchev's life. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 1925, pp. 201–216. (in Russian)
18. Complete collection of Russian chronicles, published by the highest order of the Archaeographic Commission. Vol. 34: Postnikovsky, Piskarevsky, Moskovsky and Belsky chroniclers. Moscow, 1978. 303 p. (in Russian)
19. Rtveldzde E.V. Majar Mausoleum. *Soviet archeology*, 1973, no. 1, pp. 271–278. (in Russian)
20. Usseyinov M.A., Bretanickiy L.S., Salamzade A. History of architecture of Azerbaijan. Moscow: Gos. Izd. Po stroitel'stvu, arhitekture i stroitel'nym materialam, 1963. 396 p. (In Russian)
21. Evliya Chelebi. Book of Travels (Extracts from the works of the Turkish traveler of the 17th century). Issue 2. Lands of the Northern Caucasus, the Volga region and the Don region. Moscow: Nauka, 1979. 287 p. (In Russian)
22. Evliya Chelebi. Book of Travel. Crimea and Adjacent Regions. Extracts from the Works of the Turkish Traveler of the 17th Century. Simferopol: Dolya, 2008. 270 p. (In Russian)
23. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York, 1994. 645 p.
24. Magazin für die neue Historie und Geographie. Angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. Halle: Curt, 1769-1793. Th. 6. 1771. 556 s.
25. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793-1794. B. I. Leipzig: Martini, 1799. 516 s.
26. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tachen, 1998. 238 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эмма Давидовна Зиливинская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (119334, Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3485-0359, ResearcherID: G-4161-2018. E-mail: eziliv@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emma D. Zilivinskaya – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Avenue, Moscow 119334, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3485-0359, ResearcherID: G-4161-2018. E-mail: eziliv@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 26.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 28.08.2025

Принята к публикации / Accepted 01.09.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.656-665>
EDN: NLAHWG

УДК 930.271

СЕЛЬДЖУКСКИЕ МОТИВЫ В МУСУЛЬМАНСКОЙ
ЛАПИДАРНОЙ ТРАДИЦИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО КРЫМА

М.А. Усеинов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
memedulla@list.ru*

Резюме. Цель исследования – выявление и анализ элементов художественного и каллиграфического оформления эпиграфических памятников золотоордынского Крыма, отражающих влияние сельджукских лапидарных традиций Малой Азии и Персии.

Материалы исследования включают корпус лапидарных памятников, обнаруженных на территории исторического города Солхат/Кырым – ключевого административного и культурного центра Золотой Орды в Крыму, а также на некрополе Кырк-Азизлер у села Эски-Юрт в Западном Крыму. Золотоордынский период истории Крыма отмечен значительным количеством памятников, украшенных арабографичной эпиграфикой, на декоративное оформление которых существенное влияние оказали сельджукские лапидарные традиции. Источниковая база дополнена сведениями из средневековых письменных источников, трудами отечественных исследователей XIX – начала XX вв., а также материалами археологических экспедиций 1920-х гг., целенаправленно изучавших золотоордынские древности полуострова.

Научная новизна и результаты исследования заключаются в том, что на основе сравнительного анализа впервые выявлены и систематизированы основные типы орнаментальных и каллиграфических заимствований сельджукского происхождения в крымской лапидарной традиции. Выявлены смысловые параллели в каллиграфических композициях, включая цитирование коранических аятов и суфийские трактовки символов на элементах декора, что расширяет понимание символики и культурного контекста изученных памятников.

Ключевые слова: Золотая Орда, город Кырым, Солхат, Эски-Юрт, сельджуки, арабографичная эпиграфика, мусульманские надмогильные памятники

Для цитирования: Усеинов М.А. Сельджукские мотивы в мусульманской лапидарной традиции золотоордынского Крыма // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 656–665. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.656-665> EDN: NLAHWG

© Усеинов М.А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

SELJUK MOTIFS IN THE MUSLIM LAPIDARY TRADITION OF THE GOLDEN HORDE CRIMEA

M.A. Useinov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
memedulla@list.ru*

Abstract. This study aims to identify and analyze elements of artistic and calligraphic design in epigraphic monuments of the Golden Horde Crimea that reflect the influence of Seljuk lapidary traditions from Asia Minor and Persia.

The research is based on a corpus of lapidary monuments discovered in the historic city of Solkhat (Kyrym) – a key administrative and cultural center of the Golden Horde in Crimea – as well as at the Qirq-Azizler necropolis near the village of Eski-Yurt in western Crimea. The Golden Horde period in Crimean history is notable for a significant number of monuments adorned with Arabic-script epigraphy, whose decorative features were strongly influenced by Seljuk lapidary traditions. The source base is supplemented by data from medieval written records, works by Russian scholars of the 19th and early 20th centuries, and materials from archaeological expeditions of the 1920s that specifically studied Golden Horde antiquities on the peninsula.

The study's novelty and results lie in the first-time identification and systematization of the main types of ornamental and calligraphic borrowings of Seljuk origin within the Crimean lapidary tradition. Semantic parallels in calligraphic compositions have been revealed, including quotations from Quranic verses and Sufi interpretations of symbols in decorative elements, providing new insights into the symbolism and cultural context of the examined monuments.

Keywords: Golden Horde, the city of Kyrym, Solkhat, Eski-Yurt, Seljuks, Arabic-script epigraphy, Muslim tombstones

For citation: Useinov M.A. Seljuk Motifs in the Muslim Lapidary Tradition of the Golden Horde Crimea. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 656–665. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.656-665> (In Russian)

В золотоордынский период в Крыму возводятся многочисленные культовые сооружения, облицованные тесаным камнем и богато украшенные резными орнаментами и каллиграфическими надписями. Масштабы строительства косвенно отмечали путешественники, заставшие только величественные руины.

Мартин Броневский, посетивший в XVI в. город Солхат/Кырым писал: «...ибо видны еще храмы и святилища магометанские не только в самом городе, но и вне города, украшенные халдейскими надписями высеченными на больших камнях <...>. И в самом деле видно из развалин и обширности места, что это был один из знаменитейших и величайших городов своего времени» [7, с. 346].

В XVII в. Эвлия Челеби, несмотря на явные преувеличения в числительных, приводит данные о масштабах городского строительства в золотоордынский период, о которых он догадывался видя руины города Солхат/Кырым: «...если я стану описывать все тарихи бессчётных постоянных дворов, мечетей соборных и кварталных, бань, текке медресе и многих сот

тысяч прочих зданий, которые не под силу сотворить роду Адама, то получится сборник тарихов». <...> «Теперь много сот тысяч огромных зданий являются крепкими и стоят, как новые, будто они только что вышли из-под руки мастера. Но они стали гнездовьями <...> птиц и летучих мышей» [12, с. 168–169].

С последней трети XIII века в Крыму формируется традиция установки каменных надмогильных памятников на мусульманских погребениях. Памятники украшались геометрическими и растительными орнаментами, розетками и каллиграфическими текстами. Для их изготовления преимущественно использовался местный известняк и песчаник, реже – привозной мрамор.

Сохранились также данные о многочисленных кладбищах золотоордынского времени с надмогильными камнями, украшенными каллиграфией и орнаментами. В первую очередь это кладбища города Солхат/Кырым, а также большое кладбище *Кырк-Азизлер* на Юго-Западе Крыма, у с. Эски-Юрт.

Самые ранние известные на сегодня эпиграфические памятники относятся к последней трети XIII века [10]. Их изучение позволяет выявить формирование в Крыму особого стиля декоративного оформления, сложившегося под значительным влиянием сельджукских лапидарных традиций. Этот стиль оставался доминирующим на полуострове до конца XV века (*рис. 1-А*), а некоторые элементы, например, «сельджукская цепь», продолжали использоваться даже в XVI–XVII веках.

Присутствие сельджукского влияния и мусульманской общины в Крыму впервые фиксируется в 1220-х годах, после завоевания Судака армией из Малой Азии под предводительством Хусам ад-Дина Чупана, тогда же в городе была построена первая мечеть. Однако ключевым фактором роста мусульманской общины и распространения сельджукских традиций стало прибытие в 1265 году Изз ад-Дина Кейкавуса II со своими сторонниками. Получив от хана Берке в управление (икта) земли Судака и Солхата, он значительно усилил малоазийский компонент местной мусульманской общины. Параллельно в Крыму проживали мусульмане – выходцы из других регионов, в частности из Средней Азии. О чём свидетельствует, например, надпись 1263 года о строительстве мечети в Солхате выходцем из Бухары *Бей Хаджи Умаром аль-Бухари*, зафиксированная Эвлией Челеби в XVII веке.

Судя по датированным памятникам, в золотоордынский период каменное искусство в Крыму достигло наибольшего расцвета в 40–80 гг. XIV века. Наибольшее количество памятников приходится на период максимального расцвета городов Золотой Орды, и последовавшей затем смуты [11, с. 343–345].

Не касаясь в данной статье дискуссии о самом термине «сельджукского» искусства, подробно затронутом в работах многих исследователей (см. подробнее, напр. [8]), приведем наиболее характерные примеры таких заимствований, использованных в лапидарной традиции Крыма, которые можно однозначно отнести к сельджукскому наследию.

На значительное сельджукское влияние в оформлении памятников Крыма указывают практически все исследователи арабографичного лапидарного наследия полуострова [2, с. 153; 4, с. 301–302; 6, с. 274, 301; 9, с. 61, 67]. Как писал профессор И.Н. Бороздин: *«Несомненно что существовала интенсивная и длительная увязка между мусульманским Крымом и сельджуками. <...> Не*

только надгробия с их надписями и орнаментами, но и остатки монументальных архитектурных сооружений (особенно руины медресе близ мечети Узбека в Солхате), говорят о сильном сельджуцком влиянии, об определенных сельджуцких элементах в золотоордынском искусстве» [5, с. 25].

Профессор А.С. Башкиров отмечая схожесть золотоордынских памятников Крыма с памятниками Персии и Анатолии [3, с. 122], писал: «Сельджукизм мы видим и в памятниках монументального творчества и в деталях орнаментальной резьбы на памятниках различного назначения» [3, с. 108]. «Сельджукизм – это только одна из ярких черт крымскотатарского искусства в благородном соревновании с другими традициями искусства средневековья» [3, с. 125]. Наряду с этим исследователи отмечали влияние и других лапидарных традиций, в частности, мамлюкского Египта и Средней Азии (Хорезма) [5, с. 25].

Вместе с архитектурными заимствованиями сельджуцкое влияние заметно на примере оформления надмогильных памятников. Причем это влияние прослеживается как в форме самих надгробий, так и в каллиграфическом оформлении, и в орнаментальных мотивах, используемых при оформлении лапидарных памятников.

Основные типы надмогильных памятников этого периода (восьмигранные и цилиндрические надмогильные памятники, с различными вариациями наверший; плоские стелы со стреловидным верхом; различного типа сандыкташи) явно заимствованы из традиций Малой Азии. Надмогильные памятники аналогичные крымским, как по стилю оформления, так и по содержанию надписей, фиксируются исследователями в городах Малой Азии (Ахлат, Сивас, Токат, Кастамону, Конья и др.) [13; 14; 15]. Распространенная форма памятников – плоская плита с килевидным верхом и с изображением михраба, известна по аналогичным находкам в Персии датируемым XI веком.

Интересны формы наверший некоторых памятников, явно схожие со средневековыми куполами мечетей и дюрбе-мавзолеев (рис. 1-Д). Восьмигранные памятники с навершием – рубчатым куполом – один из самых распространенных подтипов восьмигранных памятников Солхата/Кырыма (рис. 1-Е). У. Боданинский, как и другие исследователи, отмечал сходство таких памятников с куполами дюрбе Каира, Самарканда, Ургенча, Западного Ирана, с гробницами городов Малой Азии [4, с. 300, 301, 303, 305–306], от мавзолеев «Города мертвых» в Каире, до мавзолеев Шахи-Зинды и Гур-Эмира в Самарканде, хронологически относящихся к этому же периоду времени (XIV–XV вв.).

Еще одна особенность – расположенная на верхушке памятников круглая выемка, называемая – قوش خايراتي – куш хайраты (благо для птиц), также, по-видимому, была заимствована в Малой Азии, т.к. встречается на более ранних памятниках Анатолии. Стоит отметить, что традиция располагать на верхушках надмогильных памятников выемки для дождевой воды была широко распространена в степном Крыму вплоть до начала XX века. Предполагалось, что эту воду пьют птицы, а награда за это благое дело, засчитывается покойному.

Рис. 1. А – Надмогильный камень (однорогий сандык-таш) украшенный розетками, с датой 684 г.х. (=1285 г.) (г. Старый Крым, Музей истории и археологии); Б – изображение «кентавра стреляющего из лука» на надмогильном памятнике с кладбища Кырк-Азизлер (г. Бахчисарай), фото 1920-х гг.; В – фрагмент «сельджукской цепи» на архитектурной детали (г. Старый Крым); Г – закладная плита выполненная почерком сульс, с датой 760 г. х. (=1358 г.) из с. Отузы; Д – надмогильный камень (сандык-таш) выполненный в виде дюрбе-мавзолея, украшенный лампадой, орнаментами и «плетенкой», фото 1920-х гг.; Е – Навершие восьмигранного надмогильного памятника в форме купола дюрбе-мавзолея (г. Старый Крым, Литературно-художественный музей)

Fig. 1. A – Tombstone (single-horned sandyk-tash) decorated with rosettes, with the date 684 AH (= 1285) (Stary Krym, Museum of History and Archaeology); Б – image of a "centaur shooting a bow" on a tombstone from the Kyrk-Azizler cemetery (Bakhchisaray), photo of the 1920s; В – fragment of a "Seljuk chain" on an architectural detail (Stary Krym); Г – foundation slab made in Suls handwriting, with the date 760 AH (= 1358) from the Otuzy village; Д – tombstone (sandyk-tash) made in the form of a durbe-mausoleum, decorated with a lamp, ornaments and "wickerwork", photo of the 1920s; E – The top of an octagonal gravestone in the shape of a dome of a durbe mausoleum (Stary Krym, Literary and Art Museum)

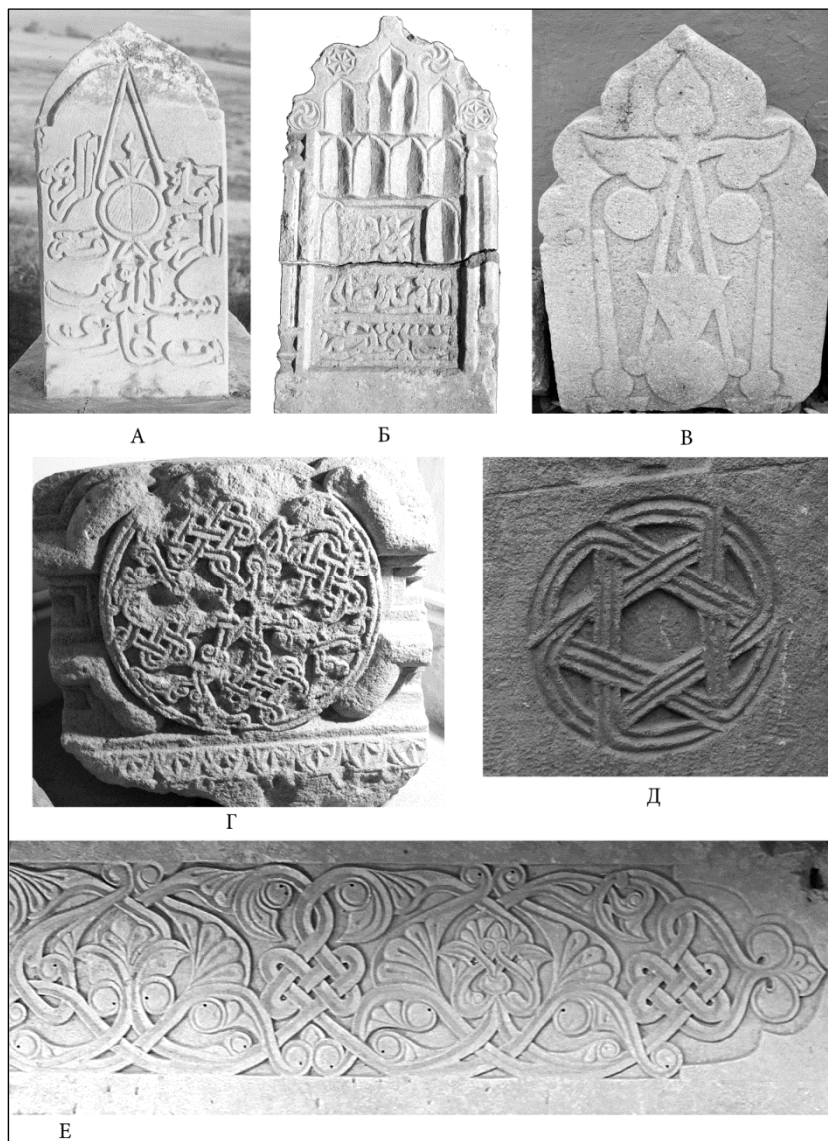

Рис. 2. А – торцевая часть надмогильного памятника с именем *Сейфеддина бин Гази* и изображением горящей лампы, кладбище Кырк-Азизлер (г. Бахчисарай), фото 1920-х гг.; Б – стела с килевидным верхом и рельефным изображением михраба, украшенная розетками (г. Старый Крым); В – изображение горящей лампы и свечей на надмогильном памятнике с датой 749 г. х. (=1348 г.), (г. Феодосия, Музей древностей); Г – архитектурный фрагмент с «узлами счастья» (г. Старый Крым, Литературно-художественный музей); Д – изображение шестиконечной звезды на надмогильном памятнике (г. Старый Крым, Музей истории и археологии); Е – растительный орнамент характерный для памятников центральной Анатолии и «узлы счастья» на надмогильной плите, найденной на мусульманском кладбище Кемаль-Ата (г. Старый Крым)

Fig. 2. А – end part of a tombstone with the name of *Seyfeddin bin Ghazi* and an image of a burning lamp, Kyrk-Azizler cemetery (Bakhchisaray), photo of the 1920s; Б – stele with a keeled top and a relief image of a mihrab, decorated with rosettes (Stary Krym); В – image of a burning lamp and candles on a tombstone with the date 749 AH (=1348), (Feodosia, Museum of Antiquities); Г – architectural fragment with "knots of happiness" (Stary Krym, Literary and Art Museum); Д – image of a six-pointed star on a tombstone (Stary Krym, Museum of History and Archeology); Е – a plant ornament characteristic of monuments in central Anatolia and "knots of happiness" on a tombstone found in the Muslim cemetery of Kemal-Ata (Stary Krym)

Эпиграфические надписи на памятниках по стилю похожи на арабграфичные надписи Малой Азии и Персии. В надписях, выполненных рельефно и достаточно крупно использовались почерки *сулюс* (рис. 1-Г) и *наسخ* (рис. 1-А). О.-Н. Акчокраклы отмечал: «Употребляемый на памятниках почерк *сулюс* по характеру близок к сельджукскому мотиву...» [1, с. 6].

Каллиграфическое оформление надмогильных памятников, включая построение эпитафии и написание прописью даты аналогично малоазийским памятникам, хотя зачастую отличается большей лаконичностью. Широко распространенной практикой было цитирование на лапидарных памятниках коранических аятов — наиболее часто аят «Аль-Курси» (255-й аят суры «Аль-Бакара») и 18–19-го аятов суры «Али Имран», а также хадисов (высказываний Пророка Мухаммада, с.г.в.) и изречений средневековых мудрецов. Характерный и самый распространенный пример такого высказывания:

الموت كاسن كل ناس شاربه والقبر باب و كل ناس داخله

El-mevtu ke-sün külli nâsi şaribuhû ve'l-kabru bâbun ve külli nâsi dâhiluhu.

(Смерть – чаша и каждый отопьет из нее, могила – дверь и каждый войдет в нее).

Эпитафии на камне часто представляли собой сильно перефразированный хадис, сохраняющий только некоторую часть первоначального смысла высказывания: «Этот мир есть жилище тленное, будущий мир – жилище вечное». «Мир есть нива будущей жизни, что посетит на ней то и пожнет...». «Придет смерть, и уйдут твои дни. Останется ли что-нибудь от твоих деяний?». «Смерть есть спокойное тление...» [1, с. 10-12, 14-15; 2, с. 156, 158].

На памятниках золотоордынского периода встречаются многочисленные вариации растительных и геометрических орнаментов, распространены характерные для сельджукского стиля элементы оформления: т.н. «сельджукская цепь» (рис. 1-В), «плетенка» (рис. 1-Д), «узлы счастья» (рис. 2-Г, 2-Е), лампада, свечи в подсвечниках (рис. 2-В), вариации шестиконечной звезды (рис. 2-Д), различного вида розетки (шестилепестковые, звездчатые, спиральные, вихревые) (рис. 1-А, 2-Б). Также можно отметить пример смягчения запрета на изображение живых существ, часто встречающийся на лапидарных памятниках Анатолии и Персии, но нетипичный для Крыма. Это изображение «лучника-кентавра» на одном из мусульманских надмогильных памятников с. Эски-Юрт (г. Бахчисарай) (рис. 1-Б).

Самый известный и оригинальный элемент оформления крымских памятников – стилизованное изображение горящей лампы (*kandil*) подвешенной на цепях (рис. 2-А, 2-В). Часто лампа расположена в нише-углублении, а по бокам от лампы изображались две свечи в подсвечниках. Горящая лампада и свечи – распространенный элемент в оформлении сельджукских надгробий Малой Азии, откуда он и был, по-видимому, заимствован крымскими мастерами [13, с. 638–639].

В сельджукской традиции «горящая лампада» символизировала сердце верующего и свет данный Всевышним, который исходит от его веры [13, с. 640–641; 15, с. 121–122]. Подобная интерпретация скорее всего заимствована из Корана – 35 аят, суры Ан-Нур («Свет»). Одна из средневековых трактовок-тавсиров, поясняющая смысл этого аята, гласит: «...сердце верующего в своей

чистоте уподобляется прозрачной стеклянной драгоценной лампе в нише. Светильник настолько чист, а свет его так ярок, что он подобен жемчужной звезде... Знания Корана и шариата, подобны чистому маслу, которым наполняется лампа (сердце человека), и которое само по себе светится, даже без соприкосновения с огнем. И свет пламени, зажженного верой в сердце человека, накладывается на сияние знаний религии».

Один из вариантов трактовки символа «две свечи в подсвечниках» – это свет знаний Корана и Сунны пророка Мухаммада (с.г.в.) [14, с. 319]. Встречаются памятники, на которых изображена только одна, либо две свечи без лампы.

На лапидарных памятниках Крыма распространены типичные для малоазийских надгробий различные вариации шестиконечной звезды, называемой в исламской традиции *печать пророка Сулеймана* (рис. 2-Д). В суфийской трактовке этот символ использовался как защита от шайтана (дьявола) [16, с. 27]. Причем он встречался как на одежде, украшениях, культовых сооружениях, так и на надмогильных памятниках, где его смысл несколько видоизменялся, и он информировал о набожности покойного [16, с. 27].

Сельджукское влияние косвенно подтверждается и миграцией в Крым населения из Малой Азии и Персии, о чем свидетельствует большое количество «не местных» *нисб*¹, на лапидарных памятниках Крыма, в том числе людей, выходцев из Западного Ирана – Тебриз, Лур (Луристан); Северного Ирака – Эрбиль; Малой Азии – Конья, Ахлат, Сивас, Кастамуни, Токат [1, с. 6, 9; 2, с. 153].

В заключение следует отметить, что, начиная с последней трети XIII в., и вплоть до конца XV вв., в Крыму сформировался лапидарный стиль, основанный на сельджукских традициях (Малая Азия, Закавказье, Персия), но содержащий ряд особенностей, привнесенных как местными христианскими общинами, так и традициями отдаленных регионов (Средняя Азия, Египет). Сельджукское влияние выражалось в типичных для Малой Азии формах надмогильных памятников, каллиграфических композициях и в стиле оформления надмогильных памятников и культовых сооружений. Использовались характерные для этого стиля элементы: «сельджукская цепь», «плетенки», «узлы счастья», лампы, шестиугольные звезды, различного вида розетки, геометрические и растительные орнаменты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчокраклы О. [-Н. А.]. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1(58). С. 5–17.
2. Акчокраклы О. [-Н.А.]. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т. 3. С. 152–159.
3. Башкиров А.С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. М., 1926. № 2. С. 108–125.

¹ Нисба – часть имени, обычно обозначающая место рождения, или место длительного проживания человека.

4. Башкиров А., Боданинский У. Памятники Крымско-Татарской старины. Эски-юрт // Новый Восток. 1925. № 8–9. С. 295–311.
5. Бороздин И.Н. Из Отузской старины: (Надгробие шейха Якуба из Конию 729 г. хиджры) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. Т. 1. С. 25.
6. Бороздин И.Н. Солхат // Новый Восток / Под ред. М. Павловича. М., 1928. № 13–14. С. 271–301.
7. Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. Т. VI, Отд. 2: Сборник материалов. С. 333–367.
8. Кононенко Е.И. Еще раз о «проблеме сельджукского искусства» // Вестник СПбГУ. Сер. 15. Вып. 3. СПб., 2015. С. 66–77.
9. Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. Казань, 2016. № 1. С. 55–88.
10. Усеинов М.А. Новые находки мусульманских надгробий XIII в. на территории г. Старый Крым // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 2. С. 166–175. DOI: 10.22378/kio.2022.2.166-175
11. Усеинов М.А. Датированные мусульманские эпитафические памятники города Солхат/Кырым и его окрестностей // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 333–355. DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-2.333-355 EDN: UIYOHM
12. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
13. Biçici H. Kamil. İznik Müzesindeki Kandil ve Şamdan Motifli Mezar Taşlar // Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Ankara, 2012. Volume 7/3. S. 637–661.
14. Çal Halit. Türklerde mezar-mezar taşları // Aile Yazıları, 8, TC. Aile ve Sosyal Politikalar Bakanlığı Yayını. Ankara, 2015. S. 295–332.
15. Delikgöz Ömer, Fulya Aliç. Osmanlı İstanbul’unda bulunan bazı müslim ve Gayrimüslim mezarlıklarındaki kimi semboller // Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2010. № 13. S. 113–131.
16. Mahmut Ökçesiz. Kuşadası osmanlı mezar taşları. İstanbul, 2003. 120 s.

REFERENCES

1. Akchokrakly O.[-N. A.]. Old Crimean and Otuz Inscriptions of the 13th–15th Centuries. *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva Istorii, Arkheologii i Etnografii*. 1927, no. 1(58), pp. 5–17. (In Russian)
2. Akchokrakly O.[-N.A.]. Old Crimean Inscriptions: Based on the 1928 Excavations. *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva Istorii, Arkheologii i Etnografii*. 1929, no. 3, pp. 152–159. (In Russian)
3. Bashkirov A.S. Seljuqism in Ancient Tatar Art. *Krym*. 1926, no. 2, pp. 108–125. (In Russian)
4. Bashkirov A., Bodaninsky U. Monuments of Crimean Tatar Antiquity. *Eski-Yurt. Novy Vostok*. 1925, no. 8–9, pp. 295–311. (In Russian)
5. Borozdin I.N. From the Otuz Antiquity: (The Tombstone of Sheikh Yakub from Konya, 729 AH). *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva Istorii, Arkheologii i Etnografii (ITOIAE)*. 1927, no. 1, p. 25. (In Russian)
6. Borozdin I.N. Solkhat. In M. Pavlovich (Ed.). *NovyVostok*. 1928, vol. 13–14, pp. 271–301. (In Russian)

7. Broniewski M. Description of the Crimea. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey (ZOOID)*. 1867, no. 6. Part 2: Collection of Materials, pp. 333–367. (In Russian)
8. Kononenko E.I. Once Again on the "Problem of Seljuq Art". *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2015. Series 15(3), pp. 66–77. (In Russian)
9. Kramarovskiy M.G. The Crimea and Rūm in the 13th–14th Centuries (The Anatolian Diaspora and the Urban Culture of Solkhat). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, no. 1, pp. 55–88. (In Russian)
10. Useinov M.A. Useinov M.A. New finds of Muslim tombstones of the 13th century on the territory of SaryKrym. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no. 2, pp. 166–175. DOI: 10.22378/kio.2022.2.166-175 (In Russian)
11. Useinov M.A. Dated Muslim epigraphic monuments of the Solkhat/Kirim city and its environs. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 333–355. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.333-355> (In Russian)
12. EvliyaÇelebi. The Book of Travels. The Crimea and Adjacent Regions. (Extract from the Work of a 17th Century Turkish Traveler). Simferopol: Dolia, 2008. 272 p. (In Russian)
13. Biçici H. Kamil. İznik Müzesindeki Kandilve Şamdan Motifli Mezar Taşlar. *Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. Ankara, 2012. Volume 7/3. S. 637–661. (In Turkish)
14. Çal Halit. Türklerdemezar-mezartaşları. *Aile Yazıları*. Iss. 8. TC. Aile ve Sosyal Politikalar Bakanlığı Yayını. Ankara, 2015, pp. 295–332. (In Turkish)
15. Delikgöz Ömer, Fulya Aliç. Osmanlı İstanbul’unda bulunan bazı müslim ve Gayrimüslim mezarlıklarındaki kimi semboller. *Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*. 2010, no. 13, pp. 113–131. (In Turkish)
16. Mahmut Ökçesiz. Kuşadası osmanlı mezar taşları. İstanbul, 2003. 120 p. (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мемедулла Адилевич Усеинов – младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0001-9064-5819. E-mail: memedulla@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Memedulla A. Useinov – Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0009-0001-9064-5819. E-mail: memedulla@list.ru

Поступила в редакцию / Received 11.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 27.05.2025

Принята к публикации / Accepted 03.06.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.666-683> УДК 94(470+571)"17/1917"
EDN: OZCFTA

**«...В ГОРСКИЕ ЧЕРКЕСЫ УШОЛ КРЫМСКОЙ СТАРОЙ ХАНА»:
ПРЕБЫВАНИЕ СВЕРГНУТОГО ХАНА ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ II
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1703 г.)**

Д.В. Сень

*Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
dsen1974@mail.ru*

Резюме. Цель исследования заявленной статьи состоит в установлении новых исторических фактов, связанных с бегством Девлет-Гирея II, после отрешения от власти и подавления возглавленного им мятежа, на Северный Кавказ весной 1703 г. Исследуются причины, связанные с мятежом Девлет-Гирея II и его последствиями, в т.ч. на фоне характеристики кризисных явлений, охвативших Крымское ханство на рубеже XVII–XVIII вв. Анализируются научные версии, локализирующие место пребывания свергнутого хана среди «горских черкесов» в течение весны-осени 1703 г. (Западная Черкесия, Кабарда).

Материалы исследования представлены нарративными источниками восточного происхождения, а также российскими документальными источниками начала XVIII в. из фондов двух федеральных и одного государственного архива Российской Федерации. Часть этих оригинальных документов впервые вводится автором в научный оборот.

Новизна и научные результаты состоят в привлечении новых данных к решению вопроса о пути бегства и локализации места пребывания Девлет-Гирея II на Северном Кавказе (Кабарда), об организации против него похода во главе с нурадыном Гази-Гиреем. Впервые в науке системно изучено отношение различных групп населения Крымского ханства и Северного Кавказа к бегству Девлет-Гирея II в Кабарду, к его сопротивлению попыткам новых крымских властей добиться его выдачи

Ключевые слова: бунт, Девлет-Гирей II, Кабарда, крымский хан, Крымское ханство, ногайцы, Османская империя, черкесы, Черкесия

Для цитирования: Сень Д.В. «...в горские черкесы ушел крымской старой хан»: пребывание свергнутого хана Девлет-Гирея II на Северном Кавказе (1703 г.) // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 666–683. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.666-683> EDN: OZCFTA

© Сень Д.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**"...THE OLD CRIMEAN KHAN WENT TO THE MOUNTAIN
IRCASSIANS": THE RESIDENCE OF DETHRONED KHAN
DEVLET GIRAY II IN THE NORTHERN CAUCASUS (1703)**

D.V. Sen'

*Institute of History and International Relations,
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation
dsen1974@mail.ru*

Abstract. Research objectives: The aim of this article is to establish new historical details related to Devlet Giray II's escape to the North Caucasus in the spring of 1703 after his impeachment and the crushing of his rebellion. The reasons related to Devlet Giray II's rebellion and its consequences are investigated in the context of the characteristics of the crisis phenomena that loomed over the Crimean Khanate at the turn of the 17th–18th centuries. The article analyzes research findings on the location of the dethroned Khan among the "mountain Circassians" (i.e. Western Circassia, Kabarda) in 1703.

Research materials: These are represented by narrative sources of Oriental origin, as well as Russian documentary sources from the early 18th century, materials from the funds of the federal and state archives of the Russian Federation. Some of these original documents are introduced by the author into scientific circulation for the first time.

Results and scientific novelty: The novel elements of the article consist of: bringing new data to the solution of the question of the escape route and localization of the Devlet Giray II residence in the North Caucasus (Kabarda), as well as the organization of a campaign against him led by Nureddin Gazi Giray. For the first time in scholarship, the attitude of various groups of the population of the Crimean Khanate and the North Caucasus to the Devlet Giray II's escape to Kabarda and his resistance to attempts by the new Crimean authorities to obtain his extradition have been systematically studied.

Keywords: rebellion, Devlet Giray II, Crimean Khan, Crimean Khanate, Kabarda, Nogai, Ottoman Empire, Circassians, Circassia

For citation: Sen' D.V. "...The Old Crimean Khan Went to the Mountain Circassians": The Residence of Dethroned Khan Devlet Giray II in the Northern Caucasus (1703). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 666–683. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.666-683> (In Russian)

Первое правление хана Девлет-Гирея II (февраль 1699 г. – декабрь 1702 г.) пришлось на время существенного ослабления Крымского ханства, вызванного наступлением нового этапа в русско-османских отношениях по итогам русско-турецкой войны 1686–1700 гг. [2, с. 388–392; 8, с. 502]. Хан являлся несомненным лидером крымских элит, выступавших против «примиренческой» политики Османской империи к России после 1696 г. и опасавшихся за дальнейшую судьбу Крымского юрта. На рубеже XVII–XVIII вв. усилились тревоги крымско-ногайских элит за будущее Крымского юрта, охватившие широкие слои его населения после успешного завоевания Россией Азова в 1696 г. и изменения геополитического положения державы Гиреев. В этот же период существенно обострились крымско-османские отношения (в т.ч. в условиях реализации султанским двором новой пограничной

политики и все более растущего несовпадения внешней политики Гиреев и Османов), ухудшились отношения между ханским двором и т.н. ногайскими Ордами, а также внутрдинастийные конфликты среди Гиреев [19, с. 54–59; 20, с. 87–92; 4, с. 269–272; 16, с. 275–279; 5, с. 715–726; 23, с. 459–460, 473]¹.

В.Е. Возгрин писал об опасениях крымского хана Девлет-Гирея II за обороноспособность Крымского юрта в связи с заключением между Россией и Османской империей Константинопольского мирного договора [6, с. 98]. Историк представил идеализированную характеристику указанного правителя: «Крымский хан Девлет-Гирей II... был образцом целеустремленности и политической стабильности. Он правил на протяжении двух периодов (1699–1703, 1708–1713) и успел за это время завоевать доверие и уважение своего народа *не только мягкой внутренней политикой* (выделено мной. – Д.С.), но и еще более – талантом крупного полководца и личной храбростью» [6, с. 97]. Реалистично оценивая перспективы крымско-османских отношений, хан неоднократно совершал провокационные действия в отношении своего сюзерена. В начале XVIII в. он несколько раз инициировал переговоры о переходе Крымского ханства в российское подданство, видимо, пытаясь втянуть «Россию в переговоры и вернуть русско-крымские отношения к состоянию 1681 г.» [4, с. 278–279]. П.А. Аваков резонно обратил внимание на то, что подозрительность «османского правительства целенаправленно подпитывал крымский хан Девлет-Гирей II, особенно остро ощущавший усиление позиций России и Приазовье и Северном Причерноморье»; историк привел несколько примеров его частой переписки со Стамбулом, направленной на дискредитацию статей Константинопольского мирного договора [3, с. 451] и на актуализацию различных страхов у турок-османов. В частности, переписка содержала информацию (вероятно, не вполне достоверную) о постройке Россией в Азове новых кораблей. Недаром новый калга-султан Гази-Гирей, отправленный в Черкесию весной 1703 г. ханом Хаджи-Селим-Гиреем «для взятия» свергнутого хана и его калги-султана, должен был спросить у Девлет-Гирея II после поимки, «что подлинно ли корабли в Азове к бою изготовлены»?² Не исключено, что отголоски соответствующей части дипломатической переписки Девлет-Гирея II с султанским двором отразились в сюжете с присылкой в 1703 г. из Стамбула в Азов капычи-баши с разведывательной миссией, закончившейся неудачей³. Капычи-баша был отправлен в Азов по-

¹ Об опасениях и слухах среди таких подданных Гиреев, как, например, кубанские ногайцы, см.: Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-5. Оп.1. Д. 237. Л. 11, 12; Там же. Оп. 2. Д. 27. Л. 17; Там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 10; Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 13, 15, 18; Там же. Оп. 1. Д. 16. Л. 16; Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4, 8; Там же. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 117. Л. 166, 171 об. К примеру, выходец с Кубани волошеин В. Николаев, допрошенный в Азове в октябре 1700 г., показал, что после заключения в том же году Константинопольского мира он слышал от кубанских татар, что «их татарские обызы (абызы/хафизы. – Д.С.) по чтению книг своих размышляют, *что де у них и Крыму не быт, потому что пришло де последнее время* (выделено мной. – Д.С.), и живут де они кубанцы от ево, великого государя, ратных людей в великом опасении...» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 237. Л. 11).

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 160. Оп.1. 1703 г. Д.11. Л. 666 об.

³ РГАДА. Ф.111. Оп.1. 1703 г. Д.2. Л. 6; Там же. Ф. 160. Оп.1. 1703 г. Д.11. Л. 664 об. – 666.

сле того, как хан написал в Стамбул о том, что в Азове якобы построены 12 кораблей и «хотят итить на Крымской остров войною и о запорожских казаках, что они отложились и пришли к нему ж, хану». Он написал также о том, чтобы султан Мустафа II разрешил идти войной на Азов и другие российские города, а если он того не повелит, то «де московские... люди Крым разорят для того, что де под Таганом рогом кораблей и иных морских судов множество»⁴. В.А. Артамонов отметил, что 26 декабря 1702 г. османское правительство, «недовольное недостаточной информацией Девлет-Гирея II об укреплении русских крепостей и Азовского флота, назначило в Бахчисарай в четвертый (и последний) раз его отца, 70-летнего старца Хаджи-Селим-Гирея I (декабрь 1702 – декабрь 1704 г.)» [4, с. 272]. Дело заключалось не только в недовольстве турками-османами информированностью Девлет-Гирея II на «азовском направлении»; на сей счет у них имелись более существенные причины. Наконец, не стоит, вслед В.Е. Возгрина, приписывать существенную роль в лишении Девлет-Гирея II престола проискам Иерусалимского патриарха Досифея [5, с. 721].

Султанский двор обдумывал вероятное смещение Девлет-Гирея II, по всей видимости, *еще осенью 1702 г.*; по данным П.А. Толстого, в Адрианополь для этого был доставлен «старый» крымский хан [14, стб. 480], т.е. Хаджи-Селим-Гирей I. Удивительные, на первый взгляд, слухи об отрешении Девлет-Гирея II от власти, правившего *до конца 1702 г.*, имели место в Крыму *еще... в 1701 г.*, Мол, в Крым прибыл новый, «молодой», хан, а «старый» (т.е. предыдущий – Девлет-Гирей II) был «взят к турецкому салтану для того, что турецкой салтан к нему... писал и велел собрать в Крыму русских людей невольников, которые взяты за миром и отпустить в русские города. И он, хан, тому... писму учинился непослушен...»⁵. Судя по всему, Девлет-Гирей II обрел в 1702 г. еще одного союзника в лице нового великого везира Далтабана Мустафы-паши, намереваясь склонить Порту к объявлению России новой войны [17, с. 95]. Это не ускользнуло от внимания российского посла в Стамбуле П.А. Толстого [14, стб. 486–487], затем писавшего своему брату И.А. Толстому об отставке их обоих и об удушении великого везира⁶. Он же информировал азовскую администрацию о том, что великий везир Далтабан Мустафа-паша «согласясь с ханом крымским, хотели мир разрушить и войски послать на Азов зимним временем и Азов бы взять безвременно. А салтану доносил он, везирь, что бутто великого государя воинские люди все в собрании в Азове для взятья Крымского острова морем и сухим путем»⁷. Напротив, продолжал посол, султан приказал организовать розыск в отношении везира, после чего «ево, везирия, велел умертвить, а в Крыме хана и калгу велел переменить»⁸. Примечательно, что во время допроса великий везир вновь

⁴ РГАДА. Ф. 160. Оп.1. 1703 г. Д.11. Л. 664 об. – 665.

⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп.1. 1701 г. Д.5. Л. 125–126.

⁶ «Который везирь с Крымским ханом соединяя мыслию, хотели внезапно всчать войну и учинить шкodu, то все успокоилось... понеже хана Крымского за такую непотребную мысль Порты, не хотя нарушить миру, осудила и всех Крымских салтанов на заточение... а везирия... яко непотребную скотину удавили...» [14, стб. 492].

⁷ РГАДА. Ф.111. Оп.1. 1703 г. Д.2. Л. 4.

⁸ РГАДА. Ф.111. Оп.1. 1703 г. Д.2. Л. 4.

заговорил о том, что «войска де он собрал для того, чтоб итит на Азов для обороны Крымского острова»⁹. Смещение великого везира Далтабана Мустафы-паши, по архивным данным О.Г. Санина, произошло 13 января 1703 г. [16, с. 278], вскоре после лишения Девлет-Гирея II престола, состоявшегося в конце декабря 1702 г. Бывший хан, незадолго до того подавивший бунт Буджакской Орды во главе со своим братом и нурадыном Гази-Гиреем [4, с. 271; 16, с. 276–277; 17, с. 85–88], теперь сам решился на открытое выступление против Порты [16, с. 278; 4, с. 272]¹⁰. При этом, направляя действия своих подданных, Девлет-Гирей II и его калга-султан Сеадет-Гирей говорили: «Верховный везирь с нами заодно, против нас никто не пойдет» [цит. по: 23, с. 488]. Необходимо также сказать о том, что крымская знать *массово* поддерживала своего хана, призывая его не подчиняться султанскому фирману об отстранении от престола [25, с. 113]. Важно отметить, что после своей отставки хан продолжил переписываться с великим везиром. По словам П.А. Толстого, Далтабан Мустафа-паша писал бывшему хану о том, «чтоб татары воспротивились султану и всчали бы бунты, а ему бы для усмирения их собрать рати и ийти на Дунай, и будто невозможно их покорить, соединяся с ними, купно ийти на Азов или на Киев войною» [16, с. 278]. Обстоятельства сложились таким образом, что мятеж Девлет-Гирея II, существенной силой которого являлись нагайцы, был подавлен турками-османами и самими крымцами¹¹, очевидно, к весне 1703 г.; «и турецкие паши тех нагайцов уняли, старшину их казнили, а меж черным народом стоят их войска, и нагайцы их кормят, и берут у них, хто что хочет насилно. И на Днестре мосты разметали и стоят за Днестром на реке Реутом (р. Реут – правый приток Днестра. – Д.С.) в той Нагайской орде. А орда де Крымская стоит ныне в Волоской земле против города Добысар (речь о Дубоссарах. – Д.С.)»¹².

Заметим, что последующие события в жизни свергнутого хана нашли только фрагментарное освещение в историографии. О.Г. Санин только заметил, что после неудачной попытки укрыться в Запорожье Девлет-Гирей II бежал на Северный Кавказ к черкесам: «Вдогонку за ним был послан отряд во главе с его братом Каплан-Гиреем. Опасавшиеся войны с Крымом черкесы выдали Девлет-Гирея» [16, с. 278], после чего он был помилован отцом – правящим ханом Хаджи-Селим-Гиреем. В более поздней работе тот же историк указал, что после попытки укрыться в Запорожье¹³ бывший хан ушел на

⁹ РГАДА. Ф.111. Оп.1. 1703 г. Д.2. Л. 4.

¹⁰ См. представленную О.Г. Саниным подробную картину событий, связанных с мятежом Девлет-Гирея II [17, с. 88–98].

¹¹ РГАДА. Ф.160. Оп.1. 1703 г. Д.11. Л.680.

¹² РГАДА. Ф.160. Оп.1. 1703 г. Д.11. Л. 681–681 об.

¹³ Это любопытно само по себе, ведь в начале XVIII в. казаки-запорожцы несколько раз предпринимали определенные действия по переходу в крымское подданство; напр., в 1702 г.: РГАДА. Ф. 89. Оп.1. 1702 г. Д. 7. Л. 2 об. – 3. Какое-то время на повестке дня стоял вопрос об их переходе в османское подданство: РГАДА. Ф. 160. Оп.1. 1703 г. Д.11. Л. 657 об.; РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 94. Л. 191 об. – 192 (*документы из ф. 229 РГАДА любезно представлены автору к.и.н. К.А. Кочегаровым, с.н.с. ИС РАН*). Примечательно, что почти одновременно с переговорами на эту тему с Юсуфом-пашой запорожцы пытались договариваться о крымской протекции с новым крымским ханом – Хаджи-Селим-Гиреем (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 94. Л. 192). Гетман И.С. Мазепа высказывал в феврале 1703 г. опасения по схожему поводу (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д.

Дон¹⁴, «но там его не приняли и он был вынужден бежать к черкесам» [17, с. 87]. В.А. Артамонов писал о том, что после выхода из Крыма Девлет-Гирею пришлось остановиться у Очакова, после чего он «двинулся на Украину, наконец, отступил в Кабарду» [4, с. 272]. Вместе с тем, после выхода в свет статьи В.Н. Сокурова еще в 1976 г. [22, с. 34–35] сюжет о походе Гази-Гирея в 1703 г. за братом Девлет-Гиреем II в Кабарду не получил, к сожалению, должного развития в современной историографии [напр.: 9, с. 74]. Правда, некоторые известия Д. Лехно, важные для разбираемой темы, актуализовал Дж.Я. Рахаев, полагавший, что кабардинская знать осталась верна союзническим обязательствам перед бывшим ханом [15, с. 54–55]. Решение вопроса о событиях и последствиях бегства Девлет-Гирея II на Северный Кавказ после событий в Буджаке, учитывая масштаб его личности и значение мятежа в истории османо-крымских отношений начала XVIII в., представляется насущной исследовательской задачей. Ведь, как правило, большинство авторов максимально «сжимают» во времени описание событий между подавлением бунта Девлет-Гирея II и его отступлением на Северный Кавказ весной 1703 г. Кроме того, практически ничего не было известно о реакциях различных этнических групп Северного Кавказа, включая ногайцев и черкесов, на появление в регионе такой крупной фигуры, как свергнутый хан.

Сформулирована цель исследования – установить новые исторические факты, связанные с бегством Девлет-Гирея II, после отрешения от власти и подавления возглавленного им мятежа, на Северный Кавказ весной 1703 г. В статье проанализированы основные научные версии, локализирующие место пребывания свергнутого хана Девлет-Гирея II среди «горских черкесов» в течение весны-осени 1703 г. (Западная Черкесия, Кабарда). Привлечены историографические и новые исторические источники, освещающие историю бунта хана Девлет-Гирея II на фоне кризисных явлений в истории Крымского ханства рубежа XVII–XVIII вв. Выделены основные сюжеты, необходимые для раскрытия темы, в т.ч. малоизученные и дискуссионные для науки. Основные материалы исследования представлены нарративными источниками восточного происхождения, а также многочисленными российскими документальными источниками начала XVIII в. из фондов трех российских архивов – двух федеральных и одного государственного. Немалая часть этих оригинальных документов впервые вводится автором в научный оборот. Среди методов, использованных при написании статьи и анализе эмпирического материала, использованы как общенаучные, так и специальные исторические, в т.ч. историко-генетический, историко-хронологический, историко-системный.

Девлет-Гирей II имел все основания опасаться за свою жизнь после отрешения от власти в конце декабря 1702 г. Недаром турецкий султан Мустафа II по итогам розыска в отношении Далтабана Мустафы-паши повелел, «чтоб хана крымского, хотя великими силами сыскав, привести в Адриано-

94. Л. 62–62 об.). Вероятно, в марте 1703 г. посольство запорожцев во главе с атаманом П. Сорочинским прибыло на переговоры в Перекоп с крымской знатью (включая ханского везира), которая не принесла казакам успеха (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 94. Л. 75 об.–77 об.).

¹⁴ Данное суждение представляется автору статьи бездоказательным, а исторические свидетельства об этом, даже если они отразились в источниках – недостоверными.

поль для смертные ж казни, потому что те все вымыслы чинились от него»¹⁵. По данным П.А. Толстого, после гибели Далтабана Мустафы-паши «татары... впали в страх, и хан крымский и калга-султан, которые чинили бунт, побежали, сказывают, в Черкасы, хан с тридцатью человеки, а калга-салтан с девятыю человеки» [14, стб. 487]. Подобные сведения из Адрианополя затем не только транслировались в России, но и находили подтверждение в лице других современников описываемых событий, в т.ч. купцов¹⁶. З. Стилевич, опираясь на информацию других информированных современников, писал гетману И.С. Мазепе 27 февраля 1703 г. о том, что «прошлый» хан, «надеясь на крымцов, что ему повинны против турка, толко не пощастило ему и уступил. И доведаясь о том в Белгородчине салтан (Гази-Гирей? – Д.С.) с сыном ханским за ним пошол»¹⁷. К слову, в столице Османской империи и в разных слоях османского общества позже интересовались судьбой свергнутого хана. Российский посол П.А. Толстой недаром писал Ф.А. Головину 25 июля 1703 г.: «В народе, государь, слух обносится, будто изверженной хан крымской (т.е. Девлет-Гирей II. – Д.С.) в черкесах собрал много войску, и будто хочет приходить с войной на турок, обаче сие не суть еще подлинные ведомости»¹⁸. Т.К. Крылова писала, что после гибели великого везира «замыслы крымцев и кубанцев потерпели фиаско. Турецкое правительство отдало приказ новому правителю Крыма направить 60 тыс. татар против черкесов. Для поощрения ему было послано 40 тыс. золотых червонных и золотое оружие – сабля и кинжал» [11, с. 258].

Может сложиться ошибочное представление о якобы *стремительных* действиях Девлет-Гирея II по отступлению в черкесские земли после гибели великого везира Далтабана Мустафы-паши. Но бунт еще продолжился после гибели великого везира! После его подавления, по данным В.Д. Смирнова, бывший хан не стал возвращаться в Крым, а направился в сторону Ени-Кале, откуда проследовал на Таманский остров и далее – к черкесам [23, с. 489]. Ниже рассмотрена реконструкция последующих событий, предложенная выдающимся востоковедом. Новый нурадын Каплан-Гирей, отправленный ханом Хаджи-Селим-Гиреем I (отцом Девлет-Гирея II) за беглецом с предложением тому отправиться в Румелию, не догнал бывшего хана, уже успевшего укрыться в Кабарде [23, с. 489]. В мае-июне 1703 г. новый хан отправил на Северный Кавказ с отрядом другого своего сына и калгу-султана – Гази-Гирея – для возвращения бывшего хана и его калги-султана. Девлет-Гирей II сумел избежать прямого конфликта с отцом, написав письмо с просьбой о помиловании, принятое Хаджи-Селим-Гиреем I [23, с. 489]. Уйдя затем с территории Северного Кавказа морем в Балаклаву, бывший хан проследовал в крепость Ферах-Керман (Ор-Капы), а затем (в январе 1704 г.) отправился на о. Родос в ссылку [23, с. 489].

Сообщая о Кабарде как о месте укрывательства Девлет-Гирея II на Северном Кавказе, В.Д. Смирнов сослался на данные С.М. Ризы из «Семи планет». Но в современном издании этого произведения речь идет только о

¹⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1703 г. Д. 2. Л. 4 об.

¹⁶ «...хан крымской и калга-салтан ушли в Черкесы. А орда вся осела и никакого не имеет дочинения войны проти Порты» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 94. Л. 63 об.)

¹⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 94. Л. 82.

¹⁸ РГАДА. Ф. 89. 1703 г. Д. 3. Л. 417–417 об.

«черкесских краях», куда устремились один за другим Девлет-Гирей II и его калга-султан – Сеадет-Гирей [18, с. 451]. У того же автора находим важную деталь о начале похода Гази-Гирея – 7 мая 1703 г. В современном издании другого, не менее известного труда, принадлежащего перу А. Кырыми, сообщалось о том, что вместе со своим калгой, султаном Сеадет-Гиреем, Девлет-Гирей сначала бежал в Крым, а «затем в сторону Черкеса. Через некоторое время Девлет Гирай хан сначала с Тамана сел на корабль, вышел на Балкалагы, по суше отправился в государство и был отправлен в тюрьму на Родосе. Саадет Гирай остался в Черкесе» [1, с. 129]. Важное уточнение о времени отъезда Девлет-Гирея с Тамани после оставления Черкесии находим у С.М. Ризы (ноябрь 1703 г.), после чего (в ноябре-декабре того же года) на судне он «вошел в пристань [одного] из крымских портов Балаклавы», а затем, после некоторых перипетий, был сослан в конце января 1704 г. на о. Родос [18, с. 456, 457]. Таким образом, действительно масштабная операция по возврату свергнутого хана с территории Северного Кавказа заняла у новых властей Крыма продолжительное время – *более полугода!* Ее подробное описание потребует отдельного исследования. Добавлю, что по данным Фындыклылы Мехмеда-аги, первым в Черкесию бежал Сеадет-Гирей, а следом, вместе с 50 воинами, туда проследовал из крепости Ор-капы сам Девлет-Гирей II [15, с. 603]. Стоит добавить, что по сведениям валашского господаря К. Дуки, изложенным в его письме гетману И.С. Мазепе от 28 февраля 1703 г., «старой хан (т.е. Девлет-Гирей II. – Д.С.) из Килии пошел в Крым, а все силы турецкие, назначены были против татар, чтоб билис, хотя бунты престали, однако идут безпрестанно, и на Буджаках иметь будут становище, и всю зиму там будут»¹⁹. Таким образом, после главных событий бунта, связанных с осадой османских крепостей в Буджаке, бывший хан все-таки вернулся в Крым. В другом письме тому же адресату он уточнял, что «хан татарской *наскоро* (выделено мной. – Д.С.) бежал в Крым»²⁰. Важно, что до отступления на Северный Кавказ свергнутый хан действительно пытался найти убежище в Запорожской Сечи. Новый нурадын Каплан-Гирей написал в Запорожье письмо с просьбой не принимать бывшего хана, после чего Девлет-Гирею II было отказано в помощи и в убежище [17, с. 97].

Новые документальные источники помогают решить малоизученные и дискуссионные вопросы, связанные с действиями свергнутого хана и новых крымских властей после подавления бунта, начавшегося, возможно, уже в начале 1703 г. Принципиальное значение имеет также ответ на вопрос о *направлении* бегства бывшего хана – Западная Черкесия или Кабарда? Итак, согласно российским данным *на 7 апреля 1703 г.*, «прежней де крымской хан Девлет Гирей с сыном своим кубанским салтаном Бахти Гиреем и с узденями своими ушли в горы к черкесом. А в Крым де на него, ханово, место прислан хан из Царяграда – отец его, Девлет Гирей хана, – Селим Гирей... А с Кубани ж де Сартлана мурзу и иных лутчих мурз взяли в Крым, а ныне де на Кубани первым мурзою Урак мурза»²¹. Стоит отметить, что к тому времени старший сын Девлет-Гирея II – султан Бахты-Гирей – пребывал на Кубани в качестве

¹⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп.2. Д.94. Л. 141.

²⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 94. Л. 142.

²¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф.177. Оп.1. Д.25. Ч.1. Л.793 об.

его представителя уже несколько лет [7, с. 97–100] и, судя по всему, находил-ся с отцом в нормальных отношениях. Ближайшей к Кубани территорией, населенной черкесами, являлась Западная Черкесия, а не Кабарда; хотя в приведенной цитате нет указания на локализацию места, где укрылись бегле-цы. Другие важные сведения содержатся в расспросных речах от 31 мая 1703 г. грека Андрея Васильева (торгового представителя Саввы Рагузинско-го), выехавшего из Стамбула 8 апреля 1703 г. с письмами от российского посла П.А. Толстого. В частности, его морской путь пролегал через Тамань в Керчь и в Ачуев: «И как был он в тех городах и слышал, и в Тамани *сам ви-дел* (выделено мной. – Д.С.), что крымский хан отправил 30 тыс. татар «с сы-ном своим Казы-Гиреем²² для взятия в черкесах (выделено мной. – Д.С.) сы-новой своих, которой был на ханстве Девлет-Гирея, да калги (имеется в виду калга бывшего хана Девлет-Гирея II – Сеадет-Гирей. – Д.С.) и ушли в черке-сы. А Девлет-Гирей де и калга говорят, ест ли де их станут неволить итти в Крым, и они де в Крым не пойдут, а пойдут в черкесы или в калмыки, или к Москве»²³. Далее приведем необходимый отрывок из расспросных речей аст-раханского стрельца Василия, привезенного кубанскими ногайцами «на роз-мену» в Азов 20 мая 1703 г.²⁴: «А ныне у них собрание на горских черкес войною для того, что де в горские черкесы ушел крымской старой хан (т.е. «предыдущий» хан – Девлет-Гирей II. – Д.С.), а они де, черкесы, ево, хана, не отдают. И кубанские де татары говорят, что де новому крымскому хану под-ручны быть не хотят. И будет же прежней хан по-прежнему на ханстве будет, и они де хотят подклонитца под высокодержавную великого государя ру-ку»²⁵. Обращу внимание на три момента:

– свергнутый хан и его калга-султан не собирались сдаваться и, судя по всему, были настроены решительно;

– «горские черкесы» не желали *выдавать* Гази-Гирею бывшего крымско-го хана. В свете изложенного полагаю неубедительной версию О.Г. Санина о том, что черкесы *выдали* крымским властям бывшего хана [16, с. 278];

– налицо негативное отношение кубанских ногайцев как к хану Хаджи-Селим-Гирею, так и к свергнутому хану Девлет-Гирею II.

Во втором случае необходимо еще раз обратить внимание на то, о каких группах черкесов идет речь в этом и т.п. источниках – *только о кабардинцах* или о *западных адыгах* тоже? Западные адыги регулярно именовались в рос-сийских делопроизводственных источниках, судя по географии описываемых событий, «горскими черкесами»²⁶. Не исключено, что путь низложенного хана в Кабарду пролегал через Западную Черкесию. Более того, ему небезопасно было пробираться в Кабарду через территории, населенные кубанскими ногай-

²² Девлет-Гирей II пребывал в сложных отношениях со своим родным братом Гази-Гиреем, якобы намереваясь убить его в первое свое правление. У братьев имелись и другие основания для вражды [16, с. 276; 17, с. 85; 23, с. 279]. Тем примечательнее, что именно султану Гази-Гирею хан Хаджи-Селим-Гирей поручил поимку мятежного Девлет-Гирея II.

²³ РГАДА. Ф.160. Оп.1. 1703 г. Д.11. Л. 670 об.

²⁴ Копию этого же фрагмента см.: РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д.37. Л.453 а.

²⁵ РГАДА. Ф.160. Оп.1. 1703 г. Д.11. Л. 672 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 123. 1699 г. Оп. 1. Д. 2. Л.9–10; ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д 20. Л. 10; ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4; ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 17–18.

цами. Девлет-Гирей II, к тому же, был связан с западными адыгами через институт аталычества, будучи воспитан в «племени бесленей» [25, с. 112]. Именно поэтому он обиделся на своего родного брата Каплан-Гирея, обошедшего жестоко с бесленеевцами в ходе расследования убийства в 1699 г. их общего брата – султана Шахбаз-Гирея [25, с. 112]²⁷. Более того, связи Девлет-Гирея II с бесленеевцами оказываются более прочными, чем об этом можно судить по случаю 1703 г. Его жена, мать его сына Крым-Гирея, будущего крымского хана, была *бесленеевкой* и сестрой бесленеевского князя Кануко [26, с. 89]. Остается догадываться, почему свергнутый Девлет-Гирей II не решился остаться у бесленеевцев... Быть может, он сознавал уязвимость такого возможного решения, поскольку с территории соседней Кубани его врагам можно было быстрее напасть на Западную Черкессию, нежели на Кабарду.

Что касается отмеченного выше третьего аспекта, то отношения хана Девлет-Гирея II с ногайцами разных Орд (включая Буджакскую (Белгородскую), восставшую во главе с нурадыном Гази-Гиреем в 1699–1701 гг. [27, р. 125–146], когда ханом был именно Девлет-Гирей II) обострились после заключения в 1700 г. Константинопольского мирного договора. Не стали исключением и кубанские ногайцы, неоднократно изъявлявшие желание перейти в российское подданство (также опасавшиеся резко усилившегося положения России по соседству с собой) [3, с. 238–246; 21, с. 109–119]²⁸, что не могло устроить правящего хана и его представителей на Кубани²⁹. Впрочем, даже крымская знать выражала недовольство своим ханом (на фоне того, что, мол, русский царь *жалует* своих подданных), из-за чего многие крымские мурзы со своими улусами намеревались выехать под «ево... высокодержавную руку»³⁰. Кубанский Есеней-мурза, намеревавшийся перейти в российское подданство, сообщал в марте 1700 г. о настроениях в Белгородской Орде (которая «с Крымом и до сего времени не помирилась»), владетель которой (Гази-Гирей?) мириться с ханом не хочет, а «хочет он отдать великому государю в оманаты сына и приехав со всею ордою, жить блиско Азова города по Кагалнику или где... государь укажет...»³¹. К подавлению бунта своего брата хан Девлет-Гирей II привлек не только крымских татар. По свидетельству донских казаков, С.П. Кочета и Д.М. Калининкова, отправленных из Войска Донского на Кубань и бывших там с 23 ноября 1700 г., «при них... Кубек (именно Кубек-ага, не Кубек-мурза! Обоснование см. ниже. – Д.С.) и мурзы, и черные татары, и ахреяне пошли войною на Белгородскую орду по присылке от крымского хана»³². Важная деталь – в поход против ногайцев Белгородской Орды не вышел ни один из улусных людей Кубека-мурзы и Урака-мурзы, ранее откочевавших на Дон в Черкасск³³. Более того – кубанские мурзы, недовольные ханом Девлет-Гиреем II, «з Белгородскою ордою учинили

²⁷ О самом убийстве и его расследовании см.: [23, с. 467–469].

²⁸ Также см.: ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д.5. Л.3; Там же. Оп. 1. Д. 237. Л. 12; Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.

²⁹ РГАДА. Ф.111. Оп.1. 1701 г. Д.5. Л.2–3, 80, 121, 171, 172; РГАДА. Ф.111. Оп.1. 1700. Д.3. Л. 24–25.

³⁰ РГАДА. Ф.111. Оп.1. 1700. Д.3. Л. 27.

³¹ РГАДА. Ф. 111. Оп.1. 1700. Д.3. Л. 26.

³² ГАВО. Ф. И-5. Оп.1. Д.211. Л.1.

³³ ГАВО. Ф. И-5. Оп.1. Д.211. Л. 2, 2 об.

меж себя пересылку и ссылались писмами, чтоб им, кубанским мурзам, в том хану не помогать, а иметь бы меж собою соединение»³⁴. Один из них, Урак-мурза даже отправил в Белгородскую Орду своих двух родных братьев-мурз, а с ними двести человек, «и писали меж себя и души дали, и послали из Белгородской орды к салтану в Царьград, что им жить от крымского хана чрез меру обидно»³⁵. Ногайцы писали о том, что «однолично о том они положили, что им ему салтану (Гази-Гирею? – Д.С.) не служить от обид крымского хана, а как они придут служить к царскому величеству, и чтоб великий государь пожаловал их, поволил кочевать по Донцу по Северскому и по иным речкам»³⁶. В своих расспросных речах, взятых в Черкасске, по видимому, уже 24 ноября 1700 г., *большеногайские* Кубек-мурза («Али мурзин сын Аксакун») и Урак-мурза сообщали, что они и другие многие мурзы и татары желают з женами и з детми быть и выехать жить под его великого государя высокодержавною рукою»³⁷. Они же рассказали, что у Урака-мурзы имеется пять сыновей, у Кубека – один, а улусных людей у них обоих – 50 тыс., не считая жен и детей³⁸. Кубанский султан, один из ханских сыновей, взял на Кубани в аманаты у Урака-мурзы сына и брата, у Кубека-мурзы – брата; «и есть ли де не учинят им казни, то будут и они вскоре к ним». Улусных людей осталось у Кубека-мурзы и Урака-мурза на Кубани 2 тыс. «казанов, а у казана бывает человека по четыре, и по пяти, и болши». Что касается влиятельного на Кубани Кубек-аги, то, по словам русского бывшего полоняника К.К. Скалзубова, вышедшего с Кубани и допрошенного в Азовской приказной палате (очевидно, уже 10 апреля 1699 г.), общавшегося с кубанскими ногайцами, «что сей де весны с Кубани Кубек-ага хотел для договору о миру быть в Азов в скорых числах, чтоб им, замиряся, кочевать было свободно...»³⁹.

Важно и то, что, по словам упомянутых Кубека-мурзы и Урака-мурзы, крымский хан Девлет-Гирей II «отца де их... взял к себе тому ныне четыре месяца»⁴⁰. Более того, намерения ногайских орд, о которых писалось выше, поддержали едисанцы, проживавшие на Кубани и у которых, к слову, были непростые отношения с тамошними ногайцами. Кубанские едисанцы, включая мурз Тинбаевых, «согласие учинили... что им итти под высокодержавную великого государя руку к Астрахани»⁴¹. Судя по всему, соответствующие настроения охватили тогда значительную часть кубанских подданных хана Девлет-Гирея II⁴², составив российским властям изрядную проблему уже после заключения мира в 1700 г. Еще 1 мая 1701 г. войсковой атаман И. Григорьев и Войско Донское сообщали о том, что «кубанские и едисанские мурзы и татары», желавшие быть в подданстве у царя, «из-за Кубана переехать не смеют за осторожностью тамошних салтанов»⁴³.

³⁴ РГАДА. Ф. 111. Оп.1. 1700 г. Д.5. Л.54.

³⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп.1. 1700 г. Д.5. Л.54.

³⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп.1. 1700 г. Д.5. Л.54.

³⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп.1. 1700 г. Д.5. Л. 60.

³⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп.1. 1700 г. Д.5. Л. 60.

³⁹ ГАВО. Ф. И-5. Оп.2. Д. 117. Л. 171 об.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 111. Оп.1. 1700 г. Д.5. Л. 60.

⁴¹ РГАДА. Ф. 111. Оп.1. 1700 г. Д.5. Л.54.

⁴² РГАДА. Ф. 111. Оп.1. 1700 г. Д.5. Л. 62–65.

⁴³ РГАДА. Ф. 111. Оп.1. 1700 г. Д.5. Л. 72.

В 1703 г. ногайцы приняли участие в разыскании и в преследовании Гази-Гиреем лишенного престола Девлет-Гирея II, о чем ранее имелись только отрывочные данные. 31 мая 1703 г. приехал из Ачучева к Азову татарин с вестями, среди которых была информация о том, что в Белгородской Орде ожидают того, «...что учинитца у калги Казы-Гирея салтана, которой поехал в горы к черкесом для взятыя войною брата своего, бывшего хана Девлет-Гирея. А войска де с ним ис Крыму 80 тысяч человек, да из Нагаю со всякой кибитки по человеку»⁴⁴. Еще более важные сведения содержатся в расспросных речах донского казака М.Ф. Сулина, прибывшего морем из Стамбула в Керчь 12 июня 1703 г., а оттуда, на третий день, в Азов: «...как де он ехал мимо кубанских юртов и аулами де идут воинские многие люди для сыску старого хана крымского (т.е. Девлет-Гирея II. – Д.С.) в Кабарду...»⁴⁵. Перед нами – одно из немногочисленных *документальных* свидетельств о конкретном месте пребывания Девлет-Гирея II – именно в *Кабарде*, а не в «Черкесии» или в «горских черкесах». К слову, сведения француза Феррана, *сопровождавшего* в походе калгу-султана Гази-Гирея, тоже позволяют судить о том, что войска двигались по территории Северо-Западного Кавказа в направлении Кабарды [24, с. 110–112]. У того же автора находим некоторые важные подробности похода 1703 г.: «Из любопытства... я сопровождал калгу в его походе, на что получил дозволение от хана, его отца. Мы выступили с 40 000 человек и после двадцатидневного пути через ногайские страны достигли Черкесии...»; «Не стану описывать здесь сей войны, а окажу только, что султан-калга победил, и взял в плен своего брата (Девлет-Гирея II. – Д.С.), но, благородно пользуясь своей победою, удовольствовался тем, что предоставил его отцу, который принял строптивного сына с распростертыми объятиями» [24, с. 110].

По данным хорошо осведомленного крымчакского хрониста Д. Лехно, свергнутый хан и его калга-султан, «видя конечную немилость Султана Турецкаго, спаслись бегством в землю Черказ. Царь Девлет-Гирей-Хан ушел в Диджан-Каласи, что в Черказы (публикатор фрагмента хроники определил Диджан-Каласи как Анапу, что, конечно, не так. – Д.С.) и поселился там, а с ним около 300 человек» [12, с. 701]. Замечу, что у Д. Лехно отсутствует прямое указание на Кабарду; поэтому не вполне исторично, как делают некоторые авторы, *автоматически* соотносить топоним «Черказы» с Кабардой. Для такого «очевидного» отождествления стоит использовать сумму необходимых источниковых данных. В хронике Д. Лехно находим уникальное свидетельство о якобы имевшей место попытке царских властей через своего лазутчика переманить в российское подданство Девлет-Гирея II и назначить его «владыкою над Великою-Татариюю, в Казанской земле, над народом сильным и многочисленным, над которым можешь царствовать по желанию своему» [12, с. 701]. На такое предложение бывший хан ответил категорично: «...не желаю и царства от него: ни жала его, ни меда» [12, с. 701]. Безусловно, необходимы дополнительные источниковые изыскания по данному вопросу; но сам сюжет органично включается в историю имевших место в первые десятилетия XVIII в. переговоров о переходе Крымского ханства в российское подданство [4, с. 272–282]. Далее, по словам хрониста, бывший хан, видя, что он «тесним братьями

⁴⁴ РГАДА. Ф. 160. Оп.1. 1703 г. Д. 11. Л. 666 об.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп.1. 1703 г. Д. 2. Л. 5 об.

своими» (но участвовал ли в походе султан Каплан-Гирей?), послушался «речей старца-отца и возвратился в Крым нехотя. Его посадили на судно и сослали на остров Родос» [12, с. 701]. Таким образом, Ферран и Д. Лехно по-разному описали обстоятельства возвращения свергнутого хана в Крым, которые дают *косвенную* информацию о том, что в Кабарде тогда не случились ни битва за жизнь и свободу Девлет-Гирея II, ни его выдача кабардинцами Гази-Гирею. При этом преждевременно, опираясь на данные кабардинского фольклора, реконструировать тогдашние события таким образом, что пришедшие из Крымского ханства войска (якобы во главе с самим ханом) творили в Кабарде массовые бесчинства [10, с. 328–329]. Обращение к оригиналу цитируемого К.Ф. Дзамиховым произведению Ш. Ногмова [13, с. 135–136] не позволяет соотнести описанный поход крымского хана (?) на Кабарду с походом калги-султана Гази-Гирея в 1703 г. Сохранению жизни бывшего хана способствовало, вероятно, то обстоятельство, что еще летом 1703 г. султан Мустафа II был низложен; престол перешел к султану Ахмету III, вернувшему опальному Девлет-Гирею II ханский титул в конце 1708 г.

В статье были выявлены и исследованы причины, связанные с мятежом Девлет-Гирея II, а также его последствия, представленные автором на фоне характеристики кризисных явлений, охвативших Крымское ханство на рубеже XVII–XVIII вв. На конкретных примерах показаны особенности первого правления хана Девлет-Гирея II, сопровождавшиеся ростом недовольства его политикой со стороны многочисленных подданных, включая ногайцев разных Орд. Тем не менее, его собственный бунт отражал те же самые тенденции состояния Крымского юрта, недовольного новой пограничной политикой Османской империи. Представления о событиях указанного бунта существенно расширены за счет постановки и частичного решения новых исследовательских задач. Статья, опирающаяся на широкий круг нарративных и документальных источников, позволила автору окончательно решить вопрос о *многomesячном* характере похода калги-султана Гази-Гирея за братьями – свергнутым ханом Девлет-Гиреем II и его калгой-султаном Сеадет-Гиреем.

Доказано, что к началу похода (7 мая 1703 г.) бывший хан со своим ближайшим окружением уже не менее месяца находился «в горских черкесах». Его старший сын Бахты-Гирей, кубанский султан, сыграл определенную роль в успешном отступлении отца в Кабарду, вероятно, через территорию Западной Черкесии. В указанной связи актуализованы данные об аталыческих связях бывшего хана Девлет-Гирея II с бесленеевцами. Анализ письменных источников привел автора к выводу о том, что бывший хан действительно нашел пристанище в Кабарде, причем кабардинцы не собирались выдавать Девлет-Гирея II калге-султану Гази-Гирею. Не собирался сдаваться и сам свергнутый хан, предполагавший разные варианты своего дальнейшего пребывания на Северном Кавказе. Впервые в историографии показаны реакции различных групп населения Крымского ханства и Северного Кавказа, связанные с отрешением Девлет-Гирея II от власти и с его бегством на Северный Кавказ. Получены новые данные о географии следования войск калги-султана Гази-Гирея за свергнутым ханом (по территории Северо-Западного Кавказа вплоть до Кабарды), в т.ч. с опорой на свидетельства современников и очевидцев. Доказано, что ногайцы действительно принимали участие в пре-

следовании бывшего хана, популярность которого резко снизилась среди его подданных еще до отставки, последовавшей в декабре 1702 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдед ал-ахбар. Кн. 2: Перевод / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева: общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.

2. Аваков П.А., Сень Д.В. Крымско-русские отношения и новая система международных договоров (1700–1772 гг.) // История крымских татар. В 5 томах. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 386–403.

3. Аваков П.А. «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII века. СПб.: Историческая иллюстрация, 2022. 800 с.

4. Артамонов В.А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. М., 2011. Вып. 10. С. 269–286.

5. Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырех томах. 3-е изд. Симферополь: Издательский дом «Тезис», 2013. Т. I. 872 с.

6. Возгрин В.Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и турецким султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения 2008 года: этнографические и культурно-исторические аспекты: Сб. ст. / сост. Т.А. Шрадер, отв. ред. И.Б. Губанов, Т.А. Шрадер. СПб., 2010. С. 97–117.

7. Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / Ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М., 2013. С. 92–137.

8. Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2022. 528 с.

9. Дзамихов К.Ф. Канжальская битва в контексте кабардино-крымских отношений в конце XVII – первой трети XVIII в. // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: Исследования и материалы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. С. 73–81.

10. Дзамихов К.Ф. Адыги: веги истории; Адыги в политике России на Кавказе (1550-е гг. – начало 1770-х гг.); Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. (исследования и материалы); Отечественная историография социально-экономического строя Кабарды в прошлом; Вместо заключения. Нальчик: Эльбрус, 2008. 816 с.

11. Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. 1941. Т. 10. С. 250–279.

12. [Лехно Д.]. Девар Сефафаим // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1848. Том второй. Отд. III. С. 693–704.

13. [Ногмов Ш.]. История адыгейского народа, составленная по преданиям Кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым. Напечатана с подлинной, исправленной рукописи и дополнена предисловием, биографией автора, примечаниями и приложениями Ад. Берже. Тифлис: В Типографии Главного Управления Наместника Кавказского, 1861. 176 с. + V с.

14. Письма (гр.) П.А. Толстого из Турции к брату его И.А. Толстому // Русский архив. 1864. Вып. 5–6. Стб. 473–493.
15. Рахаев Дж.Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг., российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII века. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 784 с.
16. Санин О.Г. Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 275–279.
17. Санин О.Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII века: Дис. ... к.и.н. М., 1996. 454 с.
18. Сейид Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 2. Перевод / перевод с османского И.Р. Гибадуллина; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 528 с.
19. Сень Д.В. Международное положение Османской империи и эволюция крымско-османских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 3. С. 54–59.
20. Сень Д.В. Азовские походы и их последствия в истории Крымского ханства. Рубеж XVII–XVIII вв. (на примере ногайской Кубани) // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы второй Международной научно-практической конференции (г. Черкесск, 12–13 октября 2016 г.), Черкесск: б/и, 2016. С. 87–92.
21. Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.) // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. № 2. С. 109–119.
22. Сокуров В.Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – начале XVIII века // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1976. Вып. X. С. 27–40.
23. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в 2-х томах. Т. 1. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М.: Рубежи-XXI, 2005. 542 с.
24. Ферран. Путешествие из Крыма в Черкесию, через земли ногайских татар, в 1709 году // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1974. С. 110–112.
25. Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или История Крыма / Транскрипция, перевод переложения А. Ильми, составление приложений и пояснения Кемаля Усеинова. Под общей ред. Н.С. Сейтягьяева. Симферополь: РИА «АЯН», ИД «Стилос», 2008. 192 с.
26. Цеева З.А. Отношения Черкесии с Османской империей и с Крымским ханством: военный и социокультурный аспекты (70-е гг. XV в. – XVIII в.): Дис. ... к.и.н. Майкоп, 2004. 225 с.
27. Klein D. Tatar and Ottoman History Writing. The Case of the Nogay Rebellion // Denise Klein (ed.). *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th century)* (=Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 78). Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 125–146.

REFERENCES

1. Abdulghaffar Kyrymi. Umed al-akhbar. Book 2: Translation. Translated from Ottoman by Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleev. General and Scientific Edition, Preface and Comments by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)
2. Avakov P.A., Sen' D.V. Crimean-Russian Relations and the New System of International Treaties (1700–1772). *History of the Crimean Tatars. In 5 volumes. Vol. III. Crimean Khanate of the 15th–18th Centuries*. Editor-in-Chief I.V. Zaitsev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021, pp. 386–403. (In Russian)
3. Avakov P.A. "Azov Project" of Peter the Great: North-Eastern Azov Region in the Foreign and Domestic Policy of Russia in the Late 17th – Early 18th Century. Saint Petersburg: Historical Illustration, 2022. 800 p. (In Russian)
4. Artamonov V.A. Negotiations on the Transfer of the Crimean Khanate to Russian Citizenship under Peter the Great. *Slavs and Their Neighbors*. Moscow, 2011, issue 10, pp. 269–286. (In Russian)
5. Vozgrin V.E. History of the Crimean Tatars: Essays on the Ethnic History of the Indigenous People of Crimea in Four Volumes. 3rd edition. Simferopol: "Tezis" Publishing House, 2013. Vol. I. 872 p. (In Russian)
6. Vozgrin V.E. Political Relations of Charles XII with the Crimean Khans and the Turkish Sultan during the Northern War. *Scandinavian readings of 2008: Ethnographic and Cultural-Historical Aspects: Collection of Articles*. Compiled by T.A. Shrader. Edited by I.B. Gubanov, T.A. Shrader. St. Petersburg, 2010, pp. 97–117. (In Russian)
7. Gribovsky V.V., Sen D.V. The Kuban Sultan Bakhty-Girey: The Phenomenon of Illegitimate Power in the Crimean Khanate of the First Third of the 18th Century. *Turkological Collection 2011–2012: Political and Ethnocultural History of the Turkic Peoples and States*. Editorial Board S.G. Klyashtorny et al. Moscow, 2013, pp. 92–137. (In Russian)
8. Guskov A.G., Kochegarov K.A., Shamin S.M. Russian-Turkish War of 1686–1700. Moscow: LLC "Russkoe slovo – uchebnyk", 2022. 528 p. (In Russian)
9. Dzamikhov K.F. The Battle of Kanzhal in the Context of Kabardino-Crimean Relations in the Late 17th – First Third of the 18th Century. *The Battle of Kanzhal and the Political History of Kabarda in the First Half of the 18th Century: Research and Materials*. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House, 2008, pp. 73–81. (In Russian)
10. Dzamikhov K.F. Adyghe: Milestones in History; Adyghe in Russian Politics in the Caucasus (1550s – Early 1770s); Kabarda and Russia in the Political History of the Caucasus in the 16th–17th Centuries (Research and Materials); Domestic Historiography of the Socio-Economic System of Kabarda in the Past; Instead of a Conclusion. Nalchik: Elbrus Publ., 2008. 816 p. (In Russian)
11. Krylova T.K. Russian-Turkish relations during the Northern War. *Historical notes*. 1941, vol. 10, pp. 250–279. (In Russian)
12. [Lekhno D.]. Devar Sefafaim. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa, 1848, vol. 2, section III, pp. 693–704. (In Russian)
13. [Nogmov Sh.]. History of the Adyghe People, Compiled According to the Legends of the Kabardians by Shora-Bekmurzin-Nogmov. Printed from the Original, Corrected Manuscript and Supplemented with a Preface, Biography of the Author, Notes and Appendices by A. Berger. Tiflis: In the Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1861. 176 p. + V p. (In Russian)
14. Letters of Count P.A. Tolstoy from Turkey to his Brother I.A. Tolstoy. *Russian Archive*. 1864, issue 5–6, columns 473–493. (In Russian)

15. Rakhaev J.Ya. Russian Policy in the North Caucasus in the First Quarter of the 18th Century. Archival and Narrative Sources 1699–1725, Russian–Ottoman and Russian–Persian Treaties of the First Quarter of the 18th Century. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, 2012. 784 p. (In Russian)
16. Sanin O.G. Anti-Sultan Struggle in Crimea at the Beginning of the 18th Century and its Influence on Russian–Crimean Relations. *Materials on the Archeology, History and Ethnography of Taurida*. Simferopol, 1993, issue III, pp. 275–279. (In Russian)
17. Sanin O.G. Relations of Russia and Ukraine with the Crimean Khanate in the First Quarter of the 18th Century. Dissertation for an Academic Degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow, 1996. 454 p. (In Russian)
18. Seyid Muhammad Riza. Seven Planets in the News about the Tatar Kings. Book 2. Translation. Translation from Ottoman by I.R. Gibadullin. Under Scientific Editorship of I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences 2023. 528 p. (In Russian)
19. Sen' D.V. The International Position of the Ottoman Empire and the Evolution of Crimean–Ottoman Relations at the Turn of the 17th–18th Centuries. *News of Universities. North Caucasus Region. Social Sciences*. 2016, no. 3, pp. 54–59. (In Russian)
20. Sen' D.V. The Azov Campaigns and Their Consequences in the History of the Crimean Khanate. The Turn of the 17th–18th Centuries (Based on the Example of the Nogai Kuban). *Nogais: The 21st Century. History. Language. Culture. From the Origins to the Future: Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference* (Cherkessk, October 12–13, 2016). Cherkessk, 2016, pp. 87–92. (In Russian)
21. Sen' D.V. Negotiations on the Transition of the Kuban Nogais to Russian Citizenship (The Turn of the 17th–18th Centuries). *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019, no. 2, pp. 109–119. (In Russian)
22. Sokurov V.N. From the History of Relations between Kabarda and Crimea in the Late 17th – early 18th Centuries. *Collection of Articles on the History of Kabardino-Balkaria*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1976, issue X, pp. 27–40. (In Russian)
23. Smirnov V.D. The Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porte. In 2 volumes. Vol. 1. The Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porte until the Beginning of the 18th Century. Edited by S.F. Oreshkova. Moscow: “Rubezhi-XXI” Publ., 2005. 542 p. (In Russian)
24. Ferrand. Journey from Crimea to Circassia, through the Lands of the Nogai Tatars, in 1709. Adyghe, Balkars and Karachays in the Reports of European Authors of the 13th–19th Centuries. *Compilation, Editing of Translations, Introduction and Introductory Articles to the Texts by V.K. Gardanov*. Nalchik: “Elbrus” Book Publishing House, 1974, pp. 110–112. (In Russian)
25. Halim Giray Sultan. The Rose Bush of the Khans, or the History of Crimea. Transcription and Transcription by A. Ilmi. Compilation of Appendices and Explanations by Kemal Useinov. Under the General Editorship of N.S. Seytyagyaev. Simferopol: “AYAN” Publishing House, “Stilos” Publishing House, 2008. 192 p. (In Russian)
26. Tseeva Z.A. Relations of Circassia with the Ottoman Empire and the Crimean Khanate: Military and Sociocultural Aspects (1470s – 18th Century). Dissertation for an Academic Degree of Candidate of Historical Sciences. Maykop, 2004. 225 p. (In Russian)
27. Klein D. Tatar and Ottoman History Writing. The Case of the Nogay Rebellion. Denise Klein (ed.). *The Crimean Khanate between East and West (15th – 18th Century)* (=Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 78). Wiesbaden: Harrassowitz, 2012, pp. 125–146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Владимирович Сень – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (344006, ул. Б. Садовая, 105/4, Ростов-на-Дону, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5222-4685. E-mail: dsen1974@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy V. Sen' – Dr. Sci. (History), Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (105/4, Sadovaya Str., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5222-4685. E-mail: dsen1974@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 06.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 22.08.2025

Принята к публикации / Accepted 03.09.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.684-693>
EDN: THNWVQ

УДК 930.85

THE IMAGE OF THE GOLDEN HORDE IN (POST)SOVIET
HISTORICAL MEMORY: BETWEEN THE LANGUAGE
OF HOSTILITY AND A SHARED SITE OF MEMORY

D.M. Garaev

*Federal Scientific Center for Psychological
and Interdisciplinary Research (Kazan branch)
Kazan, Russian Federation
danis.garaev@gmail.com*

Abstract. The purpose of this article is to analyze the modern image of the Golden Horde in Russian-language media and journalism in the Russian-speaking post-Soviet space, to identify key discursive frames and their influence on the construction of identities and cultural processes. In Russia today, many actors are challenge this narrative, highlighting cultural hybridity and the Horde's administrative sophistication. In Central Asian republics like Kazakhstan, the Golden Horde is increasingly reclaimed as a source of pride and state legitimacy.

Research materials: The research materials are articles, books and films about the Golden Horde, which were produced in the post-Soviet space (primarily in Russia and Kazakhstan). The article traces representations of the Horde in contemporary media, literature, and the performing arts, revealing a spectrum from exoticized enemy to civilizational partner.

Results and scientific novelty: Through discourse analysis, the study highlights how the memory of the Golden Horde functions as a contested space for negotiating historical trauma, cultural legacy, and aspirations for pluralistic identity. Ultimately, the paper demonstrates that the Golden Horde remains a powerful cultural metaphor – serving simultaneously as a mirror of modern anxieties and a resource for alternative historical imaginaries.

The novelty of the study is that in this article we show for the first time how the image of the Horde is reflected in modern culture not only as a space of competition, but also as a space of interaction and positive rethinking. The relevance of this study lies in the enduring role of historical memory and representations of the past in shaping contemporary cultural processes, as well as in the need for a nuanced understanding of identity formation within the multiethnic and multireligious landscape of post-Soviet Eurasia.

Keywords: Golden Horde, post-Soviet memory, identity, cultural politics, historiography, popular culture, Kazakhstan, Russia, Tatarstan, historical narrative

For citation: Garaev D.M. The image of the Golden Horde in (Post)Soviet historical memory: between the language of hostility and a shared site of memory. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 684–693. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.684-693>

© Garaev D.M., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Financial Support: This work was supported by the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. 0599-2019-0043 “The Problem of Deviant Behavior in the System of Modern Human Studies”).

The image of the Golden Horde – one of the most significant political and cultural formations in the history of Eurasia – continues to play a vital role in contemporary discourses across the Russian-speaking post-Soviet space. The perception and interpretation of the Golden Horde’s legacy today constitute a site for the construction of identities, political narratives, and cultural practices that not only reflect historical memory but also actively shape present-day processes of statehood, interethnic relations, and religious self-identification.

In the post-Soviet context, where questions of national identity and historical memory remain highly sensitive and often contested, the image of the Golden Horde occupies a unique and multifaceted position. For some, it serves as a symbol of historical power, national unity, and cultural richness—particularly within Kazakh, Bashkir, and Tatar discourses. For others, it functions as a source of critical reflection and reinterpretation, posing a challenge to traditional state-centered and religious narratives, as evidenced in Russian liberal intellectual circles.

Equally significant is the role of the contemporary creative industries – film, literature, music, and visual arts – in shaping and popularizing the image of the Golden Horde, thereby adding an additional layer to the understanding and reception of this historical phenomenon.

The aim of this article is to comprehensively analyze the contemporary image of the Golden Horde in the Russian-speaking post-Soviet space, identify key discursive frameworks and their influence on the construction of identities and cultural processes. The article touches on a number of points of view – from Russian liberals to the voices of cultural actors in Kazakhstan and Tatarstan; from the narratives of Russian historians to the positions of representatives of the creative industries.

The relevance of this study lies in the enduring role of historical memory and representations of the past in shaping contemporary cultural conflicts and processes, as well as in the need for a nuanced understanding of identity formation within the multiethnic and multireligious landscape of post-Soviet Eurasia.

Research Methodology and Key Concepts: Historical and Cultural Memory

Historical memory is a socially constructed and collectively shared mode of perceiving, interpreting, and transmitting the past, which plays a crucial role in shaping group and national identities [1]. Jan Assmann distinguishes between two types of memory: communicative memory – a living memory transmitted across three to four generations – and cultural memory – an institutionalized form of memory preserved through symbols, rituals, and monuments, capable of enduring for centuries.

Cultural memory refers to the ways in which societies construct their historical identities through specific images and symbols of the past [17]. *Lieux de mémoire* (memory space) – sites and symbols around which collective memory is formed – often become subjects of contestation and transformation.

Postcolonial discourses examine the legacy of colonialism and imperialism, including processes of marginalization, resistance, and the reinterpretation of history

[18; 2]. In the context of the post-Soviet space, such discourses take on specific characteristics related to the transformation of imperial legacies, the construction of new national identities, and the reactivation of historical narratives [19; 11]. A crucial element is the understanding of memory as a contested space, where various political and cultural forces engage in struggles over the past. [17; 4].

This article employs the method of discourse analysis, which enables the examination of how various actors construct and mobilize the image of the Golden Horde in their texts, public statements, and cultural productions [7; 26]. The use of an interdisciplinary approach—combining history, cultural studies, and sociology—enables a comprehensive understanding of contemporary memory and identity practices in the post-Soviet space.

Reimagining the Golden Horde: Post-Soviet Russian Historiography, Public Discourse, Ideology, and the Arts

The Soviet interpretation of the Golden Horde was shaped within the framework of Marxist-Leninist methodology, which sought to integrate the history of medieval Eurasia into a narrative of class struggle, historical progress, and the “objective laws of societal development.” In the works of historians such as B.D. Grekov and L.V. Cherepnin, the Horde was primarily interpreted as a feudal state exhibiting features of Eastern despotism [9]. The Mongol conquest was portrayed as an external force that disrupted feudal relations in Rus’, but also stimulated the consolidation of the principalities around Moscow. In this sense, the Horde played a “dialectical” role—functioning simultaneously as an obstacle and a catalyst in the historical process [5].

The Marxist interpretation asserted that the Golden Horde, as an “Eastern feudal empire,” was doomed to collapse because it contradicted the objective laws of historical development. Emphasis was placed on the economic and class-based nature of Horde rule, while its religious, cultural, and political specificities were largely ignored.

Following the collapse of the Soviet Union, the image of the Golden Horde in Russian historical consciousness underwent significant transformations. The once-stable negative interpretation of the Horde as a “yoke” gave way to a more diverse and contradictory discourse. Post-Soviet Russia became a site of historical revision, in which the Horde was portrayed variously as a symbol of subjugation, a factor in state formation, a civilizational reference point, and a source of threat. This evolving discourse emerged simultaneously in academic historiography, journalism and popular culture.

At the turn of the 20th and 21st centuries, numerous studies emerged that reevaluated the role of the Golden Horde and moved beyond rigid ideological constraints. In the post-Soviet period, especially among Tatar and Kazakh intellectuals, there has been a return to more balanced and nuanced interpretations.

Western historians Charles Halperin and Adeeb Khalid have also made significant contributions to the deconstruction of the myths surrounding the “Tatar-Mongol yoke.” In his book *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History* (1985), Halperin convincingly demonstrated that Mongol influence was not uniformly negative, as traditionally portrayed in older Russian and Soviet historiography [10]. He characterized the notion of a 250-year-long “yoke” as a historiographical myth, arguing that Rus’ during the period of Mongol

domination was neither entirely isolated nor destroyed. On the contrary, many institutions—including the postal service, tax collection systems, and others—were preserved and developed under the overarching authority of the khans, and Muscovy was able to strengthen itself through cooperation with the Horde.

Khalid, in his study of Soviet Orientalism, notes that Soviet historical narratives often depicted the East—including Mongol rule—through Eurocentric stereotypes, portraying it as a realm of Asian backwardness and despotism [12; 13]. According to Khalid, this framing served to legitimize the Russian-Soviet “modernization project” and reinforced the idea that only integration under Moscow’s leadership could bring the peoples of the former Horde onto the path of progress.

Contemporary historians increasingly emphasize that the Golden Horde was a multi-ethnic state with a complex administrative apparatus, active participation in international trade and a rich cultural life, that is, an integral player in medieval world history, and not an anomalous deviation. As M. Favereau notes, recent scholarship is shifting the image of the Mongols from “barbaric destroyers obsessed with massacre and plunder” to proactive builders of trans-Eurasian connections and facilitators of cross-cultural exchange [8]. However, as the researchers note, within the framework of liberal discourse, Orda still criticized as a symbol of “external” domination or even as a marker of historical trauma—an attitude that aligns with broader debates on multiculturalism and post-imperial narratives [14; 15].

The Horde in Popular Culture and the Arts: Between Epic and Exoticism

In post-Soviet cinema, the image of the Golden Horde is interpreted along a spectrum ranging from a mystical threat to an archaic civilization with its own logic of power and culture. A central example is the film *The Horde* (dir. Andrei Proshkin, 2012) [6], which centers on the journey of Saint Alexius to the court of Khan Janibek in an attempt to heal the Khan’s mother, Taidula. The film constructs a distinctive visual and sonic atmosphere, emphasizing the cultural and ontological otherness of the Horde: The Horde’s characters speak a fictional language, the environment is shrouded in twilight, and the music is dark and ritualistic.

The depiction of the Horde is deliberately grotesque and “Martian” in character – the city appears as an alien, surreal world in which Asian, Middle Eastern, and even African elements are interwoven [6]. The actor who portrayed Alexius remarked that the film metaphorically represents “the Horde that exists in every human being in one way or another,” suggesting that base instincts are ultimately powerless against spiritual values [6]. In this way, *The Horde* (2012) offers an intriguing case in which the Golden Horde is not merely a historical backdrop, but serves as an allegory for internal human and societal struggles [6].

Notably, *The Horde* presents a complex depiction of the Horde’s power structure: on the one hand, it is depicted as despotic, but at the same time as a structured system governed by rules based on tradition. Taidula is not depicted as a caricatured tyrant, but rather as the guardian of a certain sacred order. The image of a woman in power in the Horde contrasts with the patriarchal canon of Muscovite rule, creating a tension between gender and cultural archetypes.

Television and documentary projects also merit attention, as the Horde is often employed as a backdrop for reinforcing the idea of Russia’s “historical mission.” For instance, in the television series *The Rurikids* (Russia-1 Channel) [22], the depiction of the vassalage of the Russian principalities presents the Golden Horde

as an inevitable yet alien stage on the path toward “true statehood.” Such projects continue the narrative of the *yoke* as a historical trauma, whereas the feature film *The Horde* offers a more self-contained, aesthetically autonomous representation that invites interpretation.

In rare cases, contemporary authors attempt to move beyond the binary of “self” and “other.” For example, in the independent Kazakh film *Nomad* (2005, dir. Sergei Bodrov Sr. and Ivan Passer), although the narrative does not directly concern the Golden Horde, the theme of nomadic civilization is used to represent the East not as an enemy, but as a force possessing its own subjectivity [3]. Elements of the Horde’s legacy are integrated into a national narrative of the formation of the Kazakh people. Another important film in this context, also directed by Sergei Bodrov Sr., is *Mongol*, released in 2007. This production, created in collaboration with Kazakhstan and nominated for an Academy Award, presents a biographical account of Genghis Khan (Temujin) with a sympathetic focus on his personal journey. In contrast to earlier, exclusively negative portrayals, *Mongol* depicts the future conqueror as an epic hero – from a difficult childhood in the vast Mongolian steppe to his rise to global renown under the name of Genghis Khan.

Interestingly, alongside big-screen cinema, television has also engaged with this theme, albeit with somewhat different emphases. In 2018, Russia’s Channel One released a 16-episode historical television series titled *The Golden Horde*. This ambitious project blended elements of period drama, melodrama, and court intrigue, set against the backdrop of relations between Rus’ and the Horde in the second half of the 13th century [25]. The plot is fictional: Khan Berke’s diplomatic envoy, the *temnik* Mengu-Timur, arrives in the capital Vladimir to demand another *yasyr* (human tax). But instead, a story of love, jealousy, and political struggle unfolds at the court of Grand Duke Yaroslav, involving, among other things, the khan’s fictional concubine Nargiz and a young Russian prince. Visually, *The Golden Horde* (2018) tries to convey the exoticism of the khan’s court: luxurious costumes, nomadic tents, and scenes with shamans. Some characters from the Horde, such as the khan himself or his entourage, are endowed with traits of “nobility” or charisma.

Of course, Kazakhstan makes a special contribution to the formation of the modern image of the Golden Horde. In particular, in 2019, the 750th anniversary of the symbolic “founding” of the Golden Horde – dated from the Talas Kurultai of 1269 – was widely commemorated, with especially prominent celebrations taking place in Kazakhstan.

During the 2020s, the Kazakh government launched several large-scale initiatives to promote this historical heritage. These included a documentary series titled *The Golden Horde: History of the Khan’s Throne* broadcast on the Mir TV channel, as well as the animation festival *Altyn Orda* [21]. Between 2023 and 2025, Kazakhstan, with the participation of international partners, produced a high-budget television series titled *The Golden Empire*, dedicated to Khan Jochi (the eldest son of Chinggis Khan) and the formation of the Golden Horde [24]. Filmed in picturesque locations across Kazakhstan and involving hundreds of actors and stunt performers, the project was hailed by State Advisor Erlan Karin as a moment when “the time has come to present the grandeur of the nomadic civilization to the world.” [24] The series is expected to be released on global streaming platforms in

2026 and is poised to serve as a kind of Eurasian response to Western epic dramas, offering an Eastern perspective on the history of the Mongol Empire.

This shift marks a significant cultural and ideological turn: whereas in the 19th and 20th centuries the image of the Golden Horde was largely shaped by Russian historiography, today we witness the emergence of an “internal” perspective on the legacy of the Horde-articulated through contemporary media such as film, theater, and popular culture. Thus, post-Soviet cinema reveals two key vectors in the representation of the Horde: (1) exoticization and mythologization; and (2) the search for alternative interpretations.

Literature: From Exoticization to Heroization

In post-Soviet fiction, the image of the Golden Horde is employed as a means of political and cultural reflection. Novelists and playwrights engage with this theme either to rehabilitate the Horde as part of their own historical legacy or to use it as a space for fantasy and myth-making.

At the same time, in the Russian science fiction genre, the Horde often appears as an archetype of a dystopian state. The image of the Golden Horde is being revitalized in genres such as historical fiction and fantasy. Increasingly, works are emerging that seek to depict life within the Horde itself-in its capitals and among its diverse populations-rather than viewing it solely through the lens of the Russo-Mongol conflict.

A notable example is the contemporary historical adventure novel *The Empty Cage* (2024) by Sergey Zatsarinniy [27]. The narrative unfolds in 1333 in Sarai, the capital of the Golden Horde, during the reign of Khan Özbeg-one of the most powerful rulers of the Horde. The author skillfully immerses the reader in the cosmopolitan atmosphere of Sarai, portraying the Volga city as a crossroads of civilizations where Genoese and Venetian merchants, papal legates, Sufi mystics and dervishes, Turkic and Rus’ courtiers intersect. In this depiction, the Horde is not a realm of savagery but a complex state with its own laws and courtly intrigues. *The Empty Cage* is particularly compelling in that it presents the Horde’s capital through the eyes of its own inhabitants, challenging reductive myths.

Going even further in this reimagining is the Tatarstan-based writer Olga Ivanova. In 2022, she published the historical epic *The Great Horde*, a novel covering a wide span from the 14th to the first half of the 15th century [20]. The central figure is Khan Ulugh Muhammad, a key actor in the late Horde and later the founder of the Kazan khanate dynasty [20]. Ivanova offers a detailed portrayal of dynastic conflicts and wars in the Golden Horde, beginning with the power struggle following the death of Khan Tokhtamysh and concluding with the disintegration of the Ulus of Jochi and the rise of the Kazan Khanate [20]. The narrative features historical figures such as Tokhtamysh, his adversary Tamerlane (Amir Timur), the legendary emir Edigu, and the Muscovite prince Vasily II-whose fates intertwine during the period of the “Great Troubles.” [20]. Importantly, Ivanova deliberately centers the narrative on Horde rulers and warriors, tracing a genealogical connection from them to Kazan. The Horde is portrayed not simply as an oppressive force, but as the cradle of a new state.

A major cultural event in Tatarstan was the creation of the original ballet *The Golden Horde*. This two-act ballet, composed by Rezeda Akhiyarova with a libretto by the People’s Poet Renat Kharis, premiered at the Musa Jalil Tatar State Aca-

demio Opera and Ballet Theatre in Kazan in 2013 [16]. Ballet critics praised *The Golden Horde* as a brilliant neoclassical ballet, “sparkling with every facet like a stunning diamond on the map of Russian ballet.” [16]

The plot of the ballet is based on real historical events from the late 14th to early 15th centuries. The libretto introduces a transcendent figure—the spirit of Khan Batu—who serves as a mystical narrative thread connecting different parts of the story [23]. Thematically, the performance emphasizes the tragedy of a great empire’s demise: a period of radiant flourishing gives way to decline, yet memory-embodied in the spirit of the founder, Batu-endures.

Significantly, the ballet’s creation was no coincidence; the theatre leadership had deliberately commissioned a work with strong national relevance [16]. In this way, the stage was employed as a medium for shaping a positive epic about the Golden Horde for the Tatar people. Over time, *The Golden Horde* has become a symbolic cultural brand of Kazan, demonstrating that the image of the Horde can be presented to the public in a heroic, and romanticized mode.

Conclusion. An examination of the various representations of the Golden Horde in post-Soviet popular culture reveals several important conclusions. First and foremost, the image of the Golden Horde has proven to be highly flexible and multifaceted: each era, as well as each cultural or national context, has imbued it with its own meanings. In the 1990s and early 2000s, there was a gradual departure from the exclusively negative stereotype of the “yoke.” New works emerged that sought to view the Horde from within or from an Eastern perspective—such as the film *Mongol* or novels set in Sarai. At the same time, however, the “traditional” line persisted, presenting the Horde as an embodiment of evil.

Secondly, the image of the Golden Horde has become a site of ideological contestation. Within the shared cultural space of the former USSR, different nations and groups are engaged in a struggle for interpretive authority over this past. This has led to a renewed emphasis on the positive dimensions of the Horde’s civilization—its religious tolerance, cultural synthesis, administrative sophistication, and role in ethnogenesis.

REFERENCES

1. Assmann J. *Cultural Memory and Early Civilization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 332 p.
2. Bhabha H.K. *The Location of Culture*. London: Routledge, 1994. 440 p.
3. Bodrov S., Passer I. (dirs.). *Nomad* [film]. Almaty: Kazakhfilm Studio, 2005.
4. Boym S. *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2001.
5. Cherepnin L.V. *The Formation of the Russian Centralized State in the 14th–15th Centuries*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1957. (In Russian)
6. Director Proshkin Called His Film "The Horde" a Work About the Present Day. RIA Novosti, 23 June 2012. URL: <https://ria.ru/20120623/680115687.html> (accessed 28.06.2025). (In Russian)
7. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press, 1993. 272 p.
8. Favreau M. *The Horde: How the Mongols Changed the World*. Boston: Harvard University Press, 2021. 384 p.
9. Grekov B.D. *The Golden Horde and Its Downfall*. Moscow: State Publishing House, 1950. 478 p. (In Russian)

10. Halperin Ch. *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington: Indiana University Press, 1985. 192 p.
11. Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. New York: Columbia University Press, 2012. 320 p.
12. Kemper M. Reviewed Works: *Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia* by Adeeb Khalid; *Devout Societies vs. Impious States? Transmitting Islamic Learning in Russia, Central Asia and China, through the Twentieth Century* by Stéphane Dudoignon; *Islamic Popular Literature in Kazakhstan: An Annotated Bibliography* by Allen J. Frank. *Die Welt des Islams*. New Series, Vol. 49, Issue 2 (2009), pp. 260–266. URL: <https://www.jstor.org/stable/27798307> (accessed 28.06.2025).
13. Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley: University of California Press, 2007. 360 p.
14. Kolstø P. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–15*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 424 p.
15. Laruelle M. *Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines and Political Battlefields*. London: Routledge, 2018. 256 p.
16. Lavrova L. *The Golden Horde of the 21st Century*. *ClassicalMusicNews*, 31 October 2023. URL: <https://www.classicalmusicnews.ru/interview/the-golden-horde-xxi/> (accessed 28.06.2025). (In Russian)
17. Nora P. *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire*. *Representations*. 1989, no. 26, pp. 7–24.
18. Said E.W. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.
19. Suny R.G. *The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States*. Oxford: Oxford University Press, 1993. 588 p.
20. Tarletskaya A. Olga Ivanova: “Sometimes I wrote and cried, I experienced together with the heroes of the Golden Horde”. *Realnoe Vremya*, 22.04.2022. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/248361-olga-ivanova-svedeniy-o-zolotoy-orde-bolshe-chem-o-kazanskom-hanstve> (accessed 28.06.2025). (In Russian)
21. *The Golden Horde: History of the Khan’s Throne*. MIR National Broadcasting Company, Republic of Kazakhstan. YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=xu1f_g1blYs (accessed 28.06.2025). (In Russian)
22. TV Channel “Russia 1”. *The Rurikids* [documentary series]. 2017. URL: <https://www.1tv.ru/doc/pro-istoriyu/ryurikovichi-dokumentalno-igrovoy-film> (accessed 28.06.2025). (In Russian)
23. Ulkyar A. “The Golden Horde” at the Nureyev Festival: On the Ruins of a Ballet Empire. *Realnoe Vremia*, 26.05.2017. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/66354-ulkyar-alieva-delitsya-vpechatleniyami-ot-baleta-zolotaya-orda> (accessed 28.06.2025). (In Russian)
24. Urazalina A. *Kazakhstan Has Completed Filming of a Super-Series about the Golden Horde*. LITER. URL: <https://liter.kz/kazakhstan-zavershil-semki-superseriala-o-zolotoi-orde-1747480485/> (accessed 28.06.2025). (In Russian)
25. Usmanova T. “The director of “The Golden Horde” decided that the Tatars should be of the Mongolian type...”. *Business-gazeta*, 03.09.2016. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/321650> (accessed 28.06.2025). (In Russian)
26. Wodak R., Meyer M. (eds.). *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage, 2009. 200 p.
27. Zatsarinniy S. *The Empty Cage*. Moscow: AST-Astell-SPb, 2024. 352 p. (In Russian)

ОБРАЗ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В (ПОСТ)СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: МЕЖДУ ЯЗЫКОМ ВРАЖДЕБНОСТИ И ОБЩИМ МЕСТОМ ПАМЯТИ

Д.М. Гараев

*Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований (Казанский филиал)*

Казань, Российская Федерация

danis.garaev@gmail.com

Резюме. Цель статьи: проанализировать современный образ Золотой Орды в русскоязычных СМИ и журналистике на русскоязычном постсоветском пространстве, выявить ключевые дискурсивные фреймы и их влияние на формирование идентичностей и культурные процессы.

В современной России многие авторы подвергают сомнению этот нарратив, подчеркивая культурную гибридность и сложную административную систему Золотой Орды. В республиках Центральной Азии, таких как Казахстан, Золотая Орда все чаще воспринимается как источник гордости и государственной легитимности.

Материалы исследования: для исследования использованы статьи, книги и фильмы о Золотой Орде, созданные на постсоветском пространстве (преимущественно в России и Казахстане). В статье прослеживается репрезентация Золотой Орды в современных СМИ, литературе и исполнительском искусстве, раскрывая спектр её образов – от экзотического врага до цивилизационного партнёра.

Результаты и научная новизна: В исследовании посредством дискурсивного анализа показано, как память о Золотой Орде функционирует как спорное пространство для обсуждения исторической травмы, имперского наследия и стремления к плюралистической идентичности. В конечном счёте, в статье показано, что Золотая Орда остаётся мощной культурной метафорой, одновременно отражая современные тревоги и являясь ресурсом для альтернативного исторического воображения.

Новизна исследования заключается в том, что в данной статье мы впервые показываем, как образ Золотой Орды отражается в современной культуре не только как пространство соперничества, но и как пространство взаимодействия и позитивного переосмысления. Актуальность данного исследования заключается в важности исторической памяти и представлений о прошлом в формировании современных культурных процессов, а также в необходимости детального понимания формирования идентичности в многоэтническом и многоконфессиональном ландшафте постсоветской Евразии.

Ключевые слова: Золотая Орда, постсоветская память, идентичность, культурная политика, историография, массовая культура, Казахстан, Россия, Татарстан, исторический нарратив

Для цитирования: Garaev D.M. The image of the Golden Horde in (Post)Soviet historical memory: between the language of hostility and a shared site of memory // Золотоординское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 684–693. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.684-693> EDN: THNWVQ

Финансирование: Публикация подготовлена по государственному заданию Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 0599-2019-0043 «Проблема отклоняющегося поведения в системе современного человековедения».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Данис Махмутович Гараев – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (Казанский филиал) (420039, ул. Исаева, 12, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4176-7761. E-mail: danis.garaev@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Danis M. Garaev – Ph.D. (history), Senior Researcher at the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (Kazan branch) (12, Isaev Str., Kazan 420039, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4176-7761. E-mail: danis.garaev@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 26.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 27.08.2025

Принята к публикации / Accepted 22.09.2025

ХРОНИКА

Краткое сообщение / Brief message

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.694-703>
EDN: TYXBSG

УДК 94(5)+811.512

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО ДИСКУССИОННОГО КЛУБА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»

В 2023–2025 гг.

*А.В. Беляков*¹ ✉, *Д.М. Тимохин*²

¹ ФГБУН Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация

² ФГБУН Институт востоковедения РАН
Москва, Российская Федерация
✉ belafeb@gmail.com

Резюме. Статья посвящена обзору деятельности Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» в 2023–2025 гг. и содержит анализ проводимых им мероприятий. Рассматривается не только тематика выступлений, но и дается краткое содержание докладов и презентаций, которые проходили под эгидой Московского дискуссионного клуба в очном и дистанционном формате. Продолжение работы Московского дискуссионного клуба важно для обмена мнениями, апробации новых открытий в кругу специалистов, активизации совместного сотрудничества в деле популяризации изучения истории Золотой Орды и ее наследия, а также для выстраивания контактов между учеными для будущего проведения совместных научных мероприятий.

Ключевые слова: Ассоциация исследователей Золотой Орды, Московский дискуссионный клуб, научные семинары, презентации изданий, исследовательские практики

Для цитирования: Беляков А.В., Тимохин Д.М. Обзор деятельности Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» в 2023–2025 гг. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 694–703. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.694-703>
EDN: TYXBSG

© Беляков А.В., Тимохин Д.М., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

AN OVERVIEW OF THE ACTIVITIES OF THE MOSCOW
DISCUSSION CLUB OF THE INTERNATIONAL PUBLIC ORGANIZATION
“ASSOCIATION OF GOLDEN HORDE RESEARCHERS” IN 2023–2025

A.V. Belyakov¹✉, D.M. Timokhin²

¹*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

²*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
✉ belafeb@gmail.com*

Abstract. This article is devoted to an overview of the activities of the Moscow Discussion Club of the International Public Organization “Association of Golden Horde Researchers” in 2023–2025 and contains an analysis of its activities. Not only the topics of the speeches are considered, but also a summary is provided of the reports and presentations that took place under the auspices of the Moscow discussion club in face-to-face and remote format. The continuation of the work of the Moscow discussion club is important for exchanging opinions, testing new discoveries among specialists, activating joint cooperation in popularizing the study of the history of the Golden Horde and its heritage, as well as for building contacts between scientists for future joint scientific events.

Keywords: Association of Golden Horde Researchers, Moscow Discussion Club, scientific seminars, presentations of publications, research practices

For citation: Belyakov A.V., Timokhin Dmitriy M. An overview of the activities of the Moscow Discussion Club of the International Public Organization “Association of Golden Horde Researchers” in 2023–2025. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 694–703. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.694-703> (In Russian)

Осенью 2023 г. после летнего перерыва были возобновлены заседания Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды»¹. Состав участников за этот период, помимо постоянных членов клуба, пополнился новыми исследователями, выступившими с докладами по различным аспектам истории Золотой Орды и напрямую связанными с этим сюжетами. В этом обзоре мы освятим те доклады и презентации, которые проводились в рамках Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» с осени 2023 по лето 2025 г. включительно, охарактеризовав каждое из представленных ниже научных мероприятий. Тем самым нам хотелось бы привлечь интерес исследователей к работе этой организации и, возможно, тем самым увидеть новых желающих высту-

¹ О предшествующих мероприятиях Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» подробнее см.: [5, с. 728–734; 6, с. 294 – 298] – А.Б., Д.Т.

пить с докладом или презентацией вышедшей монографии, сборника или коллективной монографии на нашей площадке.

24 ноября 2023 г. с докладом «Крымский набег 1680 г.» выступила к.и.н., н.с. Института Российской истории РАН Мадина Рашидовна Яфарова. В своем выступлении она рассмотрела, как в исторических источниках отображаются детали этого события. Традиционно крымская тематика находит широкий отклик у участников клуба. И на этот раз после доклада разгорелась оживленная дискуссия, а признанный специалист по истории русско-крымских дипломатических отношений к.и.н., с.н.с. Института Российской истории РАН А.В. Виноградов фактически выступил с содокладом.

26 января 2024 г. состоялось новое заседание, где с докладом «Коран Узбека. К истории исламизации Золотой Орды» выступил заместитель директора Государственного музея Востока, в.н.с. ФГБУН Института востоковедения РАН, Руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института Российской истории РАН, д.и.н. Илья Владимирович Зайцев [См.: 8, с. 254–265]. Доклад сопровождался наглядным иллюстративным материалом и был посвящен проблеме происхождения рукописного памятника, известного специалистам как «Коран Узбека». Данный памятник хорошо известен специалистам, но Илье Владимировичу удалось установить новые сведения об обстоятельствах его создания. По мнению исследователя он был изготовлен в скриптории знаменитого Рашида ад-Дина. Смерть визиря сделала безработными ряд профессиональных переписчиков и декораторов. Один из них, похоже, решил приобрести нового покровителя и решил посвятить великолепно выполненную Священную книгу мусульман новому покровителю, который к тому же недавно принял ислам из рук ширванских проповедников.

Очередное заседание состоялось 16 февраля, на нем с докладом «10 замечаний по географии похода и битвы на реке Калке в 1223 году» выступил известный исследователь Андрей Анатольевич Астайкин [см. также: 1, с. 292–306]. Автор попытался свести воедино все известные сведения относительно локализации данного сражения и предоставил слушателям возможность ознакомиться с собственным вариантом определения места битвы, полученным в результате кропотливой работы с источниками. А.А. Астайкин не только выдвинул собственное видение того, где именно произошло данное сражение, но и нанес его на карту, тем самым наглядно продемонстрировал соответствие текстуальных сообщений и географических объектов, связанных с трагедией на Калке 1223 г.

В апреле 2024 г. в рамках работы Московского дискуссионного клуба состоялось сразу два научных мероприятия. 5 апреля с докладом «Наследие Чингис-хана в исторической памяти народов и исторической политике регионов Внутренней Азии: теоретические аспекты исследования» выступил к.и.н., с.н.с. Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, председатель Правления Региональной общественной организации «Совет молодых ученых Республики Бурятия», ответственный секретарь отделения Российского исторического общества в Республике Бурятия Евгений Владимирович Нолев. В рамках выступления автор обратил особое внимание на трансформацию истории формирования монгольской империи и личности Чингиз-хана в устной традиции и преданиях, а также в составе исторической политики современных государств Внутренней Азии. Собравшиеся отметили,

что взгляд на события прошлого через призму современности в ряде случаев позволяет лучше понять психологические причины многих исторических явлений.

Второе выступление состоялось 26 апреля 2024 г. и на нем с докладом «Что в имени тебе моём... «Башкиры», «вогулы», «остяки», «татары», как сословные обозначения, Урал и Зауралье конца XVI–XIX вв.» выступил к.и.н., с.н.с. Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета, председатель Общественного фонда «Южный Урал» Гаяз Хамитович Самигулов. В центре внимания докладчика были конкретные примеры перехода этнонимов в соционимы при анализе сословной структуры Урала и Зауралья в указанный исторический период.

После летнего перерыва была возобновлена работы Московского дискуссионного клуба, которая открылась 25 октября 2024 г. презентацией монографии д.и.н., в.н.с. Института Российской истории РАН Андрея Васильевича Белякова «Касимовский царь и сибирский мирза на рубеже XVI–XVII веков» [3]. Эта работа посвящена биографии сразу двух персонажей эпохи Смуты в России начала XVII в. – казахскому царевичу, а затем касимовскому царю Ураз-Мухаммеду б. Ондану и мирзе Исинею Карамышеву сыну Мусаитову. На примере двух этих человек на страницах исследования были показаны сложные генеалогические и брачные связи восточной знати. Эти герои оказались связаны с Кучумом и его детьми, ногайскими мирзами Юсуповыми, Кутумовыми, Урусовыми, большим сибирским каречей Мухаммедом, Тайбугидами, переводчиками Посольского приказа Устокасимовыми (Стокасимовыми). Без учета этих данных многие события в их жизни до последнего времени оставались малопонятными. Члены дискуссионного клуба приняли самое активное участие в обсуждении. Собравшиеся пришли к общему мнению о том, что при исследовании событий прошлого генеалогия участников тех или иных событий является важным составляющим фактором, без учета которого невозможно понять многие причины в поведении тех или иных лиц.

14 ноября 2024 г. членами клуба была опробована новая форма работы, на базе Воронежского государственного университета было проведено совместное заседание с Воронежским клубом, в рамках которого был проведен семинар «Посольские практики Восточной Степи». С докладами выступили д.и.н., в.н.с. Института Российской истории РАН Андрей Васильевич Беляков («О поиске ранних посольских дорог в Орду», к.и.н., с.н.с. Института Российской истории РАН Александр Вадимович Виноградов («Посольский обычай и русско-крымские отношения»), к.и.н., с.н.с. Института российской истории РАН Максим Владимирович Моисеев («Столовый обряд в постордынских и постчагатайских государствах»). Кроме того собравшими были выслушаны и подробно проанализированы доклады аспирантов и магистров Воронежского университета. Собравшиеся высоко оценили новую форму работу и предложили сделать ее постоянной.

Завершился календарный 2024 г. презентацией монографии к.и.н., с.н.с. Института Российской истории РАН Александра Вадимовича Виноградова «Русско-крымские отношения (1598-1619)» [7], которая состоялась 6 декабря 2024 г. Собравшиеся отметили, что новая книга Александра Вадимовича написана на архивных источниках, большинство из которых впервые введены в научный оборот. Только этот факт заставляет с пристальным вниманием от-

нести к этому исследованию. Автор детально разбирает все механизмы межгосударственных контактов, при этом большое внимание уделяет роли конкретных лиц, которым поручались те или иные внешнеполитические миссии. Кроме того, этот труд в определенной степени показывает как два государства (Крымское ханство и Московское царство) искали выход из сложнейших политических кризисов, разрывавших эти государства в рассматриваемый период.

В начале 2025 г. Московский дискуссионный клуб переехал на новую площадку и его мероприятия стали проводиться в ФГБУН Институт Российской истории РАН – при этом работу по организации видеозаписи докладов и презентаций, а также непосредственно предоставление помещения для научных мероприятий по-прежнему курировал к.и.н., с.н.с. Института Российской истории РАН Салават Зямилович Ахмадуллин. Первым научным мероприятием, осуществленным в 2025 г. в рамках Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» стал доклад к.и.н., с.н.с. Института востоковедения РАН Юлия Ивановича Дробышева на тему «Особенности взаимодействия кочевых и оседлых народов в западной и восточной частях Евразийских степей». Выступление состоялось 31 января и в нем докладчик обратил внимание слушателей на некоторые особенности формирования кочевых политий в домонгольский период и их взаимодействия с оседлыми культурами. Особое внимание Ю.И. Дробышев обратил на тот факт, что, с его точки зрения, в пределах восточной части Дешт-и Кыпчака уже в ранне Средневековье формируются государственные образования кочевников, в то время как в западной его части подобных примеров можно увидеть гораздо меньше.

Следующее мероприятие состоялось 25 февраля 2025 г. и на этот раз представляло собой не научный доклад, а презентацию коллективной монографии «Первый штурм: монгольское вторжение в Европу в 1222–1223 гг. (К 800-летию битвы на Калке)» [11], которая была собрана по итогам прошедшей 23 мая 2023 г. в стенах Института востоковедения РАН Международной научной конференции «Первый штурм: монгольское вторжение в Европу в 1222–1223 гг.» (к 800-летию битвы на Калке). Редколлегию издания на указанном мероприятии представляли к.и.н., с.н.с. Института востоковедения РАН Юлий Иванович Дробышев и независимый исследователь Андрей Анатольевич Астайкин. В презентации приняли участие авторы разделов из состав указанной коллективной монографии не только из Москвы, но и из Казани, Санкт-Петербурга и Воронежа.

Весной 2025 г. в рамках Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» состоялось еще одно научное мероприятие – 11 марта с докладом «Татарское служилое землевладение в Туровском стане Каширского уезда в XVI–XVII вв.: семьи, земли и кладбища» выступил заместитель директора Государственного музея Востока, в.н.с. ФГБУН Института востоковедения РАН, Руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института Российской истории РАН, д.и.н. Илья Владимирович Зайцев. Слушателям был представлен опыт реконструкции кланов служивых татар, получивших из рук московских правителей надель в Каширском уезде в XVI–XVII вв., что нашло свое отражение в письменных источниках. Докладчик досконально про-

анализировал не только сам факт получения подобных земельных наделов, но и изменения состава этих землевладельцев и факторы, повлиявшие на этот процесс. В свою очередь собравшиеся указали исследователю на источники, оказавшиеся вне сферы внимания Ильи Владимировича, которые позволяют уточнить и детализировать сделанные автором наблюдения.

Следует отметить, что в июне 2025 г. большое число участников Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» приняли деятельное участие в работе VIII-го Международного Золотоордынского Форума «*Rax Tatarica: средневековые источники и исторический контекст*» [9], который состоялся 9–11 июня в Казани и Болгаре. Также следует отметить, что в состав Оргкомитета этой конференции вошли заместитель директора Государственного музея Востока, в.н.с. ФГБУН Института востоковедения РАН, Руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института Российской истории РАН, д.и.н. Илья Владимирович Зайцев и д.и.н., в.н.с. Института Российской истории РАН Андрей Васильевич Беляков. В рамках пленарного заседания свой доклад представил на тему «О термине «татарин»/«татары» в русских источниках XV–XVI вв.» к.и.н., с.н.с. Института российской истории РАН Максим Владимирович Моисеев. В нем автор обратил внимание на употребление и семантику понятия «татарин»/«татары» в русских источниках XV–XVI вв.

В первый день работы Форума были представлены еще несколько научных докладов, подготовленных членами Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды». Так, на тему «Описание монгольского завоевания регионов Ирана в сочинении Насир ад-Дина Мунши Кермани» выступил к.и.н., с.н.с. ФГБУН Института востоковедения РАН Дмитрий Михайлович Тимохин. Он обратил внимание слушателей на сравнительно редко используемый для реконструкции событий эпохи монгольского нашествия в пределы Ирана исторический источник, принадлежащий к «локальной историографии» Кермана. Д.М. Тимохин подчеркнул, что сочинения такого рода, безусловно, не содержат сведений относительно завоевания монголами Ирана в целом, однако содержат в себе поистине бесценные сведения о событиях внутри региона, в данном случае Кермана, и подчинении его власти монгольских ханов.

В тот же день с докладом «Историографические фантомы и полу-фантомы – участники битвы на Калке 1223 г.» выступил независимый исследователь Андрей Анатольевич Астайкин [см.: 2, с. 14–18]. Последний отметил наличие в источниках князей, которые не при каких обстоятельствах не могли принимать участия в данном сражении, однако в силу обстоятельств были отнесены средневековыми авторами к числу участников битвы на Калке. Также 9 июня 2025 г. в рамках работы Форума с совместным докладом «Птица как знак власти в Золотой Орде и Московской Руси» выступили д.и.н., в.н.с. Института Российской истории РАН Андрей Васильевич Беляков и независимый исследователь Галина Адильевна Енгальчева [4, с. 405–413]. Исследователи указали на интересные параллели использования образа птицы (в первую очередь хищной) Евразии и сделали некоторые предположения о возможных влияниях ордынской традиции на русскую. В частности ими был подвергнут разбору такой

памятник отечественной сфрагистики, как свинцовая вислая печать великого князя Андрея Александровича с сокольником.

В последующие дни работы Форума с докладами выступили следующие участники Московского дискуссионного клуба. Заместитель директора Государственного музея Востока, в.н.с. ФГБУН Института востоковедения РАН, Руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института Российской истории РАН, д.и.н. Илья Владимирович Зайцев представил доклад «Татарское землевладение в Туровском стане Каширского уезда в XVI–XVII вв.», в котором была представлена окончательная реконструкция татарского землевладения в этом регионе в указанный исторический период. Также следует отметить доклад д.и.н., профессора, заместителя директора Института российской истории РАН Антона Анатольевича Горского на тему «Цесарь-царевич-князь: русская титулатура для ордынской аристократии».

Реконструкции истоков феномена «государева слова и дела» был посвящен доклад «От «добра и лиха» к государеву «слову и делу»: существовала ли на Руси обязанность населения доносить ордынскому царю?» к.юр.н., доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета Анатолия Викторовича Сумина. Относительно существования «монгольской имперской идеи» и представления об этом в немецкой историографии говорил в рамках доклада «Эволюция представлений о причинах возникновения Монгольской империи в западной историографии» к.и.н., с.н.с. Института востоковедения РАН Юлий Иванович Дробышев. Особенности управления монголами покоренными территориями и функционированию этой системы на Руси был посвящён доклад «Принципы монгольского управления покоренными территориями Руси в 40-е годы XIII в.» к.и.н., с.н.с. Института российской истории РАН Светланы Алексеевны Масловой [10, с. 128–135].

Участием в работе VIII-го Международного Золотоордынского Форума «Рах Татарica: средневековые источники и исторический контекст» было решено завершить работу Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» в первой половине 2025 г. За указанный в этой статье отчетный период дискуссионному клубу удалось не только не сбавить количественные показатели работы, но и удалось поддерживать высокий уровень качества представленных докладов и презентаций в сравнении с предыдущим периодом. Также хотелось бы обратить внимание на несколько новых участников, которых удалось привлечь к работе Московского дискуссионного клуба и которые, как нам хотелось бы верить, и в дальнейшем будут принимать деятельное участие в его работе. Кроме того, продолжают выкладываться на сайт культурного центра «ДАР» видеозаписи докладов и презентаций, за что еще раз хотелось бы выразить благодарность Салавату Зямиловичу Ахмадуллину. Количество просмотров этих материалов свидетельствует о том, что живой интерес к работе Московского дискуссионного клуба продолжает проявлять самый широкий круг зрителей, о чем также свидетельствует и тот факт, что за весь отчетный период на доклады и презентации регистрировалось большое количество слушателей не из числа постоянных участников клуба. Надеемся, что и в будущем году Московский дискуссионный клуб будет продолжать свою деятельность столь же интенсивно, объединяя усилия не только

московских специалистов, но и их коллег из других регионов, усиливая взаимодействие и обмен мнениями между ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астайкин А.А. Девять географических заметок о походе и битве на реке Калке 1223 года // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 292–306. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.292-306> EDN: YNFUFW
2. Астайкин А.А. Историографические фантомы – участники битвы на Калке 1223 г. // Золотоордынское наследие: Материалы VIII Международного Золотоордынского Форума «Рах Tatarica: средневековые источники и исторический контекст», Болгар-Казань, 9–11 июня 2025 г. Выпуск 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. С. 14–18.
3. Беляков А.В. Касимовский царь и сибирский мирза на рубеже XVI–XVII веков. М.: Квадрига, 2024. 296 с.
4. Беляков А.В. Птицы как знак власти в Золотой Орде и Московской Руси // Золотоордынское наследие: Материалы VIII Международного Золотоордынского Форума «Рах Tatarica: средневековые источники и исторический контекст», Болгар-Казань, 9–11 июня 2025 г. Выпуск 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. С. 405–413.
5. Беляков А.В., Тимохин Д.М. Обзор деятельности Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 728–734. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.728-734 EDN: GHPXFI
6. Беляков А.В., Тимохин Д.М. Обзор деятельности Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» в 2022–2023 гг. // Золотоордынское наследие. Материалы VII Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России», Казань, 14–16 декабря 2022 г. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. С. 294–298.
7. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения (1598–1619). М.: Весь мир, 2024. 360 с.
8. Зайцев И.В. Коран Узбека: ильханидская рукопись для золотоордынского хана // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. / Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: РАН, 2024. С. 254–265.
9. Золотоордынское наследие: Материалы VIII Международного Золотоордынского Форума «Рах Tatarica: средневековые источники и исторический контекст», Болгар-Казань, 9–11 июня 2025 г. Выпуск 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. 476 с.
10. Маслова С.А. Сборщики ордынских выплат с русских земель по данным ярлыков, выданных русским митрополитам // Золотоордынское наследие: Материалы VIII Международного Золотоордынского Форума «Рах Tatarica: средневековые источники и исторический контекст», Болгар-Казань, 9–11 июня 2025 г. Выпуск 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. С. 128–135.
11. Первый штурм: монгольское вторжение в Европу в 1222–1223 гг. (К 800-летию битвы на Калке): колл. монография / отв. ред. А.Д. Васильев; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2024. 287 с.

REFERENCES

1. Astaykin A.A. Nine geographical notes on the campaign and the battle on the Kalka River in 1223. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 292–306. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.292-306> (In Russian)
2. Astaykin A.A. Historiographical phantoms – participants in the Battle of Kalka in 1223. *Golden Horde Legacy: Materials of the VIII International Golden Horde Forum “Pax Tatarica: Medieval Sources and Historical Context”*, Bolgar–Kazan, June 9–11, 2025. Issue 6. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. pp. 14–18. (In Russian)
3. Belyakov A.V. Kasimov Tsar and Siberian Mirza at the turn of the 16th–17th centuries. Moscow: Quadriga, 2024. 296 p. (In Russian)
4. Belyakov A.V. Birds as a sign of power in the Golden Horde and Moscow Russia. *Golden Horde Legacy: Materials of the VIII International Golden Horde Forum “Pax Tatarica: Medieval Sources and Historical Context”*, Bolgar–Kazan, June 9–11, 2025. Issue 6. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. pp. 405–413. (In Russian)
5. Belyakov A.V., Timokhin D.M. Review of the activities of the Moscow discussion club of the International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 728–734. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-3.728-734> (In Russian)
6. Belyakov A.V., Timokhin D.M. Review of the activities of the Moscow Discussion Club of the International Public Organization "Association of Researchers of the Golden Horde" in 2022–2023. *Golden Horde Legacy: Materials of the VII International Golden Horde Forum “The Civilizational Significance of the Islam Adoption by the Volga Bulgaria and the Golden Horde: Integration Processes in the Medieval History of Russia”*, Kazan, December 14–16, 2022. Issue 5. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023, pp. 294–298. (In Russian)
7. Vinogradov A.V. Russian-Crimean relations (1598-1619). Moscow: The Whole World, 2024. 360 p. (In Russian)
8. Zaitsev I.V. The Koran of Uzbekistan: the Ilkhanid manuscript for the Golden Horde Khan. *Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences / Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: Russian Academy of Sciences, 2024. pp. 254–265. (In Russian)
9. Golden Horde Legacy: Materials of the VIII International Golden Horde Forum “Pax Tatarica: Medieval Sources and Historical Context”, Bolgar–Kazan, June 9–11, 2025. Issue 6. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. 476 p. (In Russian)
10. Maslova S.A. Collectors of Horde payments from Russian lands according to labels issued to Russian metropolitans. *Golden Horde Legacy: Materials of the VIII International Golden Horde Forum “Pax Tatarica: Medieval Sources and Historical Context”*, Bolgar–Kazan, June 9–11, 2025. Issue 6. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. pp. 128–135. (In Russian)
11. The First Assault: the Mongol invasion of Europe in 1222-1223 (On the 800th anniversary of the Battle of Kalka): coll. monograph /ed. by A. D. Vasiliev; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science, 2024. 287 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9093-5269. E-mail: horezm83@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9093-5269. E-mail: horezm83@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 26.06.2025

Поступила после рецензирования / Revised 18.08.2025

Принята к публикации / Accepted 1.09.2025

Краткое сообщение / Brief message

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.704-717>
EDN: WTBMRV

УДК 340.1

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЭВОЛЮЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ ЧИНГИЗ-ХАНА, ТАМЕРЛАНА И ИХ НАСЛЕДНИКОВ»

Р.Ш. Давлетгильдеев ✉, *А.Р. Гарифуллин*

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация*

✉ davletru@gmail.com

Резюме. В настоящей статье представлен обзор Международной научной конференции «Эволюция средневековых государства и права в государственных образованиях Чингиз-хана, Тамерлана и их наследников», прошедшей 23 мая 2025 года в стенах Казанского университета. В обзоре приведено содержание докладов участников конференции.

Материалы исследования: основой для обзора послужили доклады участников Международной научной конференции, представленные учеными из России, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и Азербайджана. Особое внимание уделено архивным документам и средневековым источникам права, таким как ханские ярлыки, своды законов и трактаты по государственному управлению.

Результаты и научная новизна исследования: проведенное исследование позволило выявить ключевые особенности развития государственно-правовых систем средневековой Евразии. Основные положения докладов участников конференции включают: анализ уникального синтеза монгольских, тюркских и исламских правовых традиций в Золотой Орде и империи Тимуридов; изучение механизмов сакрализации власти и административных институтов; рассмотрение чингизидского права как евразийского *ius commune*, объединившего различные регионы под единой системой правовых норм. Особое внимание уделено правовым реформам Касым-хана, роли ханафитского мазхаба в Золотой Орде и особенностям монгольской административной политики в завоеванных регионах. Исследование подтвердило важность использования междисциплинарного подхода при изучении средневековых государственно-правовых систем Евразии. Полученные результаты подчеркнули необходимость дальнейшего изучения средневековых правовых систем в государственных образованиях Чингиз-хана, Тамерлана и их наследников, выявления особенностей их функционирования и развития

Ключевые слова: Золотая Орда, Чингиз-хан, Тамерлан, Сокровенное сказание, Кара таварих, Дастур ал-катиб, ярлыки ханов, монгольская империя, научные концепции и идеи, международная научная конференция

Для цитирования: Давлетгильдеев Р.Ш., Гарифуллин А.Р. Обзор Международной научной конференции «Эволюция средневековых государства и права в государственных образованиях Чингиз-хана, Тамерлана и их наследников» // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 704–717. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.704-717> EDN: WTBMRV

REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“THE EVOLUTION OF MEDIEVAL STATE AND LAW IN THE POLITICAL
ENTITIES OF CHINGGIS KHAN, TIMUR, AND THEIR SUCCESSORS”

R.Sh. Davletgildev ✉, A.R. Garifullin

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russian Federation

✉ davletru@gmail.com

Abstract. This article provides a comprehensive review of the International Scientific Conference, “The Evolution of Medieval State and Law in the Political Entities of Chinggis Khan, Timur, and Their Successors”, held on 23 May 2025, at Kazan University. The conference brought together scholars from Russia, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Azerbaijan to examine the legal and administrative systems of medieval Eurasian empires, particularly the Golden Horde and the Timurid Empire. Key themes included the synthesis of Mongol, Turkic, and Islamic legal traditions, the sacralization of power, and the role of Chinggisid law as a unifying *ius commune* across diverse regions. The participants’ presentations highlighted groundbreaking research based on archival documents and medieval legal sources, such as yarligs (decrees), law codes, and administrative treatises. Notable discussions focused on the legal reforms of Khan Kasym, the influence of the Hanafi school in the Golden Horde, and the Mongol Empire’s administrative strategies in conquered territories. The conference underscored the importance of interdisciplinary approaches in studying medieval Eurasian legal systems, combining historical, juridical, and philological methodologies. The findings emphasized the need for further research into the legal frameworks of Chinggisid and Timurid states, particularly their adaptability and regional variations. The event also facilitated scholarly dialogue on under-researched sources like *The Secret History of the Mongols*, *Kara Tavarikh*, and *Dastur al-Katib*. This review synthesizes the conference’s key contributions, offering insights into the evolution of statehood and law in medieval Eurasia.

Keywords: Golden Horde, Genghis Khan, Tamerlane, Secret Content, Kara Tavarikh, Dastur al-Katib, Khans' Labels, Mongol Empire, Scientific Principles and Ideas, International Scientific Conference

For citation: Davletgildev R.Sh., Garifullin A.R. Review of the International Scientific Conference “The Evolution of Medieval State and Law in the Political Entities of Chinggis Khan, Timur, and Their Successors”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 704–717. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.704-717> (In Russian)

23 мая 2025 года на Юридическом факультете Казанского (Приволжского) федерального университета состоялась Международная научная конференция «Эволюция средневековых государства и права в государственных образованиях Чингиз-хана, Тамерлана и их наследников». Мероприятие было организовано совместно кафедрой теории и истории государства и права Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета и Институтом государства и права Академии наук Республики Узбекистан.

В конференции приняли участие известные исследователи в области юридических и исторических наук Российской Федерации и зарубежных стран: Республики Узбекистан, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Азербайджанской Республики.

С приветственным словом к участникам конференции обратился Тимерхан Булатович Алишев, проректор по внешним связям Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры педагогики высшей школы Института психологии и образования, кандидат социологических наук. Он отметил, что Казанский университет традиционно выступает площадкой для обсуждения значимых для научных исследований вопросов. При этом такие вопросы посвящены не только актуальным научным аспектам, но историческому прошлому. Тимерхан Булатович выразил особую благодарность за участие в конференции представителей российских и зарубежных образовательных учреждений.

В своем приветственном слове декан Юридического факультета КФУ, профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор РАН Лилия Талгатовна Бакулина подчеркнула значимость проведения таких мероприятий для научной деятельности Юридического факультета. Лилия Талгатовна отметила, что конференция является важным событием не только для кафедры теории и истории государства и права, но и для всего Юридического факультета КФУ, включая его отраслевые кафедры. Она также обратила внимание на то, что изучение истории государства и права России и зарубежных стран выступает ключевым направлением работы факультета. Эта традиция уходит корнями в эпоху Императорского Казанского университета. Такие выдающиеся ученые, как А.Г. Станиславский, Н.П. Загоскин заложили основы казанской историко-правовой школы, получившей признание как в России, так и за ее пределами.

Особое внимание Л.Т. Бакулина уделила важности работы с архивными материалами. Она отметила, что благодаря кропотливой работе студентов и исследователей в архивах Казанского университета и других учреждений были обнаружены и представлены научному сообществу труды таких ученых, как Д.И. Мейер, Г.И. Солнцев, ранее малоизвестные в академических кругах. Лилия Талгатовна выразила надежду, что обсуждение исторических вопросов на конференции вдохновит студентов и коллег на новые исследования, которые впоследствии станут вкладом казанской юридической школы в развитие историографической составляющей юридической науки.

С приветственным словом к участникам конференции обратился доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического факультета КФУ Рустем Шамилович Давлетгильдеев. Он передал приветствия и пожелания плодотворной работы от ди-

ректора Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, д.ю.н., профессора, академика АН Республики Узбекистан Акмала Холматовича Саидова, а также соорганизатора конференции – директора Института государства и права АН Республики Узбекистан, доктора юридических наук, профессора Муроджона Турсунбоевича Тургунова.

В своем выступлении Рустем Шамилевич отметил, что Юридический факультет Казанского (Приволжского) федерального университета проводит активные исследования историко-правовой науки, в том числе и в контексте евразийского пространства. Эта традиция восходит к основанию Казанского университета. Он особо подчеркнул вклад Сергея Михайловича Шпилевского – известного историка права и археолога, чьи работы, посвященные истории Волжской Булгарии, не теряют своей актуальности по сей день. Р.Ш. Давлетгильдеев также отметил, что участие в конференции ученых-юристов, историков и социологов позволяет комплексно подойти к изучению эволюции государственности и права в средневековых государственных образованиях. Такой междисциплинарный подход обеспечивает более глубокое понимание исторических процессов, включая их правовые, социальные и культурные аспекты.

Рустем Шамилевич обратил особое внимание на наличие духовной и правовой преемственности между империями Чингиз-хана, Тамерлана и их наследников. По его словам, такая преемственность проявляется не только в имперском наследии, но и в сохранении общих элементов государственного устройства и правовых норм. Изучение исторических процессов имеет особое значение для современных государств, в частности, России и государств Центральной Азии и Закавказья, которые поддерживают тесное и всестороннее сотрудничество. Он отметил, что международная научная конференция способствует укреплению этих связей, позволяет переосмыслить историческое наследие и его влияние на современность.

Р.Ш. Давлетгильдеев выразил надежду на то, что ежегодное проведение международных научных конференций, посвященных указанной тематике, поспособствует обсуждению новых идей и подходов к изучению права и государственности в средневековых империях. В заключение Рустем Шамилевич пожелал участникам конференции плодотворной работы и выразил уверенность, что обсуждения помогут раскрыть новые аспекты историко-правовых исследований. Он подчеркнул, что конференция не только углубляет научное знание, но и укрепляет международное сотрудничество.

С докладом на тему «Представления о модели власти в Золотой Орде» выступил Ильнур Мидхатович Миргалеев, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

В своем выступлении он отметил, что модель власти в Золотой Орде формировалась под влиянием монгольских, тюркских, китайских и мусульманских традиций. Несмотря на отсутствие единого документа, подобного «Сиясет-наме» Низам аль-Мулька, анализ существующих источников позволяет раскрыть содержание системы власти в Золотой Орде и оценить степень ее сакрализации. Ильнур Мидхатович обратил внимание на то, что, согласно «Сокровенному сказанию», власть Чингиз-хана основывалась на военных успехах, упорядочении системы управления и существовавшей вертикали

подчинения. Важными элементами этой системы были культ «природного хана», идея безоговорочной верности (нукерство) и институт побратимства, укреплявший связи внутри элиты.

Особое внимание в докладе было уделено сакральному статусу власти Чингизидов, сохранявшемуся даже после исламизации Золотой Орды. И.М. Миргалеев привел в пример сочинение Утемиша-хаджи «Кара таварих», в котором описывается как эмир Идегей, обладая реальной властью, отказался от ханского титула, сославшись на принцип «белой кости». Этот эпизод, по мнению Ильнура Мидхатовича, наглядно иллюстрирует устойчивость традиционных представлений о легитимности власти в постчингизидских государствах.

И.М. Миргалеев также проанализировал взаимодействие монгольских правовых традиций с нормами шариата. На конкретных примерах он показал, что эти системы не противоречили друг другу, а скорее дополнялись, формируя уникальный золотоордынский правовой синтез. Особенно интересным в этом контексте стал приведенный докладчиком анализ ярлыков золотоордынских ханов, в которых прослеживается сочетание традиционных монгольских и исламских юридических традиций.

В заключительной части своего выступления Ильнур Мидхатович отметил, что золотоордынская модель власти оказала значительное влияние на политическую культуру постордынских государств.

Доклад И.М. Миргалеева вызвал оживленную дискуссию среди участников конференции, в ходе которой они обсудили ключевые вопросы государственности Золотой Орды в сравнительно-историческом и юридическом контекстах. Обсуждение было посвящено выявлению критериев государственности для кочевых политических образований. Дискуссия развернулась относительно территориальной определенности и стабильности управления как обязательных признаках государственности. Участники высказали предложение по использованию термина «степные государства» для более точного описания подобных политических образований во избежание упрощенного противопоставления кочевого и оседлого укладов. Сложившаяся дискуссия наглядно продемонстрировала необходимость междисциплинарного подхода при изучении подобных исторических феноменов.

В ходе развернувшейся дискуссии свою точку зрения относительно природы власти в Золотой Орде высказал доктор исторических наук Дамир Мавляевевич Исаков. Он отметил, что вопреки распространенному мнению Золотая Орда не была тоталитарным государством, а представляла собой уникальный пример средневековой аристократической демократии.

Дамир Мавляевевич подчеркнул, что власть в Золотой Орде не была абсолютной – хан правил не единолично, а опираясь на согласие влиятельной знати. Важной особенностью ордынской системы власти, по его словам, был сложный военно-политический баланс. Крупные аристократические кланы, располагавшие собственными военными формированиями, фактически контролировали принятие важнейших государственных решений, что создавало уникальную и эффективную систему сдержек и противовесов. Принятие стратегических решений, объявление крупных военных походов ханом становились возможными только после одобрения аристократической верхушки.

Боле того, Д.М. Исхаков обратил внимание на то, что сложившаяся политическая система включала также механизмы смещения неугодных ханов.

Дамир Мавляевеич особо отметил, что ордынские политические институты были унаследованы Казанским ханством, где сохранились выборность ханов через курултай, активное участие знати в управлении государством, сочетание кочевых и оседлых традиций и другие ключевые элементы политической системы чингизидских государств.

В заключение Д.М. Исхаков подчеркнул, что золотоордынская система управления представляет собой не архаичный пережиток, а сложную политическую модель, требующую дальнейшего изучения.

С докладом на тему «Ценностно-правовые аспекты актуализации наследия Амира Темура в современной государственной политике Узбекистана» выступила доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета Фирюза Абдурашидовна Мухитдинова. В своем выступлении она подчеркнула особую актуальность изучения историко-правового наследия Тимуридов для формирования современной государственной политики Узбекистана. Фирюза Абдурашидовна обратила внимание на глубокую интеграцию наследия Амира Темура в современную узбекскую государственность и его влияние на формирование национальной идеологии Узбекистана. Более того, она отметила преемственность принципов «справедливости» и «сильного государства», заложенных Амиром Тимуром, которые сегодня находят отражение в политике «Третьего Ренессанса», провозглашенной Президентом Узбекистана Шавкатом Миромоновичем Мирзиёевым.

В выступлении также отмечалась особая важность международного сотрудничества в изучении средневековой государственности. Фирюза Абдурашидовна выразила готовность к совместным проектам, включающим подготовку монографии по истории государства и права средневековой Евразии, и предложила организовать последующие научные встречи для изучения указанного вопроса.

Завершая доклад, Фирюза Абдурашидовна поблагодарила организаторов конференции и подчеркнула важность развития плодотворного сотрудничества между научными учреждениями Узбекистана и Татарстана в изучении общего историко-правового наследия.

Заведующая сектором перспективных исследований Центра научных и прикладных исследований Архива Президента Республики Казахстан, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор Шолпан Валерьевна Тлепина представила доклад на тему «Праведный путь» хана Касыма – правовое наследие казахских чингизидов». В своем выступлении она подчеркнула значимость изучения историко-правовых традиций кочевых народов для понимания особенностей современных правовых систем Центральной Азии. Шолпан Валерьевна отметила, что в независимых государствах возрастает интерес к историческому прошлому, который способствует осмыслению пройденного пути и определению места нации в современном мире. Она также обратила внимание на то, что вопросы развития кочевых обществ остаются недостаточно изученными в юридической антропологии и историко-правовых исследованиях, несмотря на их научную значимость.

Ш.В. Тлепина уделила особое внимание анализу свода законов «Қасым ханның қасқа жолы» («Праведный путь хана Касыма»), представлявшего собой уникальный синтез чингизидских правовых традиций, норм обычного права кочевников и элементов шариата. В своем докладе она подробно рассмотрела структуру этого источника права. Шолпан Валерьевна подчеркнула, что указанный свод законов отражает принципы азиатского и, возможно, евразийского правосознания, которое имеет определенные отличия от западного.

В своем докладе Шолпан Валерьевна уделила особое внимание реформам Касым-хана, которые позволили обновить и систематизировать нормы адата (обычного права), несмотря на давление бухарских миссионеров, навязывавших шариат. Реформы позволили сохранить степные традиции и укрепить взаимоотношения между государством и обществом. Ш. В. Тлепина подчеркнула, что реформы Касым-хана способствовали укреплению государственности и формированию правовой идентичности Казахского ханства.

В заключительной части своего выступления Шолпан Валерьевна отметила важность изучения историко-правового наследия кочевых государств для современной юридической науки и указала на необходимость дальнейших исследований евразийских правовых систем для нового осмысления формирования правовых традиций.

После доклада Ш.В. Тлепиной развернулась дискуссия о правовом статусе кочевников в Казахском ханстве. Участники конференции обсудили степень самостоятельности и независимости кочевников и пришли к выводу о том, что свобода их передвижения по степным территориям не требовала специальных разрешений и рассматривалась как базовое правомочие. Дискуссанты также отметили, что указанная правовая традиция, не имевшая формального закрепления, стала впоследствии одним из ключевых факторов формирования казахской государственности.

С докладом на тему «Особенности монгольского управления завоеванными регионами Ирана: на примере Кермана и Систана в 1220–1240-ые гг.» выступил старший научный сотрудник ФГБУН Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук Дмитрий Михайлович Тимохин. В своем выступлении он представил сравнительный анализ двух различных моделей монгольского управления в завоеванных регионах Ирана. На примере Систана и Кермана Дмитрий Михайлович продемонстрировал, как географическое положение, военно-политические факторы, экономический потенциал и политическая гибкость местных правителей определили выбор методов управления на завоеванных территориях.

Особое значение в докладе было уделено локальным историческим источникам, таким как «Тарих-и Систан» и сочинения керманских историков. Д.М. Тимохин отметил, что эти источники позволили восстановить исторические сведения об особенностях административного управления в указанных регионах. Он показал, что в Систане сложилась «разрушительная» модель управления: после первых набегов в 1222–1223 годах регион на два десятилетия оказался в состоянии анархии. Местные кланы боролись за власть и игнорировали монгольский сюзеренитет. Напротив, Керман благодаря стратегии местного правителя Хаджеба Барака избежал военного разорения. Казнив хорезмийского принца Гияс ад-Дина Пир-Шаха в 1227 году и отпра-

вив его голову Угэдэю в знак лояльности, Хаджеб Барак получил ярлык, почетные регалии и право управления регионом на 15 лет.

В ходе дискуссии участники конференции подняли вопросы о природе монгольской административной политики. Особое внимание было уделено вопросам джучидских доходов с Тебриза, которые, по мнению Дмитрия Михайловича, появились лишь после 1250-х годов. Д.М. Тимохин подчеркнул исключительность «Керманской модели», которая объясняется незаурядной политической гибкостью Хаджеб Барака, занявшего промонгольскую позицию и не допустившего военного разорения региона. Дмитрий Михайлович также отметил, что в Кермане до 1240-х годов сохранялась беспрецедентная автономия местной династии.

С докладом на тему «Статус дефтердара в государствах Чингизидов (по данным из «Дастур ал-катиб» Мухаммеда ибн Хиндушаха Нахчивани)» выступил доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии КФУ, кандидат исторических наук, доцент Ленар Фиргатович Абзалов. Доклад был подготовлен совместно с заведующим кафедрой истории Татарстана, антропологии и этнографии, кандидатом исторических наук, доцентом Маратом Салаватовичем Гатиным и ведущим научным сотрудником отдела рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Татарстан, кандидатом исторических наук Ильясом Альфредовичем Мустакимовым.

Основываясь на анализе персидского источника XIV века «Дастур ал-катиб» Мухаммеда ибн Хиндушаха Нахчивани, авторы проследили эволюцию должности дефтердара от домонгольской эпохи до позднего средневековья. Ленар Фиргатович уделил особое внимание функционированию данного института в Золотой Орде и других улусах Монгольской империи.

Л.Ф. Абзалов отметил, что должность дефтердара, восходящая к персидской административной системе, была адаптирована монгольскими завоевателями. Он подчеркнул, что еще до окончательной институционализации должности дефтердара, осуществленной Шамс ад-Дином Джувеини, монголы активно использовали различные формы ведения учетной документации, включая «коко дефтер» и специализированные военные реестры.

Авторы доклада привели подробный анализ положения дефтердара в бюрократической иерархии. Дефтердар являлся сотрудником «Великого Дивана», ответственным за ведение налоговых реестров, финансовую отчетность и ревизионную деятельность. Указанная должность требовала специальных бухгалтерских и иных знаний.

Ленар Фиргатович обратил внимание на то, что институт дефтердаров претерпел некоторые изменения в постордынских государствах и, в частности, в Крымском ханстве, в котором он утвердился либо благодаря золотоордынскому наследию, либо в результате османского влияния. Более того, Л.Ф. Абзалов отметил, что термин «дефтер» проник в русскую приказную систему, использовался вплоть до XVI века.

В заключительной части доклада Ленар Фиргатович подчеркнул, что сохранение и распространение должности дефтердара в государствах-наследниках объяснялось объективной потребностью в эффективном финансовом управлении. Несмотря на многочисленные упоминания в различных источниках, всестороннее изучение функций и статуса дефтердара остается акту-

альной исследовательской задачей, требующей комплексного изучения разнообразной исторической документации.

Доклад Натальи Николаевны Зипунниковой, заведующей кафедрой истории государства и права, директора музея истории Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидата юридических наук, доцента, был посвящен диссертационному кейсу И.И. Крыльцова в Свердловском юридическом институте (1943 г.) по теме: «Управление и суд в Туркестане – колонии царской России». В своем выступлении Наталья Николаевна осветила не только содержание этой новаторской работы, но и сложный жизненный путь И.И. Крыльцова.

Н.Н. Зипунникова отметила, что Иван Иванович Крыльцов – выпускник Императорского Казанского университета, ученик известного правоведа Николая Павловича Загоскина, прошел профессиональный путь в Казанском, Иркутском, Туркестанском университетах, Ленинградском и Свердловском юридических институтах, участвовал в формировании правовой системы советских республик Средней Азии. Такой путь демонстрирует сложные процессы движения преподавателей и ученых-правоведов в первой половине XX века. Наталья Николаевна подчеркнула, что защита И.И. Крыльцовым докторской диссертации в 65-летнем возрасте, в разгар Великой Отечественной войны, сама по себе стала научным подвигом.

Н.Н. Зипунникова также привела характеристику структуры и основных положений диссертации И.И. Крыльцова, в которой он провел сравнительный анализ политических систем Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств. Наталья Николаевна отметила, что в диссертационном исследовании было уделено особое внимание анализу развития судебных систем указанных регионов, которые отражали своеобразное разделение между судами кади, основанными на шариате, и судами биев, руководствовавшимися нормами обычного права.

Н.Н. Зипунникова обратила внимание на то, что защита диссертации И.И. Крыльцовым в 1943 году, проходившая при участии видных ученых того времени (Я.М. Магазинера, С.В. Юшкова и других), стала первой докторской защитой в истории Свердловского юридического института. Она также указала, что современные исследователи высоко оценивают работу И.И. Крыльцова, отмечают глубину исследования и подчеркивают его значительный вклад в изучение среднеазиатских правовых систем.

В заключительной части своего выступления Наталья Николаевна отметила особую значимость подобных исследований для понимания преемственности в развитии юридической науки, указав, что сохранение и осмысление научного наследия остается актуальной задачей современной юриспруденции.

С докладом на тему «Кыргызский этнополитический опыт в составе империй Чингиз-хана и Тамерлана» выступила заведующая кафедрой международных отношений и права Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева, кандидат исторических наук, профессор Айнура Эшимбековна Джоробекова.

В начале своего выступления Айнур Эшимбековна с тревогой отметила, что современная кыргызская историография столкнулась с волной непрофессиональных исследований. Это связано с тем, что представители различных профессий (журналисты, инженеры) взялись за переосмысление национальной истории, искажая тем самым факты в угоду политическим интересам. При этом работы таких исследователей нередко получают государственную поддержку и даже включаются в школьную программу. Сложившаяся ситуация вызывает ответную реакцию со стороны профессионального исторического сообщества.

Основная часть доклада А.Э. Джоробековой была посвящена сложному периоду интеграции кыргызских племен в состав империй Чингиз-хана и Тамерлана. Айнур Эшимбековна подробно охарактеризовала политическую ситуацию на кыргызских землях накануне монгольского завоевания. Она отметила, что к началу XIII века некогда могущественное государство енисейских кыргызов распалось на несколько самостоятельных княжеств, управляемых правителями с титулами «инал» и «тегин». Указанные территории, охватывавшие Саяно-Алтайское нагорье и Прибайкалье, отличались сложным этническим составом.

Особое внимание в докладе А.Э. Джоробековой было уделено противоречивым аспектам монгольского завоевания. Айнур Эшимбековна представила различные точки зрения, сложившиеся по поводу этого процесса. Среди них были выделены концепция добровольного подчинения, а также теория длительного сопротивления. А.Э. Джоробекова отметила, что анализ «Сокровенного сказания» Рашида ад-Дина Хамадани и китайских летописей позволяет понять, что подчинение кыргызов носило вынужденный характер и стало результатом военного давления со стороны войск Джучи, старшего сына Чингиз-хана. Она также подчеркнула, что последующие восстания кыргызов против монгольского владычества, вызванные отказом участвовать в западном походе монголов, привели к ликвидации традиционных политических институтов, но не сломили дух сопротивления – западные кыргызы Алтая продолжали борьбу с владычеством в последующие десятилетия.

В заключительной части своего выступления Айнур Эшимбековна отметила, что несмотря на потерю государственности, кыргызам удалось сохранить этническую идентичность. Важную роль в этом сыграло переселение части кыргызов на Тянь-Шань в период правления Хайду-хана (внука Угэдэя), где впоследствии сформировалось ядро современного кыргызского народа. Она также подчеркнула, что процесс этногенеза кыргызов в основном завершился еще до монгольского завоевания, что позволило им сохранить культурную самобытность даже в условиях владычества.

Доклад на тему «Чингизидское» право – *ius commune* средневековой Европы представил Роман Юлианович Почекаев, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент. Основная идея доклада заключалась в том, что чингизидское право, понимаемое как система норм, восходящая к законодательству Монгольской империи – Великой Ясе,

ханским ярлыкам и актам наместников, – стало объединяющим фактором для евразийских пространств, подобно тому, как римское право служило общей основой для европейских правовых систем. При этом если римское право преимущественно регулировало частноправовые отношения, то чингизидское сосредоточилось на публично-правовой сфере.

Формирование общего правового пространства стало возможным благодаря монгольским завоеваниям XIII века, создавшим единую систему, где право Чингиз-хана и его преемников обладало высшей юридической силой. Роман Юлианович отметил, что ключевыми элементами чингизидского права, обеспечившими его универсальность, стали монополия потомков Чингиз-хана на верховную власть, ханские ярлыки, имевшие единую структуру и признававшиеся в разных государствах, а также Великая Яса, которая, несмотря на отсутствие ее формального закрепления, долгое время оставалась идеологическим и правовым ориентиром. Более того, Р.Ю. Почекаев обратил внимание на то, что административные и налоговые институты, такие как система баскаков, доруг, есаулов, а также общие принципы налогообложения (тамга, капчур), облегчали взаимодействие между государствами-преемниками Монгольской империи.

Роман Юлианович отметил, что влияние чингизидского права распространялось и за пределы чингизидских государств. Так, интеграция ордынских институтов в систему права Руси прослеживается вплоть до XVIII века. А в Иране при Сефевидях использовались многие монгольские административные термины. И, наконец, в Китае эпохи Цин и в империи Великих Моголов также использовались многие правовые и управленческие институты Чингизидов.

Долговечность чингизидского права, по мнению Р.Ю. Почекаева, свидетельствует о его эффективности и адаптивности. Роман Юлианович также подчеркнул, что чингизидское право сыграло ключевую роль в интеграции евразийского пространства и обеспечило возможность использования единого юридического языка для различных народов и государств.

После доклада Романа Юлиановича среди участников конференции развернулась оживленная дискуссия. Они пришли к выводу, что многие институты чингизидского законодательства были заимствованы из практики Тюркского каганата. При этом их уникальность в системе Монгольской империи не ставилась под сомнение. Дискуссия продемонстрировала, что рассмотрение чингизидского права в качестве евразийского *ius commune* открывает широкие перспективы для научных исследований.

С докладом на тему «Мусульманское право в Золотой Орде (А была ли альтернатива ханафитскому мазхабу?)» выступила старший научный сотрудник института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук Эльмира Гаделзяновна Сайфетдинова. Ее доклад был посвящен роли мусульманского права в Золотой Орде, а также вопросу о возможном существовании альтернатив ханафитскому мазхабу.

Эльмира Гаделзяновна отметила, что средневековые арабские источники свидетельствуют о сложной динамике исламизации золотоордынского общества. Она обратила внимание на то, что наряду с ханафитским мазхабом в

Золотой Орде получил распространение шафиитский мазхаб, а также другие учения. Указанный факт, по словам Э.Г. Сайфетдиновой, подтверждается также свидетельствами путешественников, в частности Ибн Баттуты, который отмечал наличие в Сарае соборных мечетей, включая шафиитскую. Особое внимание в докладе было уделено вопросу о религиозной политике ханов Золотой Орды. Так, если хан Берке не отдавал явного предпочтения конкретному мазхабу, то при хане Узбеке ханафитский мазхаб приобрел приоритетное положение.

Эльмира Гадельянова посвятила часть доклада анализу культурных связей между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом. Она отметила, что египетские источники подробно описывают процесс исламизации при хане Берке, который характеризовался строительством мечетей и школ, а также дипломатическим обменом религиозными реликвиями.

В ходе дискуссии, развернувшейся после выступления, участники конференции обсудили вопрос о религиозной толерантности в Золотой Орде. Первоначально государство демонстрировало равное отношение ко всем религиям, что соответствовало Ясе Чингиз-хана. Однако после принятия ислама при хане Узбеке нормы мусульманского права приобрели приоритетное, хотя и не исключительное значение.

Доклад на тему «О тюркской природе цивилизационных основ Золотой Орды» представил профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, доцент Рафаиль Газизуллович Валиев.

Рафаиль Газизуллович привел комплексный анализ государственно-правовых традиций Улуса Джучи, подчеркнув, что несмотря на полиэтничность империи, именно такие тюркские элементы как язык, правовые традиции и военная организация сыграли системообразующую роль. Он также отметил, что во взаимодействии центральной ханской власти с местными тюркскими элитами прослеживалась значительная автономия последних в их возможностях управления регионами. Существование такой системы обеспечивалось благодаря институту баскачества и системе ярлыков, которые, с одной стороны закрепляли верховенство ханской власти, а с другой – признавали местные правовые обычаи.

В своем докладе Рафаиль Газизуллович предложил рассматривать Золотую Орду в качестве связующего звена между ранними кочевыми империями и поздними тюрко-мусульманскими государствами. Он также уделит внимание взаимодействию ключевых элементов сложившейся правовой системы: монгольской имперской традиции (Великой Ясы), тюркских обычаев и постепенно усиливавшегося мусульманского права.

По словам Р.Г. Валиева, особую значимость имеет вопрос преемственности золотоордынских институтов в постордынских государствах и особенно в тюркских ханствах. Тюркская правовая традиция стала основой для последующего развития права в этих государствах.

С докладом на тему «Конвергенция правовых систем империи Джучидов и Новгорода Великого в XIII–XIV вв.» выступила соискатель кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального

университета Земфира Рустамовна Набиева. В докладе был представлен анализ взаимодействия двух различных правовых систем в период золотоордынского господства.

Земфира Рустамовна уделила внимание трансформациям в сфере новгородской налоговой политики и практики взимания торговых пошлин под заметным влиянием золотоордынской системы налогообложения. Более того, в докладе были рассмотрены особенности договорных отношений между Новгородом Великим и золотоордынскими властями. В пример был приведен договор 1371 года, который устанавливал особый правовой режим для купцов и регламентировал торговые отношения. В этом контексте наибольший интерес, по мнению З.Р. Набиевой, представлял принцип «наибольшего благоприятствования», применявшийся в отношении восточных торговцев и свидетельствующий о наличии сложных механизмов международно-правового регулирования.

Земфира Рустамовна отметила, что анализ правовых механизмов позволяет прийти к выводу о тесной связи существовавших правовых систем. Она подчеркнула, что в указанный период складывалась уникальная система правового плюрализма, при которой нормы новгородского, московского и золотоордынского права находились в постоянном взаимодействии. Особую роль в регулировании указанных отношений играли ханские ярлыки.

Доклад на тему «Эволюция политической власти и культурного наследия в Тимуридском государстве при Султানে Хусейне Байкаре» представил ассистент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета Асхат Рамилович Гарифуллин. В выступлении он привел анализ уникального феномена Тимуридского государства при Султানে Хусейне Байкаре (1470–1506), при котором политическая раздробленность стало основой культурного расцвета – «Тимуридского ренессанса».

Асхат Рамилович отметил, что традиционная тюрко-монгольская система раздела власти между наследниками и институт союргалов (налоговых иммунитетов) позволили создать уникальную децентрализованную модель управления. Сложившаяся система хоть и ослабила политическую централизацию власти, но одновременно с этим активировала культурную конкуренцию между региональными центрами.

А.Р. Гарифуллин обратил особое внимание на культурную политику, проводимую Султаном Хусейном Байкарой. Он подчеркнул, что правитель использовал поддержку искусства и литературы в качестве инструмента легитимации власти. Благодаря такой политике город Герат стал культурной столицей, сочетавшей тюркские и персидские традиции.

В завершение доклада Асхат Рамилович отметил особое историческое значение Тимуридского наследия, которое оказало существенное влияние на последующее развитие региона.

В заключительном слове Рустем Шамилович Давлетгильдеев выразил слова благодарности участникам конференции. Он выразил надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество, расширение формата конференции и обсуждение новых вопросов в будущем.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рустем Шамилович Давлетгильдеев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-5412-9027, ResearcherID: L-2972-2015. E-mail: davletru@gmail.com

Асхат Рамилович Гарифуллин – ассистент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0008-5478-8960, ResearcherID: LWH-8099-2024. E-mail: askhatg@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rustem Sh. Davletgildeev – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlevskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-5412-9027, ResearcherID: L-2972-2015. E-mail: davletru@gmail.com

Askhat R. Garifullin – Assistant of the Department of Theory and History of State and Law, Kazan (Volga Region) Federal University (18, Kremlevskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation); ORCID: 0009-0008-5478-8960, ResearcherID: LWH-8099-2024. E-mail: askhatg@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 25.06.2025

Поступила после рецензирования / Revised 19.08.2025

Принята к публикации / Accepted 08.09.2025

Краткое сообщение / Brief message

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.718-722>

УДК 929

EDN: VCAXWN

ИЗ ПЛЕЯДЫ ИСТОРИКОВ КАЗАНСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ – К ЮБИЛЕЮ РАФАЭЛЯ И РАМИЛЯ ВАЛЕЕВЫХ

Л.С. Гиниятуллина

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

lusiia@mail.ru

Резюме. Цель исследования: в статье кратко характеризуется жизненный путь и достижения казанских историков Рафаэля Миргасимовича и Рамиля Миргасимовича Валеевых. В статье предложена периодизация их научной биографии и выделены генеральные направления научных интересов.

Результаты исследования: после окончания Казанского государственного университета Рафаэль Миргасимович и Рамиль Миргасимович Валеевы нашли свои пути профессионального развития и определили границы исследовательской деятельности. Рафаэль Миргасимович стал специалистом в области истории России периода средневековья, исследования, сохранения, реставрации и консервации памятников культурного наследия, их популяризации и управления. Рамиль Миргасимович сфокусировался на изучении истории российского университетского и академического востоковедения до 1920-х гг., фокусом к пониманию феноменов которого выступают ученые Казанского университета.

Ключевые слова: Рафаэль Миргасимович Валеев, Рамиль Миргасимович Валеев, история, востоковедение, Казанский университет, археология, нумизматика, биография

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Из плеяды историков казанского востоковедения – к юбилею Рафаэля и Рамиля Валеевых // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 718–722. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.718-722>
EDN: VCAXWN

FROM THE PLEIAD OF HISTORIANS OF KAZAN ORIENTAL STUDIES –
FOR THE ANNIVERSARY OF RAFAEL AND RAMIL VALEEVS

L.S. Giniyatullina

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lusia@mail.ru*

Abstract. Research Objective: The article provides a concise overview of the life and scholarly achievements of the Kazan historians Rafael Mirgasimovich and Ramil Mirgasimovich Valeevs. It proposes a periodization of their academic careers and identifies the main directions of their research interests.

Research results: After graduating from Kazan State University, Rafael and Ramil Valeevs each pursued their own paths of professional development and defined the boundaries of their scholarly activities. Rafael Mirgasimovich specialized in the history of medieval Russia, as well as in the study, preservation, restoration, and conservation of cultural heritage monuments, their popularization, and management. Ramil Mirgasimovich focused on the history of Russian university and academic Oriental studies up to the 1920s, with particular attention to the scholars of Kazan University as a key to understanding this phenomenon.

Keywords: Rafael Mirgasimovich Valeev, Ramil Mirgasimovich Valeev, history, oriental studies, Kazan University, archeology, numismatics, biography

For citation: Giniyatullina L.S. From the Pleiad of Historians of Kazan Oriental Studies – for the anniversary of Rafael and Ramil Valeevs. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 718–722. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.718-722> (In Russian)

Валеев Рафаэль Миргасимович – историк, археолог, нумизмат, культуролог, специалист в сфере сохранения культурного наследия, педагог, общественный деятель, доктор исторических наук, профессор кафедры Всемирного культурного наследия Казанского (Приволжского) федерального университета. Он является специалистом в области истории России периода средневековья, исследования, сохранения, реставрации и консервации памятников культурного наследия, их популяризации и управления. Р.М. Валеев является автором около 20 монографий, более 120 научных и учебно-методических работ, исторических очерков в отечественных и зарубежных изданиях.

Научное становление Рафаэля Миргасимовича происходило под руководством выдающегося археолога, академика А.Х. Халикова, благодаря которому он начинает заниматься изучением торговли и денежно-весовых систем Волжской Булгарии IX – начала XIII вв., что вырастает в кандидатскую диссертацию (1990 г.). В процессе археологических раскопок им были выявлены уникальные особенности товарно-денежных отношений раннего средневековья в данном геокультурном регионе, определены виды и типы денежно-весовых систем Волжской Булгарии и Золотой Орды в IX – начале XV веков. Значимым вкладом Рафаэля Валеева является определение этапов в развитии торговли Поволжья и Приуралья. Первый этап начинается с X в. и связан с

Слева направо: Рамиль и Рафаэль Валеевы
From left to right: Ramil and Rafael Valeevs

уровнем развития пришедших сюда болгарских племен и местного населения. В этот период важное значение приобретает внешняя торговля Западной, Северной Европы и Руси со странами Востока, в которой в X в. главную посредническую роль начинает играть Болгария. В обращении были куфические дирхемы, идет чеканка болгарских монет и подражаний. Второй период наступает в XI в., для которого было выявлено характерное использование обрезков монет, кусочков серебра, меха, раковины “каури”, бусы, шиферные пряслицы и другие товаро-деньги для мелкого платежа, а распространение весов и весовых гирек, унифицированного торгового инструментария свидетельствует о переходе к весовому приему серебра. Получают распространение караханидские дирхемы и западноевропейские денарии. Три основных направления болгарской внешней торговли с Востоком, Русью и древнерусскими княжествами, Прибалтикой, Северной и Западной Европой получают свое дальнейшее развитие. Третий этап развития торговли и товарно-денежных отношений наступает со второй половины XIII в. и длится до денежной реформы 1310–1311 гг. Среднее Поволжье становится экономическим и политическим центром Золотой Орды. Это лучше всего подтверждается чеканом джучидских монет и большим количеством кладов. Четвертый этап развития торговли (1310–1400 гг.) характеризуется высоким уровнем ее развития, особенно в первой половине XIV в. и ее стагнацией в 60–70-е гг. XIV в. в связи с чумой и смутой. Монеты XIII в. исчезают из обращения, их заменяют данги Сарая, Сарая ал-Махруса. В 1360–1370 гг. в Золотой Орде происходит дробление на территориальные “нумизматические провинции”. В результате реформы хана Токтамыша по единой весовой норме начинают чеканить все города Золотой Орды. Активно развивается внешняя торговля с Египтом и Индией. Пятый период начинается денежной реформой 1399–

1400 гг. Происходит обособление Поволжья и Приуралья, происходит возвышение Казани и смена денежного обращения.

Таким образом Рафаэлем Валеевым было выявлено, что внутренняя торговля по ассортименту и охвату им социальных слоев преобладала над внешней. Для Волжской Булгарии важное значение имела внешняя посредническая торговля с восточными странами и Русью, а для Золотой Орды – с Египтом, Индией, Китаем, другими монгольскими государствами.

Рафаэль Миргасимович Валеев внес огромный вклад в развитие нового направления – в организацию экспедиций в районы и города Республики Татарстан и регионы Российской Федерации по обследованию, фотофиксации, паспортизации и исследованию памятников истории и культуры Татарстана и татарского народа, итогом работы которых было выявлено более 7 тысячи памятников археологии, истории, архитектуры и градостроительства, искусства. Под его научным руководством изданы серии монографий и каталогов: «Республика Татарстан: памятники истории и культуры татарского народа», «Археологические памятники Татарстана», «Республика Татарстан: памятники истории и культуры. Православные памятники XVI–нач. XX вв.»; завершена подготовка и издан Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Под его научным руководством завершена реставрация Большого минарета в Булгарах – памятника архитектуры XIII–XIV вв., легендарной падающей башни Сююмбике, комплекса памятников Казанского Кремля, Университета, проводились работы на Булгарском, Билярском, Иске-Казанском, Елабужском музеях-заповедниках, Свяжском архитектурно-художественном ансамбле XVI–XIX вв., завершается работа по подготовке Свода памятников татарского народа в Российской Федерации.

В сотрудничестве с Академией наук РТ Рафаэль Валеев проводит экспертизу объектов истории и культуры России и Ближнего зарубежья по международным стандартам ЮНЕСКО.

Благодаря трудам Рафаэля Миргасимовича была создана научная школа по проблемам историко-культурного наследия Татарстана и татарского народа, исследования и мониторинга памятников археологии, истории и культуры в Татарстане и регионах Российской Федерации.

Рафаэль Миргасимович является заслуженным работником культуры Республики Татарстан (1996), заслуженным деятелем науки Республики Татарстан (2019), лауреатом Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники (2020). Награждён государственными и ведомственными медалями, нагрудными знаками РФ и РТ, почетной грамотой Министерства культуры РФ, благодарностями мэра г. Казани, Раиса РТ и Президента РФ.

Брат Рафаэля Валеева – Рамиль Миргасимович Валеев сосредоточился на историографии и источниковедении Востока, истории российского востоковедения, архивном востоковедении. В 1986 г. под руководством Н.А. Мазитовой прошла успешная защита кандидатской диссертации «Востоковед Г.С. Саблуков и проблемы исламоведения (50–80-е гг. XIX в.)». В 1999 г. прошла защита докторской диссертации «Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.)». Он автор монографий «Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед», «Казанское востоковедение: исто-

ки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.)», а также работы (в том числе в кооперации с коллегами), подготовленные в русле научно-педагогической работы в Институте востоковедения КГУ: «Санскритология и буддология в Казанском университете (Очерк истории казанского университетского востоковедения в XIX в.)»; «Российско-китайские отношения в XVII – первой половине XIX вв.: Очерки отечественной историографии (40–80-е гг. XX в.)» (соавтор В.С. Горшунов) и др. Сегодня объектом изучения Р.М. Валеева сделался выдающийся историк-монголовед О.М. Ковалевский. Параллельно шла разработка архивного наследия Н.Ф. Катанова, А. Казем-Бека и В.П. Васильева.

Рамиль Миргасимович Валеев был удостоен ведомственными и государственными наградами. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации и Заслуженный деятель науки РТ. В 2005 г. его деятельность была отмечена Благодарственным письмом Президента РТ, в 2008 г. – Благодарственным письмом Кабинета Министров РТ, и в 2016 г. медалью Республики Татарстан «За доблестный труд». В 2017 г. получил «Медаль Н.Ф. Катанова» (Республики Хакасия).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus Author ID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus Author ID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 13.06.2025

Поступила после рецензирования / Revised 18.08.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its publications. Any use of the material of this publication (publishing online, reprinting, republishing, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Цилиндрический надмогильный памятник. XIV в. Мрамор. Феодосийский музей древностей. Фото М.А. Усеинова

On the cover: A cylindrical tombstone. 14th century. Marble. Feodosia Museum of Antiquities. Photo by M.A. Useinov

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2025. Т. 13, №3

GOLDEN HORDE REVIEW. 2025, vol. 13, no. 3

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in the Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 29.09.2025 г. Дата выхода в свет 07.10.2025 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Печ. л. 15,25 Тираж 200 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>